

**РОССИЯ,
ПОЛЬША,
ГЕРМАНИЯ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ
ПОЛИТИКЕ:**

исторический опыт
взаимодействия
и императивы
сотрудничества

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

РОССИЯ,
ПОЛЬША,
ГЕРМАНИЯ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ
ПОЛИТИКЕ:
исторический опыт
взаимодействия
и императивы
сотрудничества

МОСКВА
2012

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)
Р76

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Редколлегия:

Б.В. Носов (отв. редактор),
К.А. Кочегаров, Л.П. Марней

Составитель: *Б.В. Носов*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В.Н. Захаров,
кандидат исторических наук О.С. Кашианова

Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества / сост. Б.В. Носов. — М.: Институт славяноведения РАН, 2012. — 344 с.

ISBN 978-5-7576-0258-5

В сборнике представлены статьи по материалам одноименной международной научной конференции (Казань, 28–30 сентября 2010 г.). В центре внимания авторов взаимодействие в процессе исторического развития народов Германии, Польши и России, особенности их социально-политического устройства и их место в европейском культурном пространстве, роль России, Польши и Германии в европейской и мировой политике и дипломатии Нового и Новейшего времени, включая события рубежа XX–XXI вв. Рассмотрены процессы трансформации социально-политического строя и геополитической конфигурации в Центральной и Восточной Европе, в частности, роль воссоединения Германии. Особое место уделено взаимодействию исторической науки и общества, соотношению мифологизированной исторической памяти с историческим сознанием, взаимному влиянию исторической науки и интерпретации научных данных в публицистике и СМИ.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-7576-0258-5

© Институт славяноведения РАН, 2012
© Комиссия историков России и Польши, 2012
© Коллектив авторов, текст, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
<i>Альмут Буес (Варшава — Берлин)</i> Ягеллоны между Московским государством и Германской империей.....	15
<i>М.П.Беляев (Москва)</i> Речь Посполитая и Вестфальский мир	28
<i>К.А.Кочегаров (Москва)</i> Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684—1689 гг.	45
<i>Л.И.Ивонина (Смоленск)</i> Балтийская и польская политика прусского короля Фридриха Вильгельма I и Петра Великого в период от Утрехта до Ништадта (1714—1721 гг.).....	89
<i>Войцех Кригзайзен (Варшава)</i> Тарногородская конфедерация (1715—1717 гг.): проявление внутреннего кризиса шляхетской Речи Посполитой или результат конфликта в отношениях России с Саксонией?.....	101
<i>Ю.Е.Ивонин (Смоленск)</i> Прусская политика по отношению к России во время войны за Австрийское наследство	116
<i>Р.Р.Юсупов (Казань)</i> Планы русско-польского союза в ходе русско-турецкой войны 1787—1792 гг.	131
<i>Хайнц Духхардт (Майнц)</i> Политика в светском салоне: Генрих фон Штейн в Санкт-Петербурге в 1812 г. и формирование европейской политики России.....	141

❖ <i>Б.В. Носов (Москва)</i>	
Германский и польский вопросы на Венском конгрессе (к дискуссии о реставрации «старого порядка» в рамках европейской системы государств).....	147
<i>Л.П. Марней (Москва)</i>	
Замысел таможенного союза: новые принципы торговой политики России, Пруссии и Царства Польского в первой трети XIX в.	168
<i>Г.В. Рокина (Йошкар-Ола)</i>	
К истории одного панславистского издания в Польше в 1840-е гг.	185
<i>С.М. Фалькович (Москва)</i>	
Первый Интернационал о значении «польского вопроса» для Польши, Германии, России и европейской международной политики.....	194
<i>Геральд Коль (Вена)</i>	
Знания в области русского права и его изучение в немецком правоведении XIX в.	208
<i>И.И. Шарифжанов (Казань)</i>	
Исторические связи Казани с Польшей и Германией (XIX — начало XX вв.).....	244
<i>О.М. Гильмутдинова (Казань)</i>	
Роль немецких ученых в развитии ветеринарной науки и образования в России: К.М. Гольцман и К.Г. Боль в Казанском ветеринарном институте в 1876—1959 гг. ...	255
<i>А.А. Сальникова (Казань)</i>	
Немецкая weihnachtsbaumschmuck на русской новогодней елке: к проблеме культурного взаимодействия.....	265
<i>Т.Ф. Хайдаров (Казань)</i>	
История и политика в дискуссии польских и немецких ученых 1919—1939 гг. о средневековой истории Гданьска (Данцига)	277
<i>Р.Н. Чаньшиев (Казань)</i>	
Германия в судьбе американского дипломата Джорджа Фроста Кеннана	285

<i>С.В. Погорельская (Бонн — Москва)</i>	
Роль политических организаций депортированных немцев во взаимоотношениях Польши и Федеративной Республики Германии.....	293
<i>О.В. Синицын (Казань)</i>	
К вопросу о соотношении тенденций во взаимоотношениях в области культуры СССР и Польши в послевоенное десятилетие (1944—1960 гг.)	308
<i>С.А. Ульянов (Казань)</i>	
Проблемы взаимодействия субъектов социального развития в новейшей философии Франции и Германии в конце XX в.	316
<i>С.Э. Шуклая (Казань)</i>	
Польско–российское культурное пространство в конце XX — начале XXI вв.	327
Сведения об авторах.....	336

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлены статьи по материалам одноименной международной научной конференции (Казань, 28—30 сентября 2010 г.), организованной Российской академией наук, Комиссией историков России и Польши, Институтом славяноведения РАН, Казанским (Приволжским) федеральным университетом, Германским историческим институтом в Москве. Конференция проводилась при финансовом содействии Фонда имени Фридриха Эберта.

В программе было заявлено более 50 докладов, которые заслушаны на двух пленарных заседаниях и в ходе работы 6 секций. В заключение конференции состоялся Круглый стол на тему: «Толерантность и межконфессиональные взаимоотношения в эпоху глобализации и перспективы модернизации». На конференции с докладами выступили представители зарубежных стран: Австрии, Белоруссии, Германии, Литвы, Польши. Среди докладчиков были представлены и региональные научные центры России: Волгоград, Иваново, Москва, Чебоксары, Череповец. Наибольшее представительство среди докладчиков имела Казань. Подготовка и проведение конференции освещались средствами массовой информации.

Открытие конференции и первое ее пленарное заседание состоялись 28 сентября в историческом Актовом зале Казанского университета. Этот зал был свидетелем важнейших событий в двухсотлетней истории университета. С приветствием выступил проректор университета профессор *Д.К. Курганцев*. Он говорил о значении столицы республики Татарстан и Казанского университета в развитии международных связей и научного сотрудничества, подчеркнул роль науки и международной научной кооперации в процессах общественной модернизации. По поручению Президента и правительства Республики Татарстан с приветствием выступил начальник отдела высшего, среднего профессионального образования и науки Кабинета министров — *Б.М. Ягудин*.

Обращаясь к участникам конференции, директор Германского исторического института в Москве профессор *Николаус Катцер*, в частности, указал на значение совместных исследований и открытой международной научной дискуссии по проблемам взаимоотношений и роли в международной политике Германии, Польши и России. Развитие всестороннего международного научного сотрудничества позволит, по его словам, преодолеть многие негативные стереотипы и предубеждения. Он также особо подчеркнул важность следования принципам объективности и ответственности в исторических исследованиях. Представитель Фонда им. Фридриха Эберта *Мария Унрау* отметила в своем выступлении, что в современном мире все более возрастает влияние науки на общественно-политические процессы, на формы политической активности различных общественных групп, на общественное сознание. В этой связи Фонд им. Фридриха Эберта как выразитель воззрений социал-демократии и проводник социал-демократических ценностей выступает за всестороннее развитие взаимодействия науки и общества, во всем многообразии его институциональных и организационных форм. Примером этого может стать и нынешняя конференция.

Многогранным связям исторической науки и общества был посвящен ряд докладов на первом пленарном заседании, в частности доклад *И.И. Шарифжанова (Казань)*. Эта тема была продолжена в докладах *Г.Ф. Волковой и О.В. Рисположенской (Казань)*, а также *В.Г. Дица (Казань)*, посвященных истории, традициям и сегодняшней деятельности национальных организаций поляков и российских немцев в Республике Татарстан. В центре внимания докладчиков были вопросы сохранения и развития национальной и культурной самобытности, вопросы о характере и формах связей с исторической родиной. В частности *В.Г. Диц* выдвинул вызвавшие в ходе дальнейшей работы конференции острую дискуссию тезисы об особой этнической природе русских немцев и о роли в ее формировании словенной обособленности (замкнутости) немецких колонистов XVIII—XIX веков в России. Однако все докладчики и участники дискуссии отмечали, что общей и весьма существенной чертой в деятельности национально-культурных организаций в Татарстане является координация и совместная работа различного рода национальных объединений. В ней принимают активное

участие не только поляки или российские немцы, но также русские, татары, украинцы и другие национальные организации. Они объединяют свои усилия во имя сохранения и развития собственной национальной и культурной идентичности, с одной стороны, и развития межнационального сотрудничества — с другой.

Центральной проблемой конференции стала роль России, Польши и Германии в европейской и мировой политике и дипломатии Нового и Новейшего времени, включая процессы и события рубежа XX и XXI веков. Этой тематике были посвящены большинство докладов на пленарных заседаниях и две из шести секций на конференции. Количество заслушанных на конференции докладов и многообразие затронутых в них проблем позволяет сгруппировать их по проблемно-хронологическому признаку.

Первый период относится к эпохе на заре раннего Нового времени (XVI и XVII века). С докладами выступили *Альмут Буэс (Берлин — Варшава)*; *М.П. Беляев и К.А. Кочегаров (Москва)*. К этой группе принадлежал и доклад *Иеронима Грала (Варшава)*. Внимание докладчиков было сосредоточено на формировании системы государств и региональных международных политических связей в Центрально-Восточной и Восточной Европе. Авторы исследовали влияние на этот процесс сословного статуса, прав и привилегий общественных и этнических элит, проанализировали взаимоотношения земель и провинций с верховной властью. Они уделили также внимание процессам конфессионализации на востоке Европы. Центральным пунктом обсуждения и дискуссии стало взаимное влияние России, Польши и Германии на процесс социально-политического развития, в частности на заимствование норм германского права на востоке Европы, на применение опыта становления учреждений государственного управления, военного ведомства и дипломатической службы. Была также поставлена проблема взаимного распространения информации политического характера, расширения представлений и развития научных знаний народов друг о друге. Особое место занимал вопрос о политических контактах Казанского ханства с Литвой в XVI веке.

Второй период относится к эпохе XVIII в., когда Россия, Польша (Речь Посполитая) становятся, наряду с Германией (Старой империей), основообразующими элементами европейской политики,

а в Речи Посполитой устанавливается система ограниченного суверенитета и протектората великих держав. Этому периоду были посвящены доклады *Войцеха Кризжайзена (Варшава)*, *ЛИ Ивониной (Смоленск)*, *Ю.Е. Ивонина (Смоленск)*, *Р.Р. Юсупова (Казань)*, *Рамуне Шмигельските-Стукене (Вильнюс)*.

В центре внимания докладчиков находилась политика России в отношении германских государств и европейского статуса Священной Римской империи германской нации в период возрастания политического могущества Петербурга, а также система политического доминирования великих держав в Речи Посполитой, приведшая в итоге к разделам Польши. В ходе дискуссии активно обсуждался вопрос об особенностях «Раздела Польши» как исторического явления, о типологии политики «разделов» в истории Европы, о допустимости универсальной интерпретации «Разделов Польши» применительно к польской истории и истории международных отношений XIX и XX веков.

Третий период охватывает время от эпохи наполеоновских войн и до конца Первой мировой войны. Истории XIX века были посвящены доклады *Хайнца Духхардта (Майнц)*; *Б.В. Носова (Москва)*, *Л.И. Марней (Москва)*, *С.М. Фалькович (Москва)*, *Геральда Коля (Вена)*. Этот период характеризуется небывалым ранее развитием исторического процесса вширь, усложнением социальной структуры и функций ее отдельных элементов, тенденций и факторов общественного и политического развития. В исторической науке это время гигантского расширения источниковой базы, время становления классической историографии. Выступая в дискуссии, профессор Х. Духхардт отметил, что, принимая во внимание разнообразие тематики, трудно определить для названного периода круг основополагающих проблем. Поэтому в дальнейшем, по его мнению, было бы целесообразно ограничить хронологические и тематические рамки подобных конференций. Исходя из этого, не характеризуя доклады в целом, сосредоточим внимание только на докладах профессора Хайнца Духхардта и профессора Геральда Коля. Первый доклад «Политика в Салоне: Генрих фон Штейн в Санкт-Петербурге в 1812 г. и формирование европейской политики России», был посвящен взаимодействию политических элит России и Пруссии в период Отечественной войны 1812 г. Само такое взаимодействие не было новым явлением. Однако в рассматриваемый период и в исключительных обстоятель-

ствах, когда официальный Берлин и Петербург оказались в противостоявших друг другу военных лагерях, взаимодействие прусских оппозиционеров с правительственными сферами и правящими верхами России и элитами русского общества стало весьма показательным и существенным явлением. Второй доклад «Изучение русского права в немецком правоведении XIX века» был, казалось бы, также посвящен довольно частному вопросу. Однако, как показал доклад и развернувшаяся дискуссия, восприятие в германском правоведении русского права отразило весьма существенные процессы политического развития России, тенденции правового оформления эволюции государственного устройства и институтов власти и управления Российской империи, продемонстрировало взаимодействие правоведческих школ в России и в Германии. Такое восприятие позволило охарактеризовать некоторые существенные черты правового кризиса в России в период Революции 1917 г.

Разумеется, главное внимание на конференции было уделено истории взаимоотношений России, Польши и Германии в XX и в начале XXI веков. Этот круг проблем рассматривался как на пленарных заседаниях, так и во всех шести секциях конференции. Здесь, наряду с хронологическим принципом построения работы, был применен проблемно-тематический принцип, согласно которому были сформированы секции. Специально для обсуждения проблем истории современности была сформирована секция «Европа на пороге XXI века». Заседания секции состоялись 29 сентября, во второй день работы конференции. Тогда были заслушаны 6 докладов, посвященных трем важнейшим проблемам. Первая проблема касалась объединения Германии в XX веке и восстановления германского единства (доклады *Т.Л. Лабутинной (Москва)*, *Б.В. Петелина (Череповец)*). Докладчики сконцентрировали внимание на международных факторах этого объединения. В частности, Т.Л. Лабутина поставила вопрос о роли в восстановлении германского единства не только США, СССР и НАТО, но и других европейских стран, прежде всего Англии и Франции. Она также проанализировала позицию по вопросу воссоединения Германии ее восточных соседей Польши и Чехословакии. Докладчик обосновала вывод, что объединение Германии в 1990 году послужило мощным стимулом к распаду советского блока и крушению СССР. Б.В. Петелин остановился на правовых вопросах достижения германского

единства, отметив, что ликвидация суверенитета ГДР послужила одним из оснований современной доктрины первенства международного права по отношению к суверенным правам государств. Вторая проблема касалась отношений Германии Польши и России на современном этапе (доклады *Р.В. Пеньковцева (Казань)*, *Р.Н. Имангалиева (Казань)*). Речь в них шла о роли США в Европе после окончания холодной войны, о позиции Германии, Польши и России по отношению к «анти-террористической коалиции», а также о германо-польских отношениях в свете расширения Европейского Союза на Восток. Третья проблема касалась Балканского кризиса и политики Германии и России в Юго-Восточной Европе после распада Югославии. Здесь главное внимание было уделено истории поиска компромисса между принципами национального самоопределения и территориальной целостности государств. Докладчики отмечали, что ситуация на Балканах может представлять опасность для Европы в целом, поскольку создает прецедент ревизии международного права. И если в рамках Европейского союза такая угроза все же маловероятна, то для регионов, непосредственно примыкающих к Европе, ее нельзя исключить.

В свете затронутых проблем особо хотелось бы остановиться на заслушанном на пленарном заседании докладе *С.В. Погорельской (Бонн — Москва)* «"Исторический спор" между воссоединившейся Германией и Польшей: причины, характер, возможные последствия для Европейского Союза». Докладчик отметила, что с окончанием эпохи конфронтации и военных блоков возобновились споры об историческом прошлом. Треугольник Россия—Польша—Германия не является в этом смысле исключением. Однако, если разногласия между Польшей и Россией, которые больше не являются союзниками, не грозят опасными последствиями, то «фундаментальные различия между Польшей и Германией в осмыслении одних и тех же исторических фактов» таят опасность для строительства единой Европы. С.В. Погорельская подчеркнула, что существует реальная угроза использования исторических представлений в качестве инструментов политических манипуляций. В ходе дискуссии по докладу были поставлены вопросы о сущности понятия «Единая Европа». Означает ли это понятие единое государство? Или оно воплощает деголевский принцип «Европы отечеств»? Профессор Кригзайзен как член Комиссии историков Польши и Гер-

мании указал на специфику субъектов такой манипуляции, подчеркнул, что ученые обеих стран находят взаимопонимание по всем сложным вопросам. Со стороны представителей Комиссии историков России и Польши было также высказано мнение, что предрассудки и мифологизированные суждения будут преодолены со временем по мере развития и расширения международного сотрудничества в Европе.

Вопрос о мифологизированной исторической памяти и о ее соотношении с историческим сознанием, особенно в сфере художественной культуры обсуждался и на секции «Процессы взаимодействия культур и цивилизаций» в связи с докладом *С.Э. Шуклая (Казань)* «Российско-польское культурное пространство в последней четверти XX — первом десятилетии XXI вв.: *czarno — białe*». Докладчик, в частности, поставила вопрос о причинах возрастающего взаимного интереса к современным культурным ценностям России и Польши, о роли государственных институтов в развитии культурного обмена между двумя странами и в определении его основных направлений и тенденций. Большой интерес вызвал доклад *С.В. Леончица (Кельце)* об истории и современном укладе поляков и немцев в городах и сельских поселениях на юге Западной Сибири. В докладе были рассмотрены вынужденный характер их переселения в Сибирь, хронология и фазы переселенческих волн, а главное социальное и культурное взаимодействие переселенцев, их влияние на культурное пространство российской Сибири. Всего на секции было сделано 6 докладов. Основное внимание в них было уделено цивилизационному диалогу Запад–Восток. Об этом, в частности на примере взаимоотношений России и Европейского Союза с Турцией говорил *Б.М. Ягудин (Казань)*.

Секция «Культурные и научные связи» была посвящена главным образом конкретным вопросам истории и современного развития научного сотрудничества Казани и Республики Татарстан с Германией и Польшей. На секции были заслушаны 7 докладов. Оживленное обсуждение вызвал доклад *Е.Н. Шевченко (Казань)* «Новая немецкая и российская драматургия и театр: вопросы взаимодействия». Автор, в частности, обратила внимание на интенсивное взаимодействие в последние годы российских и немецких режиссеров, осуществляющих соответственно театральные постановки в Германии и в России. Она отметила взаимный интерес к немецкой и русской театральным школам.

Однако, по ее словам, наиболее интенсивное «взаимодействие наблюдается в области осмысления в наши дни идейных исканий и творческих концепций русского театрального авангарда и немецкого сценического экспрессионизма 1920-х годов».

Секция «Политическая мысль и публицистика» (6 докладов) по содержанию рассмотренных проблем приближалась к секции «Европа на пороге XXI века». В центре внимания докладчиков было восприятие общественным сознанием исторического прошлого и проблемы формирования исторической памяти в России, Польше и Германии. (Доклады *Т.В. Пушкаревой (Москва)*, *В.О. Синицына (Казань)*). Второй главной темой секции стали вопросы строительства Единой Европы. При этом было рассмотрено не только отражение в общественном мнении и интерпретации в публицистике политических программ и тенденций политической жизни Германии, Польши и России. Лейтмотивом докладов стала стратегия европейского единства. Главное внимание было уделено Европейской идее, идеальной модели Единой Европы, сформированной в общественном сознании как с точки зрения сторонников ускоренной трансформации Евросоюза в политическое наднациональное объединение, так и евроскептиков. (Доклады *О.В. Бодрова (Казань)*, *Г.В. Рокитной (Йошкар-Ола)*). Особый интерес, по мнению участников дискуссии, вызвал доклад *М.А. Сайфутдинова (Казань)*. «Образ старой и новой Европы в современных российских СМИ». Выступавшие в дискуссии участники и гости конференции отметили, что применительно к «новым членам» Евросоюза в российской печатной и электронной информационных сферах преобладает упрощенный, подход, в котором конкретная информация и политический анализ подменяются абстрактными политологическими схемами.

Секция «Развитие исторической науки и историографии» (6 докладов) преимущественно была посвящена развитию исторической мысли и методологии исторического познания. Начало было положено докладом *О.В. Синицына (Казань)* о влиянии неокантианских концепций на развитие исторической науки XX столетия. В частности автор остановился на проблеме соотношения объективного знания и субъективной интерпретации. *В.Е. Туманин (Казань)* обратился к анализу методологических принципов, сформировавшихся в исторической науке Польской Народной Республики. Он показал, как в историографии ПНР

элементы методологии марксизма сочетались с методологическими традициями польской историографии 1920—1930-х годов и методами неопозитивизма второй половины XX века.

В заключительный день работы конференции, 30 сентября, состоялся Круглый стол на тему: «Толерантность и межконфессиональные взаимоотношения в эпоху глобализации и перспективы модернизации» (*Модераторы: И.И. Шарифжанов, Б.В. Носов*). На Круглом столе в форме свободного обмена мнениями был затронут ряд вопросов. Во-первых, о роли политических элит Республики Татарстан в период кризиса конца 1980 — начала 1990 г. в сохранении в республике общественной стабильности. Во-вторых, о соотношении социальных и культурных факторов общественного единства. В-третьих, о взаимоотношениях христианства и ислама на уровне религиозной доктрины, на уровне церковных и религиозных институтов и в разнообразных явлениях повседневности. Было высказано общее мнение, что опыт Татарстана в этой области имеет не только фундаментальное значение для России, но перекликается с соответствующими проблемами в аналогичных ситуациях и в Польше и в Германии.

В целом, подводя итоги конференции, участники отметили успешность ее проведения, подчеркнув, что изучение исторического взаимодействия России, Польши и Германии сохраняет свою научную и общественно-политическую актуальность. Оргкомитету предложено подготовить материалы конференции к публикации. В публикуемый труд вошли статьи, подготовленные авторами по материалам, доложенным в ходе конференции.

Нынешний 2012 г., когда сборник выходит из печати, официально провозглашен «Годом России — в Германии и Годом Германии — в России». Думается, что настоящая публикация послужит вкладом в развитие всестороннего научного и культурного сотрудничества между нашими странами.

Б.В. Носов

АЛЬМУТ БУЕС

Варшава — Берлин

Ягеллоны между Московским государством и Германской империей

Ягеллоны принадлежат к наиболее значительным королевским династиям Центрально-Восточной Европы. Особый интерес представляет транс-региональное распространение их владений и влияния. Они контролировали территории, которые простирались с севера на юг от Балтийского моря вплоть до Адриатики и Черного моря и на востоке — до реки Угры. Правление Ягеллонов приходится на интереснейшую для историков эпоху кардинальных политических и культурных перемен, в связи с которыми эта династия и запечатлелась в памяти последующих поколений¹.

Взаимозависимости между личными и семейными связями, с одной стороны, и «большой политикой» — с другой, играли в описываемую эпоху, поистине, исключительную роль. Поэтому уместен был бы вопрос, в какой мере Ягеллоны посредством брачных союзов способствовали нараставшему процессу как политической, экономической, так и культурно-религиозной интеграции и унификации гетерогенного пространства, оказавшегося под их властью. Поскольку уже в XIV в. браки с соотечественницами рассматривались правителями Литвы как мезальянсы (Елизавета фон Пилиц, Барбара Радзивилл), бракосочетания Ягеллонов всегда несли на себе политическую нагрузку. В связи с этим правомерен вопрос, насколько далеко простирались матримониальные устремления Ягеллонов, как долго они могли служить связующим звеном между западом и востоком, между севером и югом и когда они эту роль утратили?

Бракосочетание основателя династии Ягеллонов — литовского князя Ягайло (Ягелло) с Хедвегой Анжуйской (в будущем

польской королевой Ядвигой)* связывало не только юг Европы с севером континента. Ягайло воспринимался как властитель, стоявший как бы между Византией и Римом, хотя и был для обеих держав и центров цивилизации язычником. Его вступление на княжеский престол в 1377 г. не только положило начало внутренней борьбе за власть в Литве, когда корона переходила из рук в руки соперничавших потомков Гедимины, но и столкновениям вокруг выбора Великим княжеством Литовским политического направления, а это значило — позиции в конфликте между Западом и Востоком** — все это потрясло Великое княжество². Равенство в правах на престол между обоими Гедиминовичами Ягайло и Витовтом могло быть обретено только после смерти Кейстута (†1382)***.

К концу XIV в. перед литовскими властителями, помимо обращения к Тевтонскому Ордену, открывалось три возможности принять христианство, которые в то же время были сопряжены с бракосочетаниями³. Крестоносцам Ягайло обещал крестить всю страну. Витовт и его брат Сигизмунд (Жигмунд)**** крестились как по римскому, так и по православному обряду, однако в итоге приняли католичество. Также и Ягайло предпринял шаги к сближению с православием, продемонстрировав намерение вступить в брак с дочерью московского великого князя Дмитрия Донского Марией. Однако и этот план, который позволил бы регенту принять веру его подданных на Руси, был отвергнут. Было ли все это только тактическим шахматным ходом? Однако в итоге Ягайло решился на христианизацию по латинскому обряду. Для династии Гедиминовичей бракосочетание с наследницей польского престола Ядвигой (Хедвигой Анжуйской)⁴ и избранием Ягайло королем Польши ознаменовало возрастание международного престижа правившего в Литве великокняжеского рода. Проведенные Ягеллонами два крестовых похода

* Хедвега Анжуйская (1373—1399) — дочь венгерского короля Людовика I (графа Анжуйского), происходившего из французской династии Валуа, королева Польши (1384), где звалась Ядвигой (*прим. перев.*).

** Сводные братья Ягелло Андрей († 1399) и Дмитрий († 1399) перешли в это время на сторону Московского великого княжества.

*** Кейстут — великий князь литовский в 1381—1382 гг., отец Витовта и Сигизмунда (Жигмунта) (*прим. перев.*).

**** Сигизмунд (Жигмунд) (1365—1440) — великий князь литовский в 1432—1440 гг. (*прим. перев.*).

свидетельствуют об их намерении продемонстрировать Европе истинность своего обращения в христианство.

Вступив в брак с Ядвигой и будучи коронован весной 1386 г. польским королем, Ягайло, вопреки освященной традицией «норме», ориентировал связи Литвы и правящего дома с Востока на Запад. Таким образом, было положено начало династии Ягеллонов, хотя, собственно говоря, согласно генеалогии, речь идет о боковой ветви Гедиминовичей. При этом Ягайло удалось одолеть конкурента Вильгельма Габсбурга*. Римский папа Урбан VI в 1388 г. принял решение пожаловать Ягайло титул *principes christianissimus*** и тем самым принял его в лоно римско-католической церкви.

Соперничество между Габсбургами и Ягеллонами в Центрально-Восточной Европе окончательно было разрешено в пользу первых только в XVI в. Смерть Ядвиги (1399) поставила Ягайло как супруга покойной королевы и обладателя в силу этого польской короны, перед лицом политических трудностей. Только четвертый брак овдовевшего короля с Софьей (Сонькой) — дочерью князя Гальшанского (1422), гарантировал продолжение династии***. И все же в памяти потомков литовская княжна в большинстве случаев отнюдь не заслоняет дочь короля Людовика Анжуйского как прародительницу Ягеллонов****.

Большинство братьев Ягайло принимали православие и брали в жены невест из восточных областей Европы: Корибут (Дмитрий) — князь Новгород-Северский и Черниговский († после 1404) был женат на Анастасии (дочери рязанского князя); Лунгвений (Семен) — князь Новгород-

---

* Вильгельм Габсбург (1370—1406) — происходил из Альбертинской линии габсбургского дома, герцог Австрии в 1386—1406 гг., был известен тем, что одним из первых использовал династические браки для расширения своих владений, соперничал с Ягайло, претендуя на брак с принцессой Хедвигой Анжуйской (*прим. перев.*).

** Первый наихристианнейший (*лат.*).

*** Ягайло был четырежды женат. После смерти Ядвиги он женился на Анне — дочери графа Цельского и внучке польского короля Казимира Великого, затем на Эльжбете — дочери воеводы сандомирского и последним браком на дочери киевского наместника Софье (Соньке). Только в четвертом браке у него родились сыновья Владислав (польский король Владислав II 1386—1434 гг.) и Казимир (*прим. перев.*).

**** Как это изображено в Мраморном зале Королевского замка в Вар-

ский († после 1431) сочетался браком с дочерью московского великого князя Марией; Свидригайло (Яков Болеслав) — великий князь литовский в 1430—1432 гг. († 1452) женился на дочери тверского князя Анне. Вместе с Ягайло в Кракове был крещен Виганд, ранее при переходе в православие получивший имя Федор, а теперь нареченный в католичестве Александром. Он женился на Ядвиге из силезского герцогского рода Опшельн. Сестры Ягайло сочетались браком с местными литовскими князьями или выдавались замуж за чужеземцев: Кена — в Померанию, Вильхайда — в Мекленбург, Александра — в Мазовию, Ядвига — в Силезию⁵. В то время как мужчины из рода Ягайло избирали себе супруг с востока, для женщин предпочтительными были брачные партии с партнерами на западе. При выборе Ягеллонами невест конфессиональная принадлежность последних не имела первостепенного значения, выдаваемые же замуж литовские княжны, напротив, должны были суметь приспособиться, следуя политическому расчету, и принять веру супруга.

Гедиминовичи поддерживали контакты с княжескими домами на востоке посредством заключения многочисленных браков. Начавшись с дочерей Гедимиана Марии и Анастасии, которые были выданы замуж соответственно в Тверь и в Москву, эта практика получила продолжение и при Ягеллонах, когда две родных и три сводных сестры Ягайло были просватаны за женихов на востоке. Матримониальные связи, ориентированные на запад, у потомков братьев и сестер Ягайло казались все же, скорее, редкими. Так как семейные узы Гедиминовичей оставались по-прежнему направлены на восток, то Ягеллоны с их западными связями могли послужить в этом смысле хорошим дополнением. Возникающие же из-за этого противоречия должны были преодолеваться.

По своему культурному облику и культурным предпочтениям Ягайло представляется личностью двойственной, воплотившей в себе латинское и византийское начала. Он и королева Софья содействовали становлению западно-христианской системы, обращаясь при этом прежде всего к византийским культурным влияниям*. Так, первые Ягеллоны помещали в готических костелах Польши приспособленные для католического богослужения византийские фрески.

---

* По свидетельству Яна Длугоша, король отдавал предпочтение византийскому стилю: *illam enim magis quam Latinam probabat*.

Переход Ягайло в католичество обусловил формирование в Великом княжестве Литовском нового класса населения, в конфессиональном отношении принадлежавшего к римско-католической церкви, на поддержку со стороны которого великий князь мог рассчитывать в своей политике. Однако, Литва не стала политически гомогенным телом, Великое княжество оставалось гетерогенным как этнически, так и в религиозном отношении. Это положение сохранилось и тогда, когда после Люблинской унии 1569 г. Литва и Польша основали Речь Посполитую (Республику обоих народов). Воля к компромиссу, проявленная в переговорах между двумя «Величиями» (между Литвой и Польшей), обусловила заключение в 1401 г. т. н. виленской и радомской «уний», основополагающие черты которых определили двусторонние отношения на последующие 150 лет⁶.

Держава Ягеллонов стала буфером между Московским государством и германской Священной Римской империей. Монархии Рюриковичей и Габсбургов, как представляется, могли бы без затруднений установить между собой дипломатические контакты, если бы барьером между ними не располагалось государство Ягеллонов.

Указанное положение великого литовского князя Витовта дало основание в конце 1420-х гг. поставить во время переговоров между ним, Ягайло и Сигизмундом Люксембургским вопрос о коронации великого литовского князя как короля Литвы. Это, конечно, означало бы окончательное отделение Польши от Великого княжества и ликвидацию союза двух государств, который, как бы то ни было, по общему убеждению, служил политическому равновесию в этом регионе. Только могущественная империя, обладавшая достаточной силой и проводившая гибкую политику и на востоке, и на западе, была бы способна эффективно поддерживать такое равновесие.

Свою единственную дочь Витовт выдал замуж за московского великого князя, а сам в 1430 г. умер, не оставив наследников. Все Ягеллоны вступали на престол в весьма зрелом возрасте*. Споры о старшинстве в роде и о правах на наследование каждый раз приводили к вспышке междоусобной борьбы. Ягайло предвидел затруднения при передаче по наследству польской короны своему трехлетнему сыну, поскольку польский король

* Ягайло в 48 лет, Казимир в 29 лет, Владислав в 47 лет, Сигизмунд в 46 лет.

подлежал избранию. Поэтому, будучи в Литве наследственным монархом, он в своем собственном владении, бывшем для него основанием и опорой его политической роли, передал княжеский престол брату Свидригайло. Тем самым укоренилась и была законсервирована политическая двойственность польско-литовской унии.

И в дальнейшем польские короли из династии Ягеллонов проявляли усиленную заботу об интересах Великого княжества Литовского. Так Казимир IV, который, прежде чем был избран польским королем, 7 лет правил в Литве и именно отсюда вступил на ненадежный путь к своему возвышению⁷. В то время как нерешенные внешнеполитические проблемы Литвы лежали, прежде всего, на востоке и юге, основное направление польских интересов устремлялось, скорее, на север и запад. Восточная граница находилась в поле зрения всей польско-литовской шляхты лишь постольку, поскольку нуждалась в защите от угрозы со стороны османов и татар.

В матримониальной политике Ягеллонов градации приоритетов следует наблюдать как во временной, так и в пространственной последовательности. Можно ли говорить о ее продвижении ощупью в направлении территориального расширения от ближайшего окружения на более отдаленные страны в виде *concentred circles**⁸ или же определяющим фактором при этом послужила *connected history***? В середине XV в. наблюдается апогей литовского влияния в регионе между Великим княжеством Литовским и Московским государством, однако ни одна из пяти живших в то время дочерей из рода Ягеллонов не была выдана замуж с целью поддержания династических связей на востоке. Как для Вильно, так и для Москвы эти расположенные между двумя государствами и опекаемые ими земли лежали на периферии, в переходной зоне, в которой пересекались различные трансрегиональные структуры и информационные связи. Развернувшееся здесь противостояние в конфессиональной области затрудняло заключение браков между княжескими детьми⁹.

За престижные приобретения Ягеллонами корон Богемии (1471) и Венгрии (1490) они заплатили высокую цену. Начиная с 1475 г., выбор супругов для принцесс-ягеллонок диктовался преимущественно стремлением сохранить эти троны за

* Концентрические круги (*англ.*).

** Общая история (*англ.*).

династией. Бракосочетания сестер Владислава II должны были закрепить принадлежность восточноевропейского Великого княжества Литовского к странам Центральной Европы. Матримониальная политика Литвы вовлекала Ягеллонов в сферу политических проблем германской Священной Римской империи и не только Габсбургского дома или же правивших в Бранденбурге Гюгенцоллернов, которые как раз составляли круг возможных кандидатов для брачных союзов, но также Баварии и Саксонии. В свою очередь курфюрсты империи знакомились с политической жизнью, мировоззрением и идеологией польской знати.

Если в XIV в. дочери Гедимины, выданные замуж по политическим соображениям и отправленные на запад, становились супругами ближайших соседей Литвы (Анна уехала в Польшу, Елизавета — в Плоцк), аналогичным образом выглядело пространство выбора кандидатов для бракосочетания с дочерьми Ольгерда, то в XV в. принцессы-ягеллонки уезжали еще дальше на запад — в Баварию, Бранденбург, Померанию, Саксонию, Лигниц. В Польше, Венгрии и Чехии правившие там Ягеллоны этого поколения охотно сочетались браком с дамами из южной Европы: Неаполя, Франции, Трансильвании, Милана. Таким образом римско-католический запад становился ближе. В то же время Ягеллоны отказывались породниться с православными кандидатами в супруги своим дочерям, даже если те обещали перейти в католичество. Так было, например, когда молдавский господарь Богдан Кривой трижды добивался руки сестры польского короля Александра Ягеллончика — Елизаветы.

Заключенные Ягеллонами в XVI в. браки приводили их в государство Габсбургов, в Бранденбург, Венгрию, Брауншвейг, Трансильванию и Швецию. На переориентацию их матримониальной политики могло бы указывать то, что три принцессы были выдаваемы замуж в более зрелом возрасте. Теперь властители из династии Ягеллонов как в Венгрии и Чехии, так и в Польше при выборе кандидатов для вступления в брак делали ставку преимущественно на Габсбургов.

В это время намечаются также границы династической политики; взаимоотношения и устремления внутри правящего дома Ягеллонов отнюдь не всегда совпадают с политикой династии в целом. Братья время от времени конкурировали друг с другом в борьбе за престолы и легко позволяли себе оказы-

вать давление на дворянские группировки, как об этом свидетельствуют соответствующие эпизоды с Казимиром в Богемии или Яном Ольбрехтом в Венгрии. Они преследовали собственные цели, которые отнюдь не лежали в русле укрепления власти царствующего дома.

Четверо из сыновей Казимира IV умерли бездетными в относительно раннем возрасте. Кроме того, экономически и в военном отношении Ягеллоны не были достаточно сильны, чтобы вести борьбу на отдаленных рубежах своей огромной державы. На востоке они потеряли важные области, доставшиеся им от Рюриковичей, которые, будучи присоединены к Литве, могли бы значительно расширить владения Ягеллонов. Борьба за преобладание на этих территориях и после смерти в 1492 г. Казимира IV продлилась более 150 лет. Мирный договор с Московским государством 1494 г. и женитьба Александра Ягеллончика на дочери Ивана III Елене не принесли Литве и литовской правящей династии облегчения. Православная Елена не имела права короноваться как королева Польши, а ее брак с Ягеллончиком был использован Москвой как предлог для вмешательства в литовские дела¹⁰.

Первый брак между Ягеллонами и Габсбургами был заключен в 1454 г. когда Казимир IV женился на дочери короля Альбрехта II — Елизавете, что документально закрепило за Ягеллонами присоединение к монаршим домам наивысшего ранга в Европе. Не трудно было предвидеть, что плоды правления Казимира переживут его ненадолго. Спустя всего лишь 34 года после его кончины в 1526 г. они достались Габсбургам. Известное двойное бракосочетание 1515 г., породнившее потомков Ягайло с австрийским правящим домом, решающим образом повлияло на судьбу династии Ягеллонов, хотя, очевидно, речь здесь шла о затеянной азартной игре¹¹. Судьба принцессы Анны Ягеллонки* — это характерный пример, как одна династия (Габсбурги), приняв в свой род последнюю наследницу другого царствующего дома (Ягеллонов), приобретает права на наследование владений последнего. Дом Габсбургов испробовал это политически-династическое средство расширения собственных владений еще в 1477 г. в случае с Бургундией, заключив брак с наслед-

* Анна (1503—1541) — дочь Владислава II, последняя представительница чешско-венгерской ветви Ягеллонов, с 1526 г. замужем за Фердинандом II Габсбургом (*прим. перев.*).

ницей бургундской короны Марией*. Подобным же образом посредством заключения двух браков они застраховали свои династические планы по приобретению владений на Иберийском полуострове. В 1526 г. на востоке Европы Габсбурги стали обладателями короны и герба Св. Вацлава и Св. Стефана. Приобретение бывших во владении Ягеллонов королевств Богемии и Венгрии заметно способствовали приращению могущества *casa d'Austria***.

Одним из последствий женитьбы Сигизмунда I Старого на дочери миланского герцога Боне Сфорца в 1518 г. стало формирование при польском королевском дворе многочисленного штата придворных, преимущественно итальянцев, что послужило для Королевства Польского мощным модернизационным импульсом. Это нашло выражение не только в политической области, но и в культурной, и интеллектуальной сферах¹². С этого времени Польша стала играть роль посредника в распространении культурных ценностей и передовой общественной мысли в Северной и в Восточной Европе (в Скандинавии и в Московском государстве).

Литовский великий князь — он же польский король — в XVI в. не мог больше стоять в стороне от борьбы за преобладание в Северо-Восточной Европе и на Балтийском море. Здесь возникла конфликтная зона, порождавшая состояние перманентной нестабильности. Предпринятые оборонительные меры могли воспрепятствовать наихудшему развитию ситуации, однако не открывали пути к разрешению противоречий. При этом возможность династических браков с восточными соседями ни Ягеллонами, ни литовскими элитами больше не принималась во внимание. Дворяне в Литве в большей, чем до сих пор, степени связывали себя с Польшей, что должно было послужить основанием для перехода персональной унии правителей в реальный союз.

Кардинальный поворот в политике Ягеллонов должен был найти выражение и в матримониальной области. В двадцатые

---

* Мария Бургундская (1457—1482) — герцогиня Бургундии, Эно и Намюра, графиня Голландии, единственная дочь и наследница Карла Смелого, вышла замуж за принца Максимилиана Габсбурга (впоследствии императора Максимилиана I). Благодаря этому браку Габсбурги приобрели Бургундию (Франш-Конте) и Нидерланды (*прим. перев.*).

** Австрийского дома (*итал.*).

годы XVI в. Сигизмунд Старый искал сближения с династией Бурбонов, рассчитывая таким образом уравновесить влияние Габсбургов, что распространялось и на соответствующие брачные планы. После 1530 г. вследствие политических перемен в игру были включены и другие династические связи. Дочери короля были выданы замуж: Ядвига — за Иоахима Гогенцоллерна в Бранденбург (1535); Изабелла после недолгого годичного супружества с трансильванским князем Янушем (1539/40) в брак больше не вступала. Считалось неумной династической политикой при жизни отца выдавать замуж младших дочерей, прежде чем старших, поэтому другие дочери Сигмунда Старого вступили в брак в весьма зрелом возрасте: София вышла замуж в 1556 г. за Генриха Брауншвейгского, Екатерина — за шведского короля Юхана III Вазу. Екатерину сватал и Иван IV, однако Ягеллоны не хотели отдавать своих принцесс в замужество на восток.

В правление Сигизмунда Августа ставка делалась на Габсбургов. Польский король дважды сочетался браком с эрцгерцогинями из этого императорского дома, однако, оба раза браки оказались бездетными¹³. С 1559 г. Сигизмунд Август хлопотал о разводе, однако, на это не давали согласия ни императорский двор (1563), ни Римская курия (1570), которые рассчитывали на пресечение династии Ягеллонов и осознанно вели дело к их вымиранию, проводя, так сказать, негативную матримониальную политику.

После смерти в 1572 г. последнего Ягеллона его почти 50-летняя не состоявшая в браке сестра стала пешкой в игре политиканов. Теперь Анна больше не была частным лицом, а выступала как *infans regni Poloniae*, то есть, законная наследница польской Короны¹⁴. Она как бы олицетворяла добрые старые времена, благодаря ей могла бы воплотиться связь между прошлым и будущим, причем одновременно с точки зрения как избирательности польского престола, так и объединения правящих династий Польши и Литвы. Анна, таким образом, превратилась бы, так сказать, в «королеву Ядвигу XVI столетия».

Из 13 Ягеллонов женаты были только семеро, из них четверо — по несколько раз. У монархов из династии Ягеллонов всего было 15 жен, и отцами короли становились только на склоне лет. Со времени последней четверти XV в. только немногие из появившихся на свет в роде Ягеллонов детей выжили после родов (трое из десяти мальчиков). Одиннадцать из шестнад-

цати дочерей монархов династии Ягеллонов вступили в брак в период между 1475 и 1576 гг., при этом только в 1535 г. церемония бракосочетания принцессы Ядвиги (Хедвиг) с Иоахимом II Бранденбургским состоялась в Польше. Возраст вступления в брак принцесс-ягеллонок от 25 лет был по тогдашним условиям слишком велик, особенно в сравнении с продолжительностью жизни, составлявшей 47 лет. У девяти принцесс из рода Ягеллонов, из которых две умерли в детстве, родились 35 девочек и 29 мальчиков, из которых 19 детей не пережили критического возраста в 5 лет. В этой статистике доминируют, однако, две женщины — София Бранденбургская и Анна Богемская — матери 17 и 15 детей соответственно.

Наречение детей в роде Ягеллонов явно свидетельствует о римско-католическом мировоззрении династии. Излюбленными были имена: Анна, Елизавета, Хедвиг (Ядвига), Барбара, Екатерина. Только в Богемии девочки при крещении получали имя Мария, в Польше же давать детям имя Божьей Матери не было принято.

В заключение можно констатировать, что в династии Ягеллонов дети служили только средством к укреплению политических коалиций. Позднее отцовство представителей династии мешало активной матримониальной политике. Свадьба старшего сына Ягайло состоялась через 20 лет после смерти отца; второй его сын погиб в битве под Варной. При жизни Казимира IV только четверо из его 13 детей вступили в брак. В то время как один из сыновей Казимира смог на западе завладеть Богемией и тем самым вместе с королевской короной получить титул имперского князя Священной Римской империи, другим сыновьям не удалось приобрести для себя княжества на востоке — ни Киева, ни Молдавии. При вполне достаточном числе детей Казимира, среди которых было шестеро сыновей, можно было ожидать формирования боковых ветвей династии Ягеллонов. Однако этого не произошло: мужчины в роду умирали в это время необычно рано (возможно из-за последствий сифилиса, по другим свидетельствам — туберкулеза) и после гибели двадцатилетнего Людвиг^{*} в битве при Мохаче из потомков Ягеллонов по муж-

^{*} Людвик II — король Богемии и Венгрии (1516—1526), сын Владислава II и внук Казимира IV, с его гибелью в битве при Мохаче прекратилась мужская линия венгерских и чешских Ягеллонов (*прим. перев.*).

ской линии оставался только Сигизмунд I. После того как его единственный из оставшихся в живых сыновей Сигизмунд Август умер бездетным, род Ягеллонов пресекся.

Только начиная с 1475 г., то есть почти через 100 лет после основания правящей королевской династии Ягеллонов, дело дошло до династических браков их дочерей. К этому времени с приобретением на западе Богемской короны положение рода среди монарших домов Европы уже значительно укрепилось. Теперь бракосочетания с православными князьями, что до второй трети XV в. было вполне возможно, не казались более желанными. Православные соискатели руки ягеллонок получали в XVI в. решительный отказ, даже если в своих домогательствах они опирались на военную силу, как, например, Иван IV и Богдан III. Наряду с этим и многие претенденты из Германии (Бранденбурга, Померании, Саксонии), намеревавшиеся породниться с Ягеллонами, по религиозным причинам также больше не принимались в расчет. В выборе достойной партии для невест из своего Дома те направляли свои взоры на династии севера на юга Европы (на Италию, Трансильванию и Швецию).

Доминиканский монах Йоханнес фон Вюншельбург в своей проповеди «*Gamaleon*» (в 1439 г.) присвоил династии Ягеллонов решающую роль в происходивших переменах в политико-церковной сфере, рассматривая их как вождей усовершенствованного мира: «*So wirt dann frid in der gantzenn werlt und ain genüegen der frucht*»¹⁵, так сказать, *pax Jagiellonica*¹⁶. Присоединившись к римско-католической Европе, Ягеллоны продолжили укреплять свое положение как царствующей династии в Литве, служившей основанием их власти и одновременно базисом их политики баланса между Востоком и Западом. Этот курс и на протяжении XVI в. в значительной мере способствовал европейскому равновесию. Только после вымирания Ягеллонов политическое положение в Центрально-Восточной Европе должно было измениться, что и привело к непреодолимым противоречиям, к политической напряженности и войнам.

Перевод с немецкого Бориса Носова

¹⁵ Так наступит мир и процветание во всем мире (нем.).

¹⁶ Ягеллонский мир (лат.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., обобщающие труды: *Bues A.* Die Jagiellonen. Herrscher zwischen Ostsee und Adria. Stuttgart, 2010; *Duczmal M.* Jagiellonowie. Leksykon Biograficzny. Kraków, 1996.

² *Krzyżaniakowa J., Ochmański J.* Władysław II Jagiełło. Wrocław, 2006; *Mickunaite G.* Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania. Budapest, New York, 2006.

³ *Drabina J.* Die Religionspolitik von König Władysław Jagiełło im polnisch-litauischen Reich in den Jahren 1385—1434 // Zeitschrift für Ostforschung. 43 (1994). S. 161—173; La cristianizzazione della Lituania / a cura di P. Rabikauskas. Roma, 1989; *Rowell S.C.* Lithuania Ascending a Pagan Empire within East-Central Europe. 1295—1345. Cambridge, 1994.

⁴ *Wyrozumski J.* Królowa Jadwiga między epoką piastowską i jagiellońską. Kraków, 2006. S. 85.

⁵ *Dworzaczek W.* Genealogia. Warszawa, 1959. Tabela 15, 16.

⁶ Виленская уния, Вильно 18 января 1401 г. — Библиотека Чарторьских в Krakowie. Perg. 262. Том II/17; Радомская уния 11 марта 1401 г. — Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Perg. 8418.

⁷ См., напр., обобщающий труд: *Bogucka M.* Kazimierz Jagiellończyk i jego czasy. Warszawa, 1998. (Kraków, 2009).

⁸ *Sablins P.* Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley etc., 1991. P. 110 etc.

⁹ *Onasch K.* Grundzüge der russischen Kirchengeschichte. Die Kirche in ihrer Geschichte. Ein Handbuch / Hrsg. K.D. Schmidt, E. Wolf. Göttingen, 1967. Bd. 3. Lfg. M (1. Teil). S. 26—30.

¹⁰ *Papée F.* Aleksander Jagiellończyk, Kraków, 1999. (Kraków, 2006). *Byčková M.E.* Didžioji kunigaikštutė Elena Maskvoje ir Vilniuje // Lietuvos didžiojo kunigaikščio Aleksandro Jogailaičio dvaro sąskaitų knygos (1494—1504) / Ed. D. Antanavičius, R. Petrauskas. Vilnius, 2007. P. 93—98.

¹¹ *Baczkowski K.* Zjazd wiedeński 1515. Geneza, przebieg, znaczenie. Warszawa, 1975.

¹² *Tygielski W.* Włosi w Polsce XVI—XVII wieku. Utracona szansa na modernizację. Biblioteka Więzi 178. Warszawa, 2005.

¹³ *Sucheni-Grabowska A.* Zygmunt August król polski i wielki książę litewski 1520—1562. Warszawa, 1996.

¹⁴ *Bogucka M.* Anna Jagiellonka. Wrocław, 1994; *Bues A.* Die habsburgische Kandidatur für den polnischen Thron während des Ersten Interregnums in Polen 1572/73. Dissertationen der Universität Wien 163. Wien, 1984.

¹⁵ *Herrmann E.* Veniet aquila, de cuius volatu delebitur leo. Zur Gamaleon-Predigt des Johann von Wünschelburg // Festiva Lanx. Studien zum mittelalterlichen Geistesleben, Festschrift Johannes Spörl / Hrsg. K. Schnith. München, 1966. S. 95—117 (Зитата — S. 116.).

М.И. БЕЛЯЕВ

Москва

Речь Посполитая и Вестфальский мир

В польской историографии имеется немало работ посвященных внешней политике Владислава IV. Однако, польские историки, как представляется, недооценили значения Вестфальского мирного конгресса и заключенного на нем мира для Речи Посполитой. Так, польский историк Г. Виснер, называя Вестфальский мир для польской шляхты «чужим», отмечает, что он прямо не повлиял на положение дворянской республики в Европе. Он ознаменовал лишь начало периода ослабления Речи Посполитой¹.

Речь Посполитая напрямую не участвовала в военных действиях Тридцатилетней войны, но пыталась использовать ее в своих интересах. Владислав IV, ставший польским королем в 1632 г., в отличие от своего отца Сигизмунда III не был ни ревностным католиком, ни столь же неколебимым сторонником Габсбургов. В начале 1640-х гг., когда императорские и испанские войска терпели поражения, а созданный в 1640 г. в Регенсбурге рейхстаг выступил за переговоры о мире, Владиславу IV становилось ясно, что курс на союз с Габсбургами ошибочен. Иллюзорными оказались и его надежды выступить посредником между противоборствующими лагерями в Тридцатилетней войне, используя эту роль для усиления польского влияния. Официальным посредником по-прежнему оставался датский король. С его помощью 25 декабря 1641 г. между воюющими сторонами удалось достигнуть соглашения о начале мирных переговоров.

Шведские завоевания в Прибалтике и перспективы увеличения могущества Швеции и Бранденбурга, в случае брака бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма со шведской королевой Христиной, служили для польского короля достаточным основанием для вступления Речи Посполитой в войну со Шве-

цией. Тем не менее, он принимал в расчет опасность и трудность такой войны. Вначале Владислав IV хотел испробовать дипломатические средства и втянуть Данию в войну со Швецией, имея в виду давнее соперничество Стокгольма и Копенгагена и претензии последнего на Гольштинию и герцогство Пинненберг. Дания вступила в союз с Нидерландами, также недовольными повышением шведами морских пошлин в проливе Зунд.

В течение 1642 г. шли переговоры с Данией о ее вступлении в войну со Швецией. К переговорам присоединился и император. Владислав пытался привлечь к этой коалиции даже русского царя². В случае датско-шведской войны, Владислав IV рассчитывал вмешаться в нее при благоприятных условиях³. У польского короля была также слабая надежда, что за содействие в этой войне, император согласится передать Польше некоторые земли в Силезии.

В это же время велись переговоры об участии Речи Посполитой в Вестфальском мирном конгрессе. Владислав просил датского короля Христиана IV поддерживать польские претензии на Восточную Померанию, но не получил твердого ответа. В июле 1643 г. Христиан IV заверил Владислава, что на предстоящем конгрессе датские послы окажут полякам содействие.

Польский король решил также заручиться поддержкой Франции на конгрессе и для установления более тесных контактов с ней направить туда своего резидента Ронкалли, так как только при поддержке Франции можно было бы поставить вопрос о посредничестве Польши на Вестфальском конгрессе. Главной целью польской миссии там объявлялось противодействие шведской экспансии, которая несет в себе угрозу другим странам, в том числе и Франции.

Миссия в Париж представляла собой определенную сложность. С Австрийским домом у Владислава существовали союзнические отношения. Был риск того, что во Франции по этой причине в приеме польского дипломата будет отказано. В связи с этим было решено отправить Ронкалли не в качестве посла, а в качестве резидента. При этом учитывалось, что Ронкалли поддерживал дружеские отношения с новым французским министром кардиналом Мазарини.

3 августа в Варшаву прибыл французский резидент в Гданьске д'Авогур и обсудил с королем цели миссии Ронкалли. Одновременно, он узнал о запланированном польском посольстве в Оснабрюк и Мюнстер. Факт отправки Ронкалли в Париж порадовал

французского дипломата. Он считал это доказательством отхода Польши от Австрийского дома. Направление же польских дипломатов на конгресс было нежелательно для французского двора, как и польское посредничество на переговорах. Не препятствуя, однако, посылке посольства на конгресс, д'Авогур убедил Владислава, что вначале лучше бы договориться с Данией по этому вопросу. Только после того, как король удостоверится, что посредничество Польши будет принято королем Христианом, можно подумать об отправке посла в Мюнстер. Владислав согласился с этим предложением. Под влиянием французского дипломата в качестве кандидата на поездку на конгресс был выдвинут, вместо предложенных ранее Гульденштерна и Борастуса, Г. Денхофф, считавшийся сторонником сближения с Францией. Однако из-за нехватки денег и других затруднений посольство Денхоффа было отложено, а вопрос о посреднической миссии на Вестфальском конгрессе отошел на второй план.

До открытия Вестфальского конгресса было решено начать переговоры о заключении мирного договора со шведами. Отношения со Швецией регулировались соглашением о перемирии, подписанном в Штумдорфе в 1635 г. Швеция в 1643 г. активно вела войну в Германии непосредственно у границ Польши. Шведские войска даже нарушали польскую границу. Польская сторона, в свою очередь, не будучи официально участником войны, также вела военные операции против шведской армии в Померании. Но эти действия не встречали поддержки Вены. Там были против польских претензий на Померанию и относились к ним довольно скептически. Через резидента императора в Польше Вальдероде Владиславу IV было передано предложение Австрийского дома представлять интересы польского короля на конгрессе. Было сделано также туманное предложение о передаче Польше некоторых земель в Силезии.

Наконец, 27 сентября польский сенат предоставил необходимые средства для миссии Денхоффа, но вначале, как было условлено, тот отправился в Данию. В конце ноября Денхофф прибыл в Копенгаген и встретился с королем Христианом. Датский король поддержал направление польских дипломатов на Вестфальский конгресс. На предложение Денхоффа об участии датских посредников в переговорах о заключении мирного договора между Польшей и Швецией, Христиан не дал конкретного ответа, сославшись на отсутствие согласия шведской стороны.

В декабре 1643 г. шведы внезапно напали на Данию. В Варшаве считали, что существует и угроза нападения Швеции на Польшу. Г. Денхофф как Поморский воевода переключился на вопросы укрепления польской границы.

Австрийский дом был заинтересован в войне Польши со Швецией. Императорский дипломат Вальдероде теперь уже сам предлагал провести небольшие военные операции в Померании для поддержки императорской армии Галласа. Эта идея была отвергнута Владиславом IV. В начале марта 1644 г. датский посланник пытался убедить польского короля осуществить нападение на Ливонию и Померию⁴.

Шляхта, заинтересованная только в сохранении своей «золотой вольности» и сословных привилегий и поэтому выступавшая против усиления королевской власти, предостерегала Владислава IV от каких-либо военных авантюр. Польский монарх, тем не менее, хотел оказать помощь датскому королю, чтобы помешать Швеции завоевать господство на Балтике. Предполагалось отправить пять тысяч запорожских казаков для проведения военных действий против шведов в Германи, сосредоточив их с согласия императора в Силезии. В середине ноября 1644 г. датский король просил императора разрешить казакам перейти в Силезию. Стокгольм обвинил Варшаву в подрывной деятельности и помощи Дании.

Позиция польского правительства, тем временем, изменилась. Под предлогом больших затрат на оказание помощи для ведения войны, польский монарх стал настаивать на ее прекращении и заключении мира между Данией и Швецией. Датский посланник Пудевельс обращал внимание Владислава IV на реальную опасность для Польши, исходившую из шведской Померании. Однако польский король выразил надежду, что он сможет предотвратить эту угрозу с помощью Франции на переговорах в Мюнстере и Оснабрюке. Владислав, кроме того, подчеркнул, что он будет добиваться, чтобы по условиям Вестфальского мира шведам не были переданы Померания со Штеттином. Наконец, он заявил о турецкой опасности для Польши⁵.

В 1644 г., после кончины 24 марта королевы Цецилии Ренаты, которая при жизни служила своего рода гарантией верности Владислава Венскому двору⁶, политический курс претерпел изменение. Король больше не проявлял заинтересованности в участии в войне со Швецией, а предпринял шаги к сближению

с Францией. В первой половине июня польский резидент в Париже Ронкалли от имени своего монарха предложил кардиналу Мазарини установить более тесные связи между польской и французской коронами. Польский дипломат также предлагал посредничество своего короля на Вестфальском конгрессе. Ронкалли просил помощи Франции в восстановлении польских потомков династии Ваза на шведском престоле, главным претендентом на который после смерти бездетного Густава-Адольфа был Владислав IV. Для этого Париж был бы должен оказать содействие в устройстве брака польского короля с королевой Швеции Кристиной.

Антигабсбургские заявления Ронкалли шли дальше инструкций, данных ему Владиславом IV. Польский резидент считал, что таким способом можно достичь поставленной цели — признания посреднической роли польского короля в мирном урегулировании европейского конфликта. Он пытался убедить французов, что в намерения польского короля якобы входит ослабление власти императора, укрепление самостоятельности немецких княжеств, отмена выборов римского короля в качестве преемника при жизни императора, увеличение числа курфюрстов до девяти, обязательное согласие курфюрстов на участие Империи в наступательной войне, на сбор налогов и наем солдат в Империи.

Эти антигабсбургские рассуждения Ронкалли, о возможной неискренности которого предупреждал д'Авогур, были настолько неожиданны, что при французском дворе усомнились, что они подлинно соответствуют замыслам польского короля. Было даже высказано опасение не провокация ли это. Чтобы развеять сомнения, было решено направить в Польшу французское посольство во главе с графом де Брежи и передать польской стороне специальный меморандум, который был по просьбе Мазарини доработан и отредактирован специалистом по польским делам д'Аво, который вместе с Сервиеном участвовал в это время в мирных переговорах в Мюнстере.

Де Брежи прибыл в Варшаву 10 октября и встретил здесь очень теплый прием. Однако, полученная на месте информация, наводила посланника на грустные размышления. Он узнал, что датский король пытается втянуть Владислава IV в антишведскую лигу, и, встретившись с Г. Ленхоффом, хотел убедить его, чтобы Польша не вступала в союз с Данией против Швеции.

Де Брежи убедился, что отнюдь не на всех сторонников Франции в Речи Посполитой можно было положиться. Оказалось, что канцлер Оссолинский после смерти королевы Цецилии Ренаты, вопреки утверждениям Ронкалли, не так влиятелен при дворе и не действует в пользу Франции, а, напротив, выступит за союз с Данией против Швеции и чуть ли не каждый день встречается с имперским посланником Францем Магни. Ни король, ни Оссолинский не подтвердили, но и не дезавуировали предложения, сделанные Ронкалли от имени польского двора в Париже. Позднее, в начале 1645 г., французский двор, считав, что Ронкалли не заслуживает доверия, добился его отзыва.

Де Брежи предложил польскому королю выступить посредником в европейском конфликте и вступить в брак с одной из французских принцесс. Владислав IV выразил готовность принять на себя роль посредника на Вестфальском конгрессе и попросил поддержать его стремление вступить в брак с королевой Швеции. Он пояснил, что его главная цель заключается в восстановлении польских Ваз на шведском престоле, а также в установлении мирных отношений между Польшей и Швецией. Де Брежи выразил обеспокоенность возможным обострением польско-шведских отношений, что негативно скажется на переговорах по установлению мира в Европе. Союз с Францией обеспечит до заключения всеобщего мира улучшение этих отношений. Залогом такого союза был бы брак Владислава IV с французской принцессой.

Результатом миссии де Брежи стало улучшение франко-польских отношений на рубеже 1644—1645 гг. Польский король, расценивая положение Вены в ходе войны как критическое, начал склоняться на сторону Франции. В союзе с ней он видел больше возможностей для осуществления своих политических целей. Однако в Париже больше для проформы поддерживали надежды Владислава IV на посредничество в мирных переговорах и на получение шведской короны. Поляки не имели никаких шансов осуществить эти замыслы, так как это вызвало бы возражения среди союзников Франции, не говоря уж о ее могущественных противниках, с которыми Парижу также приходилось считаться в предстоящих переговорах о мире. Предложенный брак с французской принцессой, по замыслу Мазарини, должен был посеять еще большее недоверие к польскому королю со стороны Габсбургов и побудить польский двор действовать в русле француз-

ской политики. Для этого де Брежи предлагал дополнительно в качестве «благодарности» выплачивать субсидии Владиславу IV и пенсии его приближенным Денхоффу, Оссолиньскому и Казановскому для получения от них важных новостей и советов. Посол даже допускал возможность передачи Польше Силезии для сдерживания саксонского курфюрста. В это же время неудачей закончился визит в Польшу эмиссара Габсбургов, посланного для обсуждения возможности брака польского монарха с одной из австрийских эрцгерцогинь и перспектив посредничества Владислава IV в вопросе об урегулировании конфликта между императором и Трансильванией.

Краткосрочные цели французской политики были достигнуты. Если в 1644 г. существовала возможность вступления Владислава IV в войну против Швеции, что противоречило французским интересам, то теперь этой угрозы не было. Мазарини, решил сделать вид, что идет навстречу Владиславу IV в деле восстановления на шведском престоле польских Ваза посредством брака польского короля с королевой Христиной. Граф де Брежи, направленный в Швецию, говорил об этом с канцлером Оксеншерной и французским послом в Стокгольме де ла Тюиллери⁷. Однако шведский двор отвергал сватовство Владислава. Оксеншерна не сомневался, что в случае заключения польско-шведского соглашения интересы Швеции были бы подчинены интересам польского короля. Чтобы принудить шведский двор к подобному браку, требовалось политическое давление великих держав. В расчете на это Владислав и добивался для себя роли посредника в заключении мира, чтобы заполучить шведскую корону, опираясь в этом на поддержку сначала — Габсбургов (с 1638 г.), а в дальнейшем с 1644 г. — Франции. Однако Швеция решительно отвергала польское посредничество^{*8}.

Тогда в Париже вновь предложили Владиславу IV вступить в брак с одной из французских принцесс. Из нескольких кандидатур была выбрана Мария-Луиза Гонзаго. В приданое принцессе выплачивалось 200 тыс. талеров, которые были убедительным аргументом в пользу союза с Францией. При дворе Владислава активным проводником этого замысла был возвра-

* В 1645 и 1646 гг. Мазарини в доказательство того, что Швеция своим величием обязана Франции, среди главных своих заслуг указывал на устройство брака Владислава IV с французской принцессой, обеспечившего нейтралитет Польши в датско-шведской войне.

тившийся из Парижа Доменик Ронкалли. В ноябре 1645 г. в Париже в присутствии польской делегации во главе с Г. Денхоффом состоялась церемония бракосочетания. Мария-Луиза стала официально польской королевой.

Однако надежды Мазарини на то, что Мария—Луиза будет проводить при польском дворе профранцузскую линию, оправдались не полностью. По-прежнему на территории Речи Посполитой проводились вербовки солдат в австрийскую армию, в связи с чем, французская сторона неоднократно высказывала претензии.

Кардинал Мазарини опасался, что сближение Франции с Варшавой негативно скажется на отношениях Парижа со Швецией, интересы которой противоречили интересам Бранденбурга и Польши. А это в свою очередь грозило затруднениями на мирных переговорах в Мюнстере, от которых во Франции ожидали результата, удовлетворившего бы и Париж, и Стокгольм. В Париже даже допускали возможность войны Польши и Бранденбурга против Швеции.

Еще в конце 1645 г. Владислав IV начал подготовку войны с Турцией. Франция хотела использовать эти антитурецкие планы, чтобы направить силы Польши на юго-восток и отвлечь их от Прибалтики и избежать таким образом польско-шведского конфликта. Это, по расчетам Мазарини, содействовало бы успешному завершению мирных переговоров в Мюнстере и Оснабрюке и прекращению войны в Европе. Кардинал сообщил польской королеве «по секрету», что «мы накануне всеобщего мира», и выразил мнение, что к концу 1646 г. мирный договор будет подписан. Мазарини намеревался оказать финансовую помощь Польше в войне с Турцией и обещал Владиславу IV 200 тыс. талеров ежегодно (включая помощь других стран), но только после заключения мира в Европе⁹.

В Швеции, однако, крепло подозрение, что военные приготовления Владислава IV могут на деле обернуться против нее. Владислав, со своей стороны, говорил приближенным, а также австрийскому и французскому послам, что слухи о намерении Швеции напасть на Польшу не лишены основания. Австрийский посол разжигал подозрения Владислава, французский старался их развеять, но и тот и другой в донесениях своим правительствам отмечали, в мае 1646 г., что король в тайне помышляет о войне со шведами и что на это в действительности

направлены его военные приготовления. Того же мнения придерживались и в Бранденбурге. Шведское правительство полагало, что, в случае вооруженного конфликта с Польшей, войска последней нанесут главный удар в Восточной Померании в направлении Штеттина.

В августе 1646 г. до Швеции дошел слух, что сейм якобы дал согласие на войну с турками. По мнению Б.Ф. Поршнева, это известие и было последним толчком к решению шведского правительства в середине сентября отказаться от требования всей Померании и побудило канцлера Оксеншерну на время отступить от своей линии на Вестфальском конгрессе. Член шведского Государственного совета граф Пер Брахе среди аргументов в пользу сохранения Восточной Померании в составе бранденбургских владений указывал, что Швеции для ее удержания придется держать на границе с Польшей многочисленные войска. Оксеншерна еще в марте 1646 г. высказал мысль, что захват Восточной Померании оскорбит и курфюрста и польского короля, и приведет к появлению слишком протяженных границ с ними обоими. Не следует, заметил он, иметь такой границы с Польшей. Вместо Восточной Померании, считал канцлер, лучше получить Бремен и Верден, чтобы «держаться за шиворот» Данию. 17 сентября Оксеншерна направил в Риксрат мнение о необходимости принять предложение Бранденбурга о западной половине Померании. Канцлер полагал, что оно сделано с согласия императора и сам курфюрст им доволен (следовательно, мир в Германии на этом условии возможен). Отказ же Швеции принять это предложение, полагал Оксеншерна, бранденбургский курфюрст использует для еще большего разжигания вражды к Швеции со стороны Дании и Польши.

Итак, Швеции пришлось уступить в «померанском вопросе» в значительной степени из-за польской опасности. Эта уступка сулила шведам быстрое заключение мира в Германии, чтобы развязать себе руки для войны с Польшей. Одновременно с этим решением Швецией были приняты экстренные военные меры в наиболее вероятном районе столкновения с Польшей — в Лифляндии.

25 октября 1646 г. в Варшаве открылся сейм, который должен был принять решение о войне с Турцией. Сейм был целиком в руках оппозиционных королевскому двору олигархов. Магнаты и их сторонники были против любого участия в войне. Высту-

пившие на сейме иностранные дипломаты не смогли убедить сенаторов и послов сейма поддержать военные планы Владислава. Тщетно французский посол де Брежи говорил о перспективах франко-польской дружбы и о желании Франции видеть Польшу посредником в вестфальских мирных переговорах, тщетно венецианский посол Тьеполо призывал к борьбе с неверными и обещал от имени республики значительные субсидии, тщетно молдавский и трансильванский послы испрашивали аудиенции сейма. Последний был занят только тем, как бы не допустить усиления власти короля. В декабре 1646 г. сейм высказался против планов войны с Турцией. Набранные Владиславом IV войска пришлось распустить. Но, лишь осенью 1647 г. планы войны с Турцией были окончательно похоронены¹⁰.

К началу ноября, когда в Стокгольме была получена информация о положении дел на Варшавском сейме и о том, что Владислав IV со своими военными приготовлениями натолкнулся на решительный отпор со стороны магнатов, шведский Государственный совет снова изменил курс и отказался идти на уступки Бранденбургу. Было решено предъявить Бранденбургскому курфюрсту заведомо неприемлемый и рассчитанный на срыв переговоров в Оснабрюке ультиматум: или Передняя Померания (со Штеттином и пр.) с его согласия, или вся Померания без его согласия. Курфюрст Фридрих Вильгельм отверг шведские домогательства и потребовал всей Померании как своего наследственного владения¹¹.

В январе 1647 г. бранденбургские дипломаты Бергманн и Ховербек сообщили курфюрсту Фридриху Вильгельму о роспуске войск польского короля. Бранденбургский посланник на Вестфальском конгрессе Витгенштейн сообщил курфюрсту, что Польша не будет воевать со Швецией. В результате шведы больше не будут идти на уступки на конгрессе. Курфюрсту необходимо было соглашаться на Восточную Померанию, пока шведы согласны передать ее, поскольку у них развязаны руки для продолжения войны в Германии. Шведская сторона отказалась от своего предложения, мотивируя это несговорчивостью курфюрста, который ранее требовал всю Померанию. Однако еще до получения шведскими послами на конгрессе новой инструкции французскому послу д'Аво удалось зафиксировать компромисс, завизированный 11 февраля 1647 г. секретарями шведского и бранденбургского посольств. Хотя в этом документе и не

были разрешены все вопросы, он послужил основой Оснабрюкского договора¹².

В конце 1646 г. был вновь поднят вопрос о польско-шведском мирном договоре. Результатом такого мирного договора, по мнению польской стороны, явился бы переход шведской короны польским Ваза. Поляки хотели видеть во Франции посредника на этих мирных переговорах или, по крайней мере, чтобы Франция использовала свое влияние для сохранения Швецией перемирия. Владислав IV решил вновь послать в Париж своего резидента Ронкалли¹³.

В феврале 1647 г. по просьбе шведского правительства герцог Курляндский едет в Польшу для переговоров о мирном трактате, но уже 20 февраля шведские уполномоченные в Оснабрюке экстренно подписали основные условия Вестфальского мира и общеполитическая ситуация в Европе существенно изменилась. Теперь шведское правительство решило оказать давление на Польшу, чтобы та согласилась на шведские условия мира. Тщетно в апреле 1647 г. Владислав IV поручает своему тайному агенту в Стокгольме «сделать так, чтобы Силезия перешла в его руки и осталась его наследственным владением», а также предложить королеве Христине повременить со вступлением в брак и в дальнейшем выйти замуж за сына польского короля¹⁴.

Еще незадолго до смерти королевы Цецилии Ренаты, когда отношения Варшавы и Вены постепенно начали ухудшаться, Владислав IV потребовал от Габсбургов ранее обещанные владения в Силезии. Он преследовал этим лишь династические планы, оставляя без внимания при этом государственные интересы Речи Посполитой. Летом 1644 г. в Вену отправился личный секретарь короля Людвиг Фантони. От имени Владислава IV он просил императора обменять владение Тржебонь в Богемии (приданное жен Сигизмунда III Анны и Констанции и своей покойной супруги) на княжества Кисцюн и Ополе-Ратибор, расположенные у польской границы. Императорские советники были против этого предложения, так как они опасались, что Польша могла бы впоследствии потребовать всю Силезию, ранее ей принадлежавшую.

Однако, оказавшись в ходе войны в тяжелом положении, Фердинанд III пошел навстречу требованиям Владислава IV, дабы не подтолкнуть его к переходу в лагерь своих врагов. В результате переговоров в апреле-мае 1645 г. был заключен договор, по ко-

торому император закладывал княжества Ополе и Ратибор за 1,1 млн. гульденов и 600 тыс. флоринов наличными и передавал их сыну Владислава королевичу Сигизмунду Казимиру на 50 лет, вплоть до его совершеннолетия. Управлять княжествами должен был Владислав IV, однако никто из польских королей Ваза владельцем Ополе-Ратибор быть не мог. Князь Ополе и Ратибор был ленником императора. Условия договора не соответствовали планам короля установить в наследственных владениях собственную королевскую династию, и Владислав IV надеялся, что будет в состоянии в будущем изменить статус этих княжеств. Поскольку король не мог своевременно исполнить предусмотренные договором финансовые обязательства, то был заключен новый договор, по которому император сохранял власть над княжествами до выплаты полностью заемной суммы (до августа 1647 г.). Разного рода противоречия и разногласия по поводу княжеств между Варшавой и Веной продолжались до конца 1647 г., когда в итоге императору пришлось уступить. В соответствии с договором от 19 ноября 1647 г. императорские войска выводились из княжеств и были заменены польскими.

Правление Владислава IV в княжествах Ополе и Ратибор было очень популярно у большинства местного населения. Король гарантировал княжествам нейтралитет в шведско-габсбургской борьбе и защищал население от произвола императорских чиновников и шведских войск. Большую роль играла также его политика толерантности по отношению к местным протестантам. Владислав IV уравнивал в правах протестантское дворянство с католическим. Протестанты получили право занимать государственные должности. Таким способом король привлекал на свою сторону оппозицию Габсбургам¹⁵.

Одновременно с Силезией Владислав IV добивался и Восточной Померании. Он пытался действовать и через Вестфальский мирный конгресс. Направленный в Париж Ронкалли по дороге специально задержался в Мюнстере. Прибыв в Мюнстер в октябре 1646 г., он уверял конгресс в абсолютном миролюбии Речи Посполитой по отношению к Швеции. Кроме него на конгресс был направлен Маттиас Крокау¹⁶. Резиденты Владислава на конгрессе от имени короля настойчиво протестовали против передачи Восточной Померании до Одера как Швеции, так и Бранденбургу, доказывая исторические права Польши на эти области.

В 1646 г. польский король вступил в тайные сношения с представителями поморских сословий. Однако, ни дворянство, ни города Поморья не торопились поддерживать польские устремления. В соответствии с Аугсбургским религиозным миром протестантам Померании гарантировалась свобода вероисповедания. В Польше такой гарантии не было. Кроме того, судьба двух померанских княжеств Лемборк и Быгув вызывала определенные опасения¹⁷. Обе земли имели статус ленных владений Священной Римской империи. Свои права на них предъявляла и польская корона. Когда в 1637 г. прямая линия правившей в княжествах династии пресеклась, Лемборк и Быгув должны были быть объединены с Королевской Пруссией. В августе 1637 г. на Генеральном сеймике Королевской Пруссии в Мальборке было принято решение, впоследствии утвержденное на сейме, о приеме Лемборка и Быгува в состав Королевской Пруссии и Речи Посполитой. Между тем, большая часть населения этих земель была лютеранами, что вызвало в дальнейшем религиозный конфликт с польским епископатом, стремившимся вернуть церкви католикам¹⁸. Поэтому требования Владислава IV о присоединении к Польской Короне трех поморских княжеств Столпе, Рюгенвальд и Шлаве было встречено их представителями с опасениями¹⁹.

Стремление Владислава IV расширить королевские владения за счет земель Силезии и Поморья не нашли понимания среди участников Вестфальского конгресса. Против посредничества Польши в конце 1646 г. выступили и император, и шведы. В начале 1647 г. возобновились переговоры о франко-польском союзе. Несмотря на антивоенные постановления сейма 1646 г., Владислав пока не оставлял планов турецкой войны. Поэтому одним из условий франко-польского союза выдвигалось предоставление субсидий Речи Посполитой как защитнице христианства для ведения войны с Турцией.

Для продолжения активной политики в Прибалтике польская сторона предлагала заключение многостороннего союза между Францией, Польшей, Данией, Нидерландами, курфюрстом Бранденбурга и другими имперскими князьями якобы с целью обеспечения безопасности мореплавания и свободы торговли на Балтийском море. Кардинал Мазарини поддержал идею франко-польского союза, но высказал мнение, что его осуществление было бы для Франции затруднительно по многим при-

чинам. Наиболее существенным риском были бы негативные последствия такого договора для франко-шведских отношений. Главный союзник Франции в Тридцатилетней войне — Швеция, находившаяся с Польшей только в состоянии перемирия, чувствовала озабоченность в связи с польско-французским сближением. Поэтому кардинал, считая необходимым сохранить дружественное отношение поляков и их стремление к союзу с Францией, в первую очередь хотел заключения мира между Польшей и Швецией. Следовательно Франция не могла поддерживать предложения о сотрудничестве с Речью Посполитой в Прибалтике, поскольку такой союз носил бы явно антишведскую направленность. Французский посол де Брежи убеждал поляков, что это предложение противоречит интересам польского короля, если он стремиться к заключению мира со шведами при посредничестве Франции или к справедливому соблюдению перемирия. Посредническая миссия на польско-шведских переговорах была возложена Мазарини на французского посланника в Стокгольме де Шаню. Начавшиеся на севере Германии польско-шведские переговоры проходили медленно и во взаимных пресpirательствах.

Ситуация в Польше существенно изменилась 9 августа 1647 г., когда умер Сигизмунд-Казимир, сын Владислава IV и его возможный преемник. Сразу возросло политическое значение брата короля Яна Казимира, с которым французская дипломатия стремилась поддерживать хорошие отношения в надежде, что он будет проводить более жесткий курс в отношениях с Веной. Одновременно в Варшаве активизировались и представители императора. В Вене намеревались женить Яна Казимира на австрийской принцессе. В Париже забеспокоились, что переговоры графа Магни могут привести к примирению Варшавы с Веной и повторно связать Польшу с Габсбургами. Кроме этого, в Варшаве в конце 1647 г. углубилась вражда между де Брежи и польской королевой, которой стали известны нелицеприятные отзывы о ней, содержащиеся в конфиденциальной переписке французского посла. По мнению Парижа, Мария-Луиза все чаще игнорировала французские интересы. В марте 1648 г. Мазарини решил направить в Польшу второго французского дипломата графа Луи д'Арнажу, не обремененного конфликтом с королевой, в целях поддержки усилий Брежи и продвижения шведско-польских мирных переговоров.

Неожиданно, 20 мая 1648 г. умирает Владислав IV. Дипломатического контрнаступления Габсбургов можно было ожидать в связи с выборами нового короля. В это время обострилась политическая ситуация в Польше: началось восстание Богдана Хмельницкого на Украине и наступление крымских татар.

Французская дипломатия нуждалась в новой опоре в Польше и решила поддержать на выборах Яна Казимира. Еще незадолго до смерти Владислава IV тот подтвердил намерение жениться на француженке и просил руки дочери герцога д'Эпернон. В июле 1648 г. Ян Казимир получил французские субсидии. Вдовствующая королева Мария-Луиза рассчитывала сохранить свой статус, выйдя замуж за Яна Казимира, и советовала ему поддерживать хорошие отношения с Парижем и Веной, как монархиями, от которых зависит судьба его дома. В августе 1648 г. Ян Казимир уведомил французский двор, что намерен сохранить титул короля Швеции и вступить в брак с Марией-Луизой.

Конкурентом Яна Казимира считался его младший брат Карл Фердинанд, епископ плоцкий и вроцлавский. Ян Казимир неоднократно указывал Брежи, что тот рассчитывает на поддержку Австрии. Свою кандидатуру на польский престол пытался выдвинуть трансильванский князь Дьёрдь Ракоци. В расчете заполучить для Гогенцоллернов королевский титул подумывал о выдвижении и бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм, но, будучи лютеранином и оценив ситуацию, решил поддержать главного польского претендента. Ян Казимир пытался заручиться поддержкой шведской королевы Христины, которая согласилась на проведение польско-шведских мирных переговоров во Франкфурте на Одере.

В Париже считали, что польско-шведские переговоры о мире, роль Речи Посполитой в Европе и внутренняя ситуация в польско-литовской шляхетской республике были тесно связаны с перспективами Вестфальских переговоров. Французский посланник граф д'Арпажу в конце сентября 1648 г. обратился к послу на конгрессе Сервиену с просьбой представить информацию о прогрессе в переговорах между Священной Римской (Германской) империей и Францией. 24 октября 1648 г. были подписаны Вестфальские мирные

договоры. Война закончилась, и теперь военный потенциал Речи Посполитой не имел уже для противоборствующих сторон прежнего значения. Уменьшилась и роль шляхетской республики в европейской политике. Теперь Польша оказалась перед лицом войны на Украине и угрозы турецко-татарского вторжения, без надежды на помощь великих держав. 17 ноября 1648 г. польским королем был избран Ян Казимир. Одновременно была достигнута договоренность о начале польско-шведских мирных переговоров при посредничестве Франции²⁰.

В связи со сложной внутривосточной обстановкой в Речи Посполитой заключение Вестфальского мира осталось для Польско-Литовского государства как бы незамеченным. Однако его международное положение заметно ухудшилось. В результате Вестфальских мирных договоров 1648 г. Швеция получила Померанию и могла бы теперь вторгнуться в Польшу с двух сторон: через Ригу и через Штеттин²¹. Присоединение Восточной Померании к Бранденбургу усилило позиции этого германского государства, что в долгосрочном плане также негативно сказалось на положении Польши. Неудачей закончилась попытка Владислава IV расширить владения Речи Посполитой на западе.

В историографии высказываются противоречивые суждения и представлены различные сомнительные альтернативные модели стратегии и тактики польского короля и Речи Посполитой в ходе Тридцатилетней войны²². Реалии Вестфальского конгресса, однако, были таковы, что Швеция также проводила имперскую политику, направленную на превращение Балтики в Шведское море. Передача Восточной Померании Бранденбургу была вынужденным решением. И произошло это потому, что против передачи всей Померании Швеции выступили Польша, Франция и Нидерланды. Но польский протест, по сути, был на руку Бранденбургу. Интересы Швеции расходились с польскими интересами. Император также был против передачи Польше Силезии. И, наконец, на Вестфальском конгрессе и император, и Швеция выступили против посреднической миссии Польши и передачи ей Восточной Померании. Поэтому Речь Посполитая в своих государственных интересах должна была проводить внеблоковую политику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Wisner H.* Die Adelsrepublik und der Dreißigjährige Krieg // Der Westfälische Friede: Diplomatie, politische Zäsur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von H. Duchhardt. München, 1998. S. 412.

² *Czapliński W.* Władysław IV wobec wojny 30-letniej (1637—1645). Kraków, 1937. S. 38—42, 47—48, 53.

³ *Idem.* Polska a Bałtyk w latach 1632—1648. Dzieje floty i polityki morskiej. Wrocław, 1952. S. 132.

⁴ *Idem.* Władysław IV wobec wojny 30-letniej... S. 46, 69—73, 76, 78.

⁵ *Idem.* Polska a Bałtyk... S. 135—136.

⁶ *Idem.* Władysław IV wobec wojny 30-letniej... S. 80.

⁷ *Serwanski M.* Francja wobec Polski w dobie wojny Trzydziestoletniej (1618—1648). Poznań, 1986. S. 317—320, 325—334.

⁸ *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 219—220.

⁹ *Serwanski M.* Op. cit. S. 335—339, 351—355, 360—363, 374, 380.

¹⁰ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 232; *Serwanski M.* Op. cit. S. 375, 378, 388.

¹¹ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 198—200, 222, 230.

¹² *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 201—203.

¹³ *Serwanski M.* Op. cit. S. 367, 379, 385.

¹⁴ *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 234.

¹⁵ *Leszczyński J.* Władysław IV a Śląsk w latach 1644—1648. Wrocław, 1969. S. 216—219.

¹⁶ *Philippson M.* Der Große Kurfürst Friedrich Wilhelm von Brandenburg. 1640 bis 1660. Berlin, 1897. Bd. 1. S. 95.

¹⁷ *Langer H.* Die pommerschen Landstände und der Westfälische Friedenskongreß // Der Westfälische Friede... S. 493.

¹⁸ *Kuchner A.* Ekspansja Brandenburgii nad Bałtykiem w wieku XV—XVIII. Poznań, 1947. S. 55, 57—62.

¹⁹ *Langer H.* Op. cit. S. 493.

²⁰ *Serwanski M.* Op. cit. S. 378—396, 399—401, 404—407, 410, 412—420.

²¹ *Kotljarchuk A.* In the shadows of Poland and Russia: the Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European crisis of the mid-17th century. Huddinge, 2006. S. 82.

²² См. напр.: *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 222.

К.А. КОЧЕГАРОВ

Москва

Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684—1689 гг.

Династические связи играли важную роль во взаимоотношениях европейских государств в Средневековье и в Новое время. Древняя, а позднее Московская Русь не были здесь исключением. Великий князь Иван III, при котором международное значение Русского государства заметно возросло, попытался вывести династическую политику на новый уровень, считая отныне ниже своего достоинства устраивать брачные связи представителей московского великокняжеского дома с представителями княжеских родов Северо-Восточной Руси, которые превратились в его подданных. Сам он женился вторым браком на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог, старшему сыну Ивану подыскал в невесты дочь молдавского господаря Стефана Великого, дочь Елену выдал за литовского великого князя Александра, а сыну Василию (будущий великий князь Василий III) сватал дочь датского короля Елизавету¹. Однако по причинам политического и религиозного характера браки московских Рюриковичей, а позднее и первых Романовых с представителями других владетельных домов Европы не приобрели характера устойчивой традиции².

Так в Московской Руси, начиная с Василия III, почти на 200 лет утвердился обычай, когда государь выбирал себе невесту среди своих подданных. Несмотря на это, внешнеполитические интересы по-прежнему диктовали русским великим князьям и царям необходимость установления династических связей с правителями европейских стран, и в первую очередь, с соседями Русского государства. С этим были связаны и попытки царя Ивана IV Гроз-

ного жениться сперва на Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда Августа, а затем на Мэри Гастингс, «племяннице» английской королевы Елизаветы³. Однако эти планы не были осуществлены. И в дальнейшем, когда в 1615 г. императорский двор попытался выяснить вопрос о возможности брака русского царя с кем-то из рода Габсбургов⁴, или же два года спустя, когда подобный же зондаж пробовала осуществить московская дипломатия в отношении шведского королевского семейства⁵, подобного рода попытки не имели последствий. В начале 1620-х гг. русское правительство вынашивало замыслы женить царя Михаила сначала на дочери голштейн-готторпского герцога и племяннице датского короля Доротее Августе, а затем на Екатерине, сестре бранденбургского курфюрста и одновременно сестре жены шведского короля Густава-Адольфа. И.Е. Забелин писал, что якобы по инициативе отца царя Михаила Федоровича — патриарха Филарета, в московских правящих кругах возникала даже идея замужества русского монарха с дочерью польского короля для упрочения мирных отношений между Россией и Речью Посполитой⁶. Известны и другие безуспешные попытки установить родственные связи между представителями царствующей в России династии с владетельными родами Европы⁷. Аналогичные замыслы бытовали при московском дворе и в 80-е годы XVII в. при преемниках царя Алексея Михайловича. Важно и то, что матримониальные планы Романовых привлекли внимание польских и немецких дипломатов и их агентов, а это в свою очередь свидетельствовало об интересе западных соседей к России, о ее возросшей вовлеченности в сферы европейской политики на востоке континента.

В 1681 г. польский посланник в России Станислав Невестинский, видимо, со слов кого-то из русских царедворцев, сообщал в зашифрованном послании от 8 (18) декабря*, что «цесарь христианский» пользуется большой любовью у всего русского народа, а царь якобы не хочет брать жену из местных девиц⁸. Последнее замечание касалось новых выборов царской невесты, которые начались после смерти царицы Агафьи Симеоновны, скончавшейся в июле 1681 г.⁹ Возможно, эта информация отражает некие планы царского окружения (или даже самого Федора Алексеевича) попытаться найти государю невесту среди представительниц императорского дома Габсбургов.

* Все даты в статье даны по двум стилям.

В данной статье рассматриваются малоизвестные попытки русских правящих кругов организовать брак царя Петра Алексеевича сначала с дочерью имеретинского царя Арчила II, а затем — с дочерью польского короля Яна III Собеского. Планы эти возникли не только, исходя из внешнеполитических обстоятельств, но, даже в большей степени по соображениям внутривластных под влиянием соперничества и борьбы придворных группировок в период регентства царевны Софьи Алексеевны. По традиции в историографии эти группировки обозначаются по именам царских родственников Милославских (сторонников старшего из братьев-соправителей — царя Ивана Алексеевича) и Нарышкиных (сторонников младшего царя Петра I).

Политической борьбе при русском дворе последней четверти XVII в. посвящена солидная историография¹⁰. Поэтому, не вдаваясь в подробности высказанных исследователями точек зрения и версий, следует отметить две отмеченные в историографии важные для нашей темы характерные черты. Во-первых, невозможность четкого определения границ, разделявших противоборствующие стороны, в условиях, когда вся придворная среда в целом, помимо «партийных», была пронизана личными и родовыми связями. Это предопределяло существование, помимо двух основных противоборствующих «партий», множества более мелких групп в рядах правящей элиты, как долговременных, основанных на относительно постоянных интересах, так и ситуативных, складывавшихся как ответ на конкретный вызов и распадавшихся, когда вызвавшая их к жизни проблема теряла свое значение. Причем состав этих объединений, мог вовсе не соответствовать составу группировок Нарышкиных и Милославских, а разделявшие их противоречия (или мотивы объединения) отражать косвенно, либо вовсе не отражать, генеральные предпосылки вражды двух «партий».

Во-вторых, неоднородность и непостоянность состава противоборствующих «партий», неустойчивые позиции лидеров каждой из них. Это предопределило и то, что после вспышки между ними открытой вражды в 1682 г., в дальнейшем по мере стабилизации политической ситуации, соперничество Милославских и Нарышкиных не исключало и сотрудничества, попыток поиска компромиссов и соглашений по отдельным проблемам, в разном формате и на различных уровнях.

В 1682—1689 гг. внутривосточная борьба в Русском государстве оказалась связана с отношениями России с ее важнейшим соседом и соперником на западе — с Польско-Литовским государством — Речью Посполитой. Польский королевский двор проявлял живой интерес к событиям русской «смуты» 1682 г., пытаясь использовать их в своих интересах. Искла поддержки Речи Посполитой и группировка Нарышкиных. Посредником в этом был выбран выехавший несколько лет назад на царскую службу из Польши галицкий шляхтич Павел Негребецкий. Его-то вдовствующая царица Наталья Кирилловна Нарышкина и попросила написать польскому королю письмо или передать соответствующее обращение иным способом. Негребецкий исполнил просьбу царицы. В ответ король в начале 1683 г. направил в Россию своего агента — Дмитрия Пошлавского. В марте тот прибыл в Москву вместе с братом Гаврилой якобы для взыскания долгов с проживавшего в столице мещанина белорусского происхождения Максима Янышевича. Однако Д. Пошлавский был схвачен, когда получал письма от Негребецкого. Вместе с братом его вывезли за город, где под пыткой их допросил Фл. Шакловитый. В итоге Пошлавского казнили.

При польском дворе, по-видимому, даже строили планы организации побега Натальи Кирилловны с сыном Петром в Речь Посполитую. Инструкции на этот счет имел Иосиф Лядинский, прибывший в Москву в свите посланника Станислава Бенгковского в феврале 1683 г. Лядинский должен был провести об этом переговоры со своей теткой — игуменьей Новодевичьего монастыря Антониной Даниловной. Авантюра окончилась неудачей еще и потому, что Антонина Даниловна поддерживала тесные связи с царевной Софьей¹¹.

По свидетельству нидерландского дипломата Иоганна Келлера, посланник Бенгковский просил разрешения оставить одного из своих товарищей в русской столице в качестве «резидента». Русское правительство ответило отказом, поскольку знало, что ранее польский посланник был выслан к Смоленску со шпионской миссией¹². Возможно, этим представителем, за которого хлопотал Бенгковский, и должен был стать И. Лядинский, чтобы, наряду с другими обязанностями, поддерживать и связи с Нарышкиными.

Если Д. Пошлавский, исполняя поручение Яна Собеского, заплатил жизнью, то Негребецкого Нарышкины смогли каким-то

образом, хотя и не на долго, вырвать из рук палачей. Ранее об этом можно было судить только на основе косвенных данных: отсутствия галицкого шляхтича в списке кормовщиков московского чина за 7191 (1682/83) год, появления его там вновь в 7192 (1683/84) г. и окончательного исключения из списка впоследствии¹³. Другие свидетельства, к сожалению не замеченные нами ранее, позволяют уточнить эти предположения. Свидетелем скоротечной расправы с Павлом Негребецким, произошедшей среди бела дня в центре Москвы, стал саксонский дипломат Лаурент Ринхубер, находившийся в России с июня по сентябрь 1684 г. Вот как описывает он это событие: «Был здесь, при дворе, молодой дворянин или камер-юнкер, кавалер пан Негребицкий, которой хорошо вел себя и нравился при дворе. Однажды вижу я, что идет он в сопровождении нескольких человек по большой площади и, казалось, умолял их о чем-то. Вдруг палач, не спросившись позволения и без дальней церемонии, отрубил ему голову. Тут же стояло несколько человек с длинным куском красной шелковой материи, должно быть присланным его приятелями. Они подбежали к мертвому телу, обернули его в материю раз пять или шесть и побежали прочь так быстро, словно трун жег им руки. Все оставались в недоумении, чтобы это значило».

Из описания трудно однозначно заключить, была ли это казнь, совершенная по каким-то формальным основаниям или же заранее спланированное убийство. Возможно, люди с тканью были подручными убийц, в задачу которых входило замести следы преступления, а не приятелями П. Негребецкого. Дальнейшие сообщения Л. Ринхубера о дошедших до него слухах не оставляют сомнений, что речь идет именно о Павле Негребецком: «Но сказывают, будто он (Негребецкий. — КК), разговаривая раз с приятелями, похвастался, что он находится в тесной связи с одною высокого звания девицею (царица Наталья Кирилловна. — КК), и даже писал в одном письме в Польшу, что он собирается уже Е.Ц.В. (его царское величество, т. е. видимо царя Петра. — КК) взять с собою в Польшу к Польскому двору»¹⁴. Уточнить время убийства Негребецкого позволяет свидетельство находившегося в Москве датского дипломата Гильдебранта фон Гёрна. 11(21) июля 1684 г. он сообщал исполнявшему обязанности канцлера Дании Конраду фон Ревентлову, что в русской столице пять или шесть дней назад отрубили голову некоему придворному по фамилии Негребецкий, из-за того, что он

написал несколько писем польскому королю, которые касаются «теперешнего правительства»¹⁵.

Возможно, что убийство Негребецкого было связано с новой попыткой Нарышкиных установить контакты с польским двором. Краткая информация об этом содержится в депеше папского нунция Опцио Паллавичини в Речи Посполитой от 26 ноября (6 декабря) 1684 г. (из Жолквы). Он сообщает о перехвате в «Московии» очередного послания Нарышкиных польскому королю. Нунцию было известно, что в не дошедшем до адресата письме Наталья Кирилловна просила Яна Собеского оказать протекцию своему сыну, уверяя, что рассчитывает исключительно на его помощь и покровительство, а также сообщала о воцарении старшего брата в результате стрелецкого мятежа¹⁶. На депешу нунция обратил внимание еще Е.Ф. Шмурло, хотя он и не верил в существование контактов между Нарышкиными и польским двором¹⁷.

Как известно, некий пересказ переданного через Негребецкого послания царицы Натальи отложился в варшавском Архиве древних актов¹⁸. Документ, помеченный пятым сентября по новому стилю, ввел в научный оборот польский историк Збигнев Вуйчик, датировавший его 1684 годом¹⁹. По нашему мнению, более вероятной представляется датировка — 1682 годом²⁰, поскольку попытки польского двора установить ответные контакты с Нарышкиными относятся к началу 1683 г. По всей видимости, З. Вуйчик знал о депеше О. Паллавичини, и отсюда его датировка «послания» Натальи Кирилловны. Мы в свое время, не обратили внимание на этот источник, однако представляется, что депеша нунция не может служить убедительным основанием для изменения высказанного ранее мнения по ряду причин. Во-первых, О. Паллавичини, мог узнать о факте обращения Нарышкиных к Яну Собескому гораздо позже, нежели адресат. Во-вторых, содержание разных по времени «посланий» могло быть примерно одинаковым, и, в-третьих (самое главное), 27 августа (5 сентября) 1684 г. Негребецкий был уже мертв более двух с половиной месяцев (о чем не знал З. Вуйчик) и поэтому не мог ничего передать. Даже если указанная дата — это день получения «послания» царицы польским королем, то убийство Негребецкого (о галицком шляхтиче в документе подробно рассказывается) или его арест в 1683 г. должны были бы получить в нем свое отражение. В тоже время мы можем связать гибель Негре-

бецкого в середине июля 1684 г. с упомянутой нунцием попыткой Нарышкиных вновь обратиться к польскому королю.

В истории сношений Нарышкиных с польским двором еще много неясного в связи с крайней скудостью источников, однако, нет сомнений, что в 1682—1684 гг. они имели вполне реальный характер. Эти контакты, хотя и не оказали существенного влияния на внешнюю политику России в целом, и отношения с Речью Посполитой в частности, вместе с тем отчасти объясняют последующее обращение русской стороны к королю Яну III с предложениями брачного союза.

Сколь важную роль играл брак каждого из царей в борьбе придворных группировок, отметил императорский голец Иоганн Эбергарт Гевель, побывавший в Москве в феврале 1684 г., вскоре после женитьбы царя Ивана V Алексеевича на Прасковье Салтыковой. На данной Гевелю аудиенции отсутствовал царь Петр. Проницательный немец, не поверив заявлениям пристава, что Петр нездоров, предположил, что между братьями (а точнее между их окружениями) произошла размолвка из-за брака старшего, которому Софья «навязала жену» в надежде на рождение в этом браке сыновей, что лишило бы младшего брата прав на престол²¹. Будет логичным предположить, что в своих рассуждениях И.Э. Гевель исходил из ходивших по столице слухов, которые, как правило, тщательно собирались иностранными дипломатами. Правильность его выводов подтверждает в своих воспоминаниях князь Б.И. Куракин, отмечая, что Софья, «хотя себя укрепить вечно в правлении под именем своего брата царя Иоанна Алексеевича, взяла резолюцию его, брата своего, женить». «И сию женитьбу, — продолжает далее Куракин, — в том виде учинила, чтоб видеть сыновей от брата своего и наследников к короне»²².

Женитьба царя Ивана ослабила политические позиции Петра и его окружения²³. Стремление Нарышкиных не допустить дальнейшего ухудшения своего положения заставляло их начать поиски невесты молодому царю, не смущаясь его молодостью. Как представляется, едва ли прав был Е.Ф. Шмурло, утверждавший, что «слишком ранние годы Петра не позволяли Наталье Кирилловне тогда же последовать примеру падчерицы»²⁴. Одним из главных стимулов для Нарышкинской «партии» женить Петра, видимо было то, что это означало бы его совершеннолетие и давало бы Нарышкиным официальный предлог требовать от-

странения от власти регентши царевны Софьи, что повлекло бы за собой падение и ее сторонников. Дополнительным аргументом для царского окружения в пользу столь ранней женитьбы Петра могло бы послужить и то, что он выглядел значительно старше своих лет. По словам секретаря шведского посольства, одиннадцатилетний Петр Алексеевич казался шестнадцатилетним юношей²⁵.

Любопытные свидетельства о России 1680-х гг. оставил саксонец Георг Адам Шлейссингер. Публикатор его записок — Л.П. Лаптева на основе анализа их текста сделала вывод, что саксонец покинул Россию не позднее 1686 г.²⁶ Русские источники позволяют не только точно установить, когда Г.А. Шлейссингер прибыл и когда покинул Москву, но и выяснить цель его приезда, а также род занятий саксонца, о которых ранее исследователям не было известно практически ничего. В марте 1685 г. в Посольский приказ подал челобитную «амбурские земли торговой иноземец Ивашко Николаев сын Фарюс». Он сообщал, что отпускает за границу нанятого им «школьного мастера» Юрия Слейзинка (т. е. Г.А. Шлейссингера) через Великий Новгород и Псков и просил выдать ему проезжую грамоту²⁷. Согласно подготовленной в приказе выписке «саксонские земли школьной мастер» Г.А. Шлейссингер явился туда по приезде из Великого Новгорода 7 (17) мая 1684 г., заявив «в допросе», что прибыл в русскую столицу «для учения детей» Ивана Николаева сына Фарюса «на время»²⁸. О получении саксонцем проезжей грамоты на выезд из России хлопотал стряпчий «галанские и амбурские кампаней» Иван Якимов, который 13 (23) марта поручился в Посольском приказе, что на Шлейссингера ни в приказах, ни московской большой таможне «дела никакова нет»²⁹. Двумя днями раньше подготовленную дьяками выписку «слушал» в приказе В.В. Юлицын, приказавший подготовить для саксонца проезжую грамоту, которая и была выдана с датой 16 (26) марта 1685 г.³⁰

В своих записках Г.А. Шлейссингер правильно указывает очередность прибытия иностранных посольств и миссий (шведского, австрийского и др.) в Москву за время, что он жил в городе. Выехал саксонский учитель из Москвы, по его словам, вместе со шведским дипломатом Кристофером фон Кохеном, приезжавшим по торговым делам³¹. Речь идет о приезде Кохена в Москву в феврале 1685 г. Главной задачей посланника было согласование сроков и других вопросов, касавшихся высылки су-

дей для межевания русско-шведской границы, что предусматривалось московским договором России и Швеции, заключенным в 1684 г. Однако Шлейссингер не ошибся: в ходе переговоров с В.В. Голицыным шведский дипломат действительно настаивал, чтобы высланные на пограничный съезд комиссары получили «полную мочь говорить о торговом деле», зафиксированном в 6 статье московского договора («как ему к прибыли и ко умножению быть»). Голицын, впрочем, не принял шведского предложения, заявив, что действующий в России Новоторговый устав и предыдущие русско-шведские договоры регулируют вопросы торговли с достаточной полнотой, в результате чего между обоими государствами «торг волной», а все возникающие спорные вопросы в этой сфере следует решать через «обсылки» русских царей и шведского короля³². 3 (13) марта 1685 г. Кристофер фон Кохен был «на отпуске» у царей и покинул Москву 10 (20) марта³³.

Наблюдательность Г.А. Шлейссингера и достоверность его свидетельств, а также то, что уехал саксонский учитель из России в марте 1685 г. (а не как предполагалось ранее — около 1686 г.) придают особое значение его сообщению о брачных связях молодых царей и позволяют внести коррективы в датировку описываемых событий. Саксонец пишет, что у царя Ивана «есть жена — боярская дочь. Но наследников нет. Говорят, что младшего уже тайно обручили»³⁴. Конечно же, Шлейссингер вряд ли был вхож в дома царских придворных или первых лиц государства, а вращался в обществе живших в Москве иностранцев. Поэтому его сообщение почерпнуто из обсуждавшихся в этой среде сведений о жизни царского двора. Известие о тайном обручении царя Петра вполне могло быть слухом, однако в основе его, несомненно, лежала верная информация об активном поиске петровским окружением невесты молодому царю, начавшемуся вскоре после свадьбы царя Ивана.

Упоминание о подготовке царской свадьбы содержится в письме литовского канцлера Марциана Огинского Станиславу Антонию Щуке, регенту коронной канцелярии и доверенному советнику польского короля Яна III Собеского. Послание Огинского не датировано, не указано и место его написания, более того, в т. н. «портфелях» Щуки в составе Публичного архива Потоцких оно сохранилось среди писем за 1687 г. Однако, исходя из его содержания, письмо можно вполне уверенно связать

с приходом М. Огинского в Москву в составе посольства Речи Посполитой для переговоров о Вечном мире в феврале 1686 г.

Канцлер сообщал регенту о слухах, что калмыки уже то ли подняли восстание, то ли собираются это сделать. Далее М. Огинский отмечал, что непосредственно перед тем, как он получил полномочную грамоту и письмо от короля, русские «целую ночь сидели на Думе» и уже на следующий день В.В. Голицын стал гораздо более любезен и обходителен по отношению к литовскому канцлеру, нежели ранее. Огинский, впрочем, не строил иллюзий, отмечая, что лишь когда русских что-либо «боднет в бок», их приязнь в отношении дипломатов Речи Посполитой возрастает и выражал опасения, как бы дела польско-литовского посольства в Москве не пошли хуже. Канцлер писал о приложенных им немалых усилиях, чтобы добиться отсрочки планируемого ответного русского посольства в Польшу (несмотря на то, что один из послов — И.И. Чаадаев был якобы уже назначен) и приурочить его к предполагавшемуся обмену резидентами между Россией и Речью Посполитой. Что касается «наших дел», отмечал Огинский намекая на их общую со Шучкой заинтересованность в получении денежных компенсаций за оставшиеся после 1654 г. на территории России имения, то в этом вопросе, по его мнению, еще следовало многое прояснить. В конце письма литовский канцлер сделал важное наблюдение: «Wesele carskie znowu przerobione, że i dziewica narzeczona siedzi w pałacu, i car nie ożeniony»*. За всем этим стояли, как отмечал Огинский усилия «*tertiaе imperantis*» («третьей властвующей») в которой нетрудно угадать царевну Софью³⁵.

Имея в виду просьбу Огинского о присылке ему от короля полномочной грамоты, то можно предположить, что документ мог быть составлен в первые дни пребывания в Москве польско-литовских послов, начиная с 9 (19) февраля (дня въезда в Москву). 13 (23) февраля послы вручили русским дипломатам во главе с В.В. Голицыным «королевского величества полномочную грамоту за королевскою рукою и за печатью маестатовою да лист полной мочи Речи Посполитой за руками и за печатями»³⁶. Вряд ли литовский канцлер стал упоминать о факте получения (через почту или с нарочным) одной из них спустя значительное время после этого события. Не исключено также, что письмо

* «Свадьба царская снова переделана: и невеста сидит во дворце, и царь не женат».

было и вовсе написано между 9 (19) и 13 (23) февраля, когда Огинский уже находился в русской столице, но церемония объявления полномочий еще не состоялась.

В письме Огинского говорится об уже приготовленной царской свадьбе, которая расстроилась в последний момент из-за интриг Софьи, не смотря на то, что невеста уже «сидела во дворце». Пролить свет на личность кандидатки в жены царя Петра Алексеевича помогает документ, говорящий о секретной миссии другого члена посольства Речи Посполитой — уже упоминавшегося дипломата Иосифа Лядинского, и о сведениях, полученных им, вероятно, от его тетки — игуменьи Новодевичьего монастыря Антонины Даниловны³⁷. В секретном донесении сообщается о планах царя Петра (точнее, видимо, его окружения) жениться на дочери находившегося в России имеретинского царя Арчила II, изгнанного с родины другим грузинским царевичем, его свояком. Однако царевна Софья, отмечалось в «реляции», была против этого брака, поскольку женитьба Петра означала бы его совершеннолетие и, следовательно, он мог бы на законных основаниях требовать удаления ее от власти. Опасалась царевна, в связи с этим и возможных распрей Петра с Иваном³⁸, хотя за этим объяснением, данным сочувствовавшими Софье людьми, видимо, также скрывалась ее собственная боязнь утратить влияние на государственные дела. Документ этот был составлен сразу после 8 (18) апреля, так как в этот день царевна Софья дала распоряжение игуменье Антонине начать через своего племянника И. Лядинского переговоры с канцлером М. Огинским³⁹.

Царской невестой могла быть единственная дочь Арчила II — Дареджан (Дарья) Арчиловна. В 1682 г. она прибыла вместе с отцом и остальными членами царской семьи в Астрахань. Русское правительство первоначально не только не внимало просьбам Арчила пропустить его с семейством в Москву, но и требовало выезда семьи имеретинского царя из Астрахани в Турки. Только после неоднократных настояний Арчила II в русскую столицу было позволено приехать его сыновьям Александру и Матвею (указ от февраля 1684 г., прибыли в Москву в августе). И лишь 27 марта (6 апреля) 1685 г. последовал царский указ о выезде в Москву самого имеретинского царя «со всем домом ево»⁴⁰. Учитывая, что свидетельство Г.А. Шлейссингера об обручении Петра относится к концу 1684 — началу 1685 гг., вполне вероятно,

что вызов семейства Арчила в Москву был непосредственно связан с планами Нарышкиных женить Петра на дочери имеретинского царя. Само разрешение выехать в столицу его сыновьям было дано вскоре после свадьбы Ивана V.

По сведениям Посольского приказа в 1681 г. Дарья Арчиловна было 14 лет ⁴¹, следовательно в 1686 г. — около 19-ти и она вполне могла рассматриваться как будущая супруга Петра, хотя и была старше его на четыре года. Следует отметить, что царица Прасковья была старше Ивана Алексеевича на два года. Почти на три года была старше Петра Алексеевича и его первая жена, Евдокия Федоровна (в девичестве Лопухина).

Содержанием семьи Арчила II во время его пребывания в Астрахани и путешествия в Москву ведал приказ Казанского дворца во главе с Б.А. Голицыным⁴², одним из предводителей «партии» царя Петра. Возможно, он и рекомендовал Дарью Арчиловну в супруги молодого монарха. Навстречу двигавшемуся в русскую столицу семейству имеретинского царя был выслан стольник С.П. Нелединский. Среди прочего ему было поручено от имени царевен и цариц «спросить о здоровье» жену Арчила II и их детей. Нелединский встретил семейство имеретинского правителя во Владимире. Получив аудиенцию у царицы Екатерины, он спросил ее о здоровье от имени «великих государынь цариц и от великих государынь царевен». Однако Дарья Арчиловна на этой встрече отсутствовала. Стольник заявил, что «велено ему спросить о здоровье и дочь их, и чтоб видетца». Однако ее отец отказал в этом Нелединскому, сославшись на то, что «дочере де их за приключившеюся болезнию выггти невозможно, да и обыкновения де у них такова нет, чтоб девицам х кому выходить». Подобного же ответа («дочь де его давно неможет же») был удостоен и князь Ю.Я. Хилков на аудиенции 5 (15) декабря в селе Покровском⁴³.

Предположение, что оба посланца хотели увидеть Дареджан Арчиловну именно как предполагаемую невесту царя, можно подкрепить рядом косвенных данных. Так, С.П. Нелединский в 1676 г. был стольником царицы Натальи Кирилловны, а затем, видимо, и царя Петра Алексеевича⁴⁴. Комнатным стольником царя Петра был Ю.Я. Хилков⁴⁵, а его отец Я.В. Хилков — последовательным сторонником Нарышкиных⁴⁶.

Арчил с семьей прибыл в Москву в первой половине декабря 1685 г.⁴⁷ По времени с этим совпадают и сведения польских ис-

точников о подготовке свадьбы Дарьи Арчиловны и Петра Алексеевича в феврале — марте 1686 г. и период особого внимания русского правительства к находившемуся в Москве семейству имеретинского царя. В феврале 1686 г. царю Арчилу и всей его семье было прибавлено жалованье (с 3 до 4 тыс. руб. в год) и пожалованы несколько богослужебных книг⁴⁸, 12 (22) марта к нему «для работы» был послан мастер из Золотой палаты, «которой бы умел делать золотые иконные дела с финивтом»⁴⁹, в апреле — два золотых дела мастера «для работы» и иконописец «добрый» из Оружейной палаты⁵⁰. Подобные пожалования и царские милости оказывались семье имеретинского царя и позднее, однако уже не так часто⁵¹. Наконец 11 (21) февраля, уже после торжественной аудиенции, данной самому Арчилу II по приезде, цари Иван и Петр, царица Наталья Кирилловна, царевна Софья и царица Прасковья Федоровна (именно в таком порядке в посольской книге перечисляются члены царского семейства) «указали быть у себя на дворе на приезде царице Екатерине Давыдовне. Прибыв, она направилась «в Верх до хоромам великой государыни царицы и великие княжны Наталии Кирилловны». В посольской книге содержание встречи сводится лишь к церемониальным вопросам (вопрошение о здравии, жалование к руке, потчевание и объявление государского жалования)⁵², однако не исключено, что визит царицы Екатерины к матери царя Петра имел непосредственное отношение к подготовке его свадьбы с царевной Дарьей.

Вообще семья имеретинского царя пользовалась особым покровительством именно Нарышкиных, тогда как Милославские относились к ней с неприязнью. В грамотке Ф.Л. Шабловитому, написанной, видимо, из первого Крымского похода, «посольских дел оберетатель» В.В. Голицын на известие, «будто Арчила и иных хотят посылать над нами в Белгород», с возмущением спрашивал: «и то за что так нас тратят?»⁵³. Слухи о назначении имеретинского царя командовать Московским полком, а В.В. Голицына — Новгородским ходили еще в октябре 1686 г.⁵⁴ С этим, видимо, связаны и известия о не до конца ясных планах русского правительства «посадить» самого Арчила в Крыму в случае, если бы готовившаяся военная экспедиция на полуостров оказалась удачной⁵⁵.

Стоит также отметить, что в 1691 г. конфискованный московский двор В.В. Голицына был пожалован детям имеретинского

царя Александру и Матвееву⁵⁶, к которым царь Петр и впоследствии был весьма расположен⁵⁷.

Попытки Нарышкиных женить Петра вызвали противодействие Милославских, что способствовало росту напряженности в отношении обеих «партий». Во время розыска 1689 г. Ф.Л. Шакловитый сообщил, что вскоре после заключения с Речью Посполитой Вечного мира Софья указала, «что б имя ее великия государыни писать обще с великими государи». Вскоре соответствующая память была прислана в Разряд из Посольского приказа для отправления грамот в города, а челобитные и приказные документы было велено оформлять соответствующим образом. Царица Наталья Кирилловна якобы в присутствии старших («болших») царевен, заявила, что ее сторонники этого так не оставят. В довершение Софья узнала, что Г.И. Головкин привел «в Верх» двух человек, якобы призывавших к передаче всей полноты власти в стране царю Петру. Все это, утверждал Шакловитый, вызвало «опасение» Софьи и ее сторонников. «А в которыхы времена стрелцы для такова ж опасения были в сборе в городе», — признавал он. Кроме того, опальный дьяк акцентировал внимание и на присутствии в описываемое время (т. е. в конце весны — начале лета 1686 г.) в Москве царя Петра: «А великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич в то время был на Москве»⁵⁸. Датский торговый агент в Москве Розенбуш фон Бутенант не спроста сообщал своему правительству, что после заключения Вечного мира между Софьей и Натальей Кирилловной возникли «большая подозрительность и разлад». К сожалению, он не мог сообщить подробностей, поскольку до осени 1686 г. не имел шифра для секретной корреспонденции⁵⁹. В сентябре 1689 г., по вышеприведенным показаниям Шакловитого был допрошен и В.В. Голицын. Князь, впрочем, все отрицал⁶⁰, а его очная ставка с Шакловитым, которого вскоре казнили, не состоялась. По всей видимости, этого не допустил один из руководителей розыска, князь Б.А. Голицын, стремившийся, несмотря на давнюю «партийную» вражду, всеми силами уберечь двоюродного брата от обвинений в измене государю⁶¹.

Однако в одном важном для нас пункте Голицыну пришлось признаться, а именно в присылке в Разряд памяти об именовании Софьи «великой государыней». В феврале 1691 г., во время нового допроса в Яренске, где бывший канцлер остановился по пути в ссылку, Голицыну была предъявлена соответствующая

память из Посольского приказа в Разряд от 8 (18) мая 1686 г. Князь, однако, оправдывался, что решение было принято «по общему их великих государей и великия государыни указу, и как в сиденье великие государи изволили сидеть обще с нею, великою государынею, и при них, великих государех во всяких делах читали обще их великих государей и ее, великия государыни имя». «А указу от них, великих государей, что мне ее великия государыни обще с ними не писать, не было» — утверждал он⁶².

Таким образом, принятие Софьей титула «великой государыни» именно в мае 1686 г., в связи с заключением русско-польского Вечного мира, отражало стремление царевны и ее окружения подготовить почву для сохранения власти в случае, если бы свадьба младшего царя состоялась. Все это привело к обострению отношений между противоборствующими «партиями». Впрочем, на этот раз брачный союз удалось расстроить, что, возможно, предотвратило вспышку открытой вражды.

Однако Мирославские понимали, что рано или поздно Петр женится и станет полноправным государем. Нарышкины же сознавали, что не в силах в данный момент отстранить Софью от власти. Поэтому неудивительно, что обе стороны пытались найти некое взаимоприемлемое решение в вопросе о женитьбе царя. С этим, думается, и связаны были новые попытки поиска невесты Петру Алексеичу.

Польский историк Збигнев Вуйчик ввел в научный оборот очень любопытный источник, касающийся попыток русских правящих кругов просватать за Петра Алексеича дочь польского короля Яна III Собеского — Терезу Кунегунду⁶³. Это письмо мстиславского земского писаря Августина Константиновича, который, с ведома и по поручению литовского канцлера Марциана Огинского, поддерживал тайные дипломатические контакты с Москвой через агента Посольского приказа в Смоленске Назария Краевского⁶⁴. А. Константинович описывает в письме свои секретные переговоры со смоленским воеводой Б.В. Бутурлиным. Письмо (точнее копия его дешифрованного текста) датировано 9 (19) июля, место написания — Смоленск. Года на документе не проставлено. Польский исследователь относит его к 1686 г., когда между Россией и Речью Посполитой велись переговоры о заключении договора о Вечном мире. Однако содержание послания позволяет усомниться в предложенной З. Вуйчиком датировке.

Эти сомнения подтверждаются почерпнутыми из русских источников достаточно подробными сведениями о контактах Константиновича с русскими властями в Смоленске. Достоверно известно, что в 1687 г. Константинович по крайней мере дважды приезжал в Смоленск для получения второй части денежной суммы, которую Россия должна была выплатить Речи Посполитой по договору о Вечном мире. В феврале 1687 г. в Смоленск с этой же целью прибыл Александр Носович, посланец познанского воеводы Кшиштофа Гжимултовского, возглавлявшего делегацию Речи Посполитой на переговорах о Вечном мире годом ранее. Носович вручил смоленскому воеводе письма для В.В. Голицына от самого Гжимултовского и М. Огинского с напоминанием о необходимости выплаты остатка средств. Литовский канцлер в письме Голицыну сообщал, что посылает в Смоленск А. Константиновича, однако в отписке в Москву Бутурлин не упоминал о его прибытии⁶⁵. Возможно, Константинович должен были приехать из пограничного местечка Кадино (где находилась его резиденция), получив сведения о доставке в Смоленск предназначенной Речи Посполитой казны. Однако А. Носович был отпущен обратно в Речь Посполитую без денег: ему было заявлено, что в связи с подготовкой похода на Крым «выдано казны на жалованье ратным людям многие миллионы», поэтому выплата денег шляхетской республике переносится на май 1687 г.⁶⁶ 12 (22) мая 1687 г. в Смоленске появился уже сам А. Константинович, вручив воеводе очередные послания Гжимултовского и Огинского с требованием денег. Б.В. Бутурлин запросил Москву⁶⁷. Только 2 (12) июня из столицы была направлена грамота в Смоленск, что собранная казна (в общей сложности около 32 тыс. руб. вместо положенных 46 тыс.) отправлена с подьячими разных приказов⁶⁸. Между тем, А. Константинович заявил воеводе, что будет ждать известий в Кадино и покинул Смоленск. Деньги прибыли в город уже после его отъезда, 11 (21) июня⁶⁹. Сообщая о своей поездке канцлеру М. Огинскому, Константинович отмечал, что Б.В. Бутурлин принял его очень вежливо и извинялся, что в феврале А. Носович уехал из Смоленска несолоно хлебавши. Воевода уверял, что в мае все будет отдано, хотя и признал, что сейчас ни денег, ни известий об их доставке не имеет. Вместе с тем он заверил земского писаря, что будет добиваться скорейшей присылки казны из столицы и немедленно сообщит ему об этом. Далее Кон-

стантинович сообщал, что затем он имел с воеводой и некие «секретные разговоры», о содержании которых обещал донести отдельным письмом⁷⁰. 7 (17) июня Константинович написал Б.В. Бутурлину из Мстиславля. Помимо текущих дел (о пропуске московских стругов с хлебными запасами по Днепру из Смоленска в Киев, о выдаче некоего литовского подданного, который, совершив убийство супругов-соседей Константиновича, бежал в Россию) земский писарь интересовался, когда можно приезжать за деньгами⁷¹. Вновь Константинович прибыл в Смоленск только 25 июня (5 июля). Деньги же он начал принимать только через пять дней, «а до того числа не принимал», — жаловался в Москву Б.В. Бутурлин: «а сказал, что у него до того числа денег принимает было некому, дожидался ис Кадина людей, кому деньги щитат, а принимают щетом с рук на руки мешкотно». Однако 1 (11) июля произошел инцидент, еще более замедливший передачу средств. Константинович спросил у подьячих, все ли положенные по договору деньги (46 тыс. руб.) будут переданы польско-литовским представителям. Подьячие, догадываясь, куда клонит литвин, заявили, что не знают и добавили: «сколько у них к отдаче денег привезено, те и принимай». Раздраженный земский писарь заявил Б.В. Бутурлину, что если деньги привезены не полностью, то он не будет принимать и «единой гривны». Воевода, не называя сумму доставленных денег, убеждал Константиновича, что все будет выплачено полностью, и одновременно запросил инструкций из Посольского приказа⁷². С большим запозданием, 12 (22) июля, из Москвы в Смоленск была направлена грамота с инструкцией: объявить Константиновичу, что отказ принять средства будет рассматриваться как нарушение с польско-литовской стороны договора о Вечном мире⁷³. Однако Б.В. Бутурлин получил ее, по всей видимости, уже после отъезда Константиновича из Смоленска. Приняв деньги, земский писарь, тем не менее, «стоял <...> упорно, не всех денег принят, и отписки дат не хотел». 13 (23) июля, после долгих споров и очередных обещаний Бутурлина, что все положенное будет выплачено сполна, Константинович дал расписку в получении денег и выехал в Литву⁷⁴.

Стоит отметить, что, несмотря на споры о деньгах, между А. Константиновичем и Б.В. Бутурлиным установились довольно доверительные отношения. Вскоре после отъезда Константинович писал воеводе: «исполняя мое обещание, а паче для

прислужения твоей милости, ведомости чужеземные посылаю»⁷⁵. Стоит отметить, что раньше земский писарь посылал в Смоленск т. н. вестовые письма или рукописные газеты среди других донесений о событиях в Речи Посполитой и окрестных странах (а оттуда они уже поступали в Москву) через посредство Н. Краевского. Теперь же Константинович решил пренебречь обычными предосторожностями.

Таким образом, день и месяц написания письма Константиновича канцлеру М. Огинскому — 9 (19) июля совпадает по времени со второй поездкой земского писаря и его длительным (более двух недель) нахождением в Смоленске. Станным было бы ожидать, что какие-то следы секретных переговоров земского писаря и смоленского воеводы могли отложиться в официальных документах Посольского приказа. Опубликованное З. Вуйчиком послание начинается со слов: «Kiedy w pową, a wielce sekretną wszedł ze mną konferencją ImćP wojewoda smoleński...»⁷⁶. Из этого следует, что «секретной конференции» предшествовали другие переговоры и логично предположить, что они касались «московских» денег, либо тех «секретных разговоров», о которых земский писарь упоминал в мае. Далее Константинович сообщал, что Бутурлин завел его в уединенное место и сначала долго говорил о доброжелательности литовского канцлера, который не только «учинил» Вечный мир, но и еще заботиться о его соблюдении. Цари, по словам воеводы, возлагают особенные надежды на М. Огинского. И хотя до Москвы доходят различные «предупреждения», сеющие недоверие к Речи Посполитой, продолжал Бутурлин, тем не менее, оба русских монарха «*upewniając się przysięgą króla Imci i tak wielkich ludzi posłów, chcieliby jeszcze i w ściślejszą wniść kolligacyją*»⁷⁷. То есть можно констатировать, что разговор А. Константиновича и Б.В. Бутурлина состоялся не только по заключении договора о Вечном мире (май 1686 г.), но и после присяги польского короля Яна III Собеского перед ответным русским посольством во Львов, состоявшейся в декабре 1686 г.

Важность вышеприведенного фрагмента для датировки документа требует, на наш взгляд, более подобных разъяснений каса-

* «Когда новую очень секретную начал со мной конференцию его милость пан смоленский воевода...»

** «уверяясь присягой короля Его милости и таких великих людей, как послы, хотели бы еще в теснейшее войти соединение».

тельно того, что имел ввиду Б.В. Бутурлин под присягой польско-литовских послов, тем более что в литературе церемониальные аспекты заключения русско-польского договора 1686 г. не описаны⁷⁸. После согласования текста Вечного мира в ходе московских переговоров были подготовлены две «беловые записи» договора на русском и польском языках. 26 апреля (6 мая) стороны предъявили свои тексты друг другу в Ответной палате и еще раз «справливали» их содержание. Русский вариант зачитал подъячий Посольского приказа Кузьма Никитич Нефимонов, «а с ним смотрел в тое ж запись» переводчик и секретарь польско-литовского посольства Самуил Рожигский. Кто читал польский текст в русских источниках не указано, известно лишь, что «в полское письмо смотрели» русские переводчики Семен Лаврецкий и Степан Чижинский. После сверки текстов В.В. Голицын торжественно заявил о заключении Вечного мира и антиосманского союза, пообещав соблюдать его «крепко и нерушимо». Аналогичные обязательства от имени короля дали польско-литовские послы в ответной речи. Затем обе делегации «к договорным записям <...> всякой к своей записи подписали руки свои и печати приложили». С русской стороны это сделали В.В. Голицын, Б.П. Шереметев, И.В. Бутурлин, П.Д. Скуратов, И.И. Чадаев, думный дьяк Е.И. Украинцев, дьяки В. Постников, П.Б. Возницын, И. Волков, с польско-литовской — К. Гжимултовский, М. Огинский, А. Пшиемский, А. Потоцкий, Н. Огинский как мечник литовский. При этом Голицын и Шереметев приложили печати «большие з гербами их на красном воску под кустодиями», а остальные русские дипломаты — «на красном сургуче перстневые». Со стороны Речи Посполитой К. Гжимултовский и М. Огинский приложили к договору печати «на красном воску большие с гербами их», а трое остальных послов — «на красном сургучу». Кроме того, дипломаты Речи Посполитой дали специальное «обещательное письмо» с обязательством соблюдать заключенный договор. Подписал его М. Огинский. С русской стороны подобный документ, врученный послам, «завизировал» Е.И. Украинцев.

Наконец, в Ответную палату были принесено «праздничное» Евангелие из Благовещенского собора. Во время выноса Евангелия перед ним шли с кадилами два дьякона и два пономаря «со свечами витыми» в серебряных подсвечниках. Евангелие положили на аналой «на восток, лицом ко встрече», по бокам поставили свечи. Польско-литовские послы положили под

него свою «договорную запись», русские дипломаты — свою («А особого Евангелия у полских послов не было», — отмечено в посольской книге). После чего ближние бояре — В.В. Голицын, Б.П. Шереметев и И.В. Бутурлин, «подступя блиско Святаго Евангелия, говорили обещание свое, каково подписано под записью все вслух, по статьям останавливаясь». Первым говорил В.В. Голицын, за ним остальные, после чего каждый походил к Евангелию, крестился и целовал закрытую книгу. Затем подобную церемонию повторили польско-литовские дипломаты. При этом они «целовали в письмо Святаго Евангелия, разогнув, где напечатано благовестие святаго евангелиста Иоанна Богослова “в начале се слово, и слово бе к Богу и Бог се слово”», а после того, согнув Святое Евангелие, полские ж послы целовали во святыи и животворящий крест, которой на том Евангелии изображен». После клятвы на Евангелии стороны «розменились» экземплярами договора. «А розменясь, ближние бояре полских послов поздравляли, а послы взаимно бояр поздравляли», а затем обменялись еще обещаниями в соблюдении мира от имени царей и короля («каковым быть во обоих сторонах государским обещаниям»). Они были подписаны членами обеих делегаций, но без приложения печатей.

В тот же день, но уже в Грановитой палате в присутствии польско-литовских послов цари Иван и Петр дали присягу в соблюдении договора на Евангелии. После взаимной присяги обеих делегаций бояре и думные люди вышли «с полскою договорною записью» к великим государям, велев дипломатам Речи Посполитой «пообождать» в Ответной палате. Затем Е.И. Украинцев позвал их в Грановитую палату, где торжественно объявил о них царям. Гжимутовский сказал ответное приветствие и вручил русский вариант текста Ивану и Петру, а те передали ее Голицыну. Оберегатель посольских дел положил обе договорные записи под Евангелие. Евангелие, еще перед приходом польских и литовских послов в Грановитую палату, вновь доставили из Благовещенского собора «на мисе, на обнизной пелене», поставив его справа от трона, «на налое от благовещения на рундук меж первого и второго окон». При выносе священной книги два дьякона шли перед ней, держа в руках «свечи белого воску литые» в серебряных подсвечниках, двое других дьяконов кадили, а за Евангелием шел «государев духовник», протопоп Меркурий. Все они были «во священных одеждах добрых».

Поприветствовав послов, Украинцев спросил их и посольских дворян «о здоровье» от царского имени и кратко изложил историю прошедших переговоров. Иван и Петр подозвали к себе «блиско» польско–литовских послов и ближних бояр Голицына, Шереметева и Бутурлина. Евангелие вместе с аналоем поднесли к царям, после чего великие государи встали с трона и торжественно обещали договор «держатъ во веки непременно». В момент присяги «царские венцы приняли и держали» дядьки князь Петр Иванович Прозоровский (у Ивана) и Родион Матвеевич Стрешнев (у Петра). Скипетры держали бояре Борис Гавриилович Юшков и Тихон Никитич Стрешнев. После торжественной клятвы Иван и Петр поцеловали Евангелие, на них вновь возложили венцы, вернули скипетры, и оба монарха сели на трон. В это же время Голицын взял из-под Евангелия тексты договора и встал рядом с тронном. Канцлер вручил подошедшим послам русский текст Вечного мира «в камке», причем в момент передачи цари простерли («наднесли») свои руки над договором, не дотрагиваясь до него. Затем Е.И. Украинцев объявил дипломатам Речи Посполитой об отпуске, после чего цари вручили им свою грамоту для короля Яна III. В заключение Иван и Петр встали с трона, чтобы передать через польско–литовских послов свои поздравления Яну Собескому⁷⁹.

Таким образом, под присягой польско-литовских послов, о которой говорил А. Константиновичу Б.В. Бутурлин, понималась вся совокупность обязательств в соблюдении договора, взятая ими на себя 26 апреля (6 мая), и, в первую очередь — торжественная клятва на Евангелии. Итак, учитывая, что в письме А. Константиновича и о присяге послов, и о присяге короля говорится как о свершившихся фактах, можно заключить, что в июле 1686 г. (как полагал З. Вуйчик) оно не могло быть написано. А зная, что земский писарь приезжал в Смоленск в июле 1687 г. (о посещении им этого города в 1686 г. никакой информации нет) и находился там до 13 (23) числа, можно с уверенностью предположить, что послание М. Огинскому было выслано им как раз 9 (19) июля 1687 г., сразу после разговора с Б.В. Бутурлиным.

О чем же в этот день говорили наедине Б.В. Бутурлин и А. Константинович в Смоленске? Воевода подчеркнул, что уже вышеупомянутое «теснейшее соединение» России и Речи Посполитой могло бы как раз состояться при деятельном участии канцлера М. Огинского и, взяв обещание с земского писаря хранить все

услышанное в тайне, поинтересовался о возможности заключения брака царя Петра и дочери польского короля Терезы Кунегунды. Опешеломленный Константинович ответил, что ему, конечно известны случаи из истории, когда польские короли брали в жены «царевен» (ввиду имелся, по справедливому предположению З. Вуйчика, брак польского короля и великого литовского князя Александра с дочерью великого князя Ивана III Еленой), и в тоже время напомнил Бутурлину, что в обычае у царей жениться на своих подданных, а не на заграничных невестах. Восвода признал справедливость этого замечания, а затем стал расточать комплименты царевне Софье. Вот и теперь мудрая царевна, опасается, что по достижении Петром совершеннолетия, страну вновь может охватить смута (стоит отметить, что об аналогичных опасениях царевны говорила и игуменья Антонина И. Лядинскому). Поэтому Софья якобы замыслила, чтобы царь Иван, «которому Бог не дает потомства» (имелись в виду наследники мужского пола), отрекся от престола и был посвящен в сан патриарха всея Руси. При этом условии Софье удалось бы достичь соглашения с царицей Натальей Кирилловной, что Петр станет единственным монархом. Первоначально царевна будто бы хотела видеть женой Петра дочь своего фаворита В.В. Голицына, тогда как нарышкинская «партия» настаивала на замужестве царя с дочерью одного из их лидеров — Б.А. Голицына. Однако, по словам Бутурлина, оба этих варианта немедленно настроили против Голицыных представителей наиболее знатных московских родов независимо от принадлежности их к основным придворным группировкам — Одоевских, Черкасских, Милославских, Прозоровских, Долгоруких и др. Все они, включая и патриарха Иоакима, категорически выступали против возвышения Голицыных. В этой ситуации компромиссным решением, которое бы примирило обе «партии», и могла стать женитьба Петра на дочери польского короля. Выслушав все это и желая закончить разговор, А. Константинович подытожил, что не невеста должна искать жениха, но наоборот. В заключение Бутурлин еще раз просил собеседника не говорить об услышанном никому, кроме канцлера М. Огинского, который должен был донести ему о реакции королевского двора через земского писаря⁸⁰.

Недовольство придворной знати возвышением В.В. Голицына подтверждается еще одним польским источником, а именно

письмом К. Гжимултовского, написанным в августе 1686 г. В нем сообщается, что представители различных аристократических фамилий (Одоевские, Черкасские, Долгорукие) не допустили назначения сына канцлера Алексея послом в Речь Посполитую и выразили недовольство намерением В.В. Голицына возглавить поход на Крым, хотя сам он уверял воеводу, что готов сделать это⁸¹.

Имеющиеся свидетельства о назначении Голицына главнокомандующим русской армии довольно разноречивы. Р. Бугенант отмечал, что «посольских дел оберегатель» обязательно возглавит поход из гордости, хотя Софья не хочет отпускать его из Москвы на столь длительный срок. Другим кандидатом на пост главнокомандующего был боярин, князь М.А. Черкасский, но против его отъезда из Москвы выступили уже Нарышкины. Шведский резидент сообщал, что бояре (видимо часть из них) склоняются к тому, чтобы именно В.В. Голицын командовал войском, как главный «виновник» войны, но царица Софья якобы не поддерживает эту идею по уже упомянутым причинам⁸². А.С. Лавров, опираясь на записки Фуа де ла Невилля, полагает, что на командовании Голицына настаивали противники соглашения с Польшей — бояре П.И. Прозоровский и Ф.И. Салтыков, входившие в окружение царя Ивана⁸³. Вся эта разноголосица свидетельств ярко характеризует ситуацию смешения и пересечения личных амбиций и групповых интересов. В.В. Голицын был готов возглавить поход, даже вопреки мнению Софьи. М.А. Черкасский, Долгорукие и Одоевские были недовольны таким возвышением фаворита, а П.И. Прозоровский и Ф.И. Салтыков наоборот поддерживали назначение Голицына большим воеводой, рассчитывая, что на этом поприще его ожидает неудача, которой в дальнейшем можно будет воспользоваться. Все это явно свидетельствовало о общем недовольстве фаворитом царицы среди представителей крупнейших аристократических родов.

Высказанное в разговоре Бутурлина с Константиновичем намерение Софьи и ее сторонников добиться посвящения царя Ивана в сан патриарха находит некоторые косвенные подтверждения в других источниках, в т. ч. и в русских, хотя, ни один из них не сообщает о возможном патриаршестве старшего царя. Еще в марте 1683 г. шведский дипломат Кристофер фон Кохен сообщал о возможном пострижении Ивана в монахи при сохранении Софьей полноты власти⁸⁴. В конце 1687 г. в Москве поговаривали, что Иван должен был быть посвящен в духовный

сан, но пыне от этого намерения якобы решено отказаться⁸⁵. По времени распространения эти слухи вполне можно соотнести с содержанием переговоров Бутурлина и Константиновича.

Во время следствия 1689 г. под делу Ф.Л. Шакловитого стрелецкий пятисотенный Иван Муромцев показал, что в последних числах августа 1687 г. тот предлагал ему и другим стрелецким начальникам подать челобитную о венчании царевны Софьи царским венцом во время выхода царей 1 (10) сентября «во Обновление нового лета к действию». Когда стрельцы сказали, что патриарх Иоаким это дело не благословит, Шакловитый ответил «не тот де патриарх, ин де иной будет»⁸⁶. Десятник Михаил Чечотка добавил к этому, что Шакловитый говорил: «мочно де патриарха переменить, а взять бы де изо властей (т. е. из духовенства. — КК), которой на нашу руку». На вопрос стрельцов, известно ли о том царям, Шакловитый ответил: «Ведает де один государь (Иван. — КК), а другой де в малых летех»⁸⁷. Позднее на очной ставке с Шакловитым М. Чечотка настаивал, что тот «такие слова, что святейшего патриарха переменить, а взять бы изо властей или и простого старца, говорил <...> и челобитную де о перемене патриарха, на одном столпце, мелким письмом, он Федка ему казал». Под пыткой Шакловитый признал правдивость показаний И. Муромцова, но заявления Чечотки не подтвердил⁸⁸. По свидетельству стрелецкого пятисотенного Иллариона Елизарьева и пристава Обросима Петрова накануне праздника Богоявления 6 (16) января 1688 г. Ф.Л. Шакловитый в разговоре с ними зондировал возможность убийства патриарха, а также Нарышкиных и князя Б.А. Голицына и во время царского выхода к освящению воды⁸⁹.

Таким образом, замысел низвержения Иоакима обсуждался Шакловитым с вожакими стрельцов уже через месяц после беседы А. Константиновича и Б.В. Бутурлина, а слухи о возможном пострижении старшего царя ходили в Москве во второй половине 1687 г. Все это вполне могло быть связано с планами возвести Ивана Алексеевича на патриарший престол. Впрочем, согласно материалам следствия по делу Ф.Л. Шакловитого, данный план не рассматривался сторонниками Софьи как единственно возможный. В зависимости от придворной конъюнктуры в разное время Милославские должны были менять свои планы. Требовавшие этого обстоятельства часто нам неизвестны или неясны. Так, из приведенных показаний по делу Шакловитого

следует, что помимо старшего царя намечались и другие кандидаты в патриархи. Не исключено, что одной из таких кандидатур был Сильвестр Медведев⁹⁰.

Среди обсуждавшихся политических комбинаций, призванных сохранить за Софьей верховную власть, в источниках получили отражение и некие планы «раздела царства» на три части после венчания Софьи, по которым бы она и Иван (а соответственно и стоявшая за их спиной политическая группировка) получили бы две трети, а Петр Алексеевич — одну. По показаниям уже упоминавшегося Ивана Муромцева при обсуждении в конце августа 1687 г. Шакловитым и стрелецкими начальниками плана венчания Софьи на царство, его необходимость обосновывалась, между прочим, и тем, чтобы царевна имела возможность претендовать на одну треть при «разделении» царства между ней, Иваном и Петром. Об этом И. Муромцев говорил и со слободчиками своего полка — Василием Загудаевым и Михаилом Даниловым, которые пересказывали планы сторонников Софьи следующим образом: «Будет де они государи поволят свое государство и к разделению, ино де ему государю царю Иоанну Алексеевичу и государыне две доли, а ему государю царю Петру Алексеевичу третья доля». При допросах в 1689 г. все трое признавали факт этого разговора⁹¹. То, что эти планы существовали, подтверждал и капитан московских стрельцов Василий Сапогов, прибывший 29 августа (8 сентября) 1689 г. в Троицу с доносом на Ф.Л. Шакловитого. Последний, по свидетельству офицера, в том же месяце, уже после открытого разрыва между двумя правящими группировками, предлагал «побить Нарышкиных», постричь в монахини царицу Наталью Кирилловну, но «опасался» царя Петра, не зная, «над ним государем, что делать?». В. Сапогов по его словам ответил, видимо, имея в виду ранее вынашивавшиеся планы: «Над ним де великим государем того злого дела учинить не мочно, *разве де им великим государем разделитца* (курсив мой. — КК.)»⁹².

План возведения царя Ивана на патриарший престол имел смысл, если бы Софью в то же время удалось венчать на царство, сделав тем самым полноправной соправительницей младшего царя. Для сохранявшей таким образом властные рычаги в своих руках «партии» Милославских, брак Петра (который к тому же все равно рано или поздно должен был состояться) уже не имел бы серьезного значения. Одновременно его женитьба на

иностранный принцессе могла рассматриваться сторонниками Софьи как уступка политическим противникам в обмен на ее венчание.

В июле 1687 г. последовали переговоры Б.В. Бутурлина и А. Константиновича и уже спустя месяц Милославские выдвигают идею венчания Софьи на царство. Существование этого плана, в отличие от туманных и мало вероятных комбинаций по разделу царства, сомнений не вызывает. В ходе сыска и следствия 1689 г. он был подтвержден рядом стрелецких офицеров и стрельцов⁹³, а также самим Ф.Л. Шаковитым. Последний свидетельствовал, что уже после совещания со стрелецкими офицерами на его загородном дворе под Новодевичьим монастырем и составления челобитной о венчании Софьи, которая должна быть подана царям 1 (10) сентября, в день празднования «новолетия», царевна «того учинить не изволила»⁹⁴. Вероятно, определяющую роль в этом решении правительницы сыграла неуверенность Милославских, что им удастся получить поддержку необходимой части правящей элиты, стрелецкого войска и опасение не откажется ли патриарх венчать Софью. Возможно, одним из мотивов отказа от планов венчания было и игнорирование Яном Собеским русских матримониальных предложений (подробней о причинах этого см. ниже), которые играли важную роль в политическом торге между двумя группировками знати в Москве. Это вновь отодвигало срок царской свадьбы и тем самым на время снижало напряженность в отношениях противоборствовавших «партий». Следует также отметить, что на переговорах с Константиновичем смоленский воевода умолчал о намерении «партии» Милославских сохранить позиции Софьи во власти и после женитьбы младшего брата. Софья и ее советники могли резонно полагать, что получение польским королем подобной информации привело бы к охлаждению его желания (как оказалось и без того слабого) породниться с Романовыми.

Говоря о заявленных смоленским воеводой Б.В. Бутурлиным планах брака царя с кем-то из Голицыных, трудно назвать имена возможных невест. Известно, что В.В. Голицын имел двух дочерей — Ирину (родилась в 1663 г.) и Евдокию (предположительная дата рождения 2 (12) августа 1680 г.)⁹⁵. П. Гордон в Дневнике под 26 января (5 февраля) 1689 г. записал, что «дочь нашего боярина (В.В. Голицына. — КК.) обручена с одним из Одоевских». Запись помещена через шесть дней после анало-

гичной заметки от 20 (30) января о свадьбе царя Петра⁹⁶. После ссылки В.В. Голицына в его бумагах была обнаружена рядная запись о сговоре дочери Ирины за стольника Юрия Юрьевича Одоевского и получении последним приданого сполна, датированная 2 (12) февраля 1689 г.⁹⁷ Возможно именно Ирина Голицына была той самой кандидаткой в невесты младшему царю. Трудно сказать, свидетельствовала ли ее свадьба с Ю.Ю. Одоевским, состоявшаяся немедленно после женитьбы царя Петра, что «посольских дел оберегатель» до определенного момента питал надежды на замужество дочери с представителем царствующего дома, однако сам по себе этот факт весьма показателен. Из многочисленных дочерей Б.А. Голицына в жены Петру могли прочить старшую дочь Евдокию (годы рождения и смерти неизвестны, замуж не вышла), Анастасию (1675—1743) — в браке с 1703 г. и, возможно, Марию (годы рождения и смерти неизвестны) — замужем с 1696 г.⁹⁸

По косвенным данным можно также судить, что переговоры о браке Петра и польской принцессы были согласованы в Москве зимой — в начале весны 1687 г., до отъезда В.В. Голицына в первый Крымский поход, а далее Бутурлин просто ждал удобного случая (прибытия в Смоленск Константиновича на достаточно длительный срок), чтобы изложить ему русские предложения. Сам смоленский воевода проявил себя в это время как сторонник Софьи и В.В. Голицына⁹⁹. По информации А. Константиновича, Б.В. Бутурлин царевну «z wielką veneracją wspominał, iako od Pana Boga Boga prawie daną dla uspokojenia narodu naszego, przez którą i pierwsze krwie rozlanie osadzeniem dwoch (царей. — КК) na tronie zatrzymało się»¹⁰⁰. То, что это не выдумка Константиновича, а некий общий тезис в речах сторонников царевны доказывает свидетельство ахтырского полковника Ивана Ивановича Перекрестова, учителю детей которого Ф.Л. Шаковитый (в 1796 г., после завершения первого Крымского похода, т.е. осенью 1687 г.) говорил, что «премудрая» Софья «бунт утишила», имея в виду стрелецкие выступления 1682 г.¹⁰¹ Развернутое обоснование эта концепция получила в известном сочинении Сильвестра Медведева¹⁰².

* «о которой с большим почтением говорил, как о Господом Богом ниспосланной для успокоения нашего народа, благодаря которой и первое кровопролитие посредством восхождения на трон двоих (царей. — КК) остановилось».

Шифрованное письмо А. Константиновича — М. Огинскому сохранилось в деле № 47 Публичного архива Потоцких в варшавском Архиве древних актов. Оно вместе с некоторыми другими делами архива Потоцких, а также многими делами фонда 694 (т. н. архив Собеских) в Национальном историческом архиве Белоруссии содержит наибольшее количество известных оригинальных документов, относящихся к внешней политике Речи Посполитой последней четверти XVII в. Коллекцию документов обоих собраний можно даже условно назвать внешнеполитическим архивом Яна III Собеского. Наличие в нем опубликованного З. Вуйчиком документа, таким образом, дает возможность заключить, что литовский канцлер довел до сведения польского короля предложения русской стороны о браке царя Петра и принцессы Терезы Кунегунды.

Реакция польского двора на предложения Москвы неизвестна, а это свидетельствует, что она не была положительной. Для ревностного католика Яна Собеского вряд ли была приятной мысль о переходе его дочери в православие, что было бы непременным условием в случае брака Терезы Кунегунды с Петром Алексеевичем. Кроме того, известно, что польский король разочаровался в союзе с Россией уже вскоре после его заключения, когда не получил от Москвы ожидаемой поддержки в борьбе против крымских татар. Русское правительство, не дождавшись благожелательного отклика с польской стороны, не решилось начать официальную процедуру сватовства.

Наконец, не исключено, что свою роль в отношении Яна Собеского к сделанным русской дипломатией предложениям сыграло еще и то, что в 1684—1686 гг. неофициальным посредником в отношениях между Москвой и Варшавой нередко выступал литовский канцлер М. Огинский, сблизившийся с польским королевским двором вскоре после смерти в 1682 г. гетмана Михала Паца. Во время переговоров о Вечном мире между Огинским и его русским коллегой В.В. Голицыным установились достаточно доверительные отношения. Во внутрилитовских делах М. Огинский должен был оглядываться на тогдашних лидеров литовских политических кругов и ярых противников Собеского — Сапер¹⁰³. Затем он и вовсе перешел на их сторону, подписав в 1687 г. акт направленного против короля заговора магнатов¹⁰⁴.

Если высказанное предположения о датировке письма Огинского с известиями о подготовке свадьбы Петра верно, то перед

нами еще одно свидетельство, что литовский канцлер был неплохо осведомлен как о планах московской дипломатии еще до начала переговоров, так и о важных событиях внутренней политики России. Но не только русская сторона ценила связи с литовским канцлером, установившиеся в ходе переговоров в Москве в 1686 г. В апреле 1687 г. М. Огинский, торопя королевский двор с высылкой польского резидента в столицу России, сетовал, что в данный момент вынужден вести «бесплодную» корреспонденцию с сыном отсутствующего в Москве «старого Голицына», к которому совсем не испытывал доверия. Канцлер надеялся, что присланный польской стороной резидент изыщет возможности вести секретные переговоры с самой царевной Софьей, «która teraz wszystkim rządzi»¹⁰⁵. Говоря о «резиденте» Огинский намекал на желательность в этой роли своей креатуры — ждмудского подчашия Ежи Доминика Довмонта. В итоге, добившись желаемого, Огинский рассчитывал упрочить свои контакты с В.В. Голицыным и царевной.

В первой половине марта 1687 г. в Гродно состоялась «конференция» Сапег и Огинского, на которой среди прочего обсуждался вопрос распределения денег, получаемых от России по Вечному миру, а также, по всей вероятности, и отношения Великого княжества Литовского с Россией вообще. Об этом королевский двор предупреждал один из самых преданных сторонников Собеского в Литве, литовский польный гетман Юзеф Богуслав Слушка¹⁰⁶. Сразу после этих совещаний М. Огинский попытался посредством неофициальных контактов с Посольским приказом дискредитировать политику польского короля и предложить Москве свое посредничество в контактах с Сапегами также, как ранее — с Пацами.

Через смоленского воеводу Назарий Краевский сообщил Алексею Васильевичу Голицыну, сыну «посольских дел оберрегента» (руководил Посольским приказом, пока отец был в Крымском походе), что «в самое разводе» к нему писал вернувшийся от Огинского А. Константинович, прося о встрече. Встреча не состоялась, так как, по словам Краевского, ему «скорбному и древнему в такое разводе видетца с ним немочно было». Поскольку дело не терпело отлагательств, Константинович согласился на обмен письмами. Его послание Краевскому, переправленное последним в Посольский приказ датировано 20 (30) марта 1687 г.¹⁰⁷

¹⁰⁵ «которая теперь всем управляет».

Земский писарь сообщал смоленскому шляхтичу, что «имея поистине великую тайну, хотел есмь быть на Москве и видеться с князем его милостью Голицыным и в словесном разговоре объявить. А дело то по подобию прошлого. Быть бы пересылкам чрез твою милость и чрез меня в таковом деле, что королевское величество по многим мерам склонен будучи х ковам* французским, и имея на то своих поджигателей и советников, совершенно такова святого дела (заключения Вечного мира. — КК) докончать не хотел, и на силу превеликую то учинил, когда пред очима было наступающее кровопролитие и утеря всего княжества Литовского со многими иными странами, однако у него ни в каком разсуждении то почтено не было, когда толь вредителной ков французской советовал, когда де мы, король, имея дацкого, шведа и иных наших союзников противу случению и союзу цесарскому, а к тому турченина и татар с саблею полскою случив, удобно бы то все, что отошло, с лишком назад возвратить, да и цесарской венец был бы на главе твоей, и ты бы королю полской, частию венгерской земли и государства московского дополнил бы, и державное государство ввел бы». По словам Константиновича, такие «думы» охватили Собеского осенью 1686 г., по возвращении из очередного неудачного молдавского похода. При этом «наипаче от братства с татары многих ради причин не хотелось ему кончать», т. е. подтверждать Вечный мир своей присягой. То, что Ян III в конце концов согласился все-таки ратифицировать русско-польский договор, объяснялось в письме усилиями сенаторов, которые «ево на правый путь возвели и очи отворили, что то <...> пагуба мало не всего христианства, когда бы той святой союз, который на силу по милосердию Божию учинился, имел бы рватис или задержатис чрез нас». «И милостию Божиею договор совершен», — резюмировал в письме Константинович от имени польско-литовской оппозиции, — «однакож, есть ли бы какая была, избави Бог, в сердцы закала у короля, и для того согласилис гетманы коронные и сенатори коронные многие к тому склонилис, да и Сапеги чрез моево господина канцлера имети общую переписку с князем его милостью Голицыным». Цель этих контактов, по словам Константиновича, состояла бы в том, «и хотя бы что хотел король, то не допускать и чтоб всякое противное намерение тому святому союзу не вредило». В заключение сооб-

* Согласно словарю В.И. Даля «ков или мн. ковы, вредный замысел, злоумышленье, заговор, коварное намерение».

щалось, что обо всем вышесказанном «ведает гораздо цесарское величество и венецыяне» и выражалась надежда, что «королевское величество души и самого страха Божия и правды беречь будет и лекарства такова на злонамерение [будет] ненадобно». А. Константинович также просил Н. Краевского, чтобы все было «тайно» и сообщал, что вскоре сам приедет в Смоленск «после праздника», (видимо, речь шла о Пасхе) и поведает ему «все дело <...> совершеннее»¹⁰⁸.

Реакция русского двора на изложенные в письме Константиновича предложения Огинского была сдержанной. В Москве не желали обострять отношения с Яном Собеским из-за поддержки антикоролевской оппозиции в преддверии начала переговоров о браке Петра и Терезы Кунегунды. На это недвусмысленно намекнул Б.В. Бутурлин в ходе июльских бесед с А. Константиновичем, когда декларировал намерение России войти с польским королем в еще более тесный союз «*lubo teraz zachodzą diffidencyje i różne carów przestrogi*»¹⁰⁹.

Ни правящие круги в Москве, ни литовские магнаты не желали осложнять наладившиеся отношения, поэтому контакты Огинского и смоленского воеводы продолжались. В конце августа 1687 г. литовский канцлер писал Б.В. Бутурлину: «благодарю за все дружбы и надеяния добрые, которое в соседстве будучи, по належному соблюдать изволишь, о которых, имея учиненное себе доношение от слуги моего Константиновича, тем надежнейшая желая дружбы, прошу вперед непременно поступати со мною желателстве, в чем отзыватца к вашей милости томуж слуге моему повелел». Канцлер интересовался, когда будет выплачен остаток суммы по договору Вечного мира 1686 г. и просил пропустить в Москву двух его людей для приобретения нужных товаров¹¹⁰.

Так или иначе, молчание польского двора в ответ на русские предложения сватовства только усугубили соперничество придворных группировок в деле выбора царской невесты. Шведский резидент в России Кристофер фон Кохен в письме от 16(26) декабря 1687 г. сообщает о слухе, будто свадьба Петра должна состояться в январе будущего года¹¹¹. В январе 1688 г. нидерландский резидент Иоганн Келлер сообщал о скорой женитьбе Петра «на красивой и молодой даме, имя которой еще

*«хотя теперь [между двумя странами] возникает недоверие, а до царей доходят различные предупреждения».

не осмеливаются произносить». «Если эта женитьба будет иметь место, — рассуждал он, — наверняка, следует ожидать чрезвычайных изменений»¹¹².

Оба дипломата не называли имя невесты, и американский историк П. Бушкович полагал, что речь идет о Евдокии Лопухиной¹¹³, не задаваясь вопросом, почему же свадьба в итоге была отложена на целый год. Теперь можно с уверенностью утверждать, что эта информация скорее всего относится к иным кандидатам или вообще была вызвана очередным витком слухов о скором браке младшего царя, которые циркулировали уже не один год (вспомним свидетельство Г.А. Шлейссингера). Некоторый свет на дальнейшие перипетии придворной борьбы вокруг свадьбы младшего царя проливают мемуары князя Б.И. Куракина. По его свидетельству в жены Петру предлагались «из знатных персон девицы». Б.А. Голицын на этот раз, видимо, попытался взять реванш за неудавшуюся свадьбу Петра с одной из своих дочерей и сватал царю свою свойственницу княжну Трубецкую. Однако замысел такой брачной партии встретил противодействие Нарышкиных и боярина Т.Н. Стрешнева, опасавшихся возвышения Голицыных и Трубецких. Чтобы не допустить этого, Т.Н. Стрешнев стал подбирать царю невесту «из шляхетства малого и сыскал одну девицу из фамилии Лопухиных» — известную Евдокию Федоровну¹¹⁴. Свадьба состоялась в январе 1689 г.

Брак Петра вызвал еще одну попытку сторонников царевны Софьи предотвратить потерю власти правительницей. Понимая, что патриарх Иоаким откажется венчать царевну на царство, Л.Р. Неплюев по указанию В.В. Голицына в феврале 1689 г. вел переговоры с находившимся в России архимандритом афонского Павловского монастыря о благословении венчания Софьи на царство вселенскими патриархами¹¹⁵.

Что касается семьи имеретинского царя, то в июле 1688 г. царь Арчил с сыновьями Матвеем и Александром был опущен из России в Имеретию¹¹⁶. Царица Екатерина с дочерью осталась в Москве¹¹⁷. Им было указано «по челобитью» Арчила «быть при <...> царского величества дворе в милостивом их царского величества жалованье»¹¹⁸. Дальнейшая судьба Дареджан Арчиловны, или царевны Дарьи — несостоявшейся невесты Петра I — была также связана с Москвой. В 1713 г., после смерти отца, она стала во главе существовавшей в первопрестольной грузинской колонии. Большую часть времени она проживала в подмосковном

селе Всехсвятском (ныне эта территория входит в состав Москвы и расположена в северо-западной части города). Вотчина эта досталась Дарье Арчиловне от брата Александра. Он же получил Всехсвятское в качестве приданного, женившись в 1688 г. на Феодосии Ивановне, которая была единственной дочерью Ивана Михайловича Милославского (умер в 1685 г.). После смерти Феодосии (1695 г.) Всехсвятское было пожаловано имеретинскому царевичу. Умерла царица Дарья в 1740 г.¹¹⁹

В раннее Новое время личность монарха и его династические связи являлись неотъемлемой частью внешней и внутренней политики государства, а вопросы брака правителя почти всегда тесно переплетались с борьбой придворных группировок. Не стала в этом плане исключением и Россия 80-х гг. XVII в. времен «последнего боярского правления», как их иногда именуют историки.

Свидетельства о планах «партии» Нарышкиных женить царя Петра и связанных с ними интригах при царском дворе практически не нашли отражения в отечественных источниках. Одной из причин этого стало практическое отсутствие (за редкими исключениями) традиции ведения дневников и иных сочинений мемуарного характера, а, следовательно, и отсутствие исторических источников неофициального или полуофициального происхождения, которые исходили бы из круга близких к монаршему двору лиц, посвященных в хитросплетения разворачивавшейся в царском тереме политической борьбы¹²⁰. Тем не менее, сопоставление отрывочных свидетельств иностранцев с косвенными данными русских документов позволяет сделать в этом плане более или менее определенные выводы, представить основные стадии соперничества Нарышкиных и Милославских, связанные с борьбой вокруг брака младшего царя. Предлагая ниже итоговую реконструкцию этих событий, автор вполне отдает себе отчет, что в некоторой степени она основана на свидетельствах источников, которые могут иметь и другие интерпретации, а также определенных условных допущениях. Несомненно, что введение в оборот новых материалов позволит скорректировать высказанные суждения.

Итак, исходным пунктом, побудившим окружение Петра начать поиски невесты для младшего из царствовавших, но не правивших братьев, стала женитьба старшего — Ивана. Замысел женитьбы Петра на дочери имеретинского царя Дарье Арчиловне возник у Нарышкиных, вероятно, в начале 1685 г.

(возможно, что и ранее — еще в феврале 1684 г.). Одним из его инициаторов, возможно, был Б.А. Голицын.

По мере того, как дело двигалось к свадьбе, Милославские активизировали усилия, направленные на сохранение власти царевны Софьи и после бракосочетания Петра. Именование Софьи великой государыней под предлогом заключения Вечного мира с Речью Посполитой вызвало недовольство противной «партии». В свою очередь сторонники Софьи и В.В. Голицына постарались расстроить свадьбу Петра и Дарьи Арчиловны и одновременно вновь искали поддержки у стрельцов.

Срыв бракосочетания только на время снял напряженность в борьбе боярских группировок, противоречия между которыми были завуалированы, но отнюдь не разрешены, что признавали обе стороны. Поэтому следующий, 1687 год, стал временем поиска компромисса между Милославскими и Нарышкиными. То, что попытки договориться имели место, свидетельствовал и Ф.Л. Шакловитый, сообщая, что царевна Софья бывало «от ней великой государыни (царицы Натальи Кирилловны. — КК) прихаживала к себе светлым лицом, и в то время она великая государыня благодарствовала, что меж ними государи все добро»¹²¹. В ходе закулисных придворных переговоров стороны пытались предложить в невесты Петру своих кандидаток, Милославские — дочь В.В. Голицына, Нарышкины — дочь Б.А. Голицына. Однако подобный вариант настроил уже против Голицыных представителей всех наиболее знатных родов Российского царства, вне зависимости от их «партийной» принадлежности. В итоге оба варианта отпали, и был найден третий — сватовство Петра к дочери польского короля. Трудно сказать насколько этот шаг был обусловлен предыдущими контактами Нарышкиных с польским двором, поскольку мы не знаем, как вызревало в русских правящих кругах решение обратиться к Яну Собескому с неофициальным предложением сватовства. Несомненно, однако, что в целом польский фактор играл гораздо более значительную роль в придворной борьбе в 1682—1689 гг., нежели это считалось ранее. В частности попытка связать брачными узами Романовых и Собеских должна была подкрепить прочность заключенного сторонами в 1686 г. договора о Вечном мире и антиосманском союзе.

Таким образом, если попытка женить младшего царя на дочери Арчила была предпринята вопреки позиции Милославских, то

сватовство к польской принцессе стало результатом компромисса двух «партий». Что же могли получить Милославские взамен за поддержку очередной брачной комбинации Петра? По всей видимости, они пытались добиться от оппонентов согласия на венчание Софьи на царство. Однако компромисс не состоялся. Ян Собеский не ответил на русские предложения. Одной из причин молчания короля стало посредничество в передаче русских предложений канцлера М. Огинского, который в это время перешел на сторону антикоролевской магнатской оппозиции. Отклонение польской стороной планов Нарышкиных установить династические связи с Собескими обусловило и невозможность для Милославских осуществить планы венчания царевны-регентши.

Неудача попыток обрести почву для соглашения привела к постепенной эскалации политической борьбы в верхах русского государства. Понимая, что Петра необходимо женить как можно скорее, Нарышкины отказались от выбора невесты из иностранных владетельных домов, вернувшись к традиционному для Московского царства варианту царского брака. После некоторых внутренних дискуссий (попытка Б.А. Голицына женить Петра на Трубецкой) выход был найден в кандидатуре Евдокии Лопухиной (скорее всего, вовсе не ее имели в виду иностранные резиденты зимой 1687—1688 гг.). Состоявшаяся в январе 1689 г. свадьба заставила Милославских вновь лихорадочно искать возможности для венчания Софьи. Поиски соглашения обеих «партий» потерпели окончательный крах, и дело шло к открытому конфликту, который и должен был решить исход борьбы.

В то же время попытки женить Петра Алексеевича сначала на грузинской царевне, а затем на польской принцессе свидетельствовали, что, независимо от противостояния при дворе боярских группировок и конъюнктурных внешнеполитических расчетов, часть русской политической элиты уже в который раз стремилась прервать традицию выбора царем невесты из собственных подданных, утвердившуюся на Руси в силу ряда обстоятельств внешне- и внутривосточного характера. В этом случае брак Петра с иностранной принцессой способствовал бы не только укреплению его положения внутри страны по сравнению со сводным братом Иваном, но и росту международного престижа России. В полной мере данный поворот в династической политике Романовых произошел уже в правление самого царя-реформатора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сватовстве Василия Ивановича к датской принцессе см.: *Хорошкевич АЛ.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 147—148.

² См. пространные размышления на эту тему И.Е. Забелина: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 209—214.

³ *Флоря БН.* Иван Грозный. М., 2009. С. 163, 420—423; *Хорошкевич АЛ.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 246—250; *Sucheni-Grabowska A.* Starania Iwana Groźnego o rękę Katarzyny Jagiellonki a konflikt z Rosją o Inflanty (1560—1561) // *Homines et societas. Czasy Piastów i Jagiellonów.* Poznań, 1997. S. 213—223.

⁴ *Флоря БН.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 27.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ *Флоря БН.* Россия и чешское восстание... С. 136—137, 166—167, 187; *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 240; *Козляков ВН.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 147—148.

⁷ См., например, о проектах брака сестры царя Бориса Годунова, Ксении: *Флоря БН.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 176—183, 192—194, 200. Широко известен также факт неудачного сватовства датского королевича Вольдемара к дочери царя Михаила Федоровича (*Козляков ВН.* Указ. соч. С. 303—307).

⁸ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Publiczne Potockich (далее — APP). Rps. 47. Т. 1. S. 91.

⁹ О сватовстве царя Федора после смерти первой жены см.: *Седов ПВ.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 383—388.

¹⁰ Упомяну лишь работы последних лет: *Седов ПВ.* Указ. соч.; *Лавров АС.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Российского государства в 1682—1689 гг. М., 1999; *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008. См. также библиографию в этих изданиях.

¹¹ *Кочегаров КА.* Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 136—140.

¹² *Белов МН.* Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма. Диссертация... к. и. н. Л., 1947. С. 65.

¹³ *Кочегаров КА.* Указ. соч. С. 136—137.

¹⁴ *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1863. Ч. 2. С. 228—229.

¹⁵ *Aarsberetninger fra det Kongelige Geheimearchiv indeholdende bidrag til Dansk historie af utrykte kilder.* Kjøbenhavn, 1882. Bind 6. S. 190. Благодарю польского исследователя, господина Яцка Бурдовича-Новицкого

за указание на данный источник. Я воспользовался электронной копией издания, размещенной на сайте www.archive.org. Об убийстве Негребецкого в июле 1684 г. пишет также П.В. Седов со ссылкой на дневник члена шведского посольства Йогана Спарвенфельда (*Седов П.В.* Указ. соч. С. 402). Мне это издание (J.G. Sparwenfeld's Diary of Journey to Russia 1684—1687. Stockholm, 2002.) оказалось недоступно. П.В. Седов также сообщает ряд любопытных фактов из биографии П. Негребецкого (*Седов П.В.* Указ. соч. С. 399—402, 474), которые не были учтены мной ранее (ср.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 135—139). Историк приводит также небезынтересную информацию иностранных резидентов о причинах казни Негребецкого со ссылкой на Спарвенфельда. Кроме, собственно, переписки с польскими властями Негребецкий якобы пострадал по наговору И.М. Милославского за то, что ему покровительствовали бояре В.В. Голицын, Б.А. Голицын и И.И. Голицын, а также из-за того, что Софья не простила ему поддержки Нарышкиных в 1682 г. Первая причина, как представляется, не имела большого значения и верна лишь отчасти. Вряд ли Негребецкий одновременно пользовался покровительством Бориса и Василия Юлициных, которые были открытыми политическими противниками. Другая причина также второстепенна, но она косвенно отражает факт установления Негребецким связей с польским двором еще в 1682 г., что и стало главным мотивом его казни, либо убийства. Кроме того, Дмитрия Поплавского пытали не в 1684 г., как утверждает Седов, а, скорее всего, годом раньше.

¹⁶ *Theimer A.* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelovits, Fédor III, et Pierre le Grand czars de Russie extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 291.

¹⁷ *Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Ч. 303. Январь. С. 52.

¹⁸ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 135, 147.

¹⁹ *Wójcik Z.* Epilog traktatu Grzymułtowskiego w roku 1687 // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994. S. 37.

²⁰ Подробней см.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 135.

²¹ *Аделунг Ф.* Указ. соч. С. 227. Патрик Гордон в своем дневнике, правда, отмечал (запись от 12 (22) января 1684 г.), что Петр Алексеевич болен оспой (*Гордон П.* Дневник, 1684—1689. М., 2009. С. 11), однако, это вовсе не исключает вышеуказанных разногласий в русских правящих кругах. Вряд ли стоит принимать во внимание фантастическую версию французского дипломата и путешественника Фуа де ла Невилля, утверждавшего, что Софья и В.В. Голицын, желая Ивана, дали его жетте в любовники некоего итальянского лекаря по причине «бессилия» мужа. С появлением у царицы Прасковьи детей, они рассчитывали лишить Петра прав на престол и добиться приятия им священнического сана, а затем объявить о настоящем отце отпрысков старшего царя, которого планировалось вновь женить, но уже так, чтобы в браке не было потомства. Это открывало путь к короне самой царевне, которая якобы наме-

рвалась обещаться с Голицыным (*Дела Невилья*. Записки о Московии. М., 1996. С. 160—161). Этот невероятный и практически неисполнимый план был, видимо, плодом собранных французом в русской столице слухов, к которым он добавил изрядную долю собственных домыслов.

²² *Куракин Б.И.* История о царе Петре Алексеевиче. 1682 — 1694 гт. // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 53. См. также: *Матвеев А.А.* Записки // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 7; *Семевский М.И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII века. Ч. 1. Царица Прасковья. 1664—1723. СПб., 1883. С. 7—9. О придворных интригах вокруг свадьбы царя Ивана см.: *Бушкович П.* Указ. соч. С. 143—144, 146—147.

²³ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 87—89.

²⁴ *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 53.

²⁵ *Богословский М.М.* Петр Великий: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М., 2005. С. 48.

²⁶ *Латтева Л.П.* Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 103.

²⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 75.

²⁸ Там же. Л. 76.

²⁹ Там же. Л. 77.

³⁰ Там же. Л. 78—80.

³¹ *Шлейссингер Г.-А.* Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 123—124.

³² РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 117. Л. 39, 51—62. Ср.: *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Teil I. Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689. Giessen, 1958. Подробнее об экономических аспектах русско-шведских переговоров в Москве в 1684 г. см.: *Пасковский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1994. С. 281—287.

³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 117. Л. 103, 129 об.

³⁴ *Шлейссингер Г.-А.* Указ. соч. С. 111.

³⁵ AGAD. APP Rps. 163a. T. 14. S. 165.

³⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 137. «Лист полной мочи Речи Посполитой» от 10 (20) мая 1685 г. был подписан: познанским епископом С. Вежбовским, варминским епископом и коронным подканцлером М. Радзевским, лудским и брестским епископом С. Витвицким, перемышльским Я.С. Збонским, виленским А. Котовичем, краковским каштеляном А. Потоцким, краковским воеводой Щ. Потоцким, виленским воеводой и гетманом великим литовским К. Сапегой, познанским воеводой К. Гжимуловским, великим коронным гетманом и воеводой русским С. Яблоновским, виленским каштеляном и польным литовским гетманом Ю.Б. Слушкой, троцким воеводой К.П. Бжостовским,

Хелминским воеводой М. Дзялыньским, брацлавским Я. Гпинским, великим коронным маршалком С. Любомирским, М. Огинским, коронным подскарбием М. Замойским, литовским подскарбием Б. Сапегой, коронным подстолием А. Пшиемским, литовским писарем А. Гелгудом, коронным референдарем и варшавским старостой Я. Красинским, литовским мечником П. Отипским, Ильяшом Михаилом Рызвольгом («подкоморий лицкий и посол депутат, назначенный к конституции Великого княжества Литовского»), королевским полковником А.Я. Потонским, регентом коронной канцелярии С.А. Шукой (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 140 об.—145).

³⁷ См. об этом подробнее: *Кочегаров КА*. Указ. соч. С. 134—135.

³⁸ AGAD. APP. Rps. 47. T. 1. S. 382.

³⁹ *Кочегаров КА*. Указ. соч. С. 358.

⁴⁰ Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974. Ч. 1. С. 184, 234—242, 254—258, 303, 319—326, 336—337, 359. Н.Г. Устрялов полагал, что русское правительство не пускало семейство Арчила в Москву, потому что не желало ссориться с Османской империей после недавно заключенного Бахчисарайского перемирия 1681 г. (*Устрялов НГ*. История царствования Петра Великого. Т. 1. Господство царицы Софьи. СПб., 1858. С. 110).

⁴¹ Материалы... Ч. 1. С. 85.

⁴² Материалы... Ч. 1. С. 265—268 и след., 337 и след.; Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века). Тбилиси, 1979. Ч. 2. С. 14 и след.

⁴³ Материалы... Ч. 2. С. 27—28, 43—50.

⁴⁴ *Руммель ВВ. Голубцов ВВ*. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 132. Среди актов, поданных С.П. Нелединским вместе с родословной росписью в Палату родословных дел в 1685 г, сохранился и наказ, данный ему из Посольского приказа в связи с поездкой к царю Арчилу (*Антонов АВ*. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 240, 248).

⁴⁵ *Наумов ОН. Хилков БМ*. История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008. С. 88.

⁴⁶ *Лавров АС*. Указ. соч. С. 96, 99. Дворцовые разряды свидетельствуют, что в течение всего периода регентства князь Я.В. Хилков неизменно был участником придворных мероприятий в составе окружения младшего царя (Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стлб. 244, 285, 302, 322, 328, 330, 348, 361, 380, 389, 408, 420, 428, 432, 434). В октябре 1684 г. он был подвергнут опале (указ не съезжать с двора) за неявку в «поход» царя Ивана IV (*Лавров АС*. Указ. соч. С. 89). В 1697 г. все три его сына, в т. ч. и Юрий поехали учиться за границу (*Наумов ОН, Хилков БМ*. Указ. соч. С. 88—91).

⁴⁷ Материалы... Ч. 2. С. 60. Нидерландский резидент в Москве Иоганн Келлер описывал въезд Арчила с семьей в Москву в депеше от 5(15) декабря 1685 г. (*Белов МИ*. Указ. соч. С. 20).

⁴⁸ Материалы... Ч. 2. С. 118, 119.

⁴⁹ Там же. С. 126.

⁵⁰ Там же. С. 128.

⁵¹ В 1687 г. в честь Вечного мира с Речью Посполитой имеретинскому царю было пожаловано 250 руб. соболями (Материалы... Ч. 2. С. 203); в апреле 1687 г. посланы к Арчилу один мастер серебряных, другой золотых дел для изготовления иконных окладов (Там же. С. 207); в декабре того же года последовал царский указ о выдаче Арчилу 2 тыс. руб. «для ево скудости и на расплату долгов» из Приказа Большой казны (Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века). Тбилиси, 1979. Ч. 3. С. 15—16).

⁵² Материалы... Ч. 2. С. 119—122.

⁵³ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стлб. 1104.

⁵⁴ Бушкович П. Указ. соч. С. 154. Примечание 44.

⁵⁵ Кочегаров К.А. Указ. соч. С. 346.

⁵⁶ Розыскные дела... Т. 3. Стлб. 729—732.

⁵⁷ Пайчадзе Г.Г. К истории грузинской колонии в Москве в XVII—XVIII веках. Тбилиси, 1982. С. 24—33; *Его же*. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1970. С. 31—32.

⁵⁸ Розыскные дела... СПб., 1884. Т. 1. Стлб. 201—202. Ср.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 35—36.

⁵⁹ Бушкович П. Указ. соч. С. 152; *Bushkovitch P.* Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1995. Band 50. P. 87.

⁶⁰ Розыскные дела... Т. 3. Стлб. 45, 64—65.

⁶¹ Лавров А.С. Указ. соч. С. 174—178, 181.

⁶² Розыскные дела... Т. 3. Стлб. 1140, 1167. Ср.: Устрялов Н.Г. История... Т. 2. С. 35; *Погодин М.П.* Семнадцать первых лет жизни императора Петра Великого. 1672—1689. М., 1875. [Отд. II]. С. 117; *Лермонтова Е.* Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по издавшимся документам. (Из переписки, возбужденной графом Паниным) // *Русская старина*. 1912. Кн. 2. С. 438—440. См. также информацию о принятии Софьей титула самодержицы иностранных резидентом: Бушкович П. Указ. соч. С. 152. Е.Ф. Шмурло пишет о некоем «специальном указе» января 1687 г., который формально узаконивал практиковавшееся после заключения Вечного мира титулование Софьи самодержицею (*Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 53). Однако на самом деле речь идет об именном указе, предписывавшим включать имя царевны наравне с царями в тексты жалованных грамот дворянам. Более того, этот указ касался только тех жалованных грамот, которые выдавались в честь знаменательных событий (перемирие с Польшей, Турцией и татарами, «Троицкий поход» 1682 г.), а в преамбуле (докладная выписка) констатировалось, что имя Софьи уже

указывается в жалованных грамотах, выдаваемых в честь Вечного мира. Теперь же его было решено писать и в остальных грамотах, после того, как будут использованы все «старые» листы, изготовленные в Печатном приказе (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 2. 1676—1688. С. 846—847).

⁶⁵ *Wójcik Z. Plany mariażu polsko-rosyjskiego w roku 1686 // Ludzie, kontakty, kultura. Prace, ofiarowane profesor Marii Boguckiej. Warszawa, 1997. S. 241—245.*

⁶⁴ См. об этом подробнее: *Кочегаров КА. Указ. соч. С. 50—57 и след.*

⁶⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 12. Л. 73—86.

⁶⁶ Там же. Л. 93—102.

⁶⁷ Там же. Л. 103—112. См. также: Там же. Д. 224. Л. 1244—1249 (копии отписки Б.В. Бутурлина и переводов с писем М. Огинского и К. Гжимультовского).

⁶⁸ Отпуски царских грамот Б.В. Бутурлину — Там же. 1686 г. Д. 12. Л. 135—138, 146 об.—147 об.

⁶⁹ Отписка воеводы Б.В. Бутурлина от 14 (24) июня 1687 г. — Там же. Л. 149—151.

⁷⁰ А. Константинович — М. Огинскому. 18 (28) мая 1687 г. «W polu pod Hryszkowem» — AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 14. S. 111—113. При этом Константинович дословно повторил фразу Бутурлина о причинах задержки выплаты денег: «wojska podczas własnie wyprowione były na wojnę, na którą wyprawę nie tysiącami, ale milionami s kazni musiały iść pieniądze» (Ibid. S. 111).

⁷¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 40—40 об.

⁷² Отписка воеводы Б.В. Бутурлина — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 12. Л. 167—169.

⁷³ Там же. Л. 170—172 об.

⁷⁴ Отписка Б.В. Бутурлина. 14 (24) июля 1687 г. — Там же. Л. 174—177. Копию расписки А. Константиновича см.: Там же. Л. 78. См. также: Там же. Д. 224. Л. 1288 об.—1293 об. (копии отписки Б.В. Бутурлина и перевода расписки А. Константиновича).

⁷⁵ Там же. 1687 г. Д. 1. Л. 47, 49. Письмо от (19) 29 июля 1687 г. из Кадину.

⁷⁶ *Wójcik Z. Plany mariażu... S. 243.*

⁷⁷ Ibid. S. 243—244.

⁷⁸ Ср.: *Кочегаров КА. Указ. соч. С. 363—364; Устрялов НГ. История... Т. 1. С. 168.*

⁷⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 6. Л. 123—411; Там же. Д. 224. Л. 597 об.—607 об., 706—710, 720 об.—734.

⁸⁰ *Wójcik Z. Plany mariażu... S. 244—245.*

⁸¹ *Кочегаров КА. Указ. соч. С. 357—358.*

⁸² *Бушкович П. Указ. соч. С. 152—153.*

⁸³ *Лавров А.С. Указ. соч. С. 141.*

⁸⁴ *Бушкович П. Указ. соч. С. 141.*

⁸⁵ Постскрипtum к письму Марциана Воловича — С.А. Щуке. 10 (20) декабря 1687 г. — AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 14. С. 1391. Автор сообщает новости, полученные с «русской почтой», которые также содержали слухи о намерении Софьи уйти в монахини: «Carówna Zophia lubo była wstąpiła w Dziwicz monastyr do czernic y habit przyjęła, znowu rewokowana w też się rządu status interressuie, y co o Ioannie głoszoną, że y tego mieli w czernicy wprawić znowu to ustało». Подобное известие о Софье содержится также в некоей «реляции из Москвы» от 15(25) декабря 1687 г., которая отложилась в бумагах Яна Собеского (Папиональный исторический архив Беларуси. Фонд 694. Оп. 12. Д. 25. Л. 1).

⁸⁶ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 102.

⁸⁷ Там же. Стлб. 36—37.

⁸⁸ Там же. Стлб. 173—175. На этот факт обращал внимание А.С. Лавров. См.: *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 171, 173—174. Советование по поводу свержения патриарха подробно рассматривал также М.П. Погодин. *Погодин М.П.* Указ. соч. [Отд. II]. С. 192—193.

⁸⁹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 10, 121.

⁹⁰ *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 328, 345—346, 371—372. Автор вполне допускает, что Софья и ее сторонники были не прочь, чтобы Медведев занял место патриарха, однако упоминания об этом у де ла Певилля он считает слухом, а соответствующий донос некоего колдуна и знахаря Дмитрия Силина — наговором. Об обвинениях Медведева в стремлении стать патриархом сообщали и шведские дипломаты (*Bushkovitch P.* Aristocratic Faction... Р. 90. Примечание 25). Планы Ф.Л. Шакловитого «переменить» патриарха связывал с намерением Медведева получить патриарший жезл П.Г. Устрялов (*Устрялов П.Г.* История... Т. 2. С. 33). См. также: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 71.

⁹¹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 91—92, 101—104.

⁹² Там же. Стлб. 29. На планы раздела царства обращал внимание Е.Ф. Шмурло. См.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 60.

⁹³ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 5, 79—80, 116—117, 135—136, 562 и др.

⁹⁴ Там же. Стлб. 166—167. См. также: *Устрялов Н.Г.* История... Т. 2. С. 39—41; *Саловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7. С. 437—439; *Погодин М.П.* Указ. соч. [Отд. I]. С. 128—129; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 60—63; *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 171; *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001. С. 281.

⁹⁵ *Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1. С. 129. Год рождения Ирины, указанный Н.Н. Голицыным, также вызывает сомнения.

⁹⁶ *Гордон П.* Дневник... С. 186. В исторической литературе распространена другая дата свадьбы Петра — 27 января ст. ст. (*Устрялов Н.Г.* История... Т. 2. С. 28; *Саловьев С.М.* Указ. соч. С. 436; *Погодин М.П.* Указ. соч. [Отд. I]. С. 145; *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 67; *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 56; *Ефимов С.В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь. СПб., 1995. С. 138; *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 97; *Бушкович П.* Указ. соч. С. 160 и др.). Она основана на записи о

венчании Петра и Евдокии, опубликованной еще Н.И. Новиковым (Древняя российская вивлиофика. Изд. 2. М., 1789. Ч. 11. С. 194) и отпуске царской грамоты воеводе Туринского острога (опубликована дважды: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. Ч. 4. С. 596; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 3. 1689—1699. С. 10—11). Трудно объяснить, в чем причина подобного расхождения в датах, однако, для данного исследования оно имеет мало значения. У Гордона запись за 27 января в дневнике отсутствует:

⁹⁷ Розыскные дела... Т. 4. СПб., 1893. Стлб. 224. Таким образом Н.Н. Голицын ошибался, считая, что свадьба Одоевского и Голицыной состоялась в 1685 г. (*Голицын Н.Н.* Указ. соч. С. 129).

⁹⁸ *Голицын Н.Н.* Указ. соч. С. 130—131.

⁹⁹ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 96, 105. См. также: Дворцовые разряды. Т. 4. Стлб. 256, 266, 268, 402, 419, 446. Б.В. Бутурлин — один из немногих бояр, участвовавших 23 июня (3 июля) 1689 г. в крестном ходу в Сретенский монастырь и богослужении в Успенском соборе на Сретение, где присутствовала одна лишь Софья. Петр был в Преображенском, царя Ивана «выходу не было» (Дворцовые разряды. Т. 4. Стлб. 451).

¹⁰⁰ *Wójcik Z.* Plany mariażu... S. 244.

¹⁰¹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 659.

¹⁰² *Сильвестр Медведев.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 86—87. О восхвалении современными панегиристами царевны Софьи см.: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 213 и след.

¹⁰³ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 90 и след.

¹⁰⁴ *Rachuba A.* Ogiński Marcján Aleksander // Polski słownik biograficzny. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1978. Т. 23. S. 619—620.

¹⁰⁵ М. Огинский — С.А. Шуке. Гродно. 11 (21) апреля 1687 г. — AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 14. S. 61—62.

¹⁰⁶ Ю.Б. Слушка — С.А. Шуке. 12 (22) марта 1687 г. Кобрин — Ibid. S. 1231—1232.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 73—76.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ *Wójcik Z.* Plany mariażu... S. 243. При этом А. Константинович в письме М. Огинскому отмечал, что уже доносил ему об этом отдельным письмом.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 114—115. Письмо от 20 (30) августа 1687 г. написано «в Стравинниках».

¹¹¹ Русская старина. 1878. Кн. 9. С. 124; *Bushkovitch P.* Aristocratic Faction... P. 89—90. См. также примечание 23. Ср.: *Шмуцло Е.Ф.* Указ. соч. С. 63.

¹¹² *Белов М.Н.* Указ. соч. С. 368—369.

¹¹³ *Бушкович П.* Указ. соч. С. 160.

¹¹⁴ *Куракин Б.И.* Указ. соч. С. 55. См. также: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 67.

¹¹⁵ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 148—149. См. также: *Богданов А.П.* Указ. соч. С. 277.

¹¹⁶ Материалы... Ч. 3. С. 47—65 и след., 264. См. также: *Пайчадзе Г.Г.* Русско-грузинские... С. 31.

¹¹⁷ Материалы... Ч. 3. С. 90.

¹¹⁸ Там же. С. 139. См. также: С. 260, 261.

¹¹⁹ *Пайчадзе Г.Г.* К истории грузинской колонии... С. 31, 35—37, 39—40.

¹²⁰ См. рассуждения на эту тему П. Бушковича (*Бушкович П.* Указ. соч. С. 11—15).

¹²¹ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 204.

Л.И. ИВОНИНА

Смоленск

Балтийская и польская политика прусского короля Фридриха Вильгельма I и Петра Великого в период от Утрехта до Ништадта (1714—1721 гг.)

Венчавшие войну за испанское наследство Утрехтский 1713 г. и Раштаттский 1714 г. мирные договоры ввели в военную и политическую практику понятие «коллективной безопасности», строившейся, прежде всего, на «взаимных гарантиях». Французская монархия, ранее игравшая роль «арбитра христианства» и «арбитра Европы» вынуждена была уступить ее теперь, по крайней мере, на уровне претензий и на короткое время, альянсу четырех держав — Великобритании, Австрии, Пруссии и Голландии¹. Такое перераспределение ролей нашло выражение во франко-британском соглашении, ставшем в тот период одним из руководящих принципов международной политики. В дальнейшем же европейскую политику вершила т. н. пентархия, включавшая Францию, Великобританию, Австрию, Пруссию и Россию.

Ко времени окончания войны за испанское наследство относится и неуклонное возвышение двух будущих членов пентархии — Пруссии и России, управляемых двумя незаурядными монархами — Фридрихом Вильгельмом I и Петром I, столь разными и, вместе с тем, в чем-то похожими правителями, осуществившими в своих государствах ряд фундаментальных реформ. Каковы были отношения между этими государями, и были ли они вообще характерны для взаимоотношений Пруссии и России в век Просвещения? Какие интересы они преследовали?

В современной историографии этот период в прусско-русских отношениях рассматривается сквозь призму польских проблем и противостояния со Швецией на завершающем этапе Северной войны 1700—1721 гг., и в целом характеризуется как

время сотрудничества, хотя высказанные историками мнения отличаются достаточно полярными оттенками. Позитивный характер отношения Пруссии к России отмечается А.С. Медяковым, автором учебника по истории международных отношений для вузов: «Европейское измерение имела все возрастающая активность Пруссии в Польше, интересовавшей Гогенцоллернов и как объект возможной экспансии, и как залог партнерских отношений с Россией, дружба которой обеспечивала сохранность восточных границ и считалась одной из аксиом прусской политики»². Подобный оттенок носят оценки и в большинстве трудов в немецкой историографии. Германские биографы Фридриха–Вильгельма отмечают, что он «чувствовал родственную душу в порывистом, диком русском, силой загонявшем свою неразвитую страну в новую эпоху», а русская политика прусского короля была дружественной, но, вместе с тем, сдержанной³. Но есть и иная точка зрения. Согласно автору книги о дипломатии Петра Великого Н.Н. Молчанову, Фридрих Вильгельм проводил «предательскую» политику по отношению к Петру, и тем самым «достойно продолжил хищнические и милитаристские традиции Гогенцоллернов»⁴. Столь резкие высказывания, безусловно, являются наследием русской и советской критики германской экспансии и прусского милитаризма конца XIX—XX вв., рассматривавшей Пруссию, а вместе с ней и Германию, в качестве постоянного противника и не принимавшей во внимание давние традиции русско-немецких связей и сотрудничества.

Историю международных отношений в Европе до Великой Французской революции конца XVIII в. в литературе часто называют «эпохой дворов и альянсов». В области международного права это понятие подразумевало сохранение принципа равновесия сил между государствами, во внутривосточном отношении — все более укреплявшуюся централизацию власти, обозначенную большинством историков термином «абсолютизм»⁵. Абсолютизм был характерен для подавляющего большинства европейских государств, за исключением Великобритании и Голландии, ставших на буржуазно-правовой путь развития (они были равноправными участниками дипломатии дворов и альянсов) и Речи Посполитой, сохранившей архаические структуры «шляхетской республики», вступившей в полосу кризиса в период становления Вестфальской системы и ставшей «яблоком раздора» для целого ряда сильных держав — как

представителей абсолютистских монархий Запада, так и Востока. В XVIII в. Польско-Литовское государство стало одним из важнейших пунктов внешнеполитических интересов Пруссии и России.

На рубеже XVII—XVIII вв. как Россия, так и Бранденбург стремились противодействовать французскому влиянию в Польше и законсервировать такое соотношение сил между ее королем и республикой, чтобы помешать попыткам усиления власти Августа II. Согласие в вопросе о неизменности государственного строя Речи Посполитой («об охране польской конституции»), а также стремление Берлина и Москвы противодействовать французской политике «восточного барьера» заложили не только основу для качественно новых отношений между Россией и Пруссией, но и обозначили начало новой эпохи в государственной политике Восточной Европы.

В 1704—1705 гг. Речь Посполитая в военном и политическом отношении попала под опеку Швеции. Тем не менее, политический раскол в Польше не позволил шведскому королю достичь там полного господства. Пруссия в это время с большим трудом устояла перед настойчивыми предложениями Швеции заключить с ней союз, поскольку от позиции Берлина во многом зависело признание шведского ставленника Станислава Лещинского польским королем в Европе. Но чуть позже, после заключения 13 октября 1706 г. в Альтранштадте мирного договора между Карлом XII и Августом II, в котором последний отрекся от польской короны, Фридрих I признал Лещинского польским королем. Петр I назвал этот акт «крушением союза с Пруссией» и проявлением «величайшей враждебности». В историографии справедливо отмечается, что с этого времени Пруссия теряет центральную роль в польских делах⁶.

Основные акценты в русско-пруссских отношениях до Полтавы определялись желанием Петра заключить военный союз с Пруссией, как, собственно, и с любым государством Европы — против Швеции и определить соотношение взаимных интересов в Речи Посполитой. В отечественной историографии не раз высказывалось мнение, что Фридрих I поставил целью, присоединившись к победителю, поживиться чем-нибудь за счет побежденного. Однако следует учесть, что Пруссия как один из «чинов» Священной Римской империи была обязана поддерживать своего сюзерена, вступить в Великий союз против

Франции и послать военные контингенты в армию императора. Обязательства Пруссии перед Габсбургами вытекали также из пожалования Леопольдом I Фридриху Гогенцоллерну в 1701 г. королевского достоинства⁷. Помимо интересов в Польше, статус Пруссии в Германии и ее отношения с великими державами заставляли бранденбургского курфюрста и прусского короля лавировать между воюющими сторонами в Северной войне и чутко следить за колебаниями политической конъюнктуры в Европе.

С началом похода Карла XII в Россию ситуация изменилась. В июне 1709 г., еще за несколько дней до начала Полтавского сражения, датский король заключил с саксонским курфюрстом Августом договор, задачей которого было обеспечить неприкосновенность их германских владений и который предусматривал возможность антишведского выступления. А в начале июля того же года Дания, Саксония и Пруссия подписали соглашение, по которому Пруссия обязалась препятствовать прохождению шведских войск через бранденбургскую территорию. Прусскому королю был обещан польский город Эльбинг, за что Пруссия должна была сохранять нейтралитет. В октябре 1709 г. уже после разгрома шведов Дания заключила новый договор с Россией, по которому предусматривалось датское наступление на Сконе и на Норвегию, русское — на Финляндию, причем обеим сторонам воспрещался сепаратный мир со Швецией.

После победы под Полтавой Запад начал опасаться возможного вмешательства Петра в европейские дела и появления русских войск в Центральной Европе на стороне одной из коалиций, воевавших за испанское наследство. Чтобы опровергнуть эти опасения Петербург предпринял контрмеры: в ноябре 1709 г. русский посол в Ганновере заявил, что царь намерен не волнения в Империи производить, не нарушать ход войны с Францией, а лишь желает этой зимой заключить мир со Швецией. Несколькими месяцами позже ганноверский курфюрст Георг Людвиг заключил с Петром конвенцию, объявлявшую нейтралитет шведских провинций Германии⁸.

29 сентября в Торуни восстановленный на польском престоле Август II согласился на новый наступательный и оборонительный союз с Россией против Швеции. Тут то и прусский король Фридрих I поспешил обратить свое пристальное внимание на Восток. Отплыв по Висле из Торуни 17 октября 1709 г. недалеко

от Мариенвердера Петр, наконец, встретился на своем судне с прусским королем, с которым в тот же день заключил оборонительный союз против Швеции, гарантировавший Пруссии Эльбинг⁹. На наступательный союз Берлин так и не решился, но и заключенного договора было достаточно, чтобы претендовать на Померанию.

Исход Полтавской битвы обусловил политическое сближение России и Пруссии. Однако возросшее русское влияние в Польше, несомненно, омрачало русско-прусское согласие. Когда летом 1711 г. русские войска прошли через бранденбургские области в Померанию, монархия Гогенцоллернов даже захотела пересмотреть свою внешнеполитическую доктрину ослабления Польши, на основе которой еще в 1697 г. ею был заключен союз с Россией. Прусский министр Генрих Илген развивал идею основательной ревизии бывшей системы восточной политики, теперь исходя из общих интересов Пруссии и Польши. В январе 1712 г. в своем сочинении «Отношение Пруссии к делам на Севере» он пришел к заключению, что никакое государство в мире не может дать Пруссии так много, как Польша. Берлин претендовал не только на Эльбинг, но и на Курляндию. Вполне понятно, что Август II с недоверием отнесся к подобной политике¹⁰.

В ноябре 1712 г. в Берлин без предварительного уведомления прибыл Петр и инкогнито нагрянул в королевский дворец к изумлению и ужасу придворных, которые, по словам современников, чуть не попадали в обморок. Предчувствуя скорую кончину, тяжело больной Фридрих I не решился тогда отказаться от прусского нейтралитета. Но Петр нашел общий язык с кронпринцем. Царь произвел огромное впечатление на Фридриха Вильгельма, и они стали друзьями.

Практичный новый прусский король исходил не только из интересов Пруссии в Польше, где уже установился русский диктат, но также вынашивал планы захвата Штеттина и других шведских владений на Балтике. Он не желал терять влияния на русскую политику. Для Берлина не было иного выхода, как сотрудничать с Россией и постараться для своих же дальнейших завоеваний ужиться, по словам М. Шульце-Весселя, с ее «гегемонистскими планами». В начале 1713 г. тот же Илген заключил, что иначе «царь через голову короля Пруссии перепрыгнет и от него Восточную Пруссию потребует»¹¹. После своего вступления на престол 6 октября 1713 г. Фридрих Вильгельм заключил

с Россией, Саксонией и Данией договор о занятии прусскими войсками шведских крепостей в Южной Прибалтике — Штеттина, Штральзунда и Висмара — три статьи которого были подписаны А.Д. Меншиковым. При этом он признал завоевания Петра в Ингерманландии, Карелии, Эстляндии и Лифляндии¹².

Внезапное возвращение в конце 1714 г. Карла XII из Бендер в Прибалтику и активизация действий шведов (объявление войны Пруссии, отвоевание Рюгена и Штральзунда в 1715 г.) побудили Россию и ее союзников к сплочению¹³. За свое участие в войне Пруссия требовала увеличения своей доли добычи и настаивала на участии русских войск в военных действиях против шведов в Германии. В итоге были подписаны договор о переходе Померании и Штеттина к Пруссии (9 марта 1714 г.) и соглашение в Санкт-Петербурге (1 июня 1714 г.) о взаимных гарантиях территориальных приобретений. Содержание предоставляемых Пруссии гарантий определяла русская сторона, а формулировки соответствующих статей договора разрабатывал Шлиппенбах. Россия гарантировала Пруссии Штеттин, а Пруссия России — Эстляндию и Выборг. 30 сентября Фридрих Вильгельм и Петр заключили договор об участии русских войск в военных действиях в Померании¹⁴.

После заключения русско-прусского соглашения в Санкт-Петербурге дальнейшие контакты между Пруссией, с одной стороны, и Саксонией и Речью Посполитой — с другой, прекратились. Внутренний конфликт магнатско-шляхетских группировок в Польско-Литовском государстве с Августом II и т. н. «посредничество» России в его урегулировании, нашедшее выражение в соглашении польского короля и оппозиции 1716 г., утвержденном в постановлениях «Немого» сейма 1717 г., привел в итоге к установлению российского протектората над шляхетской республикой. В этих условиях Пруссии не оставалось иного выбора, кроме того, чтобы также принять на себя роль протектора польской анархии.

Развитие событий после Полтавы неизбежно вело к европеизации балтийского вопроса и к серьезному кризису отношений между Россией и Западом в 1716—1721 гг. В него оказалась втянута и Пруссия. Заключив венчавшие войну за испанское наследство мирные договоры в Утрехте, Раштагте и Бадене, западноевропейские державы обратили свое пристальное внимание на восток и северо-восток, обеспокоенные возросшей мощью Рос-

сийского государства и его «западными» намерениями. Утверждение гегемонии Петра I в Речи Посполитой и претензии России на роль гаранта в значительной части германских земель существенно замедлило процесс мирных переговоров со Швецией. Лорд Болингброк настоятельно считал необходимым поддерживать проигрывавших шведов против «москвитов и поляков», чтобы не допустить краха равновесия сил на Севере¹⁵.

Уже в 1716 г. Петр Великий, завоевав шведские остзейские провинции, начал приготовления к вторжению в южную Швецию из Дании, подписав с ней в Алтоне под Гамбургом договор о совместной высадке в Сканию. Зимой того же года Петр расквартировал свои войска в Мекленбурге, соседствовавшем с Ганновером (родовыми владениями британской королевской династии). Между Мекленбургом и Россией 3 февраля 1716 г. было подписано соглашение о браке племянницы царя Екатерины Ивановны с герцогом Карлом Леопольдом. Этот династический союз обеспокоил англичан. Русский посол в Лондоне Б.И. Куракин доносил: «Не знаю, сможем ли мы получить столько же пользы от герцога Мекленбургского, сколько от тех, которых дружбу для него можем потерять»¹⁶.

Новая роль России на севере Германии вызвала беспокойство у императора Карла VI, который даже созвал рейхстаг в Брауншвейге, чтобы через германских протестантских чинов нейтрализовать политические последствия наступления русских армий. И Фридрих Вильгельм I встревожился, когда русские вместе с саксонцами вступили в Штеттин, особенно он был раздосадован участием в этой операции своего главного соперника в Германии — Саксонии. Под давлением Англии и Ганновера Карл VI настаивал, чтобы Фридрих Вильгельм постарался способствовать уходу русских из Мекленбурга. К сотрудничеству со Швецией склоняла Берлин и Франция. Прусский король колебался и уже был готов откликнуться на призывы Вены и Версаля, однако, хотел предварительно закрепить за собой территориальные приобретения, полученные от Швеции. В результате на встрече Петра и Фридриха Вильгельма в Хавельбеге в ноябре 1716 г. царь согласился оказать помощь Пруссии и в случае ее выхода из Северного союза, подтвердил договор в Мариенвердере 1709 г., в частности, гарантировавший Пруссии польский Эльбинь¹⁷.

Уже в 1716 г. Георг I возглавил мирные переговоры между Швецией и ее западноевропейскими противниками. Это по-

мешало вводу русских войск в Висмар, кроме того, Англия задержала выплату субсидий Дании для высадки в Сканию. После этого десант в Сканию был отменен, а Копенгаген следовал в фарватере политики Лондона¹⁸.

К началу 1717 г. поражение Швеции было уже predeterminedено, а боевые действия велись уже в Финляндии, когда Карл XII начал свой последний поход в Норвегию. В этих условиях Англия и Австрия пытались в максимально возможной степени лишить Россию плодов завоеванной победы и сохранить Швецию как могущественную державу на севере Европы в качестве противовеса русскому влиянию в Прибалтике и в Речи Посполитой. Петр пытался нейтрализовать интриги Лондона, подтвердив 15 августа 1717 г. в Амстердаме договор о дружбе и союзе с Францией и Пруссией.

5 января 1719 г. император Карл VI, Георг I (как ганноверский курфюрст) и Август II (как саксонский курфюрст) подписали договор в Вене с целью решить мекленбургский вопрос «без участия России» и «освободить» Польшу от русского протектората¹⁹. Географическое положение Пруссии играло в этих планах ключевую роль, так как только через ее территорию вспомогательные русские войска могли пройти в Мекленбург. Поэтому союзники даже подумывали о привлечении Берлина, в случае его строптивости, военным путем к «имперской экзекуции». Фактически же в договоре о Пруссии упоминалось мало, только указывалось, что Польшу необходимо освободить от прусских и русских «махинаций». Более всего Венский союз стремился изменить характер отношений между Россией и Пруссией.

Англия шаг за шагом усиливала антироссийскую направленность своей политики, грозила прервать торговые связи с Петербургом и способствовать сохранению за Швецией ряда территорий в Германии. Английский министр Стенхоуп добился от Берлина заключения договора от 4 августа 1719 г., согласно которому в будущем мирном урегулировании на Севере необходимо учитывать позицию Польши и предлагал английское посредничество. Со своей стороны Фридрих Вильгельм обязался, что польским территориям со стороны Германии будет обеспечено спокойствие²⁰, заметив, правда, «что царь должен оставался могущественным, поскольку мы с ним неразлучны». Развивая свою мысль, король подчеркнул, что в его интересах «держат

царя в руках», так как в обмен на прусские субсидии он получит «столько солдат, сколько захочет»²¹.

Под английским влиянием в январе 1720 г. был подписан шведско-пруссский договор, часто называемый в отечественной историографии «предательским», в результате которого Берлин за 2 млн риксдалеров «покупал» Штеттин и ряд земель в Померании²². Однако и в этих условиях политическое взаимодействие между Берлином и Петербургом приобретало особое значение. Поддержка со стороны России гарантировала сохранение достигнутого статуса Прусского королевства как внутри Империи, так и в отношениях с великими державами, а поддержка со стороны Пруссии становилась для России важным условием сохранения военно-политического преобладания на востоке Европы. Фридрих Вильгельм сознавал долговременный характер изменения баланса сил — не только в Швеции, но также в Польше, где господство России было уже практически неоспоримо, и искал возможности воспользоваться сложившимся положением. Его осторожная политика позволила присоединить к королевству устье Одера и привела к серии договоров о союзе с Россией. Поэтому в феврале 1720 г. Россия и Пруссия подписали в Потсдаме обсуждавшуюся ими ранее конвенцию, согласно которой Россия обязывалась в ближайшее время заключить мир со Швецией, а Пруссия — не препятствовать интересам России в Прибалтике и Речи Посполитой. Оба государства, как и планировалось, обязывались гарантировать польскую конституцию, запретить вступление Польши в Венский союз и исключить наследование трона в Польше членами саксонской династии Веттинов. В отдельной декларации прусский король подчеркивал нейтралитет Пруссии в Северной войне²³. Потсдамское соглашение 1720 г. касалось совместной политики обеих держав в отношении Речи Посполитой, направленной против попыток Августа Веттина усилить власть монарха. В рамках этой политики Россия приобретала партнера по сохранению достигнутых рубежей доминирования и влияния, Пруссия же продолжала следовать курсом на территориальные приобретения (при удобном случае) за счет польских земель. Долговременное значение Потсдамского соглашения выразилось еще и в том, что в его основу, по словам К. Цернака, была положена «негативная политика» в отношении Польши²⁴.

11 сентября 1721 г., в Нинштадте, был подписан мирный договор между Швецией и Россией: Петр I за все свои приобретения

в Прибалтике обязался выплатить Швеции в качестве компенсации 2 млн риксдалеров, что давало Швеции средства на восстановление вооруженных сил. Шведская Корона сохранила Финляндию и значительную часть Померании. Однако шведское великодержавие на севере Европы было утрачено навсегда²⁵.

Одним из важных итогов Северной войны стало установившееся на два с половиной столетия тесное взаимодействие России и Пруссии, значение которого для обоих государств только подчеркивалось короткими периодами противостояния. Политическое взаимодействие дополнялась все возрастающими экономическими связями, постоянно развивавшимся сотрудничеством в области культуры и науки, а также неуклонно расширявшимися контактами между людьми самых разных классов и сословий.

Безусловно, в эпоху Петра Великого на взаимоотношения двух держав серьезное воздействие оказывали и личные качества монархов. Как и Петр, Фридрих Вильгельм слыл в Европе королем-скопидомом. Помимо запрета роскошествовать в личной жизни, им проводилась политика жесткого протекционизма, запрета на импорт многих товаров, поощрения развития прусской промышленности, упорядочения налоговых сборов привела к удвоению ежегодных поступлений в казну. Однако оба монарха не останавливались перед расходами, когда, по их мнению, этого требовал престиж государства. Как и Петр, Фридрих Вильгельм старался лично руководить важнейшими государственными делами. Для чего, и опять же из экономии, он упразднил должности первого, военного и финансового министров, приняв на себя их обязанности. В той же мере, в какой личность и деяния Петра Великого отождествляются с Полтавской победой, Фридрих Вильгельм всю жизнь гордился своим участием в кровавой битве при Мальплаке в Нидерландах²⁶. Образно оценивая стиль жизни, правления и политику своего отца, Фридрих Великий скажет, что тот превратил Пруссию из «Афин Севера» — в «Спарту».

Наука, в отличие от Петра, была выше понимания прусского короля, хотя он заботился о распространении начального образования в Пруссии. Однажды Фридрих Вильгельм пошутил: «Зачем нужен такой ученый, который не способен даже стоять на часах»? И уволил со службы основателя и главу Прусской академии наук Г.В. Лейбница. Его пригласил в Россию Петр I, но «русским Солоном» Лейбниц все же не стал. Еще одной жертвой

солдафонского произвола прусского короля стал известный философ, профессор университета Галле Христиан Вольф, высланный в 1723 г. из Пруссии, поскольку в его воззрениях усмотрели «оправдание дезертирства»²⁷.

Важнейшим инструментом политики, опорой и атрибутом абсолютной монархии для Фридриха Вильгельма и Петра Великого была передовая для своего времени регулярная армия, основанная на военной повинности податных сословий и на «налоге кровью» с дворянства. И в России и в Пруссии на армию расходовалась львиная доля всех ресурсов государства. Как следствие этого милитаризм укрепился не только в политике и в повседневной жизни, но и в общественном сознании, в частности, и в мировоззрении государей, что наглядно присутствует в облике как российского императора, так и прусского короля. Объединяло их и сознание собственной абсолютной власти, в том числе в отношении личности и имущества своих подданных. Однако в области правосознания наблюдались и характерные различия. Например, однажды в Берлине Петр I, увидев виселицу возле Нового рынка, загорелся желанием посмотреть казнь, и когда ему заметили, что в настоящее время кандидата для виселицы нет, он сначала предложил повесить кого-либо из черни, а затем и своего конюха. Фридриху Вильгельму с трудом удалось отговорить царя от этой затеи²⁸.

Сотрудничество между Пруссией и Россией при Фридрихе Вильгельме I было, пожалуй, самым тесным в отношениях между двумя государствами на всем протяжении столетия, вплоть до эпохи Французской революции. Это объясняется, вероятно, необходимостью сближения государств, претендовавших на роль великих держав, наряду с Францией, Англией и Австрией, а также общностью русских и прусских интересов в Польше и на Балтике. Необходимость такого сотрудничества, что немало важно, дополнялась личными качествами прусского и русского правителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Duchhardt H.* Balance of Power uns Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700—1785. Paderborn etc., 1997. S. 261—267; *Kampmann Chr.* Arbitr und friedensstiftung. Die Aisenandersetzung um den politischen Schiedsrichter in Europa der Fruhen Neuzeit. Paderborn etc., 2001. S. 302—305.

² *Медяков А.С.* История международных отношений в новое время. М., 2007. С. 27—28.

³ *Schulze-Wessel M.* Russlands Blick auf Preussen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sovietstaates (1697—1947). Stuttgart, 1995. S. 37, 46—47; *Фенор В.* Фридрих Вильгельм I. М., 2004. С. 127—129.

⁴ *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 327.

⁵ См.: *Schilling H.* Europa um 1700. Eine Welt der Hofe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien // Preussen 1701. Eine europäische Geschichte Essays. Berlin, 2001. S. 12; *Idem.* Europa zwischen Krieg und Frieden // Idee Europa. Entwürfe zum «Ewigen Frieden». Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union / Hrsg. von M.L. Plessen. Berlin, 2003. S. 24—25.

⁶ *Schulze-Wessel M.* Op. cit. S. 37—42.

⁷ См.: *Schilling H.* Europa um 1700... S. 12; *Idem.* Europa zwischen Krieg und Frieden... S. 24—25.

⁸ *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Brawnschweig, 1952. S. 22—23.

⁹ Preussens Staatsverträge aus der Regierungszeit König Friedrich Wilhelms I / Hrsg. von V. Loeve. Leipzig, 1913. S. 28—35; *Zernack K.* Preussen-Deutschland-Polen Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen / Hrsg. von W. Fischer und M.G. Müller. Berlin, 1991. S. 267.

¹⁰ *Schulze-Wessel M.* Op. cit. S. 45.

¹¹ *Ibid.* S. 45—46.

¹² Preussens Staatsverträge... S. 56—57.

¹³ *Mediger W.* Op. cit. S. 33—34.

¹⁴ Preussens Staatsverträge... S. 73—77.

¹⁵ *Metzdorf J.* Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und die Englische Publizistik im Spanischen Erbfolgekrieg. Mainz, 2000. S. 138.

¹⁶ Preussens Staatsverträge... S. 123—129; *Молчанов Н.Н.* Указ. соч. С. 326.

¹⁷ Preussens Staatsverträge... S. 159—161, 169—174, 195—197.

¹⁸ *Базер Х.* Петр I в Дании в 1716 г. С. 193.

¹⁹ *Mediger W.* Op. cit. S. 48.

²⁰ Preussens Staatsverträge... S. 210—215.

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid.* S. 223—230.

²³ *Ibid.* S. 233—238.

²⁴ *Zernack K.* Op. cit. S. 267.

²⁵ Preussens Staatsverträge... S. 243—247; История Швеции / Под ред. А.С. Кана. М., 1974. С. 269; *Григорьев Б.* Карл XII. М., 2006. С. 525.

²⁶ *Фенор В.* Указ. соч. С. 95.

²⁷ *Монархи Европы. Судьбы династий.* М., 1996. С. 314.

²⁸ *Фенор В.* Указ. соч. С. 129.

ВОЙЦЕХ КРИГЗАЙЗЕН

Варшава

Тарногородская конфедерация

(1715—1717 гг.):

проявление внутреннего кризиса

шляхетской Речи Посполитой

или результат конфликта

в отношениях России с Саксонией?

Как правильно отметил Ежи Луковский на первых страницах своей новейшей книги, посвященной политической культуре шляхетской Речи Посполитой XVIII в., «The eighteenth century was not good time for Europe's republic»^{*} 1. В конце этого столетия «good time»^{**} для «старых», аристократических либо олигархических республик окончились бесповоротно. В отношении некоторых из них были предприняты попытки преобразования в «национальные республики» нового типа, по образцу революционной Франции, другие — как польско-литовская Речь Посполитая, самая большая по занимаемой территории — были ликвидированы в результате соглашений между осуществлявшими территориальную экспансию соседями.

Однако процесс постепенного территориального «сжатия», «свертывания» (roll-back) шляхетской Речи Посполитой продолжался целый XVIII век, и решающую роль в нем сыграла Россия. Уже во второй половине XVII века государство польско-литовской шляхты проигрывало модернизирующемуся российскому государству соперничество за доминирование в Восточной Европе. Переломным моментом в этом процессе обычно считается 1686 год, когда в Москве был подписан так называемый трактат Гжимультовского (Вечный мир) и Речь Посполитая

---

^{*} Восемнадцатое столетие не было хорошим временем для республик в Европе (*англ.*).

^{**} Хорошие времена (*англ.*).

признала за Россией ранее аннексированные территории на Украине и в Великом княжестве Литовском². Следующим этапом российской экспансии стала эпоха правления Петра I, который окончательно ввел свое государство в круг европейских великих держав. Политика Российской империи по отношению к Речи Посполитой в XVIII в. с давних пор является предметом интереса польских, российских, а также немецких историков, которые в последние годы уже не концентрируются на одной только проблематике разделов польско-литовского государства во второй половине XVIII в. Исследователи с успехом занимаются также эпохой, предвалявшей разделы, лучшим свидетельством чему являются крупные работы Б.В. Носова и Зофии Зелиньской, а также периодом Северной войны — достаточно здесь упомянуть о монографиях Уршулы Косиньской и, прежде всего, Яцека Бурдовича-Новицкого³.

Благодаря этим и другим исследованиям многие ранее слабо изученные проблемы конца XVII — первой четверти XVIII вв. дождались своего освещения, некоторые вопросы, не считавшиеся существенными в прежней литературе, получили соответствующую оценку, а те, которым приписывалось преувеличенное значение, представлены в должном масштабе. Например, вопрос о считавшемся ранее сепаратным Московском договоре, заключенном Россией с Великим княжеством Литовским в 1702 г., или о плане Петра I по возведению на литовский престол Михаила Вишневецкого⁴. Вместе с тем в историографии продолжается дискуссия о генезисе Тарногородской конфедерации 1715—1717 гг., а в особенности о причинах активности России как посредника в отношениях между польским королем и одновременно саксонским курфюрстом Августом Сильным и шляхетскими вождями конфедерации. Вопрос этот имеет существенное значение, поскольку прежде в польской научной литературе высказывались суждения, что так называемый варшавский «Немой сейм» 1717 г., созданный для утверждения соглашения 1716 г., заключенного при российском посредничестве, положил начало установлению российского протектората над Речью Посполитой. Сегодня, в частности, благодаря исследованиям Уршулы Косиньской, нам известно, что российская «медиация» и «немой сейм» отнюдь не способствовали усилению российского влияния в Польше в ближайшей перспективе. Напротив, они послужили одной из предпосылок

антироссийского соглашения, заключенного в Вене 5 января 1719 г. Австрией, Великобританией, Ганновером и Саксонией, к которому, как ожидалось, должна была присоединиться и Речь Посполитая.

Таким образом, период 1715—1717 гг. важен для истории не только шляхетской Речи Посполитой, но и для России, чья политика в Северной Европе именно тогда встретила противодействие великих держав, и в особенности Великобритании, обеспокоенной активностью русских на Балтике и в граничащем с Ганновером Мекленбурге⁵. Клаус Цернак сформулировал даже тезис, что имперская экспансия России, ограниченная на Балтике совместными усилиями Австрии и Великобритании, устремилась на континент, чтобы компенсировать упущенные возможности в Речи Посполитой, которой согласно замыслам Петра I предстояло стать сферой российского политического влияния. Последствием этой перемены вектора российской политики стал, по мнению Цернака, Потсдамский договор 1720 г., положивший начало «негативной польской политике» России и Пруссии⁶.

В польской исторической литературе долго господствовала гипотеза, сформулированная Антонием Прохаской, автором монографии о Тарногородской конфедерации. Он полагал, что возникновение осенью 1715 г. шляхетского вооруженного союза, направленного против Августа II, было сознательно спровоцировано политикой польского монарха. Саксонский курфюрст, вновь взойдя на трон Речи Посполитой в 1709 г., по мнению Прохаски, пытался реанимировать планы укрепления королевской власти, которые вынашивал еще со времен начала своего правления в Польше. Осуществить их планировалось путем провокации выступления шляхты против притеснений, чинимых размещенными в Речи Посполитой отрядами саксонской армии. Подавление восстания силой должно было послужить предлогом для сужения сферы политических привилегий шляхты и магнатов, а также проведения реформ, направленных на модернизацию польско-литовского государства по образцу Саксонии⁷.

Этот тезис оспорил Юзеф Фельдман, считавший безосновательным мнение о подготовке саксонским двором абсолютистского государственного переворота в Речи Посполитой. Он считал, что настраивать против себя поляков было не в интересах Августа, искавшего поддержки против России, а размеще-

ние на территории Речи Посполитой саксонских войск легко объяснить иначе. Как участник Северного союза Август II в надежде на получение части захваченных у Швеции территорий, должен был располагать сильной армией, так как Петр I отказывался передать ему обещанную в 1709 г. Лифляндию именно под предлогом отсутствия у польского короля достаточных сил для ее удержания. Удаленное от театра Северной войны Саксонское курфюршество, разоренное шведской оккупацией 1706—1708 гг., не могло содержать столь крупного воинского контингента, который, располагаясь в Речи Посполитой, имел бы к тому же возможность препятствовать действиям сторонников Станислава Лещинского, Карла XII, а также поддержавших их Крымского ханства и Османской Порты. Отвергая тезис Прохаски, Фельдман полагал, что Тарногородская конфедерация была продолжением политики Великопольской и Варшавской конфедераций 1703—1704 гг., результатом деятельности сторонников Лещинского и Швеции, находившихся в Бендерах польских эмигрантов, а также заговора Яна Станислава Яблоновского 1713 г. Кроме того, Фельдман впервые высказал предположение, что за конфедератами стояла Россия, заинтересованная в нейтрализации попыток Августа II освободиться от русской опеки⁸.

Далее всего в исследовании генезиса Тарногородской конфедерации продвинулся Юзеф Анджей Геровский. Две его работы посвящены исследованию внутренних, вытекавших из положения в Речи Посполитой, и внешних, вызванных конъюнктурой международных отношений, обстоятельств, которые обусловили генезис кризиса 1715 г. В первой из них автор рассмотрел причины кризиса и его протекание в разоренном Северной войной шляхетском государстве. В годы, предшествовавшие Тарногородской конфедерации, внутренний конфликт все более концентрировался вокруг размещения в Речи Посполитой саксонских войск, которые содержались за счет так называемых контрибуций, то есть повинностей, к исполнению которых принуждалось местное население⁹. В другой работе Геровский рассматривает внешнюю политику Августа II, который стремился обрести на международной арене противовес нарастающему доминированию России. При этом автор не ограничился представлением обстоятельств заключения Польшей-Саксонией договора с Францией в 1714 г., но и описал российскую реакцию на договор, приведшие к его заключению переговоры, а также предприни-

мавшиеся Августом II попытки достичь направленного против России соглашения с Крымом, Турцией и Карлом XII¹⁰.

Таким образом, в настоящее время в историографии представлены несколько сосуществующих точек зрения на проблему генезиса Тарногородской конфедерации, в некоторых случаях даже взаимоисключающих. Кратко их можно свести к утверждениям, что Тарногородская конфедерация это: 1) саксонская провокация, устроенная с целью привести к укреплению королевской власти; 2) интрига польских сторонников Станислава Лещинского и Карла XII; 3) спонтанная реакция шляхты, вследствие убытков и разорений предыдущего периода Северной войны, когда шляхетские имения понесли значительные экономические потери из-за повинностей в пользу саксонских войск; 4) российская провокация, организованная, чтобы воспрепятствовать попыткам Августа II освободиться от доминирования Петра I.

Анализ литературы предмета, написанной с использованием саксонских, прусских и шведских архивных источников, и знакомство с большей частью российского дипломатического материала 1713—1718 гг., касающегося польских дел, позволяют исключить две первые гипотезы (Антони Прохаски и Юзефа Фельдмана). В доступных нам трудах исследователей, а также в польских и зарубежных архивных материалах нельзя найти каких-либо данных, подтверждающих первую из них, и можно обнаружить лишь очень слабые доводы в обоснование второй.

Итак, остаются выявленные Юзефом Геровским «внутренние» и «внешние» факторы возникновения конфедерации в 1715 г. Следует отметить, что существование первых, то есть хозяйственной разрухи и вызванного ей протеста против повинностей в пользу саксонской армии, не подлежит сомнению. При этом мы отдаем себе отчет, что ввиду отсутствия источников невозможно выяснить степень разорения шляхты, а оценки уровня устойчивости общества, либо его готовности к активному противодействию в отношении фискального гнета, на основании одних лишь деклараций заинтересованных лиц, являются не вполне убедительными. Вместе с тем в Малой Польше материальные потери действительно были столь масштабны, что значительная часть протестных деклараций, исходивших от местной шляхты в 1713—1715 гг. о ее готовности к сопротивлению, как представляется, заслуживает доверия¹¹.

Более детального рассмотрения требует гипотеза о российских действиях с целью спровоцировать, а затем взять под свой контроль движение шляхты. Для этого необходимо вернуться к событиям 1709 г., когда были подписаны два российско-саксонских соглашения, касавшихся Речи Посполитой. Первое из них, союзный Дрезденский договор от 26 июля 1709 г., условия которого были предметом переговоров еще до Полтавской победы Петра I. Он был, несомненно, выгоден для Августа II, так как предусматривал, в частности, поддержку саксонских планов передачи польского престола по наследству Веттинам. Однако уже 20 октября того же года в Торунь (Торне) был заключен новый договор, который хотя и содержал обязательства передачи Лифляндии (без Эстонии) лично Августу II, но обходил молчанием вопрос российской поддержки укрепления власти саксонской династии в Польше. В.А. Артамонов считает это изменение первым симптомом перехода России к режиму протектора в отношении Речи Посполитой¹².

Опасения в связи с доминированием России на южном берегу Балтийского моря проявились в 1711 г., когда прусский посланник при русском дворе Иоганн Георг фон Кейзерлинг советовал королю Фридриху I искать поддержку у правителей Дании и Польши-Саксонии, которые после захвата русскими Риги тоже были обеспокоены российской экспансией в этом регионе. В феврале 1712 г. один из польских сторонников Августа II, епископ кувявский Константы Фелициан Шанявский даже заявил прусскому посланнику в Варшаве Георгу Фридриху Лельхоффелю, что Речь Посполитая будет искать помощи Великобритании и Голландии, чтобы нейтрализовать притязания Петра I на Гданьск (Данциг)¹³.

Уже на следующий год Август II приступил к зондированию условий возможного саксонско-польско-шведского мира. 8 сентября 1713 г. Карлу Терншольду — шведскому представителю при дворе крымского хана Каплан-Гирея — было поручено приступить к мирным переговорам с посланцами Августа II. Однако условия, поставленные шведской стороной (в частности, вступление Саксонии в войну с Россией) делали соглашение невозможным, и переговоры, проводившиеся Терншольдом в мае 1714 г. с саксонским министром Роберто Ланьяско во Вроцлаве, не принесли результатов¹⁴. Предварительные и тайные переговоры с Карлом XII сопровождались стараниями саксонской дип-

ломатии заключить соглашение с Францией, что снова должно было бы склонить к миру шведов и их татарских и турецких покровителей. Переговоры с Версалем на рубеже августа — сентября 1713 г. не являлись тайной для России. О них сообщал российский резидент в Варшаве А.И. Дашков¹⁵, приставленный специально для наблюдения за Августом II. Российские власти (как и венский двор) были также официально информированы великим коронным канцлером Яном Шембеком, который в октябре 1713 г. послал российскому канцлеру Гавриле Головкину датированный 27 сентября проект («Projet pour un traité d'amitié entre le Roy de Pologne et le Roy de France»), полученный от французского посланника Жана-Виктора де Безенваля¹⁶.

В системе международных отношений того времени эти сведения должны были бы послужить для России предупредительным сигналом, но подлинный интерес к опасным с точки зрения российского двора контактам саксонского правительства с Францией и бывшими под ее покровительством турками, татарами и шведами обнаружился у руководителей русской внешней политики лишь в начале 1714 г., после того, как саксонский посланник в Петербурге Иоганн Адольф Лос представил позицию Августа II в отношении французских предложений¹⁷. 18(29) января 1714 г. Петр I написал Августу II письмо, предупреждая его от договоренностей с Францией, а в тот же самый день российский канцлер Г.И. Головкин подготовил инструкцию для резидента при польском короле А.И. Данкова с указанием срочно собирать информацию, касающуюся соглашения о мире между Августом II и Карлом XII, о котором, как о французской инициативе, якобы упомянул в Петербурге Лос¹⁸. В последующие месяцы российские дипломаты и агенты внимательно следили не только за польско-саксонско-французскими контактами, которые завершились подписанием договора в августе 1714 г., но и, прежде всего, за переговорами с Турцией и Крымом, более опасными с точки зрения России. Надо думать, что переломное для саксонско-российских отношений значение имели сообщения о миссии бывшего камердинера Августа II, а ныне саксонского налогового советника Иоганна Шпигеля, который под предлогом покупки лошадей якобы зондировал весной 1714 г. условия, на каких Стамбул и Бахчисарай были бы

* Проект договора о дружбе между королем Польши и королем Франции (*франц.*).

готовы заключить с Речью Посполитой и Саксонией антироссийский союз¹⁹.

В этой ситуации Россия могла применить испытанные методы нажима на Августа II, совершенно утратившего доверие Петра I. Можно было соответствующим образом активизировать преданных сторонников России в рядах польских и литовских политиков или же прибегнуть даже к военному давлению, хотя последнее решение было менее предпочтительным, учитывая позицию Турции. Русские могли рассчитывать на содействие многих представителей политической элиты Речи Посполитой, начиная с наиболее влиятельных персон, таких как великий коронный гетман Адам Сенявский и великий литовский гетман Людвик Поцей, которые издавна были готовы к сотрудничеству с Россией ради сохранения своих привилегий и влияния. Эффективным инструментом воздействия на польских и литовских министров было также использование противоречий между польскими и саксонскими приближенными Августа II. Русское правительство достаточно успешно разыгрывало роль защитника «польских вольностей» и интересов магнатории, которой якобы угрожали абсолютистские устремления Августа II и его приближенного — Якоба Генриха Флеминга²⁰. Многие польские и литовские политики получали как постоянное, так и выплачиваемое от случая к случаю российское жалование. В число российских «пенсионеров» входили оба гетмана, примас Станислав Шембек, его брат — канцлер Ян Шембек и куявский епископ Шанявский. Время от времени выплаты из российской казны получали польный гетман литовский Станислав Денгоф, мазовецкий воевода Станислав Хоментовский, великий подскарбий литовский Михаил Коцелл, троцкий воевода Казимеж Огинский, великий маршал литовский Марциан Воллович и жемайтский староста Казимеж Заранек²¹.

Независимо от существующих оценок повсеместно распространенного в политической практике Нового времени обычая даров политическим партнерам и выплаты им «пенсий»²², можно считать, применяя современную терминологию, отдельных сторонников России в Великом княжестве Литовском агентами влияния. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, гетмана Поцей и его приближенных, а также Огинских, связанных с Россией традицией давнего сотрудничества. Поцей подтвердил намерение служить интересам царя через направленного в Россию

осенью 1713 г. троцкого воеводы Огинского, который должен был заявить о готовности свергнуть с престола Августа II, а также пригласить русские войска в Речь Посполитую²³. В последующие годы великий гетман литовский осуществлял контакты с Россией через специальных посланцев и постоянных представителей. И, хотя в 1714 г. Петр I не решился поддержать проект низложения Августа II, однако уже летом 1715 г. Поцей одним из первых предложил царю (не без соответствующих советов российского резидента Дашкова) роль посредника в конфликте между Августом II и чинами Речи Посполитой²⁴.

Ввиду твердой позиции Августа II в отношении действий Поцея в Великом княжестве Литовском в 1715 г. Россия выказала готовность усилить свое давление на польского короля, введя войска в Речь Посполитую. Одновременно это должно было увеличить шансы Петра I сыграть роль медиатора, а в будущем, возможно, и гаранта соглашения между королем и шляхтой. Российские власти, благодаря подробным донесениям своих представителей в Польше и Литве были хорошо осведомлены о реальном масштабе хозяйственной разрухи в польско-литовского государстве, в связи с чем у них не должно было быть ни малейших сомнений относительно того, что введение в Речь Посполитую очередных воинских контингентов вызовет резкий рост внутренней напряженности²⁵. Несмотря на это канцлер Головкин уже в марте 1715 г. советовал направить туда российский корпус под предлогом угрозы шведского наступления со стороны Гольштинии, но лишь при условии согласия польской стороны, на которое можно было сослаться в случае возможного дипломатического вмешательства Турции²⁶.

Соответственно одной из первых задач в очередной раз направленного в Варшаву в 1715 г. опытного российского дипломата Г.Ф. Долгорукова* было получение согласия Августа II и польских министров на переход корпуса фельдмаршала Б.П. Шереметева через литовские и польские земли. На первой аудиенции в Варшаве 6 июня Долгоруков спрашивал разреше-

---

* Долгоруков Григорий Федорович (1656—1723) — первый раз назначен послом при Августе II в 1700 г. для согласования планов сторон в Северной войне, оставался послом при польском короле до 1706 г. Участник Полтавской битвы. Второе пребывание послом в Речи Посполитой в 1709—1721 гг., отозван по своей просьбе и назначен сенатором (*прим. перев.*).

ние на ввод войск и обеспечение их содержания. После недолгого сопротивления, под влиянием инспирированных Поцеем волнений литовской шляхты, король ответил положительно, и корпус Шереметева летом 1715 г. вошел в Литву, а затем двинулся в Великую Польшу, направляясь к бранденбургской границе²⁷.

Таким образом, летом 1715 г. за счет населения Речи Посполитой (наряду с ее собственной армией) снабжались провиантом более 20 тыс. саксонских солдат и медленно шедший на запад российский корпус, а сторонники России в правящих кругах шляхетской республики и российские дипломатические агенты старались убедить совершенно дезориентированное шляхетское сообщество, что единственной силой, способной положить конец эксплуатации ресурсов страны иностранными войсками, является Петр I, который действительно все громче требовал от Августа II эвакуации из Речи Посполитой саксонской армии²⁸. Первой реакцией России на начавшиеся осенью 1715 г. в Малой Польше бои тарногородских конфедератов с саксонскими отрядами стала приостановка похода корпуса Шереметева и размещение его на зимних квартирах в Польше²⁹. Тем временем важнейшей задачей российских дипломатов и агентов в Речи Посполитой являлось обеспечение для Петра I позиции арбитра в конфликте между шляхетским обществом и Августом II. Как уже упоминалось, первым идею российского посредничества выдвинул, по-видимому, Людвик Поцей, но подсказана ему она была резидентом А.И. Дашковым. По возвращении Г.Ф. Долгорукого в Варшаву Дашков был назначен российским резидентом при великом гетмане коронном Адаме Сенявском. Переехав во Львов, осенью 1715 г. он внимательно наблюдал за возникновением Тарногородской конфедерации.

С началом 1716 г. Дашков, Долгорукий и великий гетман литовский Поцей, при котором в должности российского резидента состоял гвардейский капитан Иван Горохов, старались не допустить, чтобы власти конфедерации одобрили соглашение, заключенное в результате переговоров в Раве-Русской. Кроме того, они всячески пропагандировали идею царского посредничества, заверяя, что Россия не предъявляет Речи Посполитой территориальных претензий, что, напротив, готовность Петра I к «добрым услугам» вытекает из его заботы о сохранении свобод и привилегий польской шляхты, которым якобы угрожает Август II³⁰. По согласованию с Долгоруким гетман Поцей

встретился в январе 1716 г. в Ружанке близ Влодавы с маршалом Тарноградской конфедерации, кременецким подкоморием Станиславом Ледуховским и убедил его не ратифицировать Равский договор³¹. В итоге данное соглашение было отвергнуто предводителями конфедерации, а Ледуховский и еще один ее маршал — бусский подстолий Юзеф Браницкий — обратились через посредство Дашкова к царю с просьбой о царском посредничестве³². Одновременно Горохов доносил из Вильны о заверениях находившегося там Поцея, что охваченная конфедерацией Речь Посполитая считает Петра I «гарантиром и медиатором»³³. Это указывает на очередную цель, которой старалась добиться Россия — получив приглашение на роль посредника, Петр I хотел стать и гарантом будущего соглашения.

На рубеже марта и апреля 1716 г., в ходе встреч Августа II с Петром I в Гданьске при участии делегации тарногородских конфедератов, были определены условия и принципы российского посредничества между королем и Речью Посполитой³⁴. Итак, в апреле 1716 г. Петр I добился важной цели — будучи официальным медиатором, располагавшим уже размещенным в Польше корпусом Шереметева и имевшим согласие на ввод очередных российских отрядов, он мог считать, что ему удастся стать гарантом будущего соглашения, а в перспективе — окончательно лишить Августа II как польского короля реальной власти, превратив Речь Посполитую в российскую сферу влияния. Причины, по которым Россия не стала формальным гарантом Варшавского договора 1716 г., ратифицированного сеймом в 1717 г., требуют дальнейших исследований³⁵, но не подлежит сомнению, что усиление позиций Петра I в Речи Посполитой и его попытки укрепиться в Мекленбурге убедили Австрию и Великобританию в необходимости противодействия российской экспансии на южных берегах Балтики. Для Речи Посполитой это означало, что после ухода саксонской армии с ее территории, русские войска должны будут также покинуть польско-литовские земли. Уже в 1718 г. А.И. Остерман считал, что для обуздания Августа II необходимо организовать в Речи Посполитой очередную конфедерацию по образцу Тарноградской³⁶. Однако Россия не утратила полностью влияния на Речь Посполитую. Об этом свидетельствует борьба за возвращение гетманам права командовать польскими и литовскими регулярными войсками, и, прежде всего, недопущение российской дипломатией рати-

фикации польско-литовским государством Венского договора 1719 г.³⁷

Возвращаясь к поставленному в заглавии статьи вопросу о факторе, имевшем решающее значение для генезиса Тарногородской конфедерации, следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с довольно типичным явлением развития и укрепления нескольких тенденций, первоначально друг от друга не зависимых. Не подлежит сомнению, что размещение саксонских войск, а затем ввод в Речь Посполитую российского корпуса усилили внутреннюю напряженность в стране до такой степени, что в дополнительных импульсах для взрыва недовольства шляхты уже не было нужды. Кроме того, очевидно, что интересы Саксонии и России расходились все более, а после получения Петром информации о саксонских переговорах с Францией и Турцией, в отношении последней, особенно начиная с 1711 года, в Петербурге имели все основания испытывать особенное беспокойство, было утрачено окончательно. Все это склонило русское правительство к активизации «польской политики». Вооруженное давление вкупе с обещаниями со стороны Петра I защитить привилегии польского дворянства оказались настолько убедительными, что склонили шляхту и магнатов сначала к выступлению против Августа II, а затем и к принятию царского посредничества. Это свидетельствует, в том числе, и о том, сколь важную роль в этом процессе сыграл третий, совершенно не предвиденный фактор — низкая политическая культура, сословный эгоизм и недалекость шляхетских элит тогдашней Речи Посполитой.

Перевод с польского Стефании Кочегаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Lukowski J.* Disorderly Liberty. The political culture of the Polish—Lithuanian Commonwealth in the eighteenth century. London—New York, 2010. S. VIII.

² См: *Kamiński A. S.* Republic vs. autocracy. Poland-Lithuania and Russia. 1686—1697. Cambridge (Mass.), 1993; *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

³ *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. М., 2004. *Zielińska Z.* Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001; *Kosińska U.* Sejm 1719—1720 a sprawa

ratyfikacji traktatu wiedeńskiego. Warszawa, 2003; *Burdowicz-Nowicki J.* Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697—1706. Kraków, 2010.

⁴ *Sliesoriūnas G.* Starania dyplomacji rosyjskiej o wciągnięcie Rzeczypospolitej Obojga Narodów do wojny ze Szwecją w roku 1702 a problem integralności państwa polsko-litewskiego // Polska wobec wielkich konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV—XVIII wieku / Red. R. Skowron, Kraków, 2009. S. 465—481.

⁵ *Williams B.* Stanhope. A study in eighteenth-century war and diplomacy. Oxford, 1968. S. 230—252; *Chomiczki G.* Dyplomacja brytyjska wobec problemów politycznych Rzeczypospolitej (od wstąpienia na tron Jerzego I do zawarcia pokoju w Nystadt // Rzeczpospolita w dobie wielkiej wojny północnej / Red. J. Muszyńska. Kielce, 2001. S. 167—183.

⁶ *Zernack K.* Polska i Rosja. Dwie drogi w dziejach Europy / Tł. A. Kopacki. Warszawa, 2000. S. 278, 288—289.

⁷ *Prochaska A.* Konfederacja tarnogrodzka // Przewodnik Naukowy i Literacki. XLV. 1917. T. 43. S. 140—143.

⁸ *Feldman J.* Geneza konfederacji tarnogrodzkiej // Kwartalnik Historyczny. XLII. 1928. Nr. 3. S. 493—531.

⁹ *Gierowski J.* Między saskim absolutyzmem a złotą wolnością. Z dziejów wewnętrznych Rzeczypospolitej w latach 1712—1715. Wrocław, 1953.

¹⁰ *Idem.* Traktat przyjaźni Polski z Francją w 1714 r. Studium z dziejów dyplomacji. Warszawa, 1965; *Он же.* Отношения Польши к Турции и Крыму в период персональной унии с Саксонией // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII в. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1979. С. 344—366. Ср.: *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714 гг.). М., 1990. С. 142—151; *Орешикова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 138—187.

¹¹ *Kriegseisen W.* Samorząd szlachecki w Malopolsce w latach 1669—1717. Warszawa, 1989. S. 124—125, 138—141.

¹² *Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 36. Ср.: *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697—1710 гг. Л., 1986. С. 249—252.

¹³ *Hassinger E.* Brandenburg-Preußen, Schweden und Rußland 1700—1713. München, 1953. S. 259, 262.

¹⁴ *Hainz O.* König Karl XII. von Schweden. Berlin, 1958. Bd. 2. S. 248—249.

¹⁵ *Gierowski J.* Traktat przyjaźni Polski z Francją... S. 83—84.

¹⁶ Я. Шембек — Г.И. Головкину. Варшава, 7/X 1713 — Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА) Ф. 79. Д. 6. Л. 73—74.

¹⁷ *Gierowski J.* Traktat przyjaźni Polski z Francją... S. 84—85.

¹⁸ Петр I — Августу II. Санкт-Петербург. 18/I 1714 — РГАДА. Ф. 79. Д. 7. Л. 3; Г.И. Головкин — А.И. Дашкову. Санкт-Петербург. 18/I 1714 — Там же. Л. 1—2.

¹⁹ Недатированная записка (1715 г.), озаглавленная «О интригах саксонцев» — РГАДА. Ф. 79. Д. 28. Л. 1—6. Донесения А.И. Дашкова из Вар-

шавы и Рыдзыны. Август — сентябрь 1714 г. — Там же. Д. 8. Л. 196—203, 237—242. Ср.: *Gierowski J.* Traktat przyjaźni Polski z Francją... S. 138 etc.; *Hainz O.* Op. cit., S. 254.

²⁰ *Gierowski J.* Traktat przyjaźni Polski z Francją... S. 104—107; *Sowa A.L.* Świat ministrów Augusta II. Wartości i poglądy funkcjonujące w kręgu ministrów Rzeczypospolitej w latach 1702—1728. Kraków, 1995. S. 117—118.

²¹ *Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 30—31.

²² *Hatton R.* Gratifications and foreign policy. Anglo-French rivalry in Sweden during the Nine Years War. // William III and Louis XIV. Essays 1680—1720 / By and for M.A. Thomson, ed. R. Hatton, J.S. Bromley. Liverpool, 1968. S. 68—94.

²³ Л. Поцей — Петру I. Тересполь. 11/X 1713 — РГАДА. Ф. 79. Д. 7. Л. 2; *Gierowski J.* Traktat przyjaźni Polski z Francją... S. 104—107.

²⁴ Петр I — Л. Поцею. Санкт-Петербург. 4/XI 1715 (копия) — РГАДА. Ф. 79. Д. 5. Л. 34—35; *Gierowski J.* Traktat przyjaźni Polski z Francją... S. 214.

²⁵ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 15—16. С. 408.

²⁶ Рассуждения Г.И. Головкина касательно актуальных военных и политических планов. — РГАДА. Ф. 12. Д. 53. Л. 49—51.

²⁷ *Глаголева А.П.* «Денные записки» военно-походной канцелярии Б.П. Шереметева как исторический источник // Проблемы источниковедения / Под ред. А.Н. Насонова, А.А. Новосельского. М., 1962. Т. 10. С. 208—225.

²⁸ Петр I — Г.Ф. Долгорукому («Lettre ostensible»). Санкт-Петербург. 18/IX 1715 — РГАДА. Ф. 79. Д. 205. Л. 1—4; Манифест Петр I — властям и войску Речи Посполитой. Санкт-Петербург. 31 X 1715 — Там же. Д. 207. Л. 1; Ср.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 409.

²⁹ *Глаголева А.П.* Указ. соч. С. 223—225; *Gierowski J.* Traktat przyjaźni Polski z Francją... S. 224—240.

³⁰ Делеши Г.Ф. Долгорукого из Варшавы. Январь 1716 — РГАДА. Ф. 79. Д. 11. Л. 1—30.

³¹ А.И. Дашков — Г.И. Головкину. Львов. 18/I 1716 — РГАДА. Ф. 79. Д. 20. Л. 9—10; Г.Ф. Долгорукий — Петру I. Варшава. 31/I 1716 — Там же. Д. 11. Л. 38—40.

³² А.И. Дашков — Г.И. Головкину. Львов. 11/I 1716 — РГАДА. Ф. 79. Д. 20. Л. 5—6; «Пункты конфедератов», врученные в январе 1716 г. А.И. Дашкову и его ответы на них — Там же. Д. 10. Л. 46—49; С. Ледуховский — Г.Ф. Долгорукому. Владимир-Вольнский. 25/I 1716 — Там же. Ф. 79. Д. 11. Л. 157; Г.Ф. Долгорукий — Петру I. Варшава. 27 I 1716 — Там же. Д. 11. Л. 28—32.

³³ И.И. Горохов — Г.И. Головкину. Вильно. 28/I 1716 — Там же. Д. 22. Л. 9—10.

³⁴ Решения саксонско-российской конференции в Гданьске. 31/III 1716 — Там же. Д. 17. Л. 68; «Memoryał od Najjaśniejszej

Rzeczypospolitej skonfederowanej i od Wojska Koronnego». Гданьск. 9/IV 1716 — Там же. Д. 26. Л. 15—16; «Ответ господ министров статских Ево Царского величества на поданной мемориал од господ посллов сконфедерованных чинов Речи Посполитой». Гданьск. 16/IV 1716 — Там же. Д. 26. Л. 20—23; Полномочия Петра I для Г.Ф. Долгорукова как посредника. Гданьск. 30/IV 1716 — Там же. Д. 220. Л. 4.

³⁵ *Gierowski J.* Wokół mediacji w Traktacie Warszawskim 1716 roku // *Zeszyty Naukowe UJ. Prace Historyczne*. Kraków, 1969. Z. 26. S. 57—68; *Kurek J.* Wojna północna jako granica między «starym» a «nowym» w kulturze Rzeczypospolitej szlacheckiej // *Rzeczpospolita w dobie wielkiej wojny północnej...* S. 289—305.

³⁶ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 288.

³⁷ *Kosińska U.* Op. cit., S. 28—33; *Ciesielski T.* Zabiegi hetmanów o rewizję uchwał sejmu niemego i odzyskanie komendy nad autoramentem cudzoziemskim a sejmy w latach 1717—1724 (prolegomena) // *Rzeczpospolita w dobie wielkiej wojny północnej...* S. 61—85.

Ю.Е. ИВОНИН

Смоленск

Прусская политика по отношению к России во время войны за Австрийское наследство

Изучение политики Пруссии во время войны за Австрийское наследство включает в себя вопрос об отношениях Пруссии с Российской империей. Хотя Россия непосредственно не участвовала в этой войне, за исключением отправки в начале 1748 г. на Рейн для помощи австрийцам экспедиционного корпуса, от ее позиции для Пруссии зависело очень многое. Отношения Пруссии с Россией были также существенным элементом европейского равновесия, нарушения которого со стороны Пруссии могли вызвать соответствующую реакцию со стороны Петербурга.

В изучении поставленной проблемы следует учесть два важных обстоятельства. Первое заключается в том, что развязанные Пруссией две силезские войны против Австрии фактически слились с приобретенной европейское звучание войной за Австрийское наследство. Второе — в том, что политика Пруссии в правление Фридриха II была личной политикой прусского короля, которой тот управлял самостоятельно, сам исполняя роль министра иностранных дел¹. Вторжение войск Фридриха II в Силезию в декабре 1740 г. и захват этой провинции стали рубежным моментом в становлении австро-прусского дуализма и вхождении Пруссии в концерт великих держав. Однако положение Пруссии в Германии и в Европе со времени Северной войны 1700—1721 гг. в решающей степени зависело от позиции России, поэтому брошенный Берлином вызов Австрии неизбежно рано или поздно привел бы к изменениям в политике Петербурга в отношении Пруссии.

Вторжение в Силезию и ее завоевание Пруссией получили неоднозначную оценку как в германской историографии, так и

в исторической науке в целом. Если в малогерманской и националистической историографии, начиная с И.Г. Дройзена, это вторжение рассматривалось как пример политического прагматизма, умелого использования юридического прецедента и благоприятной ситуации, то в Австрии и других германских землях Пруссию осуждали за вероломство и нарушение международного права. В современной историографии ФРГ оценки приобрели более объективный характер².

Прусская внешняя политика вплоть до последних десятилетий рассматривалась преимущественно как дипломатия вне серьезно акцентированной связи внешней и внутренней политики. Изучение же преимущественно внутренней политики, напротив, вело в течение ряда десятилетий к тому, что ее взаимозависимость с политикой внешней выпадала из поля зрения историков. Преодолевая отмеченную односторонность, У. Мюллер-Вайль подчеркивает, что главная сила прусского абсолютизма заключалась во внешнеполитической активности, благодаря которой могла успешно функционировать внутренняя политика. Причины, побуждавшие Югенцоллернов проводить исключительно активную внешнюю политику, были обусловлены раздробленностью расположения прусских владений, их внутренней нестабильностью (власть короля и курфюрста в различных прусских территориях была не всегда достаточно прочной), недостатком ресурсов и низкой плотностью населения, что увеличивало опасность внешнего вторжения со стороны сильных соседей. Активная внешняя политика требовала крайней мобилизации ограниченных внутренних ресурсов королевства, что порождало во внутренней политике режим жесточайшей экономии, фискального и полицейского надзора и высокого уровня милитаризации. Европейские кризисы представляли большую опасность для Пруссии и вместе с тем предоставляли ей шанс с выгодой для себя воспользоваться ситуацией. Во многом вследствие этих обстоятельств, Фридрих II сформулировал идею использования политической конъюнктуры для укрепления своего государства, фактически следуя принципам макиавеллизма, осуждавшегося им в известном произведении его молодости «Анти-Макиавелли»³.

По словам современного немецкого публициста Клауса Вигрефе, Бранденбург-Пруссия Фридриха Великого представляла собой, государство с головой Януса, которое оставило память

о себе больше в силезских войнах, чем в реформах просвещенного абсолютизма⁴. В самом деле, неожиданное возникновение Пруссии как великой державы было одним из наиболее значительных событий XVIII века. Сам Фридрих II говорил о своем государстве в 1740 г., что «Пруссия была королевством по имени, а фактически курфюршеством», она играла значительную роль только в Священной Римской империи и на севере Европы, будучи второстепенным европейским государством со слабыми экономическим потенциалом, и, как заметил Вольтер, Фридрих был «королем пограничных полос»⁵.

Теоретическая подготовка к захвату Силезии и возвышению Пруссии велась давно, с 1731 г., когда юный Фридрих изложил свои соображения в письме к камер-юнкеру Карлу Дубиславу фон Нацмеру о том, что Пруссия незащищена перед лицом многочисленных соседей и что рекомендовать сохранение *status quo* можно только плохому государственному деятелю. В качестве целей по улучшению положения Пруссии он рекомендовал спрямление территорий Померании и Восточной Пруссии, затем приобретение Шведской Померании и Мекленбурга, и, хотя не говорил еще о Силезии, сама мысль о захвате или присоединении новых земель кажется прелюдией к идее захвата Силезии. В написанных в 1738 г. «Размышлениях о настоящем состоянии политических сил Европы» он уже подчеркивал стремление увеличивать территории как постоянный принцип, одновременно не подвергая сомнению принцип равновесия сил. Поэтому вторжение 1740 г., по крайней мере — для самой прусской монархии, не являлось чем-то спонтанным, но было заложено в самой традиции Дома Гогенцоллернов и было не причиной разразившейся европейской войны, а стало лишь следствием использования удобного момента. Развязанная Пруссией первая силезская война 1740—1742 гг. не ставила под сомнение Прагматическую Санкцию Карла VI 1713 г., согласно которой наследование императорского трона могло производиться по женской линии (окончательно была принята имперскими чинами в 1724 г.)⁶.

Какое же место в своих политических расчетах молодой Фридрих отводил Российской империи, и какого мнения о ней был? Если после Семилетней войны он вполне серьезно опасался восточного соседа, то, будучи кронпринцем, в написанных и отправленных Вольтеру в 1737 г. «Заметках о состоянии

России при Петре Великом» он в первую очередь отмечал, что русские привержены своим обычаям и не любят иностранцев, являясь наиболее невежливым народом в Европе. Оценивая политику Петра I, Фридрих с одобрением писал, что тот основательно изменил отношения церкви и государства в пользу последнего. Вся нация (народ) в России может быть разделена на два класса — рабов, к которым он относил крестьян и мещан, обязанных платить налоги, и свободных, т. е. дворян. Далее Фридрих отмечал, что царь Петр, считавший дисциплинированную армию важной опорой монархического правления, успешно произвел многие изменения в управлении войсками и их вооружении. Но, подражая во многом в организации армии шведам, Петр, при жизни, не успел довести дело до конца, хотя и достиг большого прогресса в строительстве флота⁷. Интересно замечание о плодovitости населения России, которого все же не хватает, тем более что с начала XVIII века оно уменьшилось. Вероятно, имелись в виду последствия войн и реформ петровского времени. Заметим, что этот вопрос вследствие малой населенности прусских земель не мог не волновать будущего короля. Критически оценивал кронпринц и русскую финансовую систему при Петре Великом, который никак не мог увеличить доходы государства более 9—10 миллионов рублей, поскольку деньги расходились между фаворитами. Фридрих подчеркнул также огромную разницу в доходах между высшими сановниками и рядовыми офицерами, приведя такие цифры: содержание вельможи при дворе обходилось в 50 тыс. рублей в год, а капитан в армии получал 8 рублей в месяц⁸. Хотя выводов из этого кронпринц не делал, мог ли он высоко оценивать боевые качества русской армии и военный потенциал России?

Можно сравнить высказывания Фридриха о России и русских 1737 г. и в «Политическом завещании» 1752 г. Спустя пятнадцать лет король Фридрих II писал, что Россия императрицы Елизаветы управляется женщиной, склонной к роскошной жизни и удовольствиям, передавшей государство в руки министров, которых выдвигают различные партии. Во внутренней политике опять усилилась роль церкви. Финансовая система разрушена, военная дисциплина ослаблена, прежде всего, потому, что иностранные офицеры уходят со службы. Из всего этого Фридрих II заключал, что Россия не имеет шансов на успех в войне. По его словам, дворцовые перевороты в Петербурге, которые он назы-

вал гражданскими войнами, создают для Пруссии и стран Севера благоприятные условия в политике по отношению к России⁹.

Очевидно, что такая оценка влияла на решения прусского короля воевать против Австрии как в силезских войнах, так и в Семилетней войне, не опасаясь решительных действий со стороны Российской империи. Хотя, казалось бы, участие русских войск в войне за польское наследство и их продвижение в западную часть Германии в 1748 г. должны были послужить ему предостережением. Но сведения, которые имел Фридрих еще в 1737 г. и которые он получил от секретаря прусского посольства в Петербурге Иоганна Вокеродта, все же не давали ясного и точного представления о России¹⁰. Он не учитывал возможную финансовую помощь России со стороны врагов Пруссии и отчаянную храбрость русского солдата.

В ходе войны за Австрийское наследство Фридрих II рассчитывал в первую очередь на благоприятные обстоятельства, выступив в качестве нарушителя европейского равновесия и став третьей силой в отношениях между Францией и Австрией¹¹. В войне Пруссии против Австрии Петербург неизбежно становился союзником Вены, в виду общей для обеих держав турецкой опасности, а еще и потому, что Версаль проводил политику создания «восточного барьера» против России¹². Начавшаяся Силезская война продемонстрировала возрастание в европейской политике роли Восточной Европы: России, Пруссии и Австрии. Сильными факторами нарушения равновесия сил стали экономическая экспансия и демографический подъем, позволившие европейским державам Центральной и Восточной Европы в результате административных реформ XVIII века мобилизовать значительные людские и материальные ресурсы¹³.

Поводом для вторжения прусских войск в декабре 1740 г. в Силезию стала смерть императора Священной Римской империи Карла VI, не оставившего потомков по мужской линии. Став 31 мая 1740 г. прусским королем, Фридрих II выдвинул юридически сомнительные территориальные претензии на Силезию, от которых давно отказались его предшественники. Он, в отличие от Версаля, не планировал расчленение австрийских владений, но стремился к славе, укреплению своего государства и изменению в свою пользу соотношения сил в Германии и Европе. В дипломатической подготовке похода в Силезию, безусловно, играл исключительную роль сам Фридрих, соединивший в сво-

их руках все нити управления войсками и дипломатией. Прусский король умело воспользовался благоприятной международной ситуацией: вовлеченностью Англии в борьбу с Францией и Испанией, войной Швеции с Россией, чередой политических кризисов и дворцовых переворотов 1740—1741 гг. в Петербурге. Лишенная международной поддержки Австрия не смогла выдержать стремительного натиска Пруссии. Если же привести к общему знаменателю прусскую политику в треугольнике Пруссия-Польша-Россия, то она, скорее всего, сводилась с прусской точки зрения к роли третьего конкурирующего государства, как предлагал в своем политическом завещании король Фридрих Вильгельм I. Сам же Фридрих II, производя свои внешнеполитические расчеты, подчеркивал, что если не удастся договориться о союзе против Австрии с Великобританией и Голландией, то это можно сделать с Францией¹⁴.

Однако прусская дипломатия, готовившая захват Силезии, отнюдь не сбрасывала со счетов Россию, рассматривая обеспечение политического нейтралитета Петербурга как одну из своих основных задач, о чем свидетельствует «Политическая корреспонденция Фридриха Великого». Перед самым началом вторжения в Силезию, 3 декабря 1740 г. прусский король писал своему послу в Санкт-Петербурге барону фон Мардефельду и просил выведать, насколько после свержения Э.И. Бирона «новый двор склонен к сохранению старой системы тесных связей с Австрийским домом и польским королем, а также узнать, что граф Миних думает о настоящем состоянии дел в Европе, и к какой партии будет принадлежать Россия»¹⁵. Безусловно, прусский король хотел сохранения *status quo* в отношениях с Россией, но его беспокоила и проблема сохранения русско-австрийского союза, несмотря даже на то, что в силу внутривосточных причин ни Россия, ни Австрия не в состоянии были, по его расчетам, помешать ему вторгнуться и овладеть Силезией. На следующий же день после отправки важного письма Мардефельду прусский король обращается с многословным посланием к королю Великобритании и курфюрсту Ганноверскому, своему родственнику Георгу II, уверяя того, что он, склонен вступить с Англией, венским двором, Россией и Голландией «в тесный союз для утверждения европейского равновесия» и сохранения Священной Римской империи и ее конституции, то есть восстановить старую систему. Заканчивал прусский король свое послание в Лондон фразой о

том, что экспедиция, которую он начинает, является единственным средством спасти Германию, чтобы не погибнуть из-за новых предприятий, которые венский двор может сделать вместе с Францией¹⁶. В отличие от предыдущего письма Мардефельду, Фридрих II намекал на возможность включения России в число государств, гарантировавших бы статус, права и привилегии имперских чинов. То что намеки такого рода не были случайностью свидетельствовало и то, что еще ранее, готовясь к вторжению в Силезию, Фридрих II просил у императрицы Анны Ивановны подтверждения прусских прав на герцогства Юлих и Берг в западной части Германии. Также Фридрих не исключал просьбы о российской помощи со своей стороны. Об этом он писал еще в сентябре 1740 г., а в начале ноября, после смерти Карла VI, размышляя об обосновании прусских претензий на Силезию, Фридрих с беспокойством замечал, что из всех влиятельных европейских держав только Россия отнеслась к ним с недоверием¹⁷. Все же, вопреки мнению Е.В. Анисимова, позиция России накануне прусского вторжения в Силезию, все же не имела для Пруссии решающего значения¹⁸. Тем не менее, несмотря на пренебрежительные оценки России, Фридриха II весьма беспокоило, будет ли Петербург сохранять союз с Австрией и Польшей после смерти Анны Ивановны. Решающими оказались невмешательство в прусско-австрийскую войну западных государств и начавшаяся в 1741 г. русско-шведская война, отвлекшая внимание России от дел в Центральной Европе.

Уже после вторжения в Силезию Фридрих пишет 21 января 1741 г. Подевильсу: «Вы видите, что наши дела идут на удивление России и Англии». На следующий день он дает указания Подевильсу направить инструкции послам в Лондон и Петербург и сообщить при дворах о готовящемся соглашении с Веней. Рассчитывая выиграть время, прусский король блефовал, поскольку его предложение продать ему Силезию было отвергнуто венским двором. Далее он пишет, что готов заключить соглашение с Францией, исходя из обстоятельств времени и сил России и ее союзников. «Что касается нового соглашения о союзе с Россией, то возможно только возобновление старого»¹⁹. Российский фактор среди многих других сыграл свою роль в начале войны за Австрийское наследство. Остается без ответа вопрос, будь в России стабильная внутривластная ситуация, решился бы на свое вторжение в Силезию Фридрих II?

Тем не менее, в ходе Первой силезской войны Фридриху II удалось одержать победу над Австрией и навязать ей мирный договор в Бреслау (Бреславле) в июне 1742 г., который был формально подтвержден в Берлине и ознаменовал окончание силезской войны. Но эта победа не изменила соотношения сил в войне за Австрийское наследство императора против франко-прусской коалиции, что важно для понимания последующих действий прусской дипломатии, в том числе и в отношении Российской империи²⁰. После заключения мира Фридрих II поспешил оправдаться перед французскими союзниками за подписание этого мира, ссылаясь на интересы Пруссии и закулисные переговоры польского короля с венским двором, а также на поддержку Марии Терезии венгерским дворянством и на финансовую поддержку Российской империи со стороны Великобритании.

Однако война за Австрийское наследство и борьба за Силезию продолжились. В январе 1743 г. скончался кардинал Флери, и внешняя политика Франции на время не имела четких ориентиров. Елизавета Петровна при этом в силу необходимости иметь союзников в войне с турками снова начала ориентироваться на сближение с Австрией. Кроме того, в Петербурге не могли не быть обеспокоены расширением Пруссии в центрально-восточноевропейском предполье Российской империи²¹.

После дворцового переворота 25 ноября 1741 г. и воцарения Елизаветы Петровны Фридрих II поделился со своими союзниками и приближенными соображениями относительно перспектив влияния России на положение Пруссии и европейских дел. В письме к кардиналу Флери от 4 января 1742 г. он «льстил себя надеждой, что переворот в России отвлечет Данию от Великобритании, которая окажется во всеобщей изоляции; потому что усиление Голландии вызовет у нее больше страха, чем смелости», что Лондон «не рискнет потерять в войне свои земли в Германии, которые окружены французами и пруссаками». Фридрих полагал, что Вене ничего не останется делать, как заключить мир на условиях союзников²². Это и многие другие письма прусского короля того периода говорят, что Фридрих внимательно наблюдал за переменами в расстановке сил на европейской политической сцене, чтобы ловкими маневрами создавать наиболее выгодные комбинации для осуществления своих целей.

Так, собственно, было и в отношениях с Россией. Воспользовавшись тем, что канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, ориентированный на союз с Австрией, на некоторое время летом 1743 г. оказался в опале, Фридрих II поспешил заключить с Елизаветой Петровной союз, не имевший конкретных обязательств и, прежде всего, гарантий сохранения за Пруссией Силезии, как назвал его сам король, «парадный альянс». Но интриги прусско-французской партии при петербургском дворе оказались тщетными. Бестужев выступал против территориальных уступок Швеции, не поддавшись на уговоры французского посла Шетарди, и в этом его поддержала Елизавета Петровна²³. Фридрих II прогнозировал даже участие России в коалиции в составе Великобритании, Австрии, Саксонии, Дании и России. «Вы мне скажете, — писал он Подевилюсу 3 июля 1743 г., — что Дания и Россия не вступят в союз с Англией, но это может произойти». В случае заключения всеобщего мира, продолжал он, придется уступить кое-что из завоеванного Пруссией²⁴.

Желая сохранить за собой захваченную Силезию, в сентябре 1744 г. Фридрих II под предлогом защиты прав на престол императора Карла VII вторгся в Богемию, осадил и взял Прагу. Так началась Вторая силезская война 1744—1745 гг. Однако в дальнейшем в течение примерно полугода решительных боевых действий между пруссаками и австрийцами не велось. Фридрих II начал переговоры с венским двором, видя, что тот нуждается в усилении своей армии на юге Германии. Одновременно он хотел добиться нейтральной позиции и согласия российской императрицы на заключение выгодного для него мира с Австрией. В письме к Подевилюсу от 30 октября 1744 г. он рекомендовал тому требовать от прусского посла в Петербурге Мардефельда употребить все усилия, чтобы Россия не объявляла войны Пруссии. Одновременно Фридрих дал указания Подевилюсу готовить предварительные переговоры о заключении мира с Австрией, причем в качестве посредников предложил «российскую императрицу, Голландию или Швецию». Прокламируемой целью таких переговоров должно было стать установление мира в Германии и Империи²⁵. В письме Елизавете Петровне от 19 декабря 1744 г. он лицемерно заявлял, что имеет справедливые претензии к венскому двору, по его мнению, нарушавшему условия договора в Бреслау. Прусский король утверждал, что Вена якобы намеривается отобрать у него земли

в Верхней и Нижней Силезии и графство Глац и подстрекает его тамошних подданных к неповиновению. Далее Фридрих II настойчиво проводил мысль о том, что венский двор интригует против законно избранного императора и хочет вообще выжить его династию с территории Германии. В продолжение своих претензий Фридрих затем стал намекать, что российская императрица в результате союза с Великобританией будет вынуждена послать войска против Франции. Такими рассуждениями Фридрих явно хотел заставить Елизавету Петровну сомневаться в необходимости укреплять союз с Великобританией. Наконец Фридрих заявил, что интересы Пруссии и России совпадают, и что ему необходимо укреплять все возможные связи с Россией²⁶. Фридрих явно торопился подписать мир с Австрией при нейтральной позиции России на выгодных для Берлина условиях.

Мир в Фюссене 22 апреля 1745 г. между Австрией и Баварией означал отказ Карла VII и Виттельсбахов от претензий на императорскую корону и согласие Мюнхена на избрание Франца Лотарингского императором. На выборах императора только Бранденбург и Пфальц голосовали против Франца Лотарингского, который и был коронован во Франкфурте на Майне 4 октября. Союз Пруссии с Францией и Баварией был разорван, Фридрих II остался в одиночестве, что могло поставить под сомнение положение Пруссии как великой державы. Однако осенью 1745 г. прусский король одержал победы над саксонцами и австрийцами при Хохенфридберге и Зооре, затем при Кессельсдорфе, и вынудил Марию Терезию подписать 24 декабря в Дрездене мирный договор об уступке Силезии и графства Глац Пруссии на условии признания Фридрихом II Франца Лотарингского как императора Священной Римской империи. Так завершилась Вторая силезская война. Война за Австрийское наследство еще продолжалась, Однако после Дрезденского мира возвышение Пруссии как великой державы и изменение баланса сил как в Империи, так и в Европе в целом стало свершившимся фактом²⁷.

В какой мере на завершение силезских войн повлияла позиция России? Еще до подписания мира в Дрездене прусского короля беспокоили возможные действия Петербурга в виду опасного усиления Пруссии. Как следует из письма Фридриха II Подевилеусу от 6 ноября 1745 г., король желал бы по возможнос-

ти воспрепятствовать сближению между Россией и Австрией. С этой целью Фридрих предложил Подевильтсу написать прусскому послу в Петербурге Мардефельду, чтобы тот выступил при российском дворе с декларацией, что, если саксонцы еще раз нападут на Силезию, то прусский король якобы получит поддержку со стороны морских держав, прежде всего Великобритании²⁸.

Прусский демарш действия не возымел. Для России появление сильного соседа было невыгодным еще и из-за того, что оно мешало усилению ее влияния в Речи Посполитой. Кроме того, она опасалась сближения по причинам религиозной солидарности Пруссии и Великобритании, а также из-за ослабления Австрии, которая была нужна Петербургу как союзница в антитурецких кампаниях и как противовес Пруссии. Осенью 1745 г. русский фельдмаршал Петр Ласси получил приказ расположиться с 60-тысячной армией в Эстляндии и Лифляндии на случай начала военных действий против Пруссии. Русско-австрийские переговоры начались после новогодних празднеств в январе 1746 г. и завершились подписанием в конце мая в Петербурге договора о создании оборонительного союза на 25 лет. Этот договор предусматривал совместные действия против Османской империи и Пруссии, причем Мария Терезия надеялась на восстановление своих прав на Силезию и расчленение владений Гогенцоллернов с помощью союза с Россией²⁹.

Завершение Второй силезской войны не означало окончания войны за Австрийское наследство. Вена должна была защищать от французского наступления свои владения в Нидерландах и Италии, последняя, где и была сосредоточена большая часть австрийских войск, могла стать достаточной компенсацией за потерю Силезии. На фронтах войны к северу от Альп венский двор надеялся на помощь морских держав и России. Война за Австрийское наследство становилась англо-французской войной. Венский двор продолжал видеть главного противника во Франции, а не в Пруссии и рассчитывать на поддержку корпуса В.Н. Репнина, который в конце 1747 — начале 1748 г. прошел через Богемию, Франконию и Рейнскую область в Нидерланды³⁰.

Фридрих II с обеспокоенностью следил за движением русских к Рейну, настороженно наблюдал за настроениями и ин-

тригами при венском, дрезденском и петербургском дворах, требуя от Подевилльса постоянной и подробной информации по этим сюжетам. В первую очередь его интересовала позиция имперских чинов по вопросу о захвате Силезии, а также политика Великобритании. Прусский король запрашивал также сведения о состоянии вооруженных сил России, очевидно, опасаясь возможного привлечения русских войск на западноевропейский театр военных действий. 8 июля 1746 г. он писал Подевилльсу, что усмотрел из донесения Мардефельда, о якобы имевшем место сговоре между Бестужевым, венским и дрезденским дворами, дабы предложить совместный проект всеобщего мира между Францией и остальными участниками войны. Фридрих выражал сомнения в возможности действий такого рода со стороны России, так как для этого у нее нет ни заинтересованности, ни необходимых ресурсов. Что же касается всеобщего мира, здесь прусский король выражал надежду, заметим, целиком оправдавшуюся, что Пруссия будет включена в число его участников, несмотря на усилия недоброжелателей³¹.

Одновременно Фридрих II отправил срочное послание своему послу в Дрездене Клинграффену, в котором писал, что сближение России с Австрией является главным образом результатом усилий Бестужева, «который сделал все, чтобы его владычица начала против меня войну». Саксонский курфюрст склоняет Польшу на сторону России, продолжал прусский король, чтобы поляки и литовцы из опасений перед моим вторжением были согласны на увеличение армии и проекты их короля. В этот же день Фридрих написал Мардефельду в Петербург и поручал послу выведать в точности, насколько серьезно российская императрица готова вести войну против Пруссии³². Весной 1747 г. Фридрих, зная о заключении субсидных конвенций между Лондоном, Веной и Петербургом, был весьма обеспокоен возможными последствиями этих соглашений для Пруссии³³, в итоге которых русский корпус появился на берегах Рейна.

Истощение сил воюющих держав и угроза втягивания России в войну за Австрийское наследство, что с точки зрения европейских дворов таило в себе опасность непредсказуемых последствий, заставило их искать пути к миру. С 30 апреля по 25 мая в Аахене состоялся мирный конгресс, который выра-

ботал прелиминарные условия мирного договора. 18 октября там же был подписан и окончательный мир. Согласно этому мирному договору 1748 г. были подтверждены все прежние договоры и границы, признана Прагматическая Санкция. Ни в Аахенском конгрессе, ни в подписании мирного договора Россия как неполноправная «субсидная держава» участия не принимала.

С одной стороны, Аахенский мир восстановил равновесие сил в Европе, с другой — признал завоевание Силезии Пруссией. Оценивая сложившуюся обстановку в отношениях между Пруссией, Россией и Австрией после заключения этого мира, Фридрих II писал 17 декабря 1748 г. Подевильсу, чтобы тот во время аудиенции в Вене у императора и императрицы заявил, что прусский король предпримет все меры, чтобы российские войска не появлялись в Богемии. Далее, только для сведения Подевильса, прусский король сообщил, что надеялся на то, что Великобритания не примкнет к союзу между Австрией, Россией и Саксонией, и что венский и петербургский дворы вскоре будут отвлечены восточными делами³⁴. Спустя три года в политическом завещании 1752 г. Фридрих II мечтал о продолжении гражданских войн, смуты и переворотов в России, а еще о разделе Российской империи, что, по его словам, «было бы самым благоприятнейшим для Пруссии и всех государств Севера»³⁵.

Итак, политика Фридриха II в отношении Российской империи во время войны за Австрийское наследство характеризовалась стремлением к нейтрализации России с тем, чтобы та не помешала Пруссии захватить Силезию, а также попытками не допустить заключения союза между Австрией и Россией. Завоевание Силезии во многом удалось прусскому королю благодаря внутренним потрясениям в правящих верхах России 1740—1741 гг., отвлекшим внимание Петербурга от прусско-австрийского конфликта, и ее недостаточной военной и финансовой готовности к войне. Однако после захвата Силезии Пруссией в Петербурге осознали опасность усилившегося соседа для российских интересов, прежде всего в Речи Посполитой, и пошли на заключение союза с Австрией. Равновесие сил было восстановлено, но впереди была неизбежна война, одними из главных участников которой должны были стать Пруссия и Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот тезис необходимо принять во внимания в виду происшедшего в 70—80-е годы XX в. в германской историографии смене акцентов с истории дипломатии и истории великих политиков на историю международных отношений. См.: *Internationale Beziehungen in der Frühen Neuzeit. Ansätze und Perspektiven* / Hrsg. von H. Kugeler, Ch. Sepp, G. Wolf. Münster, 2006. S. 9—10.

² *Leuschner H.* Friedrich der Große. Zeit-Person-Wirkung. Gütersloh, 1986; *Mittenzwei I.* Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie. Berlin, 1990; *Schieder Th.* Friedrich der Grosse. Ein Königtum der Widersprüche. Berlin — München, 2002. S. 127—128.

³ *Müller-Weil U.* Absolutismus und Aussenpolitik in Preussen. Stuttgart, 1992. S. 47—52, 72, 76—77, 89, 99—104, 111—126, 148, 186, 237, 347—352.

⁴ *Wiegrefe K.* Staat mit Januskopf // *Spiegel Special*. 2007. Nr. 3. S. 7—11.

⁵ *Scott H.M.* Prussia's emergence as a European great power, 1740—1763 // *The Rise of Prussia 1700—1830* / Ed. by Ph.G. Dwyer. Harlow, 2001. P. 153—155.

⁶ *Schieder Th.* Op. cit. S. 133—134, 140—141, 147; *Kunisch J.* Friedrich der Grosse. Der König und seine Zeit. München, 2005, S. 105—107, 110—112, 118—123.

⁷ [*Friedrich II.*] *Considérations sur l'état de la Russie sous Pierre Le Grand, Envoyées en 1737, a Voltaire par le Prince Royal de Prusse, depuis le Roi Frédéric II.* Berlin, 1791. P 1—2, 8, 15, 32, 47, 55—57, 67 etc.

⁸ *Ibid.* P. 201—202, 209—210.

⁹ Friedrich der Grosse / Hrsg. von O. Bardong. Darmstadt, 1982. S. 232.

¹⁰ *Schieder Th.* Op. cit., S. 225—227.

¹¹ *Aretin, K.O. von.* Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648—1806. Stuttgart, 1992. S. 65.

¹² *Schmakenbourg E.* La France et le développement de l'influence russe en Europe du Nord dans la première moitié du XVIII e siècle // *Guerres et Paix en Europe centrale aux époques moderne et contemporaine* / Par D. Töllet. Paris, 2003. P. 585—586, 593—596.

¹³ *Scott H.M.* *The Rise of a Great Nations 1740—1815.* Harlow, 2006, P. 5—6, 39.

¹⁴ *Duchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700—1785. Paderborn, 1997. S. 155—165; *Gooch G.P.* Friedrich der Grosse. Preußens legendärer König. München, 2006. S. 19—20.

¹⁵ *Ibid.*, S. 120—121

¹⁶ [*Friedrich II.*] *Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen* / Hrsg. von R. Koser u. a. Bd. 1. Berlin, 1879, S. 17, 63, 121—123. (далее — PC).

¹⁷ *Ibid.*, S. 46—47, 90—91.

¹⁸ *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 2005. С. 145.

¹⁹ PC. Bd. 1 IS. 182—183.

²⁰ *Шмид А.* Карл VII 1742—1745 // *Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов на Дону, 1997. С. 266—269*; *Schilling H.*

Höfe und Allianzen. Deutschland 1648—1763. Berlin, 1998. S. 292; *Aretin K.O. von*. Das Alte Reich. Bd. 2. Kaiserstradition und österreichische Grossmachtpolitik (1684—1745). Stuttgart, 1997. S. 430—447.

²¹ *Gooch G.P.* Op. cit. S. 31—32; *Kunisch J.* Op. cit. S. 204; *Duchhardt H.* Op. cit., S. 306—307; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 148.

²² PC. Bd. 2. S. 4—5.

²³ *Schieder Th.* Op. cit. S. 231; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 173—174.

²⁴ PC. Bd. 2. S. 381.

²⁵ Ibid. S. 314—315.

²⁶ Ibid. S. 363—366.

²⁷ *Schilling H.* Op. cit. S. 294—295; *Kunisch J.* Op. cit. S. 208—224; *Aretin K.O.* Das Alte Reich. Bd. 2. S. 466—469.

²⁸ PC. Bd. 4. S. 328—329.

²⁹ *Duchhardt H.* Op. cit. S. 164—165; *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 187.

³⁰ *Scott H.* The Rise of a Great Nations ... P. 62—63; *Aretin K.O. von*. Das Alte Reich. Bd. 3. Das Reich und der österreichisch-preussische Dualismus (1745—1806). Stuttgart, 1997. S. 33—37.

³¹ PC. Bd. 5. S. 82—83, 122—124.

³² Ibid. S. 124—125.

³³ Ibid. S. 358—359.

³⁴ Ibid. Bd. 6. S. 314—315.

³⁵ Friedrich der Grosse / Hrsg. von O. Bardong. Darmstadt, 1982. S. 232.

Р.Р. ЮСУПОВ

Казань

Планы русско-польского союза в ходе русско-турецкой войны 1787—1792 гг.

Во второй половине XVIII века, экономические и политические интересы России требовали срочного разрешения черноморской проблемы, т. е. обеспечения безопасности южных границ империи от турецко-татарских набегов и свободной черноморской торговли. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. частично разрешила этот вопрос. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Россия утвердилась в северном Причерноморье и добилась ослабления зависимости Крымского ханства от Османской империи. Однако противоречия между Россией и Турцией не ослабевали и в 80-х годах XVIII в. возникла угроза новой войны.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. оказала большое влияние и на судьбу Речи Посполитой. Одним из ее итогов стал Первый раздел Польши. Польский правящий класс пытался найти возможность сохранения остальных владений Речи Посполитой. Часть шляхты и магнатов такой выход видели в заключении союза с Россией в случае новой войны с Турцией.

Польская дипломатия, направляемая королем Станиславом Августом, внимательно следила за развитием русско-турецких отношений. Учитывая печальный для Польши итог русско-турецкой войны 1768—1774 гг., польское правительство стремилось избежать возможного повторения негативного для страны развития событий. Заявление Н.И. Панина после первого раздела о том, что «Польша должна всегда оставаться государством, устраняющим всякие неизбежные столкновения, неминуемые в отношениях и интересах между тремя державами» (Россией, Пруссией и Австрией. — *РЮ.*) не могло не тревожить польские правящие круги. Единственный приемлемый путь избежать угрозы нового раздела варшавский двор усматривал теперь

в заключении польско-русского союза в случае войны между Россией и Турцией. Магнаты и шляхта, владевшая землями на Правобережной Украине, которым черноморская торговля приносила большие выгоды, также стояли за союз с Россией¹.

Летом 1787 г. значительная часть шляхты поддерживала планы польского короля на заключение союза Речи Посполитой с Россией, рассчитывая на ее территориальные и политические уступки. Король писал своему представителю в Петербурге Аугустыну Деболи: «За мной идет значительная сила народа в лице средней шляхты, и я надеюсь, что смогу исполнить свои цели. Но для этого надо, чтобы Россия позволила провести те меры, которые бы убедили их, что я, заключая союз с Россией, делаю это на выгодных для нас условиях, так как только этим я могу сохранить их доверие к себе»². Польская дипломатия одобрила проект союза с Россией, считая, что этот шаг наиболее способен обеспечить безопасность Речи Посполитой во время войны. Деболи писал королю: «Не остается иного способа, как только сблизиться с тем из соседей, который вероятнее всего сможет оборонять нас. В настоящих обстоятельствах это прежде всего Россия, и если с ее помощью мы теперь не увеличим армию, то такой удобной минуты едва ли мы дождемся в будущем»³.

В конце июля 1787 г. началась вторая русско-турецкая война, что в свою очередь означало перевод переговоров о русско-польском союзе в новую фазу. В Варшаву русскому послу Отто Штакельбергу были отправлены инструкции обсудить условия союзного проекта с королем. К тому времени Станислав Август уже успел получить вести о начавшейся войне от польского резидента в Стамбуле Казтана Хжановского и коменданта Каменца-Подольского генерала Витта. Станислав Август срочно уведомил Г.А. Потемкина о своем приказе польским офицерам сообщать русскому командованию все сведения о передвижениях турецких войск. На встрече со Штакельбергом, ссылаясь на свою встречу с Екатериной II на Украине, король заявил ему: «Если бы те проекты, которые были поданы императрице в Каневе, были сразу приняты, то мы сейчас были бы очень полезны России». Считая, что настала удобная минута склонить Петербург к союзу, король намекнул Штакельбергу о необходимости ускорить подписание союза, так как война могла бы оживить антирусские настроения у части магнатов и шляхты. Далее ко-

роль заявил Штакельбергу, что лишь усиление королевской власти могло бы нейтрализовать действия оппозиции⁴.

Уверенность польского правительства в том, что Россия незамедлительно подпишет союз с Речью Посполитой была настолько крепка, что осенью 1787 г. варшавский двор предпринял ряд шагов, демонстративно враждебных к Турции. 11 сентября Постоянный Совет приказал Щенсны Потоцкому, командовавшему польскими войсками на Правобережной Украине, обеспечить безопасность границ между Богополем и Балтой, где находились русские склады, и выслал в подкрепление ему дополнительные части из Литвы и Великой Польши. Были укреплены одновременно границы с Пруссией. В парке Лазенки торжественно была выставлена конная скульптура польского короля Яна Собеского, победителя турок под Веной. В то же время польское правительство старалось подчеркнуть свое дружелобие к России. По просьбе Штакельберга, жаловавшегося на тесноту старого здания посольства, русскому послу был куплен новый дом ценой в 30 тыс. злотых. Были предоставлены послабления в вопросах вероисповедания православному населению Речи Посполитой и льготы для транзитной торговли русским купцам⁵.

Можно предполагать, что Станислав Август и его сторонники в этот момент пытались разрывом с Портой создать де-факто союз с Россией, не сомневаясь в согласии русского правительства в вопросе о союзе. Такая поспешность Варшавы вызвала явное беспокойство петербургского двора, не желавшего форсировать события. На встрече с Деболи И.А. Остерманн выразил желание императрицы, чтобы Речь Посполитая продолжала хранить спокойствие и не предпринимала шагов, идущих вразрез с политикой России, Деболи поспешил предупредить о беседе с вице-канцлером Постоянный Совет. А вскоре, по настоянию Штакельберга, получившего соответствующие инструкции из Петербурга, Постоянный Совет постановил запретить все действия, из которых Турция могла бы создать прецедент для объявления войны Польше⁶.

Запрещая польскому правительству проведение враждебных Турции акций, петербургский двор в то же время не мог обойтись без помощи Речи Посполитой. Русское командование нуждалось в разрешении польской стороны перебрасывать военные силы России к театру войны через территорию Речи

Посполитой и в его согласии на закупки фуража и продовольствия для русской армии. Штакельберг 18 октября 1787 г. от имени Екатерины II подал королю и Постоянному Совету ноту, в которой указывалось на необходимость прохождения русскими войсками границ Речи Посполитой и объявлялось, что офицеры предупреждены о строгом соблюдении дисциплины и об уплате за продовольствие и фураж. Постоянный Совет должен был назначить специальных комиссаров в Киевском, Волынском, Подольском и Брацлавском воеводствах для контроля за прохождением русских частей. Несмотря на неурожай, Постоянный Совет разрешил русскому командованию закупки зерна в Польше, что вызвало в последствии массовое недовольство местного населения и почву для антироссийских настроений⁷.

Двойственность политики России по отношению к Речи Посполитой объяснялась довольно просто. Стратегическое положение территории и продовольственной базы шляхетской республики имели первостепенное значение для ведения войны с Турцией. Это, а также боязнь ослабить свои позиции в Польше во время войны вынуждали царское правительство создавать видимость переговоров о заключении союза с Польско-Литовским государством. Поэтому в конце сентября 1787 г. Штакельбергу были даны полномочия с участием Станислава Августа выработать проект такого союза совместно с польским королем, а в Петербурге руководство Коллегии иностранных дел проводило с Деболи многочисленные доверительные беседы. В то же время переговоры с российской стороны сознательно затягивались. В одной из бесед с Деболи Остерманн обронил фразу, что союзы лучше заключать не во время войны, а после нее⁸.

Парадокс в словах вице-канцлера, как и намеренная медлительность Петербурга, объяснялись тем, что русское правительство и «всесильный» Г.А. Потемкин выступали за то, чтобы мир с Турцией подписать при посредничестве Пруссии. Срок последнего, ставшего к тому времени уже формальным, русско-прусского договора о союзе истекал в апреле 1788 г. Пруссия, информированная о польско-русских переговорах, была настроена против заключения русско-польского союза, так как этот проект разрушал планы Фридриха Вильгельма II о присоединении к Пруссии Гданьска и Торуня. Прусский посол Людвиг Бухгольд угрожал в Варшаве тем, что выступление Польши против Порты вызовет новый раздел Речи Посполитой, и Рос-

сия не сможет защищать ее целостность. А прусский министр иностранных дел Эвальд Герцберг в конце 1787 г. предложил Екатерине II возобновить союзный трактат и посредничество прусской дипломатии при подписании мира с Турцией⁹.

А.А. Безбородко, считая план Герцберга нереальным, высказывался за сохранение союза с Австрией и был согласен с требованиями венского двора не предоставлять Пруссии возможности новых территориальных приобретений за счет Речи Посполитой. Внутриполитическая борьба в русском правительстве отражалась на ходе русско-польских переговоров, исход которых зависел от позиций Пруссии и Австрии.

К октябрю 1787 г. Штакельберг и король Станислав Август выработали условия нового проекта союзного соглашения. Штакельберг соглашался на увеличение польской армии при обязательстве Польши не заключать военных союзов с другими державами. Так как некоторые замыслы польского монарха были направлены на укрепление королевской власти и ограничение привилегий магнатов, такие как, например, упразднение синекур и отмену права пожизненного занятия общественных должностей, отказ от принципа знатности при назначении на посты в армии и некоторые другие, были встречены царским правительством решительным отказом, то Станислав Август по совету Штакельберга отложил их осуществление до лучших времен¹⁰.

Новый проект союза со значительно смягченными условиями в начале октября 1787 г. был послан в Петербург: Согласно ему, Россия должна была обеспечить целостность и независимость польской республики, а Речь Посполитая обязывалась без ее согласия не заключать подобных союзов с другими державами. Польша, обещала выставить против Турции 20-тысячный корпус, содержание которого брала на себя Россия, выплачивая сразу польскому правительству 80 тыс. дукатов. За военную помощь в войне варшавский двор просил о присоединении к республике части завоеванных молдавских и бессарабских земель и разрешение на проведение некоторых малозначительных реформ политической системы Польско-Литовского государства. По поводу проекта король писал к Деболи, что «эти условия ставят Польшу в слишком зависимое положение от России, но тот, кто полагает, что только этот выход позволит нам выйти из состояния пассивности, оставляющего нас безоружными перед

соседями, должен признать, что мы должны ухватиться за этот счастливый случай»¹¹.

Лишь изменение международной обстановки в начале 1788 г. оживило русско-польские переговоры. Надежды русского правительства на скорый мир с Турцией не оправдались. Султан в январе 1788 г. сменил рейс-эффенди, склонного к заключению мира и под страхом смерти запретил вести разговоры о мире. Война еще более разгоралась со вступлением в нее в феврале Австрии. Русский двор решил отказаться от прусских предложений продлить русско-прусский договор о союзе. В конце января А.А. Безбородко объявил Деболи об окончательном решении России заключить союз с Речью Посполитой и о том, что Русский контрпроект союза вскоре будет послан в Варшаву¹².

О решении русского правительства Екатерина II известила Г.А. Потемкина. Она писала: «В скором времени поплывут приказания, кои изготавливаются для начатия соглашения. Выгоды им (полякам. — *РЮ.*) обещаны будут. <...> Стараться буду, чтобы соглашение не замедлилось, дабы нация занята была». В последних словах императрица раскрыла основную причину, побуждавшую русское правительство идти на заключение союза с Польшей. Учитывая урок, преподанный Барской конфедерацией 1768—1772 гг., петербургский двор желал отвлечь беспокойных поляков войной с Турцией, направив против нее возможные бунтарские настроения, склонив на сторону России склонные к восстанию элементы шляхты. Поэтому Екатерина II разрешила Потемкину принимать на русскую службу польских волонтеров, и прежде всего, отряды милиции Франтишка Ксаверия Браницкого и Щенсны Потоцкого — верных сторонников России. Участие польских добровольцев в составе русской армии встревожило Порту, которая 17 февраля 1788 г. в декларации пригрозила Польше войной, если она будет помогать России¹³.

Петербургский двор все же стремился задержать ответ на предложенные Станиславом Августом условия союза. Деболи доносил польскому королю, что «тут решили оттянуть заключение союза до начала сейма», чтобы таким образом не дать польской стороне время, для новых замечаний и пожеланий по условиям союзного договора. Кроме того, Деболи сообщал варшавскому двору, что русское правительство опасается осложнений при заключении союзного договора, и поэтому желает собрания ординарного сейма, и образования конфедерации

лишь после его начала. Это, по словам польского эmissара, связано с расчетами Петербурга предотвратить прусские интриги. Русский контрпроект был привезен в Варшаву лишь 10 июня 1788 г. Петербургский вариант договора запрещал польскому королю производить какие-либо изменения в форме правления и не обещал территориальных приобретений. Россия гарантировала совместно с Австрией целостность Речи Посполитой и соглашалась на заключение военного союза сроком на 8 лет. В случае необходимости Польша должна была выставить 12 тыс. кавалерии в составе трех бригад под командованием Ф.К. Браницкого, Щ. Потоцкого и королевского племянника Станислава Понятовского*. Субсидии на содержание этого корпуса Россия обязывалась выплачивать в течение 6 лет, начиная через 6 месяцев после подписания мира с Турцией. В случае нападения на Речь Посполитую Россия выделит на помощь полякам вспомогательный корпус 10 тыс. пехоты, 2 тыс. кавалерии с артиллерией¹⁴.

Станислав Август был разочарован условиями русского контрпроекта. В письмах к русскому правительству он просил ускорить срок выплаты денежной субсидии и разрешить разделить польский корпус на 12 регулярных полков (его беспокоило, что две из трех бригад будут под командованием его врагов). Однако Екатерина II согласилась лишь прислать 100 тыс. дукатов и только через два месяца после окончания войны, а в отношении создания регулярных полков ответила категорическим отказом, заявив, что желает создания корпуса национальной кавалерии, формируемой из числа шляхтичей-добровольцев. Эта мера, по словам императрицы, направлена на привлечение возможно большего числа шляхты на сторону России и польского короля¹⁵.

Учитывая сложность международной обстановки и неопределенность внутривосточной ситуации в Польше, русское правительство в августе вновь начинает сомневаться в пользе русско-польского союза. Деболи было заявлено, что этот союз может быть истолкован Пруссией как направленный против нее, что Россия не имеет сил для войны сразу с тремя державами. Предлагали дождаться какого-либо прецедента со стороны Порты, и тогда, имея аргументы, заключить союзный договор.

* Понятовский Станислав (1754—1833) — сын Казимира Понятовского, шеф литовской пешей гвардии, подскарбий великий литовский в 1784—1791 гг.

Однако, через несколько дней петербургский двор принял решение все же заключить союз с Речью Посполитой и позволить значительно укрепить польскую армию, чтобы таким образом создать оборонительный кордон перед прусской угрозой. Беспokoил русское правительство также отход значительной части шляхты от планов сближения с Россией, что ярко продемонстрировали решения сеймиков, состоявшихся в августе 1788 г. Отказ России от союза с Речью Посполитой, по мнению русского правительства, мог бы подтолкнуть поляков к ориентации на враждебные к России державы. Поэтому 5 сентября 1788 г. Безбородко объявил Деболи, что императрица соглашается на проведение реформ государственного устройства Речи Посполитой, не противоречащих интересам Австрии и Пруссии, и на увеличение польской армии свыше 30 тысяч человек¹⁶.

В конце августа Штакельберг, уверенный, что победа сторонников русско-польского союза на новых, выгодных для Польши условиях, обеспечена, совершил губительную для планов союза ошибку. В неофициальной беседе с прусским послом Бухгольцем, он, желая прозондировать реакцию прусского правительства на заключение союза России с Речью Посполитой, сообщил, что Россия намерена ратифицировать союз на конфедерационном сейме¹⁷. Последствия столь неосторожного шага не замедлили сказаться. Фридрих Вильгельм II выступил решительно против планов союза, заявив, что Речи Посполитой ничто не угрожает, а целостность ее границ уже гарантирована Россией и Австрией в 1775 г. и, следовательно, союз этот направлен против Пруссии. Берлин начал подготовку к созданию конфедерации из своих сторонников в Литве.

Решительная позиция Пруссии оказала влияние на часть русских правящих кругов. Г.А. Потемкин, А.М. Дмитриев-Мамонов и И.А. Остерман предостерегали, что в лице Пруссии можно приобрести нового опасного врага, и выступили против заключения русско-польского союза. Екатерина II согласилась с ними. В Варшаву Штакельбергу была послана инструкция не поднимать в вопросе о союзе на сейме и ограничиться созывом ординарного сейма, то есть без образования конфедерации «при короле». Но отправленная из Петербурга депеша опоздала. Сейм открылся в Варшаве 6 октября 1788 г. на следующий день был подписан Акт образования при короле конфедерации обоих народов, что позволяло сейму принимать постановления

(конституции) большинством голосов. Маршалками сейма от Короны был избран референдарий коронный Станислав Малаховский, от Литвы — Казимеж Нестор Сапега. В Посольской избе было представлено три группировки. «Патриоты» во главе с Игнацием Потоцким и Адамом Казимежем Чарторыским вели за собой более 60-ти послов и ориентировались на сближение с Пруссией. Другая, несколько меньшая группа под предводительством гетмана Ф.К. Браницкого рассчитывала на поддержку Потемкина. Третья группа объединялась вокруг Станислава Августа и Штакельберга. К «регалистам» еще недавнего времени принадлежал и Щ. Потоцкий. 13 октября Г. Бухгольц представил на собрании Конфедерации прусскую ноту, в которой указывал, что предполагаемый русско-польский союз, направленный против Турции, явился бы нарушением условий Карловицкого мира 1699 г. и шестой статьи договора 1773 г., исключаяющей войну между Польшей и Турцией. Одновременно Станислав Август и Штакельберг представили проект польско-русского союза. Прусская нота повлияла на дальнейший ход работы сейма, а «патриотическая партия» развернула антироссийскую агитацию. Об атмосфере этой кампании свидетельствует довольно активное участие в ней нескольких экзальтированных женщин. Большинство послов сейма выступило против планов заключения союза между Польшей и Россией¹⁸. 20 октября по предложению Михала Валевского Сейм принял постановление об увеличении польской армии до 100 тыс. человек, что означало со стороны господствовавшей на сейме группировки по существу уничтожение российской гарантии государственного строя Речи Посполитой и политический разрыв с Петербургом. Прусская дипломатия с этого времени стала последовательно придерживаться тактики провоцирования кризиса в отношениях России и Речи Посполитой.

Таким образом, русско-польский союз в случае его заключения мог бы принести определенные выгоды и России, и Польше. Россия бы получила еще одного союзника в войне против Турции, а Речь Посполитая могла обеспечить неприкосновенность своих границ и получить возможность ограниченных политических реформ в условиях сохранения российской гарантии польской конституции. Однако международная обстановка и вытекающие отсюда колебания в правящих кругах России по поводу союза с Польшей затянули переговоры, а внешнепо-

литическая ориентация части польского правящего класса на враждебные России и Польше державы (прежде всего на Пруссию) привела планы союза к полному краху. Отказ польского сейма от союза с Россией положил конец этапу дружеских русско-польских отношений и периоду умеренных реформ, проведенных под руководством Станислава Августа. Разрыв на сейме с планами союза обозначил начало нового революционного курса во внешней и внутренней политике Речи Посполитой, проводимого под руководством вождей Четырехлетнего Сейма 1788—1792 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Веселовский Ф.* Русско-польский союз с историко-политической точки зрения. СПб., 1890. С. 25; *Джервис М.В.* К вопросу о разделах Польши // Исторический сборник АН СССР. 1952. № 40. С. 250.

² *Rostworowski E.* Sprawa aukcji wojska na tle sytuacji politycznej przed sejmem czteroletnim. Warszawa, 1957. S. 224.

³ Deboli do Stanisława Augusta. 8/I 1788 r. 14/10 1788 r. — Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Zb. Pop. 417.

⁴ AGAD. AKP. 378. L. 310.

⁵ Ibid. L. 316—320; Pudło 90. K. III, 7. ML—VII. L. 100. L. 172, 10.; *Szujski J.* Dzieje Polski. Lwów, 1876. T. 4. S. 328.

⁶ AGAD. AKP. Pudło 90. K. III, 7. L. 193; AKP. 207. L. 378.

⁷ AGAD. AKP. Pudło 90. K. III, 7. ML VII. 101. L. 226, 264, 272.

⁸ AGAD. AKP. 207. L. 250.

⁹ Ibid. 378. L. 398.

¹⁰ Ibid. L. 375; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 181.

¹¹ *Lojek J.* Misja Debolego w Petersburgu w latach 1787—1792. Wrocław, 1962. S. 30.

¹² Deboli do Stanisława Augusta 23/I 1788 r. — AGAD. Zb. Pop. 417.

¹³ *Rymszyńska M.* Gabinet Stanisława Augusta. Warszawa, 1962. S. 134.

¹⁴ Deboli do Stanisława Augusta 2/V i 15/VI 1788 r. — AGAD. Zb. Pop. 417; *Kallinka W.* Sejm Czteroletni. Lwów, 1881. S. 102—106.

¹⁵ *Rostworowski E.* Op. cit. S. 201.

¹⁶ Deboli do Stanisława Augusta 5/IX i 12/IX 1788 r. — AGAD. Zb. Pop. 417.

¹⁷ Stanisław August do Debolego 30/VIII 1788 r. — AGAD. Zb. Pop. 417.

¹⁸ *Костомаров Н.И.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1905. С. 183.

ХАЙНЦ ДУХХАРДТ

Майнц

Политика в светском салоне: Генрих фон Штейн в Санкт-Петербурге в 1812 г. и формирование европейской политики России

Барон Генрих фон Штейн — видный прусский государственный деятель и реформатор¹ — был в конце 1808 г., после того как войска Наполеона заняли государство Гюгенцоллернов, в числе других ведущих прусских министров уволен со своего поста, покинул Пруссию и жил в эмиграции в Праге. Здесь в начале лета 1812 г. он получил приглашение царя Александра I приехать в Россию в качестве консультанта по германским делам. До этого, в течение нескольких лет со времени своей отставки, Штейн оставался всего лишь пассивным наблюдателем происходивших событий, однако теперь он с энтузиазмом воспользовался возможностью снова активно включиться в политику и участвовать в организации отпора Наполеону. Французского императора он считал не только воплощением зла для себя лично (именно такой образ Бонапарта, сопровождаемый многочисленными нелицеприятными выражениями, предстает в корреспонденции Штейна), но также видел в нем угрозу всей европейской системе ценностей. Все это послужило для прусского политика основанием без промедления принять предложение российского императора. Сначала Штейн направился в Вильно, где он встретился с царем и где между ними были достигнуты первые договоренности о пропагандистских и организационных мерах противодействия Наполеону, который к этому времени уже выступил во главе Великой армии, включившей и многие немецкие воинские части, в поход на Москву.

Так начался один из наиболее напряженных периодов в жизни немецкого барона, происходившего из германских земель

Среднего Рейна. Это были хорошие полгода, когда Штейн, сопровождая царя на пути в Москву, на собственном опыте мог познакомиться с Россией, увидел ее старую столицу незадолго до опустошительного пожара. Если мы можем доверять свидетельству Эрнста Морица Арндта², в то время спутника и сотрудника Штейна, а позже жителя Бонна и профессора тамошнего университета, то многонедельное пребывание барона в метрополии можно отнести к самым прекрасным моментам в его жизни.

Санкт-Петербург в конце 1812 г. представлял собой собрание всех явных противников французского императора, которые стремились посредством всех доступных им общественных каналов подвинуть царя к тому, чтобы после изгнания Великой армии с русской земли тот стал бы во главе союза европейских монархов и положил бы конец наводившему ужас призраку Наполеона в целом и навсегда. К этому сообществу противников наполеоновской Франции относились и прусские офицеры, которые разочаровались в непоследовательной и подверженной колебаниям профранцузской политике их короля, были уволены со службы и оказались в Петербурге. В этот круг входили также люди, бежавшие от Наполеона (как мадам де Сталь или герцог Ольденбургский с сыном), или же многочисленные консультанты царя, которых тот собрал вокруг себя со всех концов Европы. Не в последнюю очередь к нему принадлежали и немецкие принцессы, бывшие замужем за членами царской фамилии и выступавшие как своего рода ядро «немецкой колонии».

Однако это не была «немецкая колония» в собственном смысле слова, а своего рода европейское собрание противников Наполеона, принятых на службу при русском дворе. И это сообщество — что было весьма в духе времени — собиралось в салонах у дам из русского высшего дворянского общества. Из собственноручных писем Штейна к жене³ и из ретроспективных описаний Э.М. Арндта, мы узнаем, что барон особенно охотно посещал салон графини Елизаветы Ивановны Орловой, о которой он однажды сказал, что можно только сожалеть, что подобная женщина должна жить и умереть в России⁴. На вечерах у графини Орловой, которую Штейн обожал и чьими достоинствами и добродетелями восторгался, он вступал в интеллектуальные поединки с мадам де Сталь, встречал немецких принцесс. Здесь Штейн участвовал в дискуссиях о том, как сле-

довало бы решительно вести войну против Наполеона, чтобы быть уверенным в том, что эта зловещая фигура эпохи исчезнет окончательно.

В сентябре — октябре 1812 г. не было ещё ни коим образом определено и не установлено политически, чтобы царь действительно решился продолжать войну и в том случае, если все же Наполеон был бы изгнан с русской земли. Среди русского дворянства и в правящих кругах Российской империи имелась сильная оппозиционная группа, которая ни в коем случае не допускала, что Россия может взять на себя европейскую миссию и продолжать войну вплоть до капитуляции корсиканца. И воздействие этого мнения наилучшим образом могло быть ослаблено не на полях сражений, а на паркете салонов. Ключевая роль в этом выпала на долю Генриха Штейна. Его самостоятельность и независимость суждений излучали уверенность, его видение будущей свободной от Наполеона Европы производило впечатление не только на дам, но и на русских правительственных деятелей. 55-летний Штейн очаровывал своих собеседников юношеской свежестью, которая ощущалась в его воодушевлении. Он смог привлечь их к решению великой политической задачи. Нельзя измерить и количественно определить степень его влияния, но это не является вопросом, каким мог бы задаться некий русский скептик, наблюдая, как Штейн агитировал за европейское видение России и за ее европейскую миссию, привлекая сторонников в лагерь защитников идеи дальнейшего русского участия в делах Европы.

Политика, формируемая в салоне и из него исходившая, стала для Штейна методом воздействия и формой его связей с русским обществом. Влияние инспирируемых Штейном политических настроений светского Петербурга соответствовало положению при дворе российского императора опального у себя на родине прусского политика. Барон прибыл в Россию как частное лицо в качестве неофициального советника царя. Он не занимал никакой государственной должности, которая защитила бы его от завистников и недоброжелателей, он не имел возможности участвовать в совещаниях правительства или же изложить свою точку зрения перед какими-либо другими политическими комитетами. Нет, он мог использовать свое влияние только непосредственно на монарха и его брата или их окружение как будто неформально, как будто косвенно — и

именно в салонах. И едва ли можно переоценить связующую силу силовых сетей там политических сетей.

Эта связь Штейна с Россией нашла яркое выражение в его значительной по объему переписке с российскими корреспондентками и корреспондентами⁵, которую в дальнейшем барон продолжал многие годы. Ярким свидетельством ее интенсивности может служить хотя бы указатель к рукописному наследию Штейна, хранящемуся в замке Каппенбург. В 1813—1821 гг. он переписывался с графиней Е.И. Орловой, урожденной Штапельберг, и ее мужем Владимиром Григорьевичем Орловым, с которыми обменялся пятьюдесятью письмами, до сих пор не оцененными и заслуживающими специального исследования⁶. Но Орловы, с которыми Штейн встречался во время путешествия по Италии, а затем — в Швейцарии⁷, могут послужить только одним из многих примеров. Среди субъектов российской корреспонденции Штейна стоит упомянуть Максимилиана Максимовича Алопеуса или же князей Виктора Павловича Кочубя и Репнина-Волконского. В целом переписка между Нассау и Каппенбергом, с одной стороны, и Россией — с другой, насчитывает сотни писем, и они содержали, как правило, гораздо больше, чем просто известия об обоюдном состоянии здоровья их авторов.

Однако, и помимо переписки, контакты Штейна с Россией имели продолжение. Способствовало его общению с русскими друзьями и то, что даже после переезда на жительство в Вестфалию Штейн на лето возвращался в родовое гнездо в Нассау. Город Нассау же лежал, так сказать, в пределах видимости от одного из модных в то время курортов на берегах реки Эмс. Бывавшие там каждое лето русские гости пользовались близким соседством с Нассау, чтобы нанести визит стареющему Штейну и обсудить с ним, например, проблему необратимого и стремительного течения времени или же философские вопросы политики государств⁸. Среди русских посетителей Штейна бывали и очень высокие гости, такие как великая княгиня Мария Павловна, которая не раз приезжала к нему в Нассау из Веймара. Посетители из России, наряду с прусскими офицерами и чиновниками, были, пожалуй, одной из наиболее многочисленных когорт визитеров, навещавших Штейна в его родовом замке.

И эта основанная на личном опыте связь Штейна с Россией не в последнюю очередь нашла выражение в его самом личном

и своеобразном «документе»: в построенной им для себя и расположенной в квартале нассауских замков башне в готическом стиле. Возведена она была по завершении освободительной антинаполеоновской войны и по замыслу Штейна должна была символически олицетворять содеянное им на жизненном пути. Вход в здание Штейн украсил статуями национальных святых тех государств, которые имели в жизни барона наибольшее значение. В их числе был и Александр Невский. В верхнем этаже башни располагался Зал Славы, в котором был установлен мраморный бюст Александра I, наряду с бюстами Франца I и прусского короля Фридриха Вильгельма III⁹. Специально для этого зала по заказу Штейна их изваял прусский придворный скульптор Кристиан Даниэль Раух. Благодарность за то, что Россия последовала его совету и продолжила войну против Наполеона вплоть до занятия Парижа и отречения Бонапарта от престола, была для Штейна одним из центральных пунктов сформированной им картины мира.

Таким образом, салон графини Орловой сыграл свою роль в истории, оставив след в судьбе европейских государств. В известной мере благодаря ему русским правительством было принято решение продолжить борьбу против Наполеона и после изгнания французов из России. Салон Е.И. Орловой послужил отправной точкой установившейся дружбы Генриха фон Штейна с русскими женщинами и мужчинами, продолжавшейся до последних дней жизни барона. Штейн ни в коем случае не оправдывал автократический режим царя Александра — государство ужасающего деспотизма, без собрания, представляющего сословия. И, разумеется, не случайно, что позже, на Венском конгрессе, в отношениях между русским императором и Штейном царяла отчужденность¹⁰.

Однако не подлежит сомнению, что Россия, которую Штейн смог узнать ближе, значительно расширила пространство его картины мира, что именно ей Штейн был признателен за счастливые часы и месяцы, проведенные в Петербурге, что в России он на долгие годы приобрел немало друзей. Не подлежит сомнению также и то, что изучение с российской точки зрения российских связей Генриха фон Штейна в контексте политики, общественной мысли и культуры эпохи представляет собой перспективную и актуальную проблему для исследования.

Перевод с немецкого Бориса Носова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Биографию Генриха фон Штейна см.: *Duchhardt H. Stein — eine Biographie*. Münster, 2007, 2. Aufl. Münster, 2010; а также : *Idem. Freiherr vom Stein — Preußens Reformier in seiner Zeit*. München, 2010.

² Сравните. *Arndt EM. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein*. Hildesheim, 2005 (ND der 2. Aufl. Berlin, 1858). S. 56 etc. et passim.

³ Особенно показательны с этой точки зрения письма от 15 августа и 15 сентября 1812 г. — *Freiherr vom Stein, Briefe und amtliche Schriften / Neu hrsg. von W. Hubatsch*. Stuttgart, 1961. Bd. 3. S. 715—723.

⁴ Сравните со свидетельством Арндта. *Arndt EM. Op. cit.* S. 73.

⁵ *Der Nachlass des Freiherrn vom Stein auf Schloss Cappenberg / Hrsg. von N. Reimann, bearb. von A. Schaller und N. Reimann*. 2 Teile. Münster, 2009.

⁶ *Ibid.* Teil 1. S. 657—664.

⁷ Сравните. *Duchhardt H. Stein — eine Biographie*. S. 404.

⁸ *Ibid.* S. 352 etc.

⁹ *Ibid.* S. 354 etc.

¹⁰ *Ibid.* Kap. 9.

Б.В. НОСОВ

Москва

Германский и польский вопросы
на Венском конгрессе
(к дискуссии о реставрации
«старого порядка» в рамках
европейской системы государств)

По завершении наполеоновских войн становление государственного устройства и политической системы как на территории разделенной Речи Посполитой (в Королевстве Польском), так и Германии происходило под исключительным влиянием международного положения, политических и государственно-правовых теорий периода Реставрации¹. После отречения Наполеона французский сенат возвел на трон брата казненного республиканцами короля Людовика XVI. Новый монарх вступил на престол под именем Людовика XVIII и 4 июня 1814 г. издал «Конституционную хартию», которую предварительно собственноручно отредактировал. Одним из ее идейных вдохновителей был Шарль Морис Талейран. Хартия порывала с республиканским принципом суверенитета народа и провозглашала восстановление законности и абсолютной королевской власти, то есть политической системы старого порядка (*ancien régime*). Установленная во Франции после возвращения на престол династии Бурбонов политическая система получила название «Реставрации». Термин этот был введен в оборот бернским профессором Карлом Людвигом Галлером в сочинении «*Restauration der Staatswissenschaft*». Согласно воззрениям Галлера, власть монарха могла быть ограничена только категориями морали и теми правами, которые самодержец сам соизволил даровать подданным, юридический статус которых, а также их отношение к монарху определялись бы, исходя из сословной организации общества. Основанный на абсолютной власти мо-

нархический принцип провозглашался единственным источником права и законности, а сформированная на этой основе правовая система универсальной и неизменной. Принципы реставрации и легитимизма были положены в основу так называемого неоабсолютизма.

После низложения Наполеона эти принципы были применены великими державами как для определения политического устройства отдельных государств, так и для восстановления системы международного права и международных отношений в Европе в целом. Эту задачу должен был разрешить открывшийся в Вене 25 сентября 1814 г. международный конгресс.

Выработка и согласование принципов реставрации в международных отношениях, а также их применение и воплощение происходили в ходе завершения наполеоновских войн в условиях достаточно острых противоречий и разногласий в лагере антинаполеоновской коалиции, да и в Европе в целом. Причем эти противоречия нашли выражение не только в отношениях между государствами, но и в столкновении внешнеполитических концепций в правящих кругах отдельных стран. Примером могут служить дискуссии в Англии о послевоенной судьбе Франции, которую, по мнению некоторых британских политиков, следовало бы наподобие Германии раздробить на отдельные области-государства, или же разногласия при Петербургском дворе о цели заграничных походов русской армии. В частности, в окружении Александра I, существовала сильная оппозиция планам царя по воссозданию в той или иной форме польской государственности. Инициаторами «восстановления Польши» были Михал Огиньский, Адам Ежи Чарторьский, а противниками — Карл Нессельроде, Н.Н. Новосильцев и С.Р. Воронцов. Критики польских планов императора выступали за союз с Пруссией и Австрией, для обоих же германских государств такой проект явно угрожал бы их жизненным интересам. И именно так он и рассматривался немецкими политиками, в частности Генрихом Штейном, и общественным мнением в Германии².

После парижской капитуляции и отречения Наполеона усилия великих держав были направлены на заключение мира с побежденным противником. На конференции министров иностранных дел союзников 13 апреля 1814 г., в которой участвовали К. Нессельроде, Клеменс Лотар Венцель Меттерних, Генри Роберт Стюарт Каслри и Карл Август Гарденберг были

определены принципы такого урегулирования, применительно к актуальной политической ситуации. Возглавлявший английскую делегацию лорд Каслри был в Лондоне главным противником унижения Франции, которую он рассматривал как важнейший элемент европейского равновесия и сдерживания российской экспансии. В этом он нашел поддержку у Артура Веллингтона. В Петербурге также полагали, что чрезмерное ослабление Франции не принесет выгоды России и только усилит противников империи. Аналогичной позиции, не желая усиления своих политических соперников и рассчитывая сыграть на противоречиях между ними, придерживались и в столицах других европейских держав. Однако именно тактика лондонского кабинета как наиболее последовательного недоброжелателя Франции и главного сторонника восстановления Бурбонов на французском престоле, по-видимому, сыграла важнейшую роль в том, что победители не потребовали от Франции чрезмерных территориальных и политических уступок. Таким образом, уже при выработке стратегии послевоенного урегулирования державы-победители и их союзники стремились более к восстановлению довоенных порядков, чем к формированию новой конфигурации международных отношений на основе преобладания какой-либо группы стран.

Хотя условия Парижского мирного договора от 30 мая 1814 г. были предложены Франции в ультимативном порядке, по существу они были достаточно мягкими. Границы, в особенности на Востоке, устанавливались в соответствии со *status quo* 1792 г. За Бурбонами сохранялась часть прежних владений савойской династии и папских областей в Северной Италии. Франция должна была находиться под управлением специальной комиссии четырех держав, а в дальнейшем власть надлежало передать французам. Этот мирный договор, согласно провозглашенному замыслу участников, должен был соответствовать общей цели — консолидации Европы и предотвращению возможных противоречий.

Однако при выработке прелиминарных условий речь шла не только о побежденной Франции, но и о других союзных с Наполеоном средних и малых государствах. В соответствии с этим Первый парижский мирный договор от 30 мая 1814 г., подписанный в парке Шомон, предусматривал установление временного управления в Княжестве (Герцогстве) Варшавском³.

В отношении Германии в приложении к договору были гарантированы суверенитет и государственное устройство германских государств, в том виде как они существовали до 1805 г.⁴, *status quo* был восстановлен во взаимном положении Австрии и Пруссии. Наконец, были также признаны права Франции на Эльзас и Лотарингию. При этом были отклонены русские предложения о передаче Австрии этих провинций в качестве компенсации за отторжение Галиции⁵. Последнее обстоятельство явно свидетельствовало о том, что, подписывая мирный договор с Францией, министры Александра I имели в виду в качестве одной из приоритетных задач определение и расширение границ польских земель, которым предстояло отойти к России.

Позиция великих держав по территориальным проблемам в Центральной Европе продемонстрировала германским государствам, что удовлетворение их реквизиционных и компенсационных притязаний если и возможно, то только за счет внутренних областей самой Германии и только путем обмена землями и за счет слабейших государств. Об этом в 1814 г. в секретной инструкции своему представителю писал король Вюртемберга Фридрих⁶. Одним из проектов такого территориального передела в Южной Германии стал замысел Баварии присоединить к себе путем наследования соседние германские государства, что в Мюнхене рассматривали в качестве платы за свое вступление в антинаполеоновскую коалицию. Дабы осуществить эти намерения, Бавария пыталась найти поддержку Австрии, заключив с Габсбургами фамильный союз или даже унию. Однако такого рода политическая комбинация еще со времени войны за баварское наследство не представляла собой ничего нового⁷. Проблематичность одностороннего присоединения Баварии к Австрии, которая, с одной стороны, могла бы послужить гарантией баварского суверенитета, и в то же время, с другой — представляла угрозу, вполне осознавалась правящими кругами Баварии. Однако для обеих стран сохраняло актуальность удержание под своим контролем Северной Италии. В итоге, накануне Венского конгресса попытки территориального передела на юго-западе и на юге Германии продолжались недолго и не имели существенных последствий. Большинство государств Южной Германии выступили в пользу консервативного пути решения проблем. Вместе с тем ситуация здесь свидетельствовала, что государства Южной и Юго-Западной Германии по-прежнему представляли собой

специфический регион не только в социальном и культурном отношении, но и в отношении политическом. Таким образом, накануне Венского конгресса путь к решению вопроса о разделе Европы на сферы влияния между великими державами и об установлении территориальных владений и границ отдельных государств был определен в духе реставрации той системы, которая существовала на континенте до Великой французской революции. Оставалось оформить его политически и воплотить в соответствующих институтах государственного устройства. Нерешенными оставались только вопросы о Польше и о Саксонии. Примечательно, что обе эти проблемы оказались персонифицированы в составе участников конгресса.

На Венском конгрессе были представлены более 200 делегаций, а число дипломатов, гостей, и сопровождавших лиц было около 100 тыс. человек⁸. В конгрессе участвовали 450 уполномоченных министров от 143 государств. Не было в Вене только представителей Оттоманской Порты и Княжества Варшавского. Из неприглашенных государств в австрийскую столицу прибыли представители Саксонии, Неаполя и Гёнуи, но их не допустили к участию в конгрессе⁹. Формально постановления конгресса принимались 8 странами, подписавшими Парижский мирный трактат: Австрией, Англией, Испанией, Португалией, Пруссией, Россией, Францией и Швецией, образовавшими на конгрессе Комитет восьми. Остальные же делегации получили лишь право делать им представления. Однако в действительности судьбами Европы вершили пять великих держав.

В ходе Венского конгресса участвовавшие в нем страны разделились по отношению к обсуждавшимся вопросам условно на три группы: победители, побежденные и сторонники так называемого равновесия. Первое место среди победителей Наполеона занимали Россия и Пруссия, рассчитывавшие на львиную долю добычи. Берлин еще на рубеже 1812—1813 гг. безоговорочно примкнул к Петербургу, всеми силами выступив против Франции, и ожидал удовлетворения своих претензий только в расчете на благосклонность России. Главным предметом прусских домогательств была Саксония, присоединение которой к владениям Гогенцоллернов давало бы Пруссии решающий перевес в Германии и открывало бы путь к объединению страны под властью прусской короны. Объектом русских притязаний были в первую очередь польские земли.

В группе побежденных на первом месте была Франция. Заключив парижский мир, вернувшись к прежним границам и восстановив на престоле Бурбонов, она рассчиталась с победителями, но Парижу еще предстояло бороться за восстановление политического влияния в Европе. На этом пути с французскими интересами совпадали интересы других германских государств, в том числе и Австрии.

Формально монархия Габсбургов принадлежала к числу победителей Наполеона, однако этот статус не давал Вене возможности ни добиваться существенных территориальных приобретений, ни увеличения своего влияния в европейской политике. Полученные австрийцами владения в Северной Италии и Иллирии не могли ни повлиять на соотношение сил великих держав, ни усилить позиции Австрии в Германии.

Наконец, третью группу представляла Англия, которая по своей роли в антинаполеоновских коалициях и по давнему соперничеству с Францией могла бы по праву причислить себя к победителям «узурпатора». Однако она не имела значительных сухопутных военных сил, чтобы претендовать на первенство среди великих держав, которые, хотя и предоставили ей после победы под Ватерлоо почетную роль содержать на острове св. Елены поверженного венценосного пленника, но не собирались признавать за ней права единолично распоряжаться судьбами Европы. Это побудило Лондон занять на конгрессе позицию сторонника европейского равновесия, то есть наиболее последовательно добиваться восстановления той системы европейских международных отношений, которая установилась на континенте еще в середине предшествующего столетия, после Семилетней войны 1756—1763 г., и просуществовал практически до начала Великой французской революции. Британские политики рассчитывали сыграть на противоречиях между соперничавшими великими державами, преследуя двоякую цель: во-первых, ограничить влияние Франции и, во-вторых, противодействовать российской гегемонии. Такая позиция вполне согласовывалась с политической концепцией реставрации. В поисках «равновесия» британские правящие круги нашли поддержку со стороны Франции, Австрии и других стран, не желавших чрезмерного, как те считали, усиления России и Пруссии.

Теоретически задачу реставрации системы международных отношений сформулировал возглавлявший на Венском

конгрессе французскую делегацию выходец из аристократического рода, в прошлом епископ-республиканец, министр при Директории и при Наполеоне, а ныне министр Людовика XVIII — Ш.М. Талейран. Определяя основы послевоенного урегулирования, он призывал руководствоваться принципами легитимизма (*legitimité*) и публичного права (*aux principes du droit publique*), что должно было послужить обоснованию неотъемлемости и ненарушимости прав государств и правивших монархов. Оба принципа глава французской дипломатии выдвинул, дабы убедить партнеров по переговорам в неприемлемости присоединения Саксонии к Пруссии, что нашло отражение в его дискуссиях с прусскими министрами и дипломатами К.А. Гарденбергом и Вильгельмом Гумбольдтом.

Однако принципы реставрации должны были распространиться и на Польшу, что, по единодушному мнению великих держав, было невозможно. Ни о каком возрождении Речи Посполитой в границах 1793 г. (до второго раздела Польши) не могло быть и речи, не говоря уж о границах 1772 г. В инструкции, которую министр Талейран составил для себя как делегата конгресса, говорилось по поводу Польши, что Франция приветствовала бы ее возрождение как независимого государства в границах 1772 г. с сильной монархической властью и собственной королевской династией. В этом требовании в наиболее законченном виде воплотился дух политики реставрации. Однако, констатировал французский министр, осуществление этой программы было исключено, поскольку сохранение раздела Польши отвратило бы угрозу поглощения Саксонии Пруссией и удовлетворило бы Австрию, желавшую сохранить Галицию¹⁰. Из этого следовало, что даже те делегаты конгресса, кто на словах провозглашал себя «защитником поляков», намеревались, на деле, вести переговоры только о судьбе Княжества Варшавского.

Особенно ярко позиция французской дипломатии по польскому вопросу проявилась во время первой встречи Талейрана с Александром I, о которой французский министр доносил Людовику XVIII. По его словам, русский император настаивал на скорейшем завершении конгресса и на «выгодах» для России. «Ваше величество, — отвечал Талейран, — не пожелаете занять больше, чем имеете на то право». Ответ царя прозвучал категорично: «Прибегну, скорее, к войне, чем соглашусь на утрату находящегося у меня в руках»¹¹.

Следуя тактике поддержания европейского равновесия, английский представитель на Венском конгрессе лорд Каслри в письме Александру I от 12 октября 1814 г. высказался за сохранение раздела Польши между тремя монархиями, но выразил опасение, не нарушит ли присоединение Княжества Варшавского к России баланса сил между великими державами. В ответ царь утверждал, что, сражаясь с Наполеоном, он не покушался на европейское равновесие, «Если я защищал тот порядок, который намерен установить в Польше, — продолжал он, — то, вне всякого сомнения, он будет на пользу всем. Такая моральная политика может найти поддержку (*appréciateurs*) народов, которые с одобрением отнесутся ко всему, что было бы проникнуто честностью, принципами законности и доброй воли, а также было бы свободно от эгоистических интересов¹². К царскому письму был приложен составленный А.Е. Чарторыским мемориал, в котором тот доказывал, что Пруссия и Австрия уже получили значительные территориальные приобретения за счет польских земель, что, находясь между этими двумя государствами, Княжество Варшавское всегда может быть занято их армиями и не представляет опасности для равновесия в Европе. «Возвращенная полякам национальность (национальное бытие. — *БН*), — говорилось в меморандуме, — не только не представляет опасности, но и является средством отвращения беспокоевств, за которые тех всегда осуждали»¹³.

Клеменс Лотар Меттерних и Каслри исходили из того, что Россия имеет право и основание получить компенсации за счет польских земель, но они считали, что в соответствии с договором от 15—16 июня 1813 г. в Рейхенбахе (согласно которому была воссоздана антинаполеоновская коалиция Австрии, Пруссии и России) такие компенсации могут быть установлены путем раздела Княжества Варшавского между тремя державами и Австрия должна была бы получить большую часть и не потерять Галицию. Эту позицию Каслри изложил в донесении из Вены от 24 октября 1814 г., приложив к нему переданный русской делегации меморандум по польскому вопросу¹⁴.

При этом, если позиция Франции в отношении Польши носила, очевидно, декларативный характер и без поддержки других великих держав не имела существенного значения, то решительное сопротивление Англии и Австрии планам России аннексировать Княжество Варшавское грозило Александру I

политической изоляцией. Вена и Лондон стремились реализовать концепцию консолидации центрально-европейских стран в особенности Пруссии и Австрии перед лицом экспансионистских устремлений как России, так и Франции в этом регионе. Меттерних рассчитывал, что с помощью Англии Австрия сможет добиться преобладания в Германии и побудить Пруссию следовать в фарватере собственной политики¹⁵. Каслри же полагал, что, поддерживая в конфликте с Россией Австрию как слабейшую сторону, он сможет наиболее эффективно содействовать установлению политического равновесия, а следовательно, реализации английских интересов.

В этих условиях особое значение приобретала позиция Пруссии, которая могла бы склонить чашу весов на ту или другую сторону. Традиционная для прусской политики ориентация на мнение Петербурга и столь же многолетние враждебность и недоверие по отношению к Австрии отнюдь не избавили Берлин от колебаний в выборе линии поведения. С одной стороны, прусское правительство, по крайней мере канцлер Гарденберг, не отвергали требований Австрии и Англии поддержать их политический курс, до тех пор пока Пруссия надеялась на приобретение значительной части Саксонии. С другой стороны, Гарденберг принимал в расчет опасность, которая грозила бы его государству, в случае если Княжество Варшавское было бы присоединено к России. Прусский канцлер, имея в виду польские замыслы царя, опасался русских претензий и на прочие польские земли, а также усиления российского влияния в германских делах в целом в случае приближения владений Российской империи к германским границам. Однако во время встречи в Будапеште Александра I с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III Гарденберг, видимо, получил такие гарантии, которые окончательно убедили его наступательно действовать совместно с Россией¹⁶.

Таким образом, уже в начале конгресса сформировались позиции великих держав в отношении Польши. Они сводились, во-первых, к восстановлению прежней системы раздела страны, хотя и в новых границах, и, во-вторых, к реставрации на территории бывшего Княжества Варшавского шляхетского государства во главе с сильной королевской властью. Именно в этом духе была составлена инструкция Талейрана, о том же говорил лорд Каслри, та же мысль содержалась в меморандуме Чарторыского

о возвращении полякам национального бытия, наконец, об этом же рассуждал Александр I, когда указывал, что защищал тот порядок, который был намерен учредить в Польше. Речь шла об установлении в стране консервативного политического режима, основанного на принципах реставрации и легитимизма.

Более определенно намерения великих держав в отношении политического устройства нового польского государства проявились на конгрессе в дальнейшем: уже вследствие кризиса, вызванного конфликтом из-за Саксонии, когда Александр I, не дожидаясь совместного решения великих держав, дал согласие на присоединение Саксонии к Пруссии. Еще в сентябре 1814 г. Россия и Пруссия согласовали совместные действия по вопросу об установлении временной администрации в Саксонии, управление которой в соответствии с заключенной уже в Вене русско-прусской конвенцией от 28 сентября 1814 г. передавалось Берлину. Это решение означало также отход от прежнего намерения царя поделить с Гогенцоллернами совместно завоеванными владениями курфюрстов Заксен-Веймара и Заксен-Кобурга¹⁷.

В начале ноября 1814 г. уполномоченные Берлином офицеры и чиновники направились в Лейпциг, чтобы принять командование над саксонскими войсками и возглавить гражданскую администрацию. С протестами выступили К.Л. Меттерних, М. Талейран, лорд Каслри. Следствием стал направленный против России и Пруссии союз Австрии, Англии и Франции, заключенный в Вене 3 января 1815 г., который представлялся Меттерниху и Каслри своего рода противовесом российскому диктату. Главным же последствием этого альянса стало участие в нем Франции, что означало формальное признание за восстановленной монархией Бурбонов статуса великой державы и представляло собой еще один значительный шаг по пути реставрации *ancien régime* в международных отношениях. В одной из сепаратных статей венского соглашения было зафиксировано присоединение к нему Нидерландов, Ганновера и Баварии¹⁸.

Поглощение Саксонии вызвало в Германии бурю негодования. Бавария даже заявила о передаче своей армии под австрийское командование. При этом, если Ганновер был традиционным династическим союзником Англии в Северной Германии, то позиция Баварии была обусловлена не столько ее близостью с Австрией, сколько собственной дипломатической стратеги-

ей на конгрессе. Бавария была единственным государством в Южной Германии, которое и ранее, и теперь высказывалось за сохранение самостоятельности Саксонского королевства. В частности это было продиктовано опасениями, что прусские притязания будут распространены и на Майнц, чему Бавария намеривалась решительно противостоять. Майнц имел для нее стратегическое значение не только в отношениях с Францией, но и, прежде всего, для сохранения своего центрального положения в отношениях между Северной и Южной Германией. Об этом баварский представитель Карл Филипп Вреде писал 4 декабря 1814 г. из Вены королевскому министру Максимилиану Йозефу Монтегласу¹⁹. Сам Вреде, будучи советником кронпринца Людвига (в последствии короля Баварии с 1825 г.), выступал еще со времен наполеоновского господства с позиций баварского патриотизма против ориентации на Францию и за сближение с Австрией. В этих условиях, по меньшей мере время от времени, Бавария находит поддержку Австрии, что означало исключение расширения власти или влияния Пруссии на Майнц. Об этом свидетельствовал австрийско-баварский договор от 3 июня 1814 г. С другой стороны, выступив в поддержку прав короля Саксонии, Бавария высказалась в пользу принципа легитимизма, который обосновывал суверенитет и территориальную неприкосновенность государств. К австрийско-баварскому союзу присоединился и Гессен-Дармштадт, что означало «*système politique de la court de Vienne et celle de Bavière*», как об этом говорилось в австрийско-гессенском союзном договоре от 14 января 1815 г.²⁰ Спровоцированный Россией кризис подтолкнул государства Южной Германии к сплочению вокруг Австрии, одновременно способствовав восстановлению старого австро-прусского дуализма в Германии.

Подлинно ли разразившийся кризис грозил новой войной, или он был вызван Россией, чтобы оказать давление на партнеров и заставить их согласиться с тем послевоенным урегулированием, которого добивался Александр I? Определенно ответить на поставленный вопрос невозможно. Однако, несмотря на все дипломатические маневры и превентивные меры великих держав в отношении друг друга, переговоры по польскому вопросу были продолжены²¹, так как ни одна из сторон, как полагал Меттерних — не решалась а, вероятно — и не намеревалась прибегнуть к военной силе²².

Главным направлением русской политики в этих условиях было последовательное осуществление планов царя в отношении Польши, однако, не доводя дела до открытого разрыва с важнейшими союзниками и до внешнеполитической изоляции России, что потребовало от русской делегации определенных уступок. В декабре 1814 г. К. Нессельроде отказался от притязаний на Краков, Торунь (Торн) и на захваченную Наполеоном у Австрии и присоединенную к Княжеству Варшавскому Гарнопольскую область²³.

После польского урегулирования участвовавшие в нем страны удовлетворили и некоторые требования Пруссии, хотя, разумеется, не было и речи о первоначальных домогательствах Берлина присоединить Саксонию к владениям Гогенцоллернов. Однако наиболее богатую часть королевства Веттинов Пруссия все же получила²⁴. Правда, Берлин считал себя по сравнению со своими конкурентами в Германии не вполне удовлетворенным, видимо, рассчитывая при удобном случае продолжить торг в дальнейшем. Об этом свидетельствовала Памятная записка Г. Штейна от 1 февраля 1815 г.²⁵ Вопреки прежним намерениям и обещаниям царя, Пруссию не допустили к разделу княжеств Заксен-Веймар и Заксен-Кобург²⁶.

Однако наибольшее значение имело то, что был сохранен статус Саксонии как суверенного германского государства. Независимо от того, входило присоединение Саксонии к прусским владениям в планы России — или нет, ликвидация этого государства означала бы конец политики восстановления «старого порядка» в международных отношениях и режима Реставрации в целом. В итоге, консенсус великих держав и сохранение политики Реставрации были достигнуты за счет Польши. Как в XVIII веке разделы Речи Посполитой служили средством разрешения противоречий между соперничавшими державами, так и в 1815 г. передача Княжества Варшавского России и компенсации за счет польских земель в пользу Австрии и Пруссии стали основой компромисса между великими державами. Суверенитет Саксонии, а с ним и равновесие в Германии были восстановлены, следовательно, была сохранена и политика Реставрации. Окончательно детали соглашения великих держав по польскому вопросу были оформлены 7 января 1815 г. на заседании Комитета по делам Саксонии и Польши.

Проблемы установления государственных границ и сфер влияния великих держав в Европе были, таким образом, разрешены. Однако реализация политики реставрации и становления венской системы предполагали и восстановление системы абсолютизма как универсальной формы государственной власти. Однако реставрация абсолютизма в его классической форме с подчиненными ему рудиментами органов сословного представительства едва ли было осуществимым. Неоабсолютизм периода Реставрации нуждался в новом политическом оформлении подобно тому, как это произошло во Франции. Теперь на Венском конгрессе эти принципы предполагалось утвердить как некую универсальную модель для Европы. Для этого, разумеется, требовался консенсус великих держав, на достижение которого и были направлены усилия России. Прежде всего, для Александра I было важно сближение с Англией. В одной из подробнейших инструкций своему послу в Лондоне Христофору Андреевичу Ливену²⁷, в которой он информировал посла о ходе конгресса и излагал ему цели и максимы актуальной политики. Разъясняя русскую политику и выдвигая аргументы в ее пользу (в сравнении с политикой Австрии и Англии) царь подчеркивал, что основополагающим принципом политического устройства государств послереволюционного периода должен быть конституционализм. В особенности этот принцип, по словам Александра, соответствовал бы польскому проекту. Поэтому присоединение Княжества Варшавского к России соответствует стратегическим целям европейского равновесия, а, следовательно, и интересам других держав, так как может послужить консолидации Европы путем устранения традиционного источника беспокойства, а польский народ под верховным управлением России получил бы конституционное устройство. С этих позиций царь критиковал политику Австрии и Англии в отношении других наций и народов, имея в виду методы восстановления власти Габсбургов в Северной Италии и в Иллирии, а также английскую интервенцию в Испании²⁸.

Отстаиваемые Александром I идеи конституционализма предполагалось воплотить на практике не только в отношении Княжества Варшавского, но и в Германии. Эпоха наполеоновских войн положила конец Священной Римской империи (Старой империи) и Союзу князей.

С самого начала Венского конгресса проблема государственного устройства Германии была в центре внимания великих держав. Для ее рассмотрения был образован специальный Комитет по германским делам²⁹. Австрия и Пруссия в равной мере были заинтересованы в установлении федеративного устройства Германии, что узаконило бы их фактическое доминирование среди германских государств³⁰. Средние и малые государства, преимущественно в Южной Германии, усматривали в этом возможность в максимальной степени сохранить их собственный статус, опираясь на принцип федерализма.

В дискуссии о первом австро-прусском конституционном проекте из 12 статей от 14 октября 1814 г. («Artikel, welche bei der Conferenz der fünf teutschen Mächte zur Grundlage gedient haben»)³¹ проявилось принципиальное противоречие по вопросу о германском государственном устройстве. Согласно проекту, компетенции союза должны были стоять выше компетенций отдельных государств. В проекте, таким образом, не только фиксировалось их неравноправное положение в рамках будущей федерации³², но и открывалась призрачная возможность централизации Германии. Это никоим образом не соответствовало идеологии реставрации и не входило в планы великих держав, которые отклонили проект, высказавшись за его более основательную политическую и правовую проработку. В этом духе была составлена русская нота, направленная Австрии и Пруссии 11 ноября 1814 г.³³ Прусские и русские аргументы нашли отражение в памятной записке Штейна царю от 4 ноября 1814 г. и в ответном меморандуме Нессельроде. Против централизации Германии высказывались и другие советники Александра³⁴.

После месячной предварительной работы комитет в декабре 1814 г. собрался на свое первое заседание как раз в период конфликта из-за Саксонии. О новой германской конституции уже не было речи. Для всех участников переговоров о германском государственном устройстве стало ясно какими опасностями чревато нарушение хрупкого баланса между Австрией и Пруссией. В этих условиях Штейн выдвинул проект избрания нового императора при сохранении независимости и самостоятельности образующих империю (союз) государств (земель) и свободных городов³⁵. При этом принципиальное значение имела гарантия внутреннего и международного положения Германии со стороны Российской империи. Так принципы политики Рес-

таврации возобладали и в германских делах, где была по существу восстановлена старая политическая система Екатерины II, установленная после Тешенского конгресса.

Достигнутый между великими державами компромисс по польским и германским делам означал не только всеобъемлющее восстановление в новых условиях прежней системы международных отношений. Творцы политики реставрации видели в ней средство на вечные времена сохранить господство абсолютизма в Европе и отвратить угрозу новых революций. Такой подход требовал специального идеологического обоснования, которое нашло отражение в ноте Нессельроде от 31 декабря 1814 г., адресованной Австрии, Пруссии и Англии³⁶. Составлена она была в духе основанного на религиозных постулатах единения монархов во имя восстановления законного политического и общественного устройства. Нота должна была предварить встречу монархов России, Австрии и Пруссии и придать ей соответствующее политическое и идеологическое звучание.

13 января 1815 г. в Вене Александр I, Фридрих-Вильгельм III и Франц II согласились с передачей России Княжества Варшавского. Были также разрешены спорные вопросы о польской короне и о правящей династии. Княжество получало статус королевства или, согласно русской правовой традиции, царства во главе с наследственным монархом, обладавшим абсолютной властью, что вытекало из принципов Реставрации. Пруссия и Австрия отказались от формальных претензий на королевский статус занятых ими земель бывшей Речи Посполитой и от претензий собственных династий на польскую корону в обмен на дополнительные компенсации за счет Польши. Корона польских королей отныне принадлежала только русскому царю. Вместе с тем было оговорено, что, будучи одним из владений Российской империи, Королевство Польское не будет включено в ее состав и сохранит «национальный» характер государственного устройства и управления.

В тот же день лорд Каслри выступил с нотой по польскому вопросу, из которой следовало, что статус Княжества Варшавского установлен в соответствии с пожеланиями Александра I. Обосновывая свою позицию, лорд подчеркивал, что «не намеревался препятствовать согласию, но, по мере сил, хотел разъяснить стремление своего правительства действовать во благо Европы». По его словам, британский королевский двор не отка-

зался от намерения восстановить независимую Польшу с собственной правящей династией, однако, этому воспрепятствовали три великие державы-посредники (*puissance intermediare*). Зная, что формально постановления конгресса принимались на вечные времена, лорд лицемерно заявлял, что британское правительство «не отвергает возможности осуществления этой идеи (восстановления независимой Польши. — *БН*) в конце концов», но из-за нынешних затруднений не следует возбуждать среди поляков несбыточных надежд, поскольку русский император «неколебимо настаивает на своем проекте», а австрийский император и король прусский перестали ему противиться. Далее Каслри делал весьма важное замечание о «польском проекте» Александра I. Лорд выражал надежду, что управление страной будет строиться на либеральных принципах, а администрация — соответствовать «духу нации» и способствовать «единству Польши с ее соседями». Английский дипломат писал также, что невозможно обеспечить «счастья поляков» без сохранения их прав и обычаев³⁷. В том же духе высказался и Талейран³⁸. Российский ответ на ноту Каслри последовал 19 января. К. Нессельроде и А.К. Разумовский (русский посол в Австрии, четверть века занимавший эту должность и смотревший на европейские дела глазами венского двора) писали, что «сохранение национальных прав, традиций и институтов поляков может вполне соответствовать справедливому европейскому равновесию»³⁹. 30 января на ноту английского делегата ответил прусский канцлер К.А. Гарденберг, заявивший, что высказанное мнение в основном соответствует и взглядам прусского короля, который намерен дать своим польским подданным «правительство, соответствующее духу народа и его обычаям». Далее в прусской ноте говорилось, что «таким образом в народе постепенно будет крепнуть убеждение, что его национальность может сохраниться и быть уважаема под властью каждой политической системы. <...> Это будет самым первым условием установления связи разноплеменных подданных с правительством, объединения их, подобно одной семье». В заключение в ноте Гарденберга подчеркивалось, что прусский король, подобно российскому императору, а также английскому регенту, будет стремиться «обеспечить польским подданным те свободы и преимущества, на которые они имеют право»⁴⁰. Последней на ноту Каслри откликнулась Австрия. 21 февраля К.Л. Меттерних

включил в протоколы конгресса мнение австрийского императора, который, как гласил протокол, «не только желал восстановления независимого Королевства Польского, но, не щадя себя, был бы готов принести немалые жертвы для достижения спасительной цели: реставрации старого порядка». В духе принципов реставрации император давал согласие на установление конституции для поляков⁴¹.

Вскоре после январской встречи монархов России, Пруссии, Австрии и направленной великим державам английской ноты Талейран и Каслри покинули Вену. Перед отъездом лорд уведомил английский парламент, что важнейшие вопросы на конгрессе решены и что восстановление (la restauration) Польши было подтверждено монархами России, Пруссии и Австрии⁴².

1 марта 1815 г. Наполеон высадился в Каннах и вскоре вступил в Париж, так начались Сто дней императора. Находившиеся в Вене монархи и делегаты конгресса, чтобы продемонстрировать неизбежность установленного режима Реставрации и принятых решений выступили 13 марта с декларацией конгресса.

Постановления Венского конгресса подлежали утверждению межгосударственными договорами. В итоге судьба Княжества Варшавского была определена соглашениями между Россией, Пруссией и Австрией. В русско-прусском трактате от 4 апреля 1815 г. в 47 статье было постановлено, что «Княжество Варшавское, за исключением вольного города Кракова и его территории или провинции, о которых особо установлено в предыдущих статьях, присоединяется к Российской империи. Оно соединяется с нею (империей. — *БН*) посредством своей конституции на вечные времена и в особе его имп. в-ства и его наследников и их преемников. Его имп. в-ство намерен предоставить стране особую администрацию для внутреннего управления, которую заблагорассудит, а также принимает на себя титул царя-короля польского в соответствии с установленным порядком применительно для титулов прочих его владений»⁴³. Подписывая этот договор, Александр сразу отверг возможность расширения границ Королевства Польского, а также какого-либо определения основ его конституции. 3 мая 1815 г. был заключен договор между Россией, Австрией и Пруссией, включенный в дальнейшем в итоговый акт конгресса от 9 июня 1815 г. Этот трехсторонний договор пришел на смену денонсированным прежним соглашениям между этими странами времени напо-

леоновских войн также и по отношению к Княжеству Варшавскому. В нем был определен и статус создаваемого Королевства Польского.

На Венском конгрессе были подтверждены постановления Парижского мира 1814 г. о французских границах, которые устанавливались с некоторыми модификациями в соответствии с положением на 1790 год. Кроме того во Франции на установленное время оставались войска союзников. Мирный договор между Австрией, Англией, Пруссией, Россией и Францией, заключенный 20 ноября 1815 г. в Париже, в соответствии с постановлениями Венского конгресса⁴⁴, имел последствия и для Германии. Сепаратным протоколом от 3 (20) ноября 1815 г. была предусмотрена передача Пруссии Саарской области и соответствующие территориальные компенсации для Австрии.

Все другие решения в отношении Германии носили сугубо временный характер, что предусматривало их окончательное определение лишь в будущем. Главное был признан компромисс между Австрией и Баварией, согласно которому были возобновлены австрийские права на баварское наследство, что, однако, предусматривало систему взаимных территориальных компенсаций, в частности удовлетворение баварских претензий на Пфальц и австрийских — на Зальцбург⁴⁵.

Нерешенными остались вопросы государственного устройства и проблемы совместной обороны, которые также были отложены на будущее⁴⁶. В обоих этих областях Россия взяла на себя роль гаранта (Конституция Германского союза, Общие положения, статьи 53—64)⁴⁷.

Принятые по воле России решения Венского конгресса имели основополагающее значение для определения политического устройства Королевства Польского. В нем был установлен государственный строй, который, как выразился Александр I, он намеревался дать Польше. Королевство Польское на вечные времена присоединялось к владениям Российской империи. Русский царь провозглашался польским королем с правом передачи по наследству польской короны и с правом «предоставить стране особую администрацию для внутреннего управления, которую заблагорассудит», то есть получал абсолютную власть, хотя и обличенную в некую конституционную форму. При этом на конгрессе было оговорено, что конституционные принципы управления по усмотрению монархов будут дарова-

ны полякам также в прусских и австрийских владениях. Рассуждения деятелей Венского конгресса о «либеральных принципах», о «сохранении национальных прав и институтов», о «духе народа» призваны были только с помощью новой фразеологии прикрыть реставрацию на польских землях сословного строя и шляхетских привилегий.

В той же мере и в Германии российские гарантии призваны были служить восстановлению полуфеодалного статуса раздробленной страны и абсолютистских режимов в отдельных германских государствах, на социально-политический строй которых никоим образом не повлияла конституционная форма Германского союза, как и туманные обещания монархов Австрии и Пруссии предоставить некоторые конституционные права своим польским подданным.

Получившая завершение на Венском конгрессе и в подписанных после конгресса договорах политическая система Реставрации рассматривалась ее инициаторами и вождями Священного союза как установленная на вечные времена, оказалась, однако, недолговечной. Вся Европа стояла на пороге революционных потрясений. Политика реставрации не привела к разрешению ни польского, ни германского вопросов. Проблемы объединения Германии и восстановления независимой Польши на протяжении всей революционной эпохи, вплоть до начала 1870-х годов принадлежали к основным вопросам европейской политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например *Зак ЛА*. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966; История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войны России против Наполеона до Парижского мира) / Отв. ред. О.В. Орлик. М., 1999; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815—1830 / Отв. ред. С.М. Фалькович М., 2010.

² *Eich U.* Russland und Europa. Studien zur russischen Deutschlandpolitik in der Zeit des Wiener Kongresses. Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1986. S. 118—119.

³ Consolidated Treaty Series. 243 vols. / Ed. C. Parry (Dobbs Ferry), New York, 1969—1986. Vol. 63. P. 171—197 (далее — CTS).

⁴ CTS. Vol. 63. P. 181.

⁵ *Brendel R.* Die Pläne einer Wiedergewinnung Elsaß-Lotaringens in dem Jahren 1814 und 1815. Staßburg, 1914. S. 11 etc., 22 etc.

⁶ *Eich U.* Russland und Europa... S. 208—209

⁷ Историю взаимоотношений по этому поводу между Баварией и Австрией (планы фамильного союза или даже унии) в 1813—1819 гг. См.: *Sabrmann A.* Pfalz oder Salzburg? Geschichte des territorialen Ausgleich zwischen Bayern und Österreich von 1813 bis 1819 // Historische Bibliothek. München, Berlin, 1921. Bd. 47. S. 29.

⁸ *Ajnenkiel A.* Konstytucje Polski w rozwoju dziejowym 1791—1997. Warszawa, 2001. S. 86

⁹ *Bartoszewicz K.* Utworzenie Królestwa kongresowego. Kraków, 1916. S. 74—75.

¹⁰ *Ibid.* S. 100—101.

¹¹ Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du Roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne... / Ed. M.G Pallain. Paris etc., 1881. Цитируется по: *Bartoszewicz K.* Utworzenie Królestwa kongresowego. S. 108.

¹² *Martens G.F.* Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix ... conclus par les puissances de l'Europe... depuis 1808 jusqu'à présent. Göttingen, 1817—1848. Vol. 1, P. 341; Le Congrès de Vienne et les traités 1815 / avec une introduction historique par M. Capéfigue / Ed. Comte d'Angeberg (Leonard Chodźko). Paris, 1864. Vol. 1. P. 613.

¹³ *Bartoszewicz K.* Utworzenie Królestwa kongresowego. S. 105.

¹⁴ British Diplomacy 1813—1815. Select Documents dealing with the Reconstruction of Europe / Ed. by Ch. Webster. London, 1921 P. 212—215. См. также: *Olshausen K.* Die Stellung der Großmächte zur sächsischen Frage auf dem Wiener Kongreß und die Gestaltung der preußischen Ostgrenze. Diss. Phil. München, 1933. S. 5; *Webster Ch.K.* The Congress of Vienna 1814—1815. London, 1969; *Idem.* The Foreign Policy of Castlereagh. London, 1925—1931. Vol. 1—2.

¹⁵ *Srbik H.* Metternich, der Staatsmann und der Mensch. München, 1925. Bd. 1—2. München, 1954. Bd. 3. (Bd. 1. S. 83).

¹⁶ *Furnier A.* Zur Geschichte der polnischen Frage 1814—1815 // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 1899. Bd. 20. S. 444—475; *Olshausen K.* Die Stellung der Großmächte zur sächsischen Frage. S. 58.

¹⁷ *Eich U.* Russland und Europa... S. 258—259

¹⁸ CTS. Vol. 63. P. 440.

¹⁹ См.: *Eich U.* Russland und Europa... S. 260.

²⁰ *Ibid.* S. 260—261.

²¹ Протокол конференции 7 января 1815 г. — Le Congrès de Vienne et les traités 1815... Vol. 2. P. 1877.

²² *Srbik H.* Metternich, der Staatsmann und der Mensch. München, 1925. Bd. 1. S. 190.

²³ Нота Нессельроде Австрии, Пруссии и Англии — Akten des Wiener Congresses / Hrsg. von Johann Ludwig Klüber. Erlangen, 1816—1835. 9 Bde. Bd. 7. S. 71—77.

²⁴ Договор между Австрией, Пруссией, Россией и Саксонией 18 мая 1815 г — CTS. Vol. 64. P. 180—189.

²⁵ *Stein H.* Briefe und amtliche Schriften / Hrsg. von W. Hubatsch Bd. 5. Nr. S. 258—263; *Weil MH.* Les dessous du Congrès de Vienne, d'après les documents originaux des archives du Ministère Impérial et Royal de l'Intérieur à Vienne. Paris, 1917. Vol. 2. Nr. 156. P. 174. *Eich U.* Russland und Europa... S. 265.

²⁶ Ibid. S. 265—266.

²⁷ Александр I — А.Х. Ливену, Вена, 27(15) декабря 1814 г. См. также инструкцию от 6 марта (22 февраля) 1815 г. — Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. М., 1972. Серия 1. Т. 8. Док. 63. С. 139—144, Док. 87. С. 212.

²⁸ *Eich U.* Russland und Europa... S. 262—263.

²⁹ *Mayr JK.* Aufbau und Arbeitsweise des Wiener Kongresses // *Archivalische Zeitschrift.* 1939. Bd. 45. S. 64—127.

³⁰ *Hartmann HJ.* Das Schicksal des preußisch-österreichischen Verfassungsvorschläge, insbesondere des Entwurfs vom 14 Oktober 1814, auf dem Wiener Kongreß. Diss. Jur. Göttingen, 1964. S. 16 etc.

³¹ Akten des Wiener Congresses... Bd. 1. Heft 1. S. 57—61.

³² *Eich U.* Russland und Europa... S. 278—279

³³ Le Congrès de Vienne et les traités 1815... Vol. 1. P. 417 etc.

³⁴ *Eich U.* Russland und Europa... S. 280—281.

³⁵ Ibid. S. 284—285.

³⁶ Akten des Wiener Congresses... Bd. 7. S. 69—71.

³⁷ Ibid. Bd. 9. S. 40; *Martens GF.* Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix... Vol. 1. P. 377 ; Le Congrès de Vienne et les traités 1815... Vol. 1. P. 644.

³⁸ *Bartoszewicz K.* Utworzenie Królestwa kongresowego. S. 125—126.

³⁹ Akten des Wiener Congresses... T. 9. S. 44; *Martens GF.* Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix... Vol. 1. P. 379 ; Le Congrès de Vienne et les traités 1815... Vol. 1. P. 645.

⁴⁰ Akten des Wiener Congresses... T. 9. S. 49; *Martens GF.* Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix... Vol. 1. P. 384 ; Le Congrès de Vienne et les traités 1815... Vol. 1. P. 647.

⁴¹ Akten des Wiener Congresses... T. 9. S. 47; *Martens GF.* Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix... Vol. 1. P. 382 ; Le Congrès de Vienne et les traités 1815... Vol. 1. P. 658.

⁴² *Bartoszewicz K.* Utworzenie Królestwa kongresowego. S. 127.

⁴³ Цитируется по: *Ajnenkiel A.* Konstytucje Polski. S. 86

⁴⁴ CTS Vol. 65. P. 253—257

⁴⁵ *Eich U.* Russland und Europa... S. 290

⁴⁶ Recueil des Traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères, depuis 1763 jusqu'à nos jours / Ed. L. Neumann. Serie I. Vol 1—3. Leipzig 1856—1858. Vol 3. P. 7

⁴⁷ *Eich U.* Russland und Europa... S. 291.

Л.П. МАРНЕЙ

Москва

Замысел таможенного союза: новые принципы торговой политики России, Пруссии и Царства Польского в первой трети XIX в.

От Венского конгресса до начала 30-х гг. XIX в. взаимоотношения Пруссии, Австрии, Российской империи и Царства (Королевства) Польского можно разделить на два этапа. Первый — до начала 1820-х гг., когда европейские государства стремились выполнять решения конгресса, а либеральные принципы торговой политики брали верх над протекционизмом, и второй, с середины 1820-х гг., который характеризовался обращением правительств России, Пруссии, Австрии и Царства Польского к внутриэкономическим проблемам и переходом к протекционизму.

Венский конгресс и заключенные на нем соглашения сыграли важную роль в судьбе многих европейских государств. С одной стороны, были созданы предпосылки для объединения Италии и Германии. С другой — на политической карте Европы перестало существовать Княжество (Герцогство) Варшавское. Однако Россия, Пруссия и Австрия, в состав которых вошли земли Княжества, обязались создать условия для экономической целостности польских земель и беспрепятственной торговли в границах 1772 г. Инициатива в принятии такого решения принадлежала одному из руководителей русской внешней политики А.Е. Чарторыскому¹. В условиях разделенной Польши осуществить это решение, способствуя административной и экономической интеграции польских территорий, было возможно либо путем создания таможенного союза России, Австрии и Пруссии, либо в результате заключения дополнительных соглашений, регламентирующих отношения между польскими подданными трех держав.

Их подготовкой и занялась созданная Россией, Пруссией и Австрией в конце 1815 г. и начавшая свою работу в феврале 1816 г. в Варшаве трехсторонняя комиссия. В феврале 1817 г., работа по урегулированию коммерческих интересов России, Пруссии и Австрии «на более широкой основе, чем это обусловлено Венским договором» была перенесена в Петербург².

Согласовывать интересы трех держав было сложно, так как идеи свободной торговли, получившие в это время в Европе широкое распространение, не всегда способствовали решению внутриэкономических проблем, с которыми сталкивались европейские монархии. Однако именно в развитии внешней торговли и ее либерализации, в первые годы после конгресса, правительства Пруссии, Австрии, России и Царства Польского видели выход из тяжелого экономического положения, вызванного военными действиями, неурожаями и голодом 1816 и 1817 гг.³

Одной из первых на путь либерализации внутренней и внешней торговли вступила Пруссия, которая самостоятельно приняла это решение, так как вопросы торговой и таможенной политики были исключены из ведения Германского союза. Реализовать эти идеи было не просто, потому что в начале XIX столетия на ее территории насчитывалось более 60 тарифов и таможенных границ и около 70 видов различных валют, а во внешней торговле в это время большинство европейских государств проводило политику протекционизма, ограждая внутренние рынки от иностранной конкуренции⁴.

Еще до того как в 1817 г. Фридрих-Вильгельм III провозгласил принцип «свобода ввоза» товаров «на вечные времена», был сделан первый шаг на пути устранения препятствий к увеличению оборотов внутренней торговли Пруссии. В июле 1816 г. были отменены внутренние водные таможенные заставы. Дальнейшие мероприятия были изложены в плане, представленном министром финансов графом Людвигом Бюловым в январе 1817 г. Он предлагал уничтожить внутренние таможи, создать условия для развития внешней торговли, в том числе и транзитной, имеющей для Пруссии огромное значение, и принять тариф, учитывая, что высокие пошлины уменьшают государственные доходы и увеличивают прибыль контрабандистов. В постановлениях прусского Государственного совета, одобрявшего проект тарифа, отмечалось, что торговое законодательство Пруссии основывается на взимании умеренных пошлин с ввозимых

иностранных товаров, которые, наряду с «простотой таможенных обрядов» и «честностью граждан», помогают в борьбе с контрабандой и подлогами в торговле. Надзор за иностранными товарами был разрешен только на таможенной линии и не допускался «внутри государства». На основании принятого в мае 1818 г. тарифа, который с этого времени предполагалось пересматривать каждые три года, фабричные и мануфактурные изделия облагались 10 % пошлиной, хлебные пошлины были низкими, иностранное сырье, а также пшеница, ячмень и рожь для западных прусских провинций ввозились беспошлинно, предоставлялась полная свобода вывоза товаров, ликвидировались любые ограничения торговли внутри государства. Г. Шмоллер считал этот тариф протекционистским по отношению к тарифам мелких немецких государств и фритредерским по отношению к тарифам крупнейших европейских держав. Попытки Пруссии превратить тариф 1818 г. в общегерманский не увенчались успехом. Не все германские государства, полностью окруженные прусской территорией, готовы были добровольно отказаться от таможенного суверенитета, рассчитывая взамен на получение доли таможенных доходов Пруссии⁵.

Во внешней торговле Российской империи отказ от основных положений запретительной системы произошел в тарифе 1816 г. В соответствии с новыми правилами товары, разрешенные к ввозу, облагались пошлиной от 15 до 30% их стоимости, которую хозяин товара объявлял на таможенной заставе, значительно занижая ее истинные размеры. Это приводило к снижению взимаемых пошлин и свидетельствовало о скрытой либерализации тарифа⁶.

Принцип свободной торговли стал основополагающим и в подписанных в августе 1818 г. между Россией и Австрией и в декабре того же года между Россией и Пруссией дополнительных актах к трактату от 21 апреля (3 мая) 1815 г. о судоходстве, торговле и промышленности в польских провинциях⁷. Тем самым Австрия и Пруссия добились таможенных льгот, на введение которых они настаивали еще во время работы трехсторонней Варшавской комиссии. Уступкой в отношении Австрии стал указ от 14 (26) августа 1818 г., разрешавший провозить через Гусьтинскую таможенную заставу товары по специальному списку со значительно сниженными по сравнению с российским тарифом 1816 г. пошлинами. Прусским фабрикантам был выгоден

указ от 14 (26) августа 1818 г., в соответствии с которым разрешенные тарифом 1816 г. товары с 1 (13) сентября 1818 г. можно было провозить через Радзивилловскую таможенную, в том числе и те, которые ранее доставлялись только морем через Санкт-Петербург и Одессу. Новые преимущества Австрии и Пруссии давало вступившее в силу с 1 (13) сентября 1818 г. положение о транзитном торге от европейской границы в Одессу. К нему прилагалась роспись товаров, с которых не взималась транзитная пошлина, а также говорилось о возможности продажи в России предназначенных к транзиту товаров с уплатой ввозных и возвратом транзитных пошлин⁸.

Свобода торговли между Российской империей и Царством Польским была установлена в октябре 1819 г. С этого времени можно говорить о создании между ними таможенного союза. Ликвидировались внутренние таможенные границы, таможенный контроль был перенесен на внешние рубежи Царства, отменялись таможенные пошлины, координация мер торговой политики возлагалась на специально создаваемые двусторонние комиссии. Эти изменения повлекли за собой принятие в ноябре 1819 г. нового российского тарифа по европейской торговле, созданного с учетом проекта тарифа, выработанного трехсторонней комиссией и венских договоренностей с Австрией и Пруссией, согласно которым пошлина не должна была превышать 10% цены товара. Компенсировать потери должен был 60% консомационный сбор (налог на потребление), введение которого свидетельствовало о протекционистском характере тарифа по отношению к третьим странам, в первую очередь Австрии и Пруссии⁹.

Венские договоренности способствовали активному развитию торговли Галиции и Кракова с Царством Польским. Английские, французские и нидерландские товары, которые привозили на еженедельные краковские ярмарки, поступали не только в Царство, но и в Россию. Однако размах контрабандной торговли, беспокоивший российское правительство, значительно снижал достижения торговли транзитной¹⁰.

Складывавшиеся после наполеоновских войн экономические отношения продемонстрировали необходимость создания единого торгового пространства и перехода от протекционизма к созданию условий для либерализации торговли, однако, установить полную свободу экономических отношений между соседними государствами после Венского конгресса в полной мере

не удалось. Работа трехсторонней комиссии не привела к созданию таможенного союза между Россией, Пруссией и Австрией. Поэтому проблемы торговой политики решались путем заключения двусторонних торговых договоров, с помощью которых должен был осуществляться принцип взаимности в экономических отношениях. Это значительно ограничивало покровительственную систему и могло способствовать либерализации торговли, однако, приводило к пересмотру условий тарифов¹¹.

Так, реализация таможенных правил, предусмотренных российским тарифом 1819 г. показала, что свобода торговли, пусть даже и достаточно ограниченная, не всегда соответствовала экономическим интересам России и Царства Польского. Хлынувший в Россию поток иностранных товаров привел к уменьшению спроса на отечественные изделия, и неблагоприятным образом отразился на российских суконных, хлопчатобумажных, шелковых, фарфоровых, стеклянных и других фабриках, которые возникали и успешно развивались в первые десятилетия XIX в. Еще одной важной проблемой после установления свободы торговых отношений Российской империи с Царством Польским и введения тарифа 1819 г. была контрабандная торговля. Бороться с ней на протяженных европейских границах, при слабо организованной таможенной страже было сложно, а в некоторых случаях практически невозможно, что значительно снижало поступление в казну таможенных доходов¹².

В Царстве Польском введение единой таможенной границы, а также открытие таможен в Юрбурге и Палангене с Пруссией и в Радзивилове с Австрией привело к тому, что число иностранных купцов, желающих принять участие в варшавских ярмарках, резко сократилось. Поэтому польское правительство, затратившее значительные силы и средства на их организацию и проведение, не смогло получить того дохода, на который оно рассчитывало. Политика определенной либерализации торговли и невмешательства в торгово-промышленную деятельность, которая способствовала созданию фундамента польской промышленности, привела к тому, что правительства Российской империи и Царства Польского склонились в сторону протекционизма, что потребовало пересмотра тарифа 1819 г., и заключения новых торговых конвенций с Пруссией и Австрией¹³.

К 1821 г. столкновение национальных экономических интересов, требовавших защиты внутреннего рынка от иностранной

конкуренции, и межгосударственных экономических интересов, направленных на стимулирование международной торговли было налицо. Суть указанных противоречий была изложена управляющим министерством иностранных дел К.В. Нессельроде в инструкции от 11 (23) декабря 1821 г. посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу и в докладе Александру I от 18 (30) июля 1822 г.

По мнению К.В. Нессельроде «венские договоры были подписаны в ту пору, когда все государства континента только что избавились от страшного кризиса и еще не успели осознать свое новое положение. <...> Выполнение статей о торговле, содержащихся в означенных договорах, натолкнулось на серьезные трудности при первой же попытке претворить в жизнь теории, которые получили воплощение в этих статьях». Попытки их устранения не приводили к желаемым результатам. Поэтому, в течение двух лет были выработаны и в 1818 г. подписаны соглашения, в том числе и дополнительный акт от 7 (19) декабря, которые были плодом «благородной верности обязательствам, обременительным для обеих сторон» и «от начала <...> до конца лишь обоюдной жертвой»¹⁴.

Однако, продолжал Нессельроде, и после заключения дополнительного акта от 7 (19) декабря 1818 г., «не удалось установить благотворной и прочной системы», так как российские таможи не могли противостоять контрабандной торговле «на таможенной линии протяженностью от Балтийского до Черного моря». Сельское хозяйство многих российских губерний пришло в упадок, «так как его прежние рынки в Европе закрыты <...> из-за запретительных законов; <...> зарождающаяся промышленность может вскоре зачахнуть, ибо с введением таможенных льгот в 1818 г. соперничающая с нею повсюду заграничная промышленность создала ей такую конкуренцию, которую она еще не в состоянии выдержать; <...> морская торговля в застое, поскольку обречена на бездействие, в то время как всевозможные товары заполняют склады <...> таможен, но <...> купцы не в состоянии уплатить пошлин за них»¹⁵.

В сложившейся ситуации, полагал К.В. Нессельроде, Россия должна была вернуться к запретительной системе и приступить к переговорам с Пруссией, так как дополнительный акт от 7 (19) декабря 1818 г. «не только не обеспечил выполнение Венского договора, но и внес изменения в его главные статьи, предоставив договаривающимся державам возможность взимать

консомационные сборы и придав этим изменениям лишь видимость соответствия его первоначальным условиям». Наряду с этим, в подписанном в декабре 1818 г. документе перечислялся ряд товаров прусского производства, которые нельзя было «включить в список запрещенных к ввозу», что наносило значительный ущерб российским фабрикам¹⁶.

В октябре 1821 г. Пруссия в соответствии со своим таможенным законом опубликовала новый тариф, в котором в отличие от тарифа 1818 г. были отменены консомационные пошлины. Ввозимые в Пруссию товары облагались в соответствии с новым тарифом «одинаковыми пошлинами независимо от того, останутся ли они в стране в качестве предметов потребления или их владелец предпочтет реэкспортировать их через некоторое время». Для товаров, которые при ввозе декларировались как транзитные, вводилась невысокая транзитная пошлина. По мнению К.В. Нессельроде, российское правительство не могло «рассматривать этот тариф как нарушение дополнительного акта от 7 (19) декабря». Однако предусмотренные в нем «различия между видами сборов, которыми облагаются иностранные товары в зависимости от их назначения», а также льготы, «предоставляемые <...> владельцам для хранения <...> товаров в городах, и почти полное освобождение их от пошлин, если владельцы уверены в том, что смогут их вывезти», превращали Пруссию в огромный склад. Пользуясь предоставляемыми в тарифе возможностями, купцы без особого труда могли найти удобный способ перевезти через протяженные российские границы, в том числе и запрещенные к ввозу, товары. Таким образом, российским таможням было практически невозможно бороться с контрабандной торговлей, в то время как в Пруссии была налажена эффективная система, не позволяющая проникать на внутренний рынок товарам, предназначенным для реэкспорта. Суть ее состояла в следующем: после того как купец ввозил в Пруссию товар и выплачивал незначительную пошлину, он не мог им свободно распоряжаться. Товар опломбировали и отправляли «в сбытовую контору города, указанного их владельцем», где он оставался «столько времени, сколько пожелает владелец». По мере необходимости владелец товара мог изымать его весь сразу или частями, при этом каждый раз объясняя, «как он намерен поступить с забранными им товарами». Товары, предназначенные для потребления внутри страны, облагались

консомационным сбором; если они вывозились в другую страну, то пошлина не уплачивалась, однако, хозяин товара должен был сообщить в сбытовую контору «через какой пограничный пункт он хочет вывезти товары». После этого сбытовая контора пломбировала их и следила за тем, «чтобы они действительно были предъявлены той пограничной таможне, через которую они подлежат вывозу».

В Российской империи наладить такую или какую-либо другую систему, позволяющую эффективно бороться с контрабандой на протяженных границах при слабой организации таможенной стражи, было практически невозможно. Это значительно снижало поступающие в казну таможенные доходы и сводило на нет меры российского правительства, направленные на поддержку отечественной промышленности¹⁷.

Кроме того, полагал К.В. Нессельроде, полная свобода торговли выгодна в том случае, если она распространяется на все европейские государства. Между тем «Англия <...> осталась верна <...> запретительной системе; Франция <...> следует тем же принципам; Австрия применяет их уже давно; Пруссия к ним возвращается». Следовательно, если «Россия будет по-прежнему держать свои обширные рынки открытыми для стран, закрывающих ей свои, то она не сможет поощрять подъем полезных промыслов, которые без охранительных законов не могут ускорить рост общественного благосостояния»¹⁸.

К.В. Нессельроде осознавал, что берлинский кабинет будет «сожалеть об отмене привилегий, которыми пользуются прусские кожевенные фабрики, а также суконные и полотняные мануфактуры» и «что будет трудно убедить его согласиться на отмену правил транзита прусских сукон в Китай»¹⁹. Но если три года назад, — отмечал далее К.В. Нессельроде, — мы пошли на огромные жертвы, дабы как можно меньше отступить от духа и буквы венских договоров, то может ли берлинский кабинет бесконечно требовать от нас подобных жертв?»²⁰.

Введение нового прусского тарифа негативным образом сказалось на торговле Царства особенно транзитной, так как из-за конкуренции со стороны изделий прусских фабрик Царство Польское не имело возможности создавать свои мануфактуры, а отсутствие рынков сбыта для сельскохозяйственной продукции, тормозило развитие торговли. В своих замечаниях на тариф, введенный Пруссией в октябре 1821 г., один из советни-

ков великого князя Константина Павловича П.О. Моренгейм* указывал, что оказались «парализованными все торговые операции между польскими провинциями», «сократилось производство товаров, которые эта страна была в состоянии вывозить», «замедлилось развитие национальной промышленности». Главным виновником такого положения, по его мнению, было правительство Пруссии, которое, не соглашалось отменить ограничения на торговлю Царства и продолжало «стеснять торговлю и промышленность польских провинций, принимая еще более обременительные для них меры». Поэтому необходимо было договориться с Пруссией о развитии торговых отношений на новом уровне, более соответствующем «взаимным интересам и добрососедским отношениям»²¹.

В Правительственных комиссиях внутренних дел и финансов Царства Польского считали, что Пруссия нарушает не только условия конвенции от 7 (19) декабря 1818 г., но и договоры, подписанных на Венском конгрессе о свободе навигации по рекам и каналам, о едином торговом пространстве в границах 1772 г., об использовании портов Гданьска (Данцига), Эльбинга (Эльблонга), Кенигсберга и Мемеля (Клайпеды) для транзитной торговли с другими странами. В случае отказа прусской стороны пересмотреть Дополнительный акт от 7 (19) декабря 1818 г. Административный совет предлагал его полностью аннулировать и в будущем строить торговые отношения Царства с Пруссией на основе взаимности. На переговорах с Пруссией о пересмотре конвенции укрепить позицию России должно было заявление о том, что будут увеличены транзитные пошлины на провозимые через Царство и Россию прусские товары и введен запрет на ввоз как в Царство, так и в империю готовых изделий прусской промышленности²².

В течение февраля — июля 1822 г. Александр I и Фридрих-Вильгельм III вели оживленную переписку. Российская сторона стремилась доказать необходимость пересмотра конвенции от 7 (19) декабря 1818 г., и сохранить протекционизм во внешней торговле. Пруссия выступала за то, чтобы не менять условий конвенции и вернуться к положению до подписания Венского договора. Непримируемость подобных точек зрения привела к

---

* Моренгейм Павел Осипович — с 1814 г. — генеральный секретарь вел. кн. Константина Павловича, с 1823 по 1825 г. находился со специальной миссией в Берлине.

сложным и затяжным переговорам. Не дожидаясь их завершения, Пруссия в ответ на российский тариф 1822 г. ввела в апреле 1823 г. новый тариф, в котором ввозные пошлины на товары из России и Царства Польского были повышены на 40—200%²³.

С введением Россией тарифа 1822 г. необходимо было создать новую систему, регулирующую торговые отношения с Царством Польским, основные принципы которой были определены в августе 1822 г. От пошлин освобождались русские и польские полуфабрикаты; 1% пошлины взимался с цены товаров, вырабатываемых из польского или русского сырья и 3% пошлины, вместе со свидетельствами о происхождении, с товаров, произведенных из иностранного сырья. Принятые правила способствовали созданию в Царстве обрабатывающей промышленности и успешному развитию сукноделия²⁴.

Несмотря на восстановление таможенной границы между Российской империей и Царством Польским и завершение недолгой история таможенного союза, совместные комитеты, призванные согласовывать меры торговой политики не прекратили своей деятельности. В из заседаниях по-прежнему участвовали представители российского и польского правительств, рассматривались вопросы двусторонних торговых отношений. Однако несмотря на взаимное стремление к согласованию торговой политики, таможенное объединение России и Царства Польского не получало поддержки. Против этого возражал российский министр финансов Е.Ф. Канкрин, который указывал на сложность борьбы с контрабандной торговлей в польских таможах и отмечал, что введение единого таможенного пространства будет способствовать упадку российской промышленности²⁵.

Продолжавшиеся переговоры между Россией и Пруссией завершились подписанием новой конвенции о торговле и судоходстве от 27 февраля (11 марта) 1825 г., в соответствии с которой были аннулированы некоторые положения Венского договора 1815 г. и конвенция 1818 г. Новая конвенция, действовавшая до 19 (31) августа 1836 г., предусматривала свободный транзит польских товаров через Данциг (Гданьск) и другие прусские порты, фиксацию транзитных пошлин, запрет на транзит через Царство и Россию прусского сукна в Китай²⁶.

В октябре 1824 г. вступил в силу новый австрийский таможенный тариф, согласно которому пошлины на импорт поль-

ского сырья и промышленных изделий возросли в семь раз. Российско-австрийские переговоры о смягчении таможенного законодательства, начавшиеся в конце 1825 г. не принесли желаемых результатов, так как австрийская сторона отказалась уменьшить ввозные пошлины. Однако России удалось добиться от Австрии снижения пошлин на транзит русских и польских товаров, а также принятия мер для борьбы с контрабандой²⁷.

Польское восстание 1830 г. негативным образом сказалось на торговле польских провинций Российской империи, Австрии и Пруссии. Были прерваны торговые отношения России и Царства. Уже после подавления восстания, в ноябре 1831 г., был утвержден новый торговый тариф, согласно которому были значительно увеличены пошлины (3, 10, 12 и 15% со стоимости) на привозимые в Россию из Царства Польского товары²⁸. Опустели краковские ярмарки²⁹.

Перипетии прусско-российских переговоров по торговле и судоходству на польских землях не остановили процесса таможенного объединения германских земель. Три крупнейших таможенных союза были созданы в течение 1828 г.: в январе – баварско-вюртембергский, в феврале — гессен-дармштадский и в сентябре не принадлежавшие к уже созданным союзам государства, выдвинули идею торгового союза «срединных государств». Однако создаваемые таможенные объединения из-за отсутствия прочной структуры и склонности к распаду, существовали недолго. Объединить непрочные союзы в единый Германский таможенный союз (Zollunion), который начал действовать с первого января 1834 г.³⁰, удалось Пруссии. Следовательно, только Пруссии из всех европейских монархий смогла создать прочное и выдержавшее испытание временем таможенное объединение, которое, наряду с Германским союзом, сыграло важную роль в создании единой Германии.

Таким образом, в начале XIX в. правительствам России, Пруссии, Австрии и Царства Польского необходимо было с наименьшими потерями выйти из тяжелого экономического положения периода наполеоновских войн, вызванного континентальной блокадой, борьбой с наполеоновской Францией, неурожаем и голодом. Выбор методов решения этой задачи определялся не в последнюю очередь постановлениями Венского конгресса, которые до середины 1820-х гг. Россия, Пруссия, Австрия и Царство Польское стремились выполнять и со-

здавать в проводимой торговой политике условия для свободы торговли. Заключенные в этот период двусторонние соглашения, содержание которых было во многом определено решениями конгресса, демонстрировали постепенный отход от протекционизма и допущение известной либерализации торговли.

Однако меняющаяся экономическая и политическая ситуации, необходимость поддерживать не только торговлю, но и промышленность, которые должны были обеспечить приток значительных денежных средств, поднять курс обесценивающихся национальных валют, привели к тому, что на уровне двусторонних соглашений фритредерство уступает место протекционизму, а международные договоренности утратили свое значение перед лицом необходимости защиты государственных интересов. Поэтому плодотворная и перспективная концепция формирования баланса политических сил в Европе на основе ее экономической интеграции, в том числе и при помощи таможенных союзов, не могла быть реализована в начале XIX в. в полной мере, так как в это время европейские страны строили свою внешнюю политику руководствуясь исключительно национальными интересами, которые оказались выше интересов международных коалиций и союзов³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Князь Адам Чарторыйский считал, что в условиях политической раздробленности польских земель необходимо сохранить их экономическое единство. Поэтому он выступал за то, чтобы решения Парижского договора, определившие основные принципы «свободы судоходства по рекам Германии», были распространены «на все реки, устья рек, каналы и порты», находящиеся на территории Пруссии и представляющие «интерес для торговли польских областей». Кроме того, А. Чарторыйский полагал, что «осуществление идеи о свободе торговли зависит в значительной степени от умеренного таможенного тарифа», при введении которого необходимо было определить максимальный процент, «который нельзя было бы превышать при установлении различных тарифов», так как «чрезмерные налоги, по его мнению, свели бы «на нет все плоды великодушия трех государей». (Внешняя политика России в XIX — начале XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее — ВПР). М., 1972. Серия 1. Т. 8. Док. 68. С. 164).

² ВПР. Серия 2. Т. 1 (9). Док. 139. С. 462—464, Док. 183. С. 582—591, Док. 191. С. 630—640, Прим. 183. С. 732—733; Т. 2 (10). Прим. 22. С. 735—

741; Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 1. С. 202—204; *Лодыженский КН*. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 180—181.

³ *Historia Polski*. d, 1956. Т. 2. Cz. 2. S. 6; *Обушенкова ЛА*. Королевство Польское в 1815—1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979. С. 62; *Аляева ЛА*. Германский союз в 1815—1822 гг. (Проблемы становления германской государственности). Автореф. дисс... к.и.н. М., 1998. С. 15.

⁴ *Фралов АС*. Германский таможенный союз. 1815—1848 гг. Автореферат дисс... к.и.н. СПб., 2008. С. 16; *Гриневич В/П*. Народное хозяйство Германии. Очерк развития (1800—1924). Берлин, 1924. С. 26—27; *Кулишер ИМ*. Основные вопросы международной торговой политики. Л., 1929. С. 35—36.

⁵ История таможенного тарифа в Пруссии. СПб., 1867. С. 4—12, 50—53; *Гриневич В/П*. Указ. соч. 26—27; *Фралов АС*. Указ. соч. С. 16; *Эттингейн АД*. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года. М., 1961. С. 412—414. См. также: *Kiesewetter H*. Industrielle Revolution in Deutschland 1815—1914. Frankfurt am Main, 1989. S. 37—60; *Sartorius von Walterschausen A*. Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815—1914. Jena, 1923. S. 58—70.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1). Т. 33. № 26218. С. 589—592; Т. 45. Отд. 2. С. 23—37; Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента государственной экономики (далее — АГС). СПб., 1881. Т. 4. Ч. 2. Стлб. 1260—1265; ВПР. Серия 1. Т. 8. Док. 173. С. 391—406. Прим. 136. С. 654—667; *Струве ПБ*. Торговая политика России. СПб., 1913. С. 156; *Лодыженский КН*. Указ. соч. С. 176—178.

⁷ ПСЗ-1. Т. 35. № 27453. С. 413—418; № 27586. С. 625—637.

⁸ ПСЗ-1. Т. 35. № 27477. С. 449; № 27478. С. 449; № 27479. С. 449—457; Т. 45. Отд. 3. С. 67—68; ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Прим. 178. С. 682. См. также: *Лодыженский КН*. Указ. соч. С. 178—185.

⁹ ПСЗ-1. Т. 35. № 27453. С. 413—418; № 27586. С. 625—635; Т. 36. № 27938. С. 350—352; № 27987. С. 382—383; № 27988. С. 383; Т. 37. № 28352. С. 389; Т. 45. Отд. 2. С. 37—57, Отд. 3. С. 71—90; ВПР. Серия 2. Т. 2 (10). Док. 146. С. 497; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 346; Министерство финансов. 1802—1902. СПб., 1902. Ч. I. С. 140—141.

¹⁰ Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1865. Т. 3. № 9. С. 29—31; *Манусевич АЯ*. Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 123.

¹¹ *Борет Р*. Торговля и торговая политика. СПб., 1902. С. 491—508; *Кулишер ИМ*. Очерк истории русской торговли. Пб., 1923. С. 307.

¹² АГС. Т. 4. Ч. 2. Стлб. 1289—1293.

¹³ *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym*. Т. 1. Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816—1828. Warszawa, 1984. S. 133—134; *Воблый КГ*. Очерки по истории польской фабричной промышленности. Киев, 1909. Т. 1 (1764—1830). С. 213; *Прошин ГГ*. Таможенный тариф 1819 года // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1961. № 4. С. 113—116; *Zembrzuski S*. Polityka celna Królestwa Kongresowego 1815—1830 r. Warszawa, 1930. S. 33; *Strzeszewski Cz*. Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815—1830). Lublin, 1937. S. 69.

¹⁴ ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 138. С. 392.

¹⁵ ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 138. С. 391.

¹⁶ ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 138. С. 393, Док. 191. С. 549.

¹⁷ *Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten*. Berlin, 1821. № 15. S. 165—184; ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 129. С. 357; Док. 138. С. 392—393. Прим. 179. С. 682—683; Прим. 228. С. 699.

¹⁸ ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 138. С. 393; Журнал мануфактур и торговли. 1825. № 2. С. 125—155.

¹⁹ Серьезным препятствием успешного проведения переговоров о пересмотре конвенции от 7 (19) декабря 1818 г. стал вопрос о транзите прусского сукна в Азию. Транзит был разрешен именным указом от 10 (22) мая 1817 г. «всякому из российских подданных, имеющему право заграничного торгога» через две сухопутные Полангенскую и Брест-Литовскую и одну портовую Санкт-Петербургскую таможи при оплате «с аршина по 15 коп. серебром». Если в установленный срок купец не представлял в Департамент внешней торговли свидетельство из азиатской таможни об отпуске сукна за границу, то он должен был оплатить полную пошлину, предусмотренную тарифом 1816 г. (1 руб. 25 коп.), то есть помимо 15 коп. еще 1 руб. 10 коп. серебром за каждый аршин (ПСЗ-1. Т. 34. № 26848. С. 290—291). С 15 (27) мая 1818 г. при привозе сукна из Пруссии в Россию с аршина взималось уже по 12 коп. серебра, а «за непредставление в срок свидетельства о выпуске их за границу в Азию» взималась «дополнительная пошлина по 28 коп. сер. с аршина». Транзитная пошлина с прусского сукна по 12 копеек с аршина сохранилась и в коммерческой конвенции от 7 (19) декабря 1818 г. Злоупотребления не заставили себя долго ждать, так как торгующее сукном купечество и оплачивающее пошлины, установленные тарифом 1816 г. не могло соперничать с контрабандистами, «которые распродают на внутреннее потребление сукна вывезенные под предлогом назначения в транзит в Азию и платят не более 40 коп. сер. с аршина» (ПСЗ-1. Т. 35. № 27374. С. 294, № 27586. С. 635—636. См. также: *Мартенс ФФ*. Указ. соч. СПб., 1885. Т. 7. С. 355—356). На территории Российской империи, в том числе и на Варшавской ярмарке, было обнаружено значительное количество такого сукна. Выявленные нарушения побудили российского министра финансов Д.А. Гурьева разработать новые правила, которые призваны были способствовать

развитию российско-прусской торговли и ограждать ее от злоупотреблений (РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 92. Л. 31—33). В соответствии с принятыми положениями «о транзитном торге прусскими сукнами в Азию» от 31 декабря (12 января) 1818 г. с 1 (13) февраля 1819 г. российским подданным, имеющим право заграничной торговли, разрешалось выписанные из Пруссии сукна для отпуска в Азию, провозить через Полангенскую, Брест-Литовскую, Радзивилловскую и Петербургскую таможи. В Москве предполагалось создать транзитную складочную контору, где размещалось бы прусское сукно, хозяин которого должен был в течение «шести месяцев со дня прибытия транспорта в пограничную таможню заплатить в месте складки пошлину транзитную с аршина по 12 копеек серебром» (РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 92. Л. 55—56; ПСЗ-1. Т. 35. № 27615. С. 667—673). Несмотря на принятые меры, основные принципы которых напоминают прусскую систему борьбы с контрабандной торговлей, транзит прусского сукна наносил значительный вред российской промышленности. В записке от 12 (24) августа 1821 г. Д.А. Гурьев отмечал, что действовавшее с 1811 г. запрещение на транзит «сукнами средней доброты, обращающимися наиболее в торговле с азиатцами», способствовало до 1818 г. росту числа российских фабрик, производящих сукно такого качества. Однако с 1820 г., «по причине чрезмерного привоза силезских сукон», начинается их массовое разорение (ВГП. Серия 2. Т. 4 (12). Прим. 167. С. 670). В записке Комиссии таможенных и торговых дел от 27 января (8 февраля) 1822 г. отмечалось, «что выписка прусских сукон для торга с азиатцами есть не транзит, а покупка на наличные деньги, платимые Россией Пруссии; что платеж сей есть одно только безнужное нам истощение по совершенному излишеству в прусских сукнах, кои удобно заменены быть могут сукнами изделия российского и другими нашими произведениями; что суммы, платимые за сии сукна Пруссии, могли бы с величайшею пользою обращены быть на поддержание и усиление отечественных суконных фабрик; что дозволение ввоза прусских сукон подорвало оные фабрики, имевшие уже в торге с азиатцами успех и кои бы принесли впоследствии еще ту величайшую пользу как для себя, так и для государства, что посредством навыка и опыта в выделке сукон средней доброты доходили бы постепенно и неприметно до искусства выдывать и тонкие сукна, чем освободили бы со временем Россию от зависимости относительно получения оных от иностранных держав, и что сверх означенного вреда ввоз прусских сукон уменьшил вообще цены на все прочие российские произведения, стесняя и оскудевая промышленников Сибири». Подобными действия, по мнению Комиссии «мы усиливаем у иностранцев фабрики, возбуждая их деятельность, платим им за то своим золотом и серебром, а сами взамен получаем из Китая траву, которую сами же всю и потребляем, как будто для приобретения сей травы собственными произведениями и промышленностью не имели и не можем иметь достаточных способов» (ВГП. Серия 2. Т. 4 (12)).

Док. 151. С. 420; РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 197. Л. 4—15). Чтобы исправить такое положение российское правительство начинает принимать меры, направленные на сокращение ввоза и транзита произведенного в Пруссии сукна. На основании именного указа от 12 (24) марта 1822 г. в Россию разрешалось привозить через Полангенскую и Санкт-Петербургскую таможи в течение 1822 г. с взиманием пошлин, предусмотренных конвенцией от 7 (19) декабря 1818 г., пятьсот пудов льняных и пеньковых и семь тысяч пудов шерстяных, кожаных изделий прусских фабрик на сумму не выше одного миллиона рублей ассигнациями. Транзит прусского сукна на льготных условиях, предусмотренный указами от 10 (22) мая 1817, 15 (27) мая 1818 г., 31 декабря (12 января) 1818 и 15 (27) декабря 1820 гг., разрешался до конца 1822 г., однако ограничивался шестьюстами тысячами аршин. Превышающее эти нормы количество товаров облагалось в соответствии с принятым тарифом. Такое ограничение, наряду с запрещением привоза большого количества прусских товаров, рассматривалось прусским правительством как нарушение конвенции, согласно которой нельзя было повысить привозные и консоммационные пошлины на прусские льняные, шерстяные и кожаные изделия, а также налагать запрет на транзитную торговлю без предварительной договоренности с прусской стороной (РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 197. Л. 1—2; ПСЗ-1. Т. 37. № 28496. С. 534, Т. 38. № 28967. С. 110—115; *Кулишер ИМ.* Указ. соч. С. 306—307; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 7. С. 344, 346. См. также: Zimmermann A. Geschichte der preussisch-deutschen Handelspolitik. Leipzig, 1892).

²⁰ ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Док. 138. С. 393.

²¹ ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). Прим. 46. С. 681.

²² ВПР. Серия 2. Т. 4 (12). Прим. 180. С. 683.

²³ ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). Док. 37. С. 90—91, Прим. 44, 47. С. 681, 686; *Smolka S.* Polityka Lubeckiego przed powstaniem Listopadowym. Warszawa, 1984. Т. 2. S. 387; *Ajzen M.* Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821—1830). Warszawa, 1932. S. 103—118.

²⁴ ПСЗ-1. Т. 38. № 29149. С. 577—579; *Воблый КГ.* Указ. соч. С. 215—217, 315—320; *Струве ПБ.* Указ. соч. С. 163—165; *Zembrzowski S.* Op. cit. S. 41, 50.

²⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 219. Л. 4—11; ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). Док. 74. С. 180—182; *Jeziarski A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego 1815—1914. Warszawa, 1967. S. 23. *Струве ПБ.* Указ. соч. С. 190—191; *Лодыженский КС.* Указ. соч. С. 220—221; *Ajzen M.* Op. cit. S. 119—134.

²⁶ ПСЗ-1. Т. 40. № 30264. С. 113—118; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. СПб., 1888. Т. 8. С. 24—35; ВПР. Серия 2. Т. 5 (13). Прим. 314. С. 767; Т. 6 (14). Док. 25. С. 75—81.

²⁷ Русско-австрийские переговоры привели к подписанию конвенции о торговле и мореходстве от 8 (20) июля 1846 г.; протокола и дополнительного акта к нему, которые подробнее определяли коммерческие сношения между Австрией и Россией

от 28 июня (11 июля) 1847 г. (*Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. СПб., 1878. Т. 4. Ч. 1. С. 551—580. См. также: *Обушенкова Л.А.* Указ. соч. С. 239—240).

²⁸ ПСЗ-2.Т. 6. Отд. 2. № 4941. С. 202—206.

Увеличение пошлины на шерстяные изделия в 13 раз (с 3 до 40 коп. серебром с фунта) решило судьбу транзита польского сукна в Азию. Как отмечали исследователи: «Только по настойчивым ходатайствам польских фабрикантов, доказывавших, что они в восстании не участвовали и только потерпели убытки от него, “дозволено в виде особого снисхождения” отправлять еще три года в Кяхту транзитом сукно: в 1832 г. — 300 тыс. аршин с пошлиною в 3 коп. сер. с фунта; в 1833 г. — 200 тыс. арш. с пошлиною по 4 коп. сер., и в 1834 г. — 200 тыс. арш. с пошлиною по 5 коп. сер.» (*Миллер П.И.* Русская транзитная торговля в XIX столетии // Русское экономическое обозрение. 1903. № 5. С. 95—96).

²⁹ Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1865. Т. 3. № 9. С. 31—32.

³⁰ *Фралов А.С.* Указ. соч. С. 17—20; *Гриневич В.П.* Указ. соч. С. 27—30. См. также: *Дживелегов А.К.* История современной Германии. СПб., 1908. Ч. 1 (1750—1862). С. 93—97; *Кауфман Г.* Политическая история Германии в XIX веке. СПб., 1909. С. 199—201; *Лысенко О.Л.* История кодификации торгового права Германии в XIX веке. М., 2001. С. 37—39; *Görtemaker M.* Deutschland im 19. Jahrhundert. Opladen, 1986. S. 141—149.

³¹ *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005. С. 195; *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1883. Т. 2. С. 220—223; *Замбарт В.* История экономического развития Германии в XIX веке. СПб., б\г. Вып. 2. С. 349; *Боргт Р.* Указ. соч. С. 486—487.

Г.В. РОКИНА

Йошкар-Ола

К истории одного панславистского издания в Польше в 1840-е гг.

В 1842—1843 гг. в Варшаве, столице Царства Польского, издавалась литературная газета «Денница», редактором которой был российский славист П.П. Дубровский (1812—1882). Деятельность Дубровского и его издание представляют особый интерес для изучения восприятия, оценок и интерпретаций теории славянской взаимности в России, а также для характеристики особенностей русификаторской политики царского правительства на польских землях. Сам Дубровский считал идею славянской взаимности своим кредо и поставил цель воплотить одно из основных положений этой концепции, а именно — издание всеславянского журнала. В отечественной и зарубежной литературе до недавнего времени не уделялось специального внимания публикациям П.П. Дубровского. Еще В. Францев отмечал, что «в ряду русских ученых, посетителей Чехии и Праги 40-х годов скромное место принадлежит учителю варшавской гимназии, а впоследствии профессору Главного педагогического института и академику П.П. Дубровскому. Заслуги его еще не оценены в полной мере»¹. В последние годы появилось несколько публикаций, восполнивших этот пробел в историографии².

Новые архивные материалы и данные периодической печати 1840-х гг. содержат малоизвестные сведения об одном из апологетов идеи славянской взаимности в России и в Царстве Польском. Эти сведения, на наш взгляд, позволят во многом по-новому увидеть роль идеи славянской взаимности во внутренней и внешней политике России накануне и после Крымской войны.

Жизненный путь Петра Павловича Дубровского типичен для апологета идеи славянской взаимности. Имя этого человека малоизвестно в современной историографии, хотя при жизни он был хорошо знаком научной публике по публикациям в журна-

лах, имел влиятельных друзей в Академии наук, Министерстве народного просвещения, Московском и Петербургском университетах. При этом наибольшую известность ему принесло издание общеславянского журнала «Денница». Судьба этого человека, как и судьба его издания, являются прекрасной иллюстрацией того, какое место занимала идея славянской взаимности в ученом мире, как она воспринималась публикой и какое значение ей придавали государственные мужи.

В архивах не сохранилось личного фонда П.П. Дубровского, который мог бы послужить основой для более или менее полной характеристики его научной деятельности³. Однако обнаружено несколько десятков писем в личных фондах его современников, сохранились подробные материалы о его деятельности в фонде Министерства народного просвещения, Российской академии наук, департамента цензуры. Эти материалы находятся в пражском архиве Памятник национальной письменности, Российском государственном историческом архиве, архиве Академии наук, отделах рукописей центральных библиотек России.

О дате рождения П.П. Дубровского существует несколько мнений⁴, при этом более точной датой представляется 14 июня 1813 г., что явствует из формулярных списков ученого и подтверждается в словаре под редакцией С.А. Венгерова. Родился Дубровский в семье военного в Чернигове, учился в Киевской гимназии. Затем едет в Москву, где в 1832—1834 гг. слушал лекции на филологическом факультете Московского университета. В архивах сохранилась его студенческая работа «Черты древнерусской образованности по летописи Нестора». Одновременно студент пробует перо в известных журналах «Телескоп» и «Московский наблюдатель». Уже тогда проявился его интерес к славянской литературе; для журналов он готовит обзоры новейшей польской поэзии, его кумиром становится Адам Мицкевич.

В 1835 г. Дубровский получает от Московского учебного округа свидетельство на звание домашнего учителя и начинает учительствовать в одной из московских семей⁵. Однако в этом качестве он пробыл недолго. В 1837 г. в рамках правительственной программы направления русских учителей в Царство Польское, Дубровский с блеском выдерживает экзамен учителя русской словесности и, получив казенные прогоны, едет к месту службы. С этого времени начинается новый этап, который на-

долго свяжет его судьбу с Польшей. В литературе высказываются различные точки зрения о причинах, побудивших Дубровского поехать в Царство Польское. Так, польский ученый Б. Муха считал, что главным мотивом этой поездки было увлечение Дубровского поэзией А. Мицкевича, произведения которого с трудом можно было получить в России. По мнению Л.П. Лаптевой, «действительность была гораздо прозаичнее», и основной причиной его решения стали материальные затруднения⁶. Возможно, что уже тогда проявились «русификаторские» настроения молодого учителя, что в дальнейшем станет его жизненным кредо⁷.

В Польше Дубровский вначале был назначен учителем русского языка в Ловическом учительском институте, готовившем учителей начальной школы, а через год он уже преподает в Варшавской гимназии. Преподавание не было единственным занятием молодого учителя. Дубровский изучает славянские языки под руководством польского профессора А. Кухарского. Он овладел польским, чешским, болгарским и сербо-хорватским языками, способствовало этому его университетское образование филолога и дидактический опыт в области церковно-славянского языка, который он также преподавал в Варшавской гимназии⁸.

В Варшаве Дубровский сотрудничает в издании «Библиотеки Варшавской», где помещает свои обзоры русской литературы за 1838, 1839 и 1840 гг. Оттиски этих статей в 1841 г. он послал министру народного просвещения С.С. Уварову⁹, что свидетельствовало о связях молодого чиновника, которому к тому времени не исполнилось еще и тридцати лет, в правительственных кругах. Среди новых друзей Дубровского в Варшаве — В.А. Матеевский и С.Б. Линде, хорошо известные в кругах ученых славистов. Есть свидетельства, что Дубровский оказывал помощь С.Б. Линде в составлении знаменитого сравнительного словаря славянских языков. Об этом он сам писал профессору Московского университета С.П. Шевыреву, который, посылая материалы словаря министру народного просвещения С.С. Уварову, подтверждает «содействие г. Дубровского»¹⁰.

После введения нового университетского устава 1835 г. начались активные поездки русских ученых в славянские земли. Главная цель этих путешествий была подготовка специалистов для работы на создаваемых кафедрах истории и литератур славянских наречий. П.П. Дубровский пишет прошение в

Министерство народного просвещения о выдаче ему пособия для «путешествия в Прагу с научной целью»¹¹. Учитывая заслуги русского учителя в Варшаве, пособие ему было предоставлено, и летом 1841 г. Дубровский едет в Прагу. «Отчет о поездке в Богемию и другие славянские земли», представленный им в Министерство народного просвещения, содержит подробные сведения о его встречах со славянскими учеными, о посещениях музеев и архивов, обзор новейшей славянской литературы¹². Знакомства со многими чешскими учеными, с П. Шафариком, В. Ганкой, Ф. Челаковским, Й. Юнгманом, Ф. Палацким, сыграли заметную роль в последующей деятельности варшавского учителя. В Праге Дубровский познакомился лично со своим «собратом» И.И. Срезневским, здесь они прониклись идеей славянской взаимности. Еще до поездки в Прагу, П. Дубровский, посылая в 1841 г. очередной очерк литературных новостей о западном славянстве в «Отечественные записки», сопровождал его следующими комментариями: «Современная деятельность в литературе всех славянских народов и взаимность между ними, которая только что начинается, создают какой-то новый мир в нашей древней жизни; следовательно, мы должны еще теснее соединиться узами братской любви»¹³. Здесь же в журнале П. Дубровский сетует, что общение между славянами очень затруднительно, плохо приходят газеты и журналы, плохо работает почта. «Когда же наша взаимность найдет для себя лучшие средства?» — обращается он к читателям¹⁴.

Ответ на этот вопрос Дубровский, по-видимому, нашел для себя в Праге. Многие из славянских ученых выдвигали тогда проекты издания общеславянского альманаха или журнала, издание которого было одним из положений колларовской теории литературной взаимности. Идея создания общеславянского журнала в целом была не нова. В 1840-е годы XIX в. было несколько попыток таких изданий. В России идею создания общеславянского журнала особенно поддерживали И.И. Срезневский, М.П. Погодин, П.И. Кеппен, П.И. Прейс, О.М. Бодянский. М.П. Погодин, в частности, писал министру народного просвещения после своего путешествия по славянским землям в 1835 г. о необходимости издания такого журнала и даже указывал, что лучше всего было бы издавать его в Варшаве.

Чувствуя поддержку зарубежных и отечественных славистов, и искренне желая помочь делу сближения славян, П.П. Дубров-

ский сразу после возвращения из славянских земель приступает к подготовке такого издания. Оно получает название «Денница». Вся недолгая его история сохранилась в переписке редактора «Денницы» с издателем «Москвитянина» С.П. Шевыревым, а также в письмах П. Дубровского, обнаруженных автором настоящей статьи в чешском архиве «Памятник национальной письменности»¹⁵. В ноябре 1841 г. П. Дубровский пишет в Москву: «Я собрал несколько молодых людей (русских и поляков), приохотил их заниматься чешским языком и дал им теперь разные работы для моей будущей газеты. <...> Польские и чешские писатели обещали участвовать в издании моей «Денницы», и я уже получил от них несколько статей»¹⁶. Письма Дубровского, адресованные чешскому слависту Й. Юнгманну, подтверждают, что идею издания славянской газеты варшавский учитель вынашивал уже несколько лет. Приписка на одном из писем показывает, что оно было передано в Прагу польским коллегой Дубровского В.А. Мацеевским в 1839 г. В письме, в частности, сообщается о намерении Дубровского «в следующем году издавать в Варшаве Русский журнал, в котором соединялись бы труды наших ученых соотечественников»¹⁷.

Подобное письмо с рекомендацией В.А. Мацеевского получил и другой пражский славист Ф. Палацкий, в том же 1839 г.: «Я предпринимаю издавать в следующем году в Варшаве Русский журнал, с целью соединить труды славянских ученых и таким образом содействовать той литературной взаимности, о которой писал г. Коллар»¹⁸. С такой же просьбой он обратился и к В. Ганке и Л. Челаковскому, но уже через два года, когда лично познакомился с этими учеными во время путешествия в Прагу¹⁹. В письме к В. Ганке П. Дубровский просит принять участие в издании, цель которого «способствовать литературной взаимности, о которой писал Коллар». Чтобы убедить Ганку в своем знании чешского языка, он посылает ему собственный перевод одной из песен «Краледворской рукописи»²⁰.

Предпринимаемое в Варшаве издание вызвало интерес и поддержку многих ученых славистов. Свои статьи, заметки, поэтические произведения в газету присылали И. Срезневский, В. Ганка, И. Пуркинъ, Л. Челаковский, П. Шафарик, Я. Коллар, С. Враз и многие другие.

В издании П. Дубровского большую роль сыграла поддержка влиятельных при царском дворе идеологов панславизма и офи-

циальной народности, таких как министр народного просвещения С.С. Уваров, М.П. Погодин и С.П. Шевырев. Министр оказал значительную финансовую помощь изданию П. Дубровского. Издание всеславянского журнала отвечало интересам российской политики в польских землях. Еще в 1840 г. М.П. Погодин в своем отчете в Министерство народного просвещения о поездке в славянские земли, где он выдвигал целую программу, как завоевать симпатии славян, потенциальных союзников России в Европе, писал: «Наконец, нужен всеславянский журнал. <...> Славяне думают, что такой журнал лучше всего издавать в Москве, мне кажется своеобразнее с целью, в Варшаве, дабы сей журнал приносил и частную пользу, действуя в особенности на поляков. Редактором должен быть только не поляк»²¹. Таким образом, личные планы Дубровского совпали с планами государственными.

Первый номер литературной газеты П. Дубровского вышел в январе 1842 г. Тогда же в Министерстве народного просвещения было открыто «Дело о выдаче пособия учителю П.П. Дубровскому на издание литературной газеты в Варшаве «Денница» и о выписке ее для учебных заведений Царства Польского и России». По распоряжению министра на «Денницу» подписались 6 университетов, 3 лицея и 74 гимназии²².

Новое издание первоначально вызывало интерес у ученой публики. В мае 1842 г. Дубровский писал С.П. Шевыреву: «Теперь уже вышло 9 номеров «Денницы», она еще ни разу не опоздала. Ее приветствовали чешские журналы и благословили со славянским радушием. Отовсюду получаю письма от заграничных славянских ученых». В десятом номере «Денницы» впервые на русском языке было опубликовано сочинение И.К. Пуркинъ «О литературном единстве между славянскими племенами», где по сути дела автор предсказал дальнейшую судьбу издания: «Денница» <...> своим дальнейшим выходом и успехом, или упадком покажет, настало ли время для нынешней литературной взаимности между славянскими племенами, или мы должны еще ожидать его». Сам Коллар, как это свидетельствуют его письма в редакцию журнала, приветствовал издание Дубровского, «цель которого — взаимность»²³. Польская общественность не скрывала своего негативного отношения к журналу, лишь формально по цензурным соображениям облекая его в форму литературной критики²⁴.

Уже летом 1842 г. возникли первые финансовые трудности, Дубровский вновь обращается за помощью к С.П. Шевыреву:

«Решительно никем не поддерживаемый, остаюсь в самом затруднительном положении. <...> Петербургский почтамт уже открыл подписку на мою газету, но подписчика ни одного. <...> Под тяжким бременем 22 казенных уроков в неделю и других служебных занятий, я еще чувствую себя в состоянии издавать «Денницу», только бы она не упала». В поддержку своего варшавского друга объявления о «Деннице» печатаются в «Москвитянин» и «Отечественных записках». В июле 1844 г. Дубровский писал В. Ганке, что в 1843 г. подписка на «Денницу» в Польше составила 17 экземпляров, а в России — 12²⁵.

Еще в течение нескольких лет Дубровский расплачивался с долгами типографии, где печаталась «Денница», а свое разочарование он лучше всего выразил в письме к С. Вразу в феврале 1844 г.: «Идея славянская еще к нам не привилась, да и Бог знает, когда привьется. Иногда <...> решительно теряешь веру в тот наш славянский мир, который мы теперь создали в области литературной, и думаешь, что все это — мечта, призрак, игрушка, что, наконец, идея о возрождении славянского духа есть только бред нескольких литераторов, одержимых временною горячкою»²⁶.

Тем не менее, хотя и недолго издававшийся в Варшаве журнал сыграл определенную роль в распространении в России идеи славянской взаимности. С другой стороны, история «Денницы» показала несвоевременность подобного издания и неготовность широкого общественного мнения России к восприятию идеи славянской взаимности в том виде, как она была представлена изданием в Варшаве.

Дальнейшая судьба издателя «Денницы» до конца жизни так или иначе была связана со славянской идеей. В 1851 г. он был назначен «особым экстраординарным профессором Главного педагогического института» в Санкт-Петербурге²⁷, в 1858 г. он получил место экстраординарного академика. Труды Дубровского были связаны с польской филологией и историей, им составлен знаменитый «Словарь польско-русский, административный и судебный», пользующийся большим спросом у российских чиновников в Царстве Польском. Большую активность П. Дубровский проявил во время открытия кафедры польского языка в Главном педагогическом институте²⁸. Политические взгляды П. Дубровского — монархиста и консерватора — его близость к охранительному направлению общественного движения в России послужили основанием его назначения цен-

зором в Петербургский цензурный комитет в 1859 г.²⁹ В 1862 г., рассорившись с коллегами по академии, Дубровский уезжает за границу и уже больше не возвратится в Россию. Сохранились многочисленные письма П.Дубровского, относящиеся к этому периоду, в которых нашла отражение его непрерывающаяся связь со славянскими делами. В дальнейшем свои заметки по славянским вопросам он будет посылать в российские журналы. Он жил в Дрездене, Варшаве, Праге и умер в 1882 г. под Варшавой. В сдержанном по тону некрологе, опубликованном в «Журнале Министерства народного просвещения», как одна из заслуг ученого в славянском мире отмечалась его «Денница»³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. С. 261.

² *Лантева Л.П.* Русский славист XIX в. П.П. Дубровский // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 93—101; *Она же.* Ruský slavista 19. století P.P. Dubrovskij // Studie k dějinám a kultuře východních slovanů. R. XIX. S. 41—62; *Рокина Г.В.* Русский славист П. Дубровский и его «Денница» // Политика и культура Европы и США. Йошкар-Ола, 1993.

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 850; Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — ПФ РАН). Ф. 764, 35, 95, 137, 216.

⁴ Формулярный список П.П. Дубровского — РГИА. Ф. 73. Оп. 13. Д. 179.

⁵ П.П. Дубровский — С.П. Шевыреву. 1 мая 1847 г. — ОР РГБ. Ф. 850. Д. 237. Л. 15—16.

⁶ *Лантева Л.П.* Указ. соч. С. 94.

⁷ П.П. Дубровский — С.П. Шевыреву. 23 ноября 1841 г. — ОР РГБ. Ф. 850. Д. 237. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 241. Л. 6—18.

¹⁰ *Францев В.А.* Указ. соч. С. 263.

¹¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 241: По просьбе учителя первой Варшавской гимназии Дубровского о пособии на предпринимаемому им ученую поездку в Прагу. 1841 г.

¹² Отчет о поездке П.П. Дубровского в Прагу. — Там же. Л. 18.

¹³ Отечественные записки. 1842. Т. 17. С. 30.

¹⁴ Там же.

¹⁵ LA PNP (Литературный архив Памятник национальной письменности, Прага). Literární pozůstalost J. Jungmanna, Fr. Palackého, V. Hanky a F.L. Celakovského etc.

¹⁶ П.П. Дубровский — С.П. Шевыреву. 23 ноября 1841 г. — ОР РГБ. Ф. 850. Д. 237. Л. 1.

¹⁷ LA PNP. Literarní pozůstalost V. Hanky a FL. Celakovskeho. Soupis č. S. 74.

¹⁸ Ibidem. См. также: *Францев В.А.* Указ. соч. С. 261—268.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 108.

²⁰ LA PNP. Literarní pozůstalost V. Hanky a FL. Celakovskeho. Soupis č. S. 74.

²¹ Письма М.П. Погодина — С.С. Уварову. 1840 г. — РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 108.

²² Денница, литературная газета, посвященная славянским литературным и издаваемая Петром Дубровским. Варшава, 1841. № 10.

²³ Денница. 1843. № 1. С. 79.

²⁴ *Rocznik Kruyky Literackiej.* Warszawa, 1842. № 19.

²⁵ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В.А. Францев. Варшава, 1905. С. 314.

²⁶ *Францев В.А.* Указ. соч. С. 280.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 341. Л. 61.

²⁸ Подробно об этом см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 492.

²⁹ ПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 268. Л. 3.

³⁰ П.П. Дубровский (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. 224. № 12. С. 98—101.

С.М ФАЛЬКОВИЧ

Москва

Первый Интернационал о значении «польского вопроса» для Польши, Германии, России и европейской международной политики

Понятие «интернациональный» сегодня по разным причинам заменяется терминами «межнациональный», чаще — «международный». Они идентичны в исходном значении, но в каждом из них есть свой оттенок: «международный» означает — между странами, государствами; «межнациональный» — между народами, народностями, национальными группами; «интернациональный» — также между народами, но с привычным акцентом, как бы указывающим на пролетариат, рабочий класс, в свете известного марксистского тезиса из «Манифеста Коммунистической партии» о противостоянии международного капитала и международного пролетариата.

Именно такой акцент делал Первый Интернационал — Международное Товарищество Рабочих (МТР), когда рассматривал национальный вопрос в целом и проблемы отдельных народов. Он связывал их с борьбой национального пролетариата в каждой стране и с солидарностью пролетариев всех стран. Таким образом, национальные проблемы отдельных стран и народов рассматривались в их взаимосвязи и взаимозависимости. Это касалось, и даже в первую очередь, проблем Польши, Германии, России.

Само возникновение МТР было непосредственно связано с польским вопросом. Подавление Январского восстания 1863—1864 гг. в Королевстве Польском вызвало широкий протест в странах Европы, в том числе среди рабочих. Он был направлен не только против царизма, жестоко подавившего национально-освободительное выступление польского народа, но и против европейских правительств, на словах выступавших за воз-

рождение Польши, лицемерно сочувствовавших полякам, но даже не выразивших официального осуждения царской России. Прежде всего, это касалось буржуазных правительств Англии и Франции, и потому именно рабочий класс этих стран, к тому же более развитый в политическом отношении, первым выступил с разоблачением этой политики и призвал объединить усилия для защиты Польши. Призыв прозвучал 22 июля 1863 г. на митинге в Лондоне, где присутствовала и делегация французских рабочих, а уже на следующий день представители английских, французских и польских пролетарских групп договорились о создании международной организации рабочих, первым делом которой должно было стать выдвижение лозунга независимости Польши. В день провозглашения создания Международного товарищества рабочих, 28 сентября 1864 г., те же лозунги о защите Польши как о «начале великого дела братства народов» прозвучали на многолюдном митинге в лондонском Сент-Мартинс-холле¹. Таким образом, «исходным пунктом Интернационала», по словам К. Маркса, стало польское восстание 1863 г. и протест пролетариев против угнетения польского народа. О связи польского национально-освободительного движения и международного революционного движения рабочего класса говорилось и в тексте подготовленного Марксом в октябре 1864 г. Учредительного манифеста МТР. А 29 ноября Генеральный совет Интернационала принял резолюцию, где о поражении польского восстания говорилось как об ударе по «делу цивилизации и прогресса человечества», признавалось право поляков на «восстановление национального суверенитета» и звучало требование объединить силы «передовых народов Европы» для достижения этой цели².

Обращение МТР к польскому вопросу было первым шагом на пути осуществления поставленной в Учредительном манифесте задачи пролетариата «самому овладеть тайнами внешней политики». Анализируя международную ситуацию, руководители Интернационала приходили к выводу, что независимость Польши имеет «первостепенное значение для дела мира и свободы в Европе». Поэтому они твердо отстаивали решение отметить в 1865 г. годовщину Январского восстания в Польше как значимую для рабочего класса, «который имеет свою собственную внешнюю политику»³. Цели внешней политики Интернационала были сформулированы в речах членов Генерального совета:

своим девизом МТР провозгласило «свободную Европу, опирающуюся на свободную и независимую Польшу». В принятой единогласно резолюции подчеркивалось, что без целостной и независимой Польши не может быть стабильной демократической Европы.

В этой связи встал и германский вопрос: прозвучало требование ликвидации Прусской монархии, что рассматривалось как необходимое условие свободы как Польши, так и самой Германии⁴. Эта позиция шла в разрез с общим политическим курсом правительств европейских держав, и потому лондонская пресса ее замолчала, дав лишь краткий отчет о торжественном собрании 1 марта 1865 г. Но руководство Интернационала считало чрезвычайно важным довести содержание принятой на митинге резолюции до европейской и особенно польской общественности. Поэтому К. Маркс опубликовал соответствующую «Поправку» в издававшейся на немецком языке газете польских эмигрантов «Der Weiße Adler» («Белый орел»)⁵.

О значении, какое Маркс и другие члены Генерального совета придавали польскому вопросу, еще более ярко свидетельствовало включение его в повестку дня I конференции МТР. При подготовке конференции на заседании Генерального совета 25 июля 1865 г. один из пунктов ее программы был сформулирован следующим образом: «о московитской угрозе Европе и восстановлении единой и независимой Польши». Тем самым была подчеркнута необходимость борьбы не только против Прусской монархии, но и против русского царизма; проблема Польши, таким образом, неразрывно связывалась с революционным и демократическим переустройством Германии и России. Это было подтверждено и в ходе самой конференции, состоявшейся в Лондоне в сентябре 1865 г. Там говорилось о необходимости «уничтожить захватническое влияние России в Европе, применив к Польше “право каждого народа на самоопределение” и восстановив эту страну на социальной и демократической основе». И хотя прудонисты во главе с В. Ле Любе выступали против включения этой формулировки в резолюцию конференции, требуя постановки лишь социальных, а не политических вопросов, она была принята при поддержке главным образом английских делегатов, которые разделяли взгляд Маркса на задачу проведения пролетариатом собственной внешней политики. Они заявили, что польский вопрос находится в центре международной поли-

тики, так как само положение Польши делает ее революционной, и напомнили о тесной связи освобождения Польши с интересами европейского пролетариата, в результате чего «польский вопрос был вписан в акт основания МТР как главная, жизненная, кардинальная заповедь». Подчеркивалось, что Польша — это «символ всех угнетенных наций» и ее освобождение — «ключ к европейской свободе». Такое определение дал К. Бобчиньский, представлявший группу польской демократической эмиграции в Лондоне. Его поддержали англичане Д. Оджер, Д. Уилер, Д. Картер. Бобчиньский и Уилер были авторами резолюции по польскому вопросу, который предстояло обсудить на будущем конгрессе МТР. Как писал Маркс Энгельсу, в отчетах о конференции и программе будущего конгресса именно пункт о Польше и России вызвал «самую большую сенсацию»⁶.

Постановка Интернационалом польского вопроса привлекала внимание польской эмиграции: поляки присутствовали на митинге 28 сентября 1864 г. и на торжественном собрании 1 марта 1865 г., организованном МТР в память Январского восстания. Хотя деятели польской эмиграции не понимали и не разделяли классовых целей пролетарской организации, их интересовала ее политическая программа, и они охотно шли на контакт и сотрудничество. Польские эмигранты вступали в Товарищество индивидуально, но уже ко времени Лондонской конференции 1865 г. сформировалась польская секция Интернационала, а Э. Холторп, Ф. Рыбчиньский, К. Бобчиньский, Л. Оборский, М. Верецкий, Я. Крыньский, А. Жабицкий входили в состав Генерального совета МТР. В 1866 г. Бобчиньский был избран секретарем-корреспондентом для Польши, сменив на этом посту Холторпа, который подпал под влияние прудонистов⁷. Последние подвергли критике резолюцию Лондонской конференции по польскому вопросу и в дальнейшем изложили свою позицию в печати. Они по-прежнему считали этот вопрос, как и политику вообще, чуждыми целям МТР и в то же время сами затрагивали проблемы международной политики: так, в конце 1865 г. появилась статья П. Везинье, где автор выступал против акцентирования внимания на роли царизма как жандарма Европы⁸.

Борьба с прудонистами в связи с постановкой польского вопроса была, по выражению Маркса, «подлинным нервом» общей борьбы с прудонизмом. В ней принимали участие как члены английских, французских, немецких секций МТР (Г. Юнг, П. Фокс,

К. Маркс, И.Г. Эккартус, А. Бессон и др.), так и поляки, прежде всего Бобчиньский и Жабицкий, ставший секретарем-корреспондентом для Польши в сентябре 1866 г. в связи с отъездом Бобчиньского. Для определения позиции Интернационала по вопросам международной политики большое значение имело выступление Ф. Энгельса в середине 1866 г. с серией статей, где он разъяснил, «какое дело рабочему классу до Польши». Он подчеркнул, что освобождение Польши означает освобождение рабочих всех стран Европы и, в первую очередь, рабочих Германии и России. Напомнив, что лозунг польской независимости звучал всюду, где пролетариат «принимал самостоятельное участие в политических движениях», Энгельс сформулировал вывод: «рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, наиболее выражающее их внешнюю политику»⁹.

Выступление Энгельса прозвучало в преддверии I Конгресса МТР. Оно получило подтверждение и развитие в Инструкции по польскому вопросу, которую Маркс адресовал делегатам Конгресса — своим сторонникам. Он указывал, что «рабочее движение всегда будет встречать преграды, терпеть поражения и развитие его будет задерживаться», пока существует оплот реакции в Европе — царская Россия, сломить же царизм может лишь «восстановление Польши на демократической основе». Поскольку правящие классы европейских стран и их правительства не ставят этой задачи, так как заинтересованы в сохранении международного *status quo* и реакционной роли царизма, заявлял Маркс, инициативу берет на себя рабочий класс. Он указывал, что без Польши Германия не сможет стать демократической, и потому в первую очередь с лозунгом освобождения Польши должны выступить рабочие Германии — одной из стран, угнетающих польский народ, это важно, считал он, для воспитания подлинного интернационализма. Такую же цель преследовал Юнг, обращаясь в сентябре 1866 г. с подобным призывом к людям труда¹⁰.

Хотя из-за сопротивления прудонистов на Женевском конгрессе Интернационала в сентябре 1866 г. резолюцию по польскому вопросу, сформулированную в таком духе, провести не удалось, Маркс и его сторонники продолжали борьбу. Лозунг независимости Польши звучал 29 ноября 1866 г. в связи с праз-

днованием очередной годовщины польского восстания 1830–1831 гг. Особенно ярко позиция значительного большинства МТР была представлена на митинге в память Январского восстания 1863—1864 гг., который Товарищество вместе с польской эмиграцией устроило в Лондоне 22 января 1867 г. Ораторы вновь и вновь подчеркивали, что «сама жизнь и народы ставят польский вопрос в центре борьбы международного пролетариата». В резолюции, внесенной Энгельсом, подчеркивалась необходимость освобождения Польши для свободы Германии. В речи Фокса польский вопрос рассматривался в связи с российскими проблемами: говорилось о царизме и его преступлениях против польского народа. Маркс подчеркнул революционную роль Польши особенно в отношении России и Пруссии. Он указал, что обладание Польшей служит источником силы царской России, делает ее центром реакции, к которому прикованы реакционные правительства других государств; поэтому Польша является «необходимой нацией»: «свобода в Европе не может быть утверждена без независимости Польши»¹¹.

Эта «краткая, но очень выразительная резолюция» Маркса¹² подтвердила, что польский народ может «рассчитывать на сочувствие и помощь всех свободолюбивых и цивилизованных народов и, в особенности, на рабочий класс всего мира». Об этом от имени поляков заявил А. Жабицкий на митинге 22 января 1867 г.¹³ Подтверждением позиции Интернационала послужили и выступления масс в различных европейских странах, направленные на поддержку Польши и против русского царизма. В частности, летом 1867 г. в Париже состоялись манифестации рабочих и интеллигенции в поддержку Польши и с протестом против визита во Францию российского императора. Генеральный совет МТР отозвался на это резолюцией, выражавшей благодарность участникам манифестаций, а вскоре выступил с осуждением британского правительства, в угоду царизму лишившего польских эмигрантов материальной помощи¹⁴. Тема России и Германии в связи с польским вопросом постоянно звучала в выступлениях Генерального совета Интернационала и его членов. Маркс язвительно отозвался на публикации английской прессы, где немцы изображались как «мирный народ»; он напоминал об участии Пруссии в разделах Польши, об угнетении поляков под ее властью. Воззвание 9 сентября 1870 г., с которым Интернационал выступил в связи с началом фран-

ко-прусской войны, свело воедино проблемы Германии, России и Польши: в нем разоблачались «немецкие патриоты», которые остро реагируют на те или иные шаги Франции, но «не замечают» «обширной системы московитских укреплений Варшавы, Модлина и Ивангорода» и принимают как должное «позор царской опеки над Польшей»¹⁵.

Эту линию руководители Интернационала неуклонно проводили и в дальнейшем. 19 февраля 1873 г. на вечере, посвященном 400-летию Коперника, Ф. Энгельс, напомнив о международном значении польского вопроса, обратился с призывом к немцам исполнить свой интернациональный долг и выступить за свободу Польши. Позже, в 1874 г., когда левое крыло польской эмиграции в Лондоне направило воззвание английскому народу, протестуя против визита Александра II в Великобританию и против происков царизма, спровоцировавшего обращение части польской эмиграции с просьбой об амнистии, Энгельс, принимавший участие в подготовке воззвания, раскрыл его смысл в статье «Польская прокламация». Подчеркнув факт особой необходимости союза поляков с русскими и немецкими пролетариями, он дал емкую формулировку значения этого союза: «Независимость Польши и революция в России взаимно обуславливают друг друга»¹⁶.

Маркс и Энгельс отмечали, что идея такого союза находит отклик у польских, русских и немецких рабочих. Когда в 1869 г. А. Жабицкий сообщил Генеральному совету, что рабочие Берлина помогли бастующим польским строительным рабочим в Познани одержать победу, Маркс увидел в этом успех интернациональной идеи. Энгельс в 1875 г., присутствуя в Лондоне на митинге в память Январского восстания, констатировал, что выступавшие на торжестве русские связывали освобождение Польши с интересами российской революции¹⁷. Вожди Интернационала не уставали разъяснять, почему польский вопрос так важен для международного пролетариата. Польша была «всемирным солдатом революции», ее положение Энгельс назвал «насквозь революционным»: революция являлась для нее единственным путем спасения, и это ставило ее в центр внимания рабочих как революционного класса. Концентрированное выражение этой логической цепочки содержалось в речи Маркса на уже упомянутом митинге 22 января 1875 г. Он подчеркнул, что освобождение Польши от национального и политического

гнета необходимо для социального и политического развития самой польской нации; в то же время оно ударит по реакционным силам Европы, прежде всего по участникам разделов Речи Посполитой — России, Германии и Австро-Венгрии, а это отвечает интересам европейского пролетариата. Позже, в конце 1875 г., он сформулировал краткий вывод, подводивший итог борьбы МТР за постановку польского вопроса в своей программе: «Освобождение Польши есть одно из условий освобождения рабочего класса в Европе»¹⁸.

К осознанию этой связи и зависимости приходила и польская эмиграция, но процесс этот был постепенным. На первых порах преобладало эмоциональное восприятие идей Интернационала, опущение соприкосновения с чем-то очень значительным, способным приблизить светлое будущее. Так, Б. Лимановский признавался впоследствии, что видел в Интернационале «воплощение народного движения, призванного омолодить всю Европу, страстно утверждая в ней новый порядок, отвечающий счастью и достоинству человеческого духа»¹⁹. Международное Товарищество Рабочих в основном опиралось на тех поляков, кто входил в его лондонскую секцию или был связан с ней. Связь с Интернационалом поддерживали также польские эмигранты в Швейцарии, например, В. Мрочковский, Я. Загурский находились в контакте с женевской секцией МТР. Представители радикального крыла польской эмиграции — среди них Я. Домбровский, В. Врублевский, В. Рожаловский, Ю. Токажевич — сблизилась с парижской секцией Интернационала, некоторые стали ее членами. Многие из поляков, находившихся во Франции, в том числе члены МТР, участвовали в Парижской Коммуне 1871 г., а после ее гибели перебрались в Англию. Руководство Интернационала оказывало всемерную помощь «героическим сынам Польши», как их характеризовало воззвание МТР «Гражданская война во Франции»²⁰.

Произошло идейное сближение польских участников Коммуны с Интернационалом. Так, Т. Домбровский, брат героя Коммуны Я. Домбровского, писал: «ныне более неотложно, чем когда-либо, борьба труда и капитала стоит на повестке дня. Социальная революция в Европе просто неизбежна». Он заявлял, что поляки сознательно присоединялись к Парижской Коммуне, так как «видели в ней социальную революцию, которая в случае успеха может перевернуть весь порядок вещей, ныне существующий

в Европе. Могла ли при этом Польша что-либо потерять? Нет. А выиграть? Все»²¹. В основанной поляками-коммунарами газете «Nowiny z wychodztwa i kraju» («Новости из эмиграции и с родины») Интернационал именовался «воплощением побеждающей всеобщей Демократии, перед мощью которой даже троны начинают уже стигать колена». Газета предупреждала, что «эта Демократия вскоре станет властительницей республиканской Европы», и призывала поляков ей содействовать²².

Вскоре в Лондоне возникла организация, принявшая эти идейные основы: 8 августа 1872 г. было провозглашено создание Союза Люда Польского, вступившего в тесное сотрудничество с Интернационалом, а многие его члены являлись и членами польской секции МТР в Лондоне, активизировавшей свою работу. В. Врублевский, который после отъезда А. Жабицкого во Львов в конце 1871 г. стал членом Генерального совета и секретарем-корреспондентом для Польши, был избран членом Подкомитета, а в феврале 1873 г. назначен представителем Генерального совета для Польши с особыми, очень широкими полномочиями. Членом Генерального совета был также Ю. Розвадовский. Оба поляка играли важную роль в деятельности МТР, участвовали в подготовке конгресса Интернационала в Гааге, а Врублевский, избранный одним из делегатов конгресса, принимал активное участие в развернувшейся на нем борьбе против сторонников М.А. Бакунина²³.

Поляки, сотрудничавшие с Интернационалом, помогали ему устанавливать контакт с польскими землями и налаживать там работу по организации совместной борьбы польского, немецкого и русского пролетариата. О немецком рабочем движении члены Генерального совета получали информацию из Германии от обосновавшихся там В. Рожаловского и Э. Компаньского. Жабицкий, имевший связи с Познанью, а затем переехавший во Львов, сообщал Генеральному совету о происходивших там стачках и о сотрудничестве немецких и польских рабочих. Врублевский, тайно ездивший в Познань, укрепил контакты, налаженные Жабицким в рабочей среде. Факт сотрудничества в рядах МТР немцев и поляков на польских землях под властью Германии отмечал в 1874 г. Энгельс, который на Гаагском конгрессе представлял вроцлавскую секцию МТР, с деятельностью которой был хорошо знаком²⁴.

Интернационал наладил связи и с австрийской частью Польши. В Галиции находились А. Жабицкий и К. Бобчиньский, а за-

тем с помощью МТР туда выехали многие польские эмигранты, в том числе активные члены Союза Люда Польского К. Свидзиньский, А. Барчевский и др. В 1871 г. там начал действовать и Ю. Розвадовский, который настаивал на необходимости пропагандировать идеи Интернационала в самой Польше и «по мере возможности гордо и открыто поднять наше знамя». Розвадовский старался установить сношения с немецким обществом во Львове, используя рекомендательное письмо Маркса. Наряду со Львовом, влияние МТР распространялось также на Величку, Краков и другие центры Галиции²⁵. В галицийской печати помещалась информация о деятельности Интернационала, публиковались его документы и материалы. В кругах рабочих и демократической интеллигенции идея интернациональной солидарности находила отклик, устанавливали между собой контакт участники польских и немецких организаций трудящихся. Так, львовские ремесленники были связаны с венскими печатниками — членами МТР, а некоторые галицийские организации, как например, общество «Шрифт» в Кракове, поддерживали связь непосредственно с Генеральным советом²⁶.

Распространение идеи интернационального сотрудничества рабочих стало беспокоить как консервативные круги европейских стран, так и правящую верхушку последних. Прежде всего, это относилось к тем государствам, которых непосредственно затрагивал польский вопрос. Они вполне оценили постановку этого вопроса Интернационалом, осознали опасность его революционного разрешения для политических режимов Романовых и Гогенцоллернов, для установленного международного порядка в Европе. Постановка Интернационалом польского вопроса в ряду других его социально-политических задач получила широкий отклик в общественном движении на польских землях Австро-Венгрии, Германии и России. Либеральная печать Галиции и Королевства Польского писала о провозглашенных МТР социальных и политических лозунгах, а консервативные и католические газеты «разоблачали» материализм и атеизм его программы. Поэтому, например, российского канцлера А.М. Горчакова тревожили успехи Интернационала в Галиции, а администрация Королевства Польского была, в частности, озабочена тем, как оградить варшавских ремесленников от пропаганды лозунга интернациональных стачек. В донесениях царских агентов говорилось о влиянии МТР в

Королевстве Польском и в других частях Российской империи. Там действовали вернувшиеся из эмиграции поляки, в том числе члены Интернационала Ю. Розвадовский, В. Борзобогатый и др. Так, Розвадовский писал Марксу в октябре 1871 г., что ему удалось «водрузить знамя» МТР в Люблине, Седльце, Лукове и других центрах Королевства Польского. Согласно агентурной информации полиции, в Королевстве Польском побывали также С. Островский, Х. Кленовский, Ю. Словаковский и др. Кроме того, связь с МТР осуществлял корреспондент Интернационала в Санкт-Петербурге Т. Бужинский²⁷.

Организовывать в Королевстве польские секции помогали русские члены Интернационала. В программе русской секции МТР говорилось, что царский гнет в Польше является тормозом для политического и социального освобождения польского и русского народов, и подчеркивалась необходимость их солидарности в борьбе против царизма. В то же время указывалось на связь дела свободы Польши с международной социальной революцией — об этом напоминала газета «Народное дело» — орган русской секции Интернационала²⁸. В другом печатном органе — швейцарской газете «L'égalité» («Равенство») русские и польские члены МТР работали вместе. Они организовали совместные митинги протеста против ареста В.И. Серебренникова в 1870 г., против обысков у Н.И. Утина в 1872 г. В том же году они вместе отмечали годовщину гибели Я. Домбровского и память Парижской Коммуны, вместе проводили и торжественные собрания в годовщину польского восстания 1863—1864 гг. В речи на одном из таких торжеств в январе 1875 г. народник А. Соловьев подчеркнул, что «кровавая социальная революция» — это «единственно верный и полезный путь для польской нации». А другой русский оратор социал-демократ В.Н. Смирнов заявил: «Будучи твердо уверен в тождественности интересов польского трудящегося с трудящимся русским, каждый из нас, когда пробьет час польской национальной революции, пойдет в рядах поляков добывать социальную свободу для польской нации»²⁹. В конце того же года Врублевский вновь напомнил, что революция необходима для русского и польского народов, и указал на социал-демократию как на силу, способную ее совершить: «Во всей России, — говорил он, — одна эта партия имеет программу, обещающую спасение для этих народов. Одна эта партия имеет силу, потому что она одна имеет самоотверженных привержен-

цев, одна имеет нравственные благодарные цели. Мы должны готовиться к восстанию вместе с русскими социалистами. <...> Польский и русский народ должны восстать вместе, как наши отцы говорили “За нашу и вашу свободу!”»³⁰.

Эти слова подтверждали принятие поляками принципа МТР — принципа интернациональной солидарности в борьбе. Подтверждением служил и тот факт, что именно Розвадовский настаивал на закреплении в Уставе МТР положения об интернациональном характере секций Товарищества, создающихся в той или иной стране³¹. Польские социалисты восприняли и другой основополагающий тезис Интернационала, признающий путем к свободе народов классовую борьбу международного пролетариата. Врублевский, выступая в феврале 1876 г. на юбилее немецкого Коммунистического просветительного рабочего союза, заверил, что поляки будут всегда поддерживать дело пролетариата, так как проблемы польского, русского, немецкого и других народов может решить только социал-демократическая рабочая партия, и потому социал-демократия в Германии, Австро-Венгрии, Франции, России это единственный союзник Польши³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 8—11; Основание I Интернационала. М., 1934, С. 11—12, 68—70; Первый Интернационал. К столетию основания МТР. 1864—1964. Ч. 1. М., 1964. С. 40, 52; *Pierwsza Międzynarodówka a sprawa polska.* Warszawa, 1964. S. 148—150, 247—253.

² *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 11; Т. 19. С. 248; Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Лондонская конференция 1865 г. Протоколы. М., 1964. С. 19—20; Основание I Интернационала. С. 44.

³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 745; Т. 31. С. 36, 71; Генеральный Совет ... 1864—1866... С. 27—28, 36.

⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 96—97; Marks i Engels o Polsce. Т. 2. Warszawa, 1960. S. 21.

⁵ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 96—97.

⁶ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866—1868. Протоколы. М., 1963. С. 179—180, 318—319; Первый Интернационал ... Ч. 1. С. 92; *Pierwsza Międzynarodówka ...* S. 322—324. См. также: *Borejsza J.W.* *W kręgu wielkich wygnańców.* 1848—1896. Warszawa, 1963. S. 473—475; *Bobńska C.* Marks i Engels a sprawy polskie. Warszawa, 1954. S. 202.

⁷ Подробнее см: *Фалькович С.М.* I Интернационал и Польша // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 303—305.

⁸ *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 749, 536—543; Генеральный Совет ... 1864—1866 ... С. 86—88, 298, 241—248.

⁹ *Pierwsza Międzynarodówka ...* S. 351—352, 360—361; *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 142—143; Т. 16. С. 156—162, 750—751.

¹⁰ *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 202; Генеральный Совет ... 1866—1868 ... С. 269; *Pierwsza Międzynarodówka ...* S. 371—373.

¹¹ Генеральный Совет ... 1866—1868 ... С. 32—35; *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 755, 204—205, 208; Т. 31. С. 359; *Marks i Engels o Polsce.* Т. 2. S. 64.

¹² *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 204—208; *Marks i Engels o Polsce.* Т. 2. S. 64.

¹³ *Pierwsza Międzynarodówka...* S. 389.

¹⁴ Генеральный Совет ... 1866—1868 ... С. 82, 159; *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 327. См. также: *Bobińska C.* Op. cit. S. 207.

¹⁵ *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. С. 278; Генеральный Совет Первого Интернационала. 1870—1871. Протоколы. М., 1965. С. 27. См. также: *Меринг Ф.* Карл Маркс. М., 1957. С. 467—468.

¹⁶ *Marks i Engels o Polsce.* Т. 2. S. 363—365, 269, 391—392; *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 503—509; Т. 33. С. 527.

¹⁷ *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 427; Т. 18. С. 555.

¹⁸ Там же. Т. 18. С. 553—556, 567—568; Т. 34. С. 139.

¹⁹ *Limanowski B.* Jaką drogą doszedłem do socjalizmu // *Socjalizm-Demokracja-Patriotyzm.* Kraków, 1902. S. 117.

²⁰ *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. С. 350. Подробнее см.: *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 300, 306—314; I Интернационал в дни Парижской коммуны. Документы и материалы. М., 1941. С. 96, 110 и др.; *Modzelewski Z.* Komuna Paryska w perspektywie osiemdziesięciolecia // *Nowe drogi.* Warszawa, 1951. № 1. S. 153—156, 166—168.

²¹ *Borejsza J.W.* Sprawa polska i Polacy w Pierwszej Międzynarodówce. Warszawa, 1964. S. 14; *Bobińska C.* Op. cit. S. 220.

²² *Pierwsza Międzynarodówka ...* S. 456—460; *Nowiny z wychodztwa i kraju.* Londyn. 1. I. 1872. № 1.

²³ Подробнее см.: *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 317—323; *Borejsza J.W.* *W kręgu ...* S. 74—77.

²⁴ *Borejsza J.W.* *W kręgu ...* S. 77, 80—81, 48—49, 97; *Koberdowa I.* *Pierwsza Międzynarodówka i lewica Wielkiej emigracji.* Warszawa, 1964. S. 119; *Marks i Engels o Polsce.* Т. 2. S. 254—255, 391; *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 508; Т. 32. С. 651; Генеральный Совет ... 1864—1866 ... С. 86; Генеральный Совет ... 1868—1870 ... С. 93; Первый Интернационал. К столетию основания МТР 1864—1964. Ч. 2. М., 1965. С. 33, 187, 502—503.

²⁵ *Borejsza J.W.* *W kręgu ...* S. 77, 98, 100, 226, 244—247; *Marks i Engels o Polsce.* Т. 2. S. 251—253, 256, 266, 391, 414.

²⁶ *Żybowska M.* *Spółczeństwo polskie w Pierwszej Międzynarodówce w latach 1864—1876.* Warszawa, 1964. S. 6—9, 11—13, 17—22; *Borejsza J.W.*

W kręgu ... S. 98, 100, 499; Первый Интернационал ... Ч. 2. С. 33, 187, 501—503; *Маркс К и Энгельс Ф.* Соч. Т. 18. С. 508.

²⁷ Marks i Engels o Polsce. Т. 2. S. 251—253; *Borejsza J.W.* W kręgu ... S. 76—77, 83, 85—90, 94, 96, 98—99; *Życbowski M.* Op cit. S. 6, 13, 17—20, 22; *Абрамовичюс В.А., Дьяков В.А.* Валерий Врублевский. М., 1968. С. 117; *Итенберг Б.С.* Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964. С. 188, 192; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 325, 327.

²⁸ Экономическая платформа русской секции Первого Интернационала. М., 1959. С. 93—95, 224—226.

²⁹ *Тагиров Р.Ш.* Из истории русской секции Международного товарищества рабочих. Казань, 1956. С. 123—124; Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1958. Т. 3. С. 1037.

³⁰ Вперед. 19(31)/XII 1875. См. также: *Снытко Т.Г.* Русское народничество и польское революционное движение 1865—1881 гг. М., 1969. С. 93.

³¹ Генеральный Совет Первого Интернационала. 1871—1872. Протоколы. М., 1965. С. 195—196.

³² Вперед. 19(31)/XII 1875; Marks i Engels o Polsce. Т. 2. S. 381.

ГЕРАЛЬД КОЛЬ

Вена

Знания в области русского права и его изучение в немецком правоведении XIX в.

Введение

Данная статья* посвящена анализу знаний о русском праве и российском законодательстве, которыми располагало немецкое правоведение XIX века¹. При этом мы намерены рассмотреть не только объем и содержание, накопленных сведений, но и исследовать их в контексте факторов, обусловивших восприятие русского права немецкой юридической наукой. При этом мы имеем в виду также и людей, сыгравших в процессе взаимного обмена знаниями посредническую роль. Таким образом, речь идет о своего рода «обратном направлении» по отношению к преобладающей в последние годы исследовательской конъюнктуре, когда преимущественно изучалось перенесение немецкого права и традиций немецкой юриспруденции в Россию². Если в работах упомянутого господствующего направления преимущественно подвергалось предметному рассмотрению воздействие немецкого права на правовую систему и правопорядок в России, то мы намерены обратиться к изучению только потенциального знания о русском праве, даже если это знание и не оказало на немецкое право видимого влияния и не повлекло за собой заимствования каких-либо юридических норм.

В основе нашего исследования лежит, прежде всего, количественный метод, в соответствии с которым изучались библиотечные собрания и различные базы данных для выявления содержащихся в них сведений о русском праве, чтобы установить, какую информацию в этой области смог бы получить и усво-

---

* За полную предварительную подготовку материалов, в особенности базы данных мы выражаем благодарность нашей ассистентке Анне Шнайдер.

ить немецкий юрист XIX в. Разумеется, предложенный метод и имеющиеся источники информации не позволяют установить сколько людей действительно интересовались русским правом, как далеко распространялся этот интерес, и какое конкретное применение он получил. Разумеется, можно говорить о существовании опосредованной связи между недостатком сведений и мерой заинтересованности в них. С одной стороны, специальные публикации возникают вследствие предшествовавших занятий в области русского права, с другой — резонно предположить, что как раз юридическая периодика должна была идти навстречу интересам своей читательской аудитории.

К вопросу о правовой культуре как контексте обмена юридическими знаниями

Развитие правовой культуры в XIX в. было ознаменовано рядом кардинальных переломных этапов³. В Центральной Европе в начале века в области государственного права, несмотря на влияние Великой французской революции, доминировал абсолютизм (хотя бы и частично). И только в дальнейшем власть монархов была ограничена в духе конституционализма и разделения властей.

Попытки противопоставить конституционализму иные политические программы и правовые теории, как то историческая школа государственного права, оказались, в конечном счете, безуспешными — значение парламентаризма все более возрастало. Его оформление происходило также в процессе становления федеративных государств, объединивших в своих рамках автономные территориальные структуры, как, например, в Швейцарии в 1848 г. или же Германской империи в 1870—1871 гг. В России, напротив, становление конституционализма происходило значительно позже. В течение всего XIX столетия форма правления в Российской империи оставалась абсолютистской, в то время как весьма непродолжительные либеральные реформы Александра II и связанные с ними принципы правового государства и разделения властей потерпели поражение. Лишь в 1906 г. в России, наряду с сильной властью царя, было создано парламентское представительство, состоявшее из Государственной думы и преобразованного в верхнюю палату парламента старого Государственного совета. Однако образованная политическая систе-

ма с точки зрения государственного права соответствовала всего лишь ранне-конституционной модели.

Еще господствовавшая в области гражданского права в Центральной Европе в начале XIX в. теория естественного права нашла выражение в двух наиболее значительных памятниках законодательства того времени, являвшихся по своей природе кодексами — во Французском гражданском кодексе 1804 г. известном как Кодекс Наполеона (*Code civil*) и в австрийском Гражданском уложении 1811—1812 гг. (*Allgemeine bürgerliche Gesetzbuch*). На основе специфической техники законодательства, результатом которой стала главенствующая роль кодификации, возникла и получила преобладающее развитие Историческая школа права, основывавшаяся в области гражданского права на традициях германского и пандектного права*. Вопреки исходившей из неприемлемости кодификации пандекстике, в рамках Исторической школы гражданское право (в прошлом пандектное) было на рубеже XIX—XX вв. кодифицировано. В Германии и в Швейцарии были введены Германское гражданское уложение (1896—1900 гг.) и Швейцарский гражданский кодекс (1907—1912 гг.). Вместе с тем происходившая унификация законодательства была связана с уже упомянутым становлением федеративных государств и не ограничивалась сферой гражданского права, а охватывала почти все области права (например, Германский имперский уголовный кодекс 1871 г.). Тем же путем развивалась правовая система в России. Здесь на рубеже XVIII—XIX вв. в законодательстве и правоведении, также как и в Германии, еще царила концепция естественного права. Однако, в отличие от большинства германских государств, в Российской империи кодификация гражданского законодательства на основе естественного права осуществлена не была. Развитие системы законодательства в России в первой половине XIX в. пошло иным путем. Правительство было вынуждено отказаться от принципа кодификации, а, следовательно, от исходной идеи модернизации и систематизации законодательства и ограничилось составлением Свода законов, включившего в себя система-

---

* Пандекты (Дигесты) — сочинения древнеримских юристов по вопросам частного права, включали выдержки из законов и других нормативных актов. Пандектное право, сформировавшееся в результате переработки глоссаторами римского права, действовало в Германии в XVI-XIX вв. (*прим. перев.*).

тизированное по тематическому признаку ранее уже действующее законодательство (Своды 1832, 1842 и 1845 гг.).

Совершенствование российского законодательства и расширение правоприменительной практики способствовало возникновению и развитию юридической науки и правоведения как области знаний, толкующей законы. Если в первой половине XIX в. эти процессы только зарождались, то уже со времени реформ 1860-х годов они получили достаточно широкое распространение, когда особое значение приобрели идеи Историко-юридической школы.

Уголовное право XIX в. в странах Центральной и Восточной Европы в рамках концепций эпохи Просвещения также было проникнуто идеями естественного права, что, например, нашло выражение в отказе от применения пыток и в отмене смертной казни. Постепенно эти тенденции еще более усилились в связи с проведением реформ, направленных к созданию конституционного правового государства. Этот же процесс, правда, с наибольшей задержкой во времени, происходил и в России, где Судебная реформа 1864 г. принесла с собой такие передовые для своего времени нововведения как независимость судебной власти, самоуправление адвокатуры, гласность, публичность и состязательность судебного процесса, презумпцию невиновности обвиняемого. Однако, как представляется, их применение натолкнулось на весьма существенные проблемы⁴.

База данных и метод исследования

Следует констатировать отсутствие соответствующих цели нашего исследования библиографических описаний и хотя бы в минимальной степени репрезентативного собрания научных публикаций XIX — начала XX вв. по русскому праву на немецком языке. Корпус основополагающих данных для него можно было сформировать только путем выявления упомянутых публикаций в отдельных библиотеках и базах данных. Однако, при этом мы пытались воссоздать возможно более полную картину, обследуя наиболее значительные и частично дополняющие друг друга собрания. Исходным пунктом исследования стали два специальных юридических библиографических издания XIX в., а именно, «Австрийская юридическая библиотека» Морица фон Штубенрауха («*Bibliotheca juridica austriaca*») и «Юридическая библиотека» Т. Энслина и В. Энгельмана («*Bibliotheca juridica*»)⁵, а также опублико-

кованные к ним дополнения. Оба названные издания не охватывают весь период исследования, однако, в них нашли отражение не только вышедшие отдельными изданиями публикации книг (и их титулы), но также и статьи, помещенные в журналах и сборниках.

Указанные библиографические издания значительно отличаются от второй группы использованных нами источников — каталогов библиотек. В этой группе наиболее полный результат поиска достигался путем выбора соответствующих библиотек. Поэтому к ним в первую очередь относились Австрийская национальная библиотека, одно из пяти крупнейших в мире собраний литературы по истории, вышедшей до конца Первой мировой войны; Венская придворная библиотека — одна из самых обширных универсальных библиотек⁶; Библиотека Венского университета — сегодня самая большая научная библиотека Австрии⁷; а также берлинская Государственная библиотека — крупнейшая научная универсальная библиотека в немецкоязычных странах⁸.

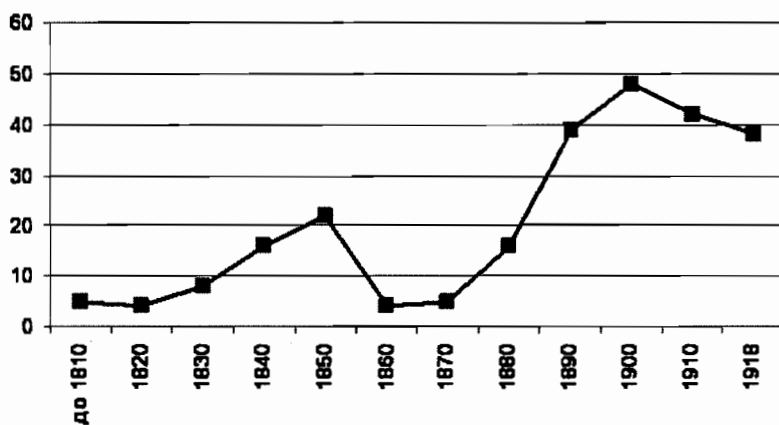
В соответствии с историко-правовой постановкой проблемы была также обследована «Цифровая библиотека» существующего с 1964 г. во Франкфурте на Майне Института Макса Планка по европейской истории права⁹. Эта библиотека обладает, в частности, двумя исключительно ценными фондами. Во-первых, в период с 2002 по 2006 гг. в рамках проекта, поддержанного Немецким научно-исследовательским обществом, был создан фонд оцифрованных копий 75 юридических журналов XIX в., насчитывающий 1320 томов или 635 752 страницы¹⁰. Во-вторых, в распоряжение исследователей библиотека предоставляет электронные копии 4 316 томов (примерно 1 350 000 страниц) изданий по истории немецкого, австрийского и швейцарского гражданского и процессуального права XIX столетия¹¹.

Поскольку в обследованных оцифрованных журналах статьи австрийских авторов занимают, очевидно, незначительное место, по сравнению с монографиями по гражданскому и процессуальному праву, то дополнительно было просмотрено важнейшее специальное юридическое издание монархии Габсбургов, выходившее в конце XIX в. — «Журнал гражданского и государственного права современности» («Zeitschrift für das Privat— und öffentliche Recht der Gegenwart»), основанный Карлом Грюнхуттом¹². Нами были также использованы библиографические материалы законодательных проектов в России досоветского периода (микрофильмы из собрания Гарвардского университета)¹³.

Результаты количественного анализа

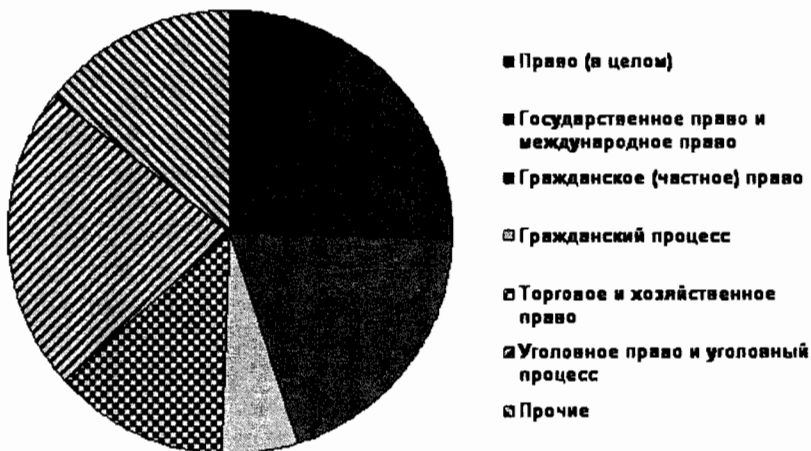
Вышеописанная база данных проанализирована с помощью количественных методов исследования. При этом мы исходили из примата абсолютных показателей, числовые значения которых и были рассмотрены первоначально. (Рис. 1) По оси «у» на графике показано количество специальных публикаций по русскому праву. Расчет их относительной численности (в %), в сравнении с общим количеством публикаций по юриспруденции, был бы, конечно, содержательнее, однако, имеющаяся в нашем распоряжении база расчета не может считаться ни вполне определенной, ни достаточно полной. Кроме того, общее число юридических публикаций в XIX в. было уже настолько велико, что доля специально интересующих нас трудов располагалась бы в области миллипроцентов. Поскольку база данных не соответствует в должной мере библиографическим стандартам, полученные абсолютные данные ни в коем случае также не стоит переоценивать. Они не могут служить основой для дополнительной интерпретации, в частности, отсутствие выявленных на графике значительных колебаний, возможно связано с погрешностью методики измерения. Поэтому помещенный ниже график отражает только наиболее выраженные тенденции и изменения.

Рис. 1: Время публикаций

Первое впечатление от распределения всех выявленных публикаций исследуемого периода (рис. 1) это возрастание на протяжении XIX в. интереса правоведов в немецкоязычных странах к законодательству и юриспруденции в России. При этом бросается в глаза, что в третьей четверти столетия отмеченная тенденция переживает стремительный спад, вслед за которым возникает своего рода «вторая волна публикаций». Первая из отмеченных двух волн соответствует более активной законодательной деятельности и связанной с этим интенсификацией развития в России юриспруденции в целом. При этом следует учитывать, что отклик на эти процессы в немецкоязычных странах наступал с известной задержкой во времени, что объяснялось техническими условиями трансферта информации и в целом спецификой научных коммуникаций того времени. Вторая волна интереса была вызвана, с одной стороны, новым этапом реформ русского права (о чем будет сказано ниже), а с другой — развитием собственной законодательной и юридической практики в Австрии, Германии и Швейцарии (например, с составлением Германского гражданского уложения). Интерес немецкой юриспруденции в то время к иностранным юридическим разработкам стимулировался, таким образом, развитием собственной законодательной и юридической практики, которая служила своего рода контекстом для восприятия и осмысления развития правовой системы в России.

Рис. 2: Распределение публикаций по отраслям права в целом

Если попытаться распределить выявленные за весь обследованный период публикации по отраслям права, то на диаграмме они образуют несколько приблизительно равных секторов (рис. 2). Почти четверть всех публикаций посвящена уголовному праву, уголовному процессу и вопросам исполнения наказания. Не меньший интерес вызывало гражданское (частное) право, на долю которого (вместе с гражданским процессом) приходилось примерно столько же публикаций. Если присовокупить к этому родственные отрасли торгового и хозяйственного права, которые вместе составляли $\frac{1}{8}$ публикаций, то сфера гражданского права в широком смысле существенно превосходила сферу уголовного права. Публикации по государственному и международному праву были также нередки, тем не менее, по сравнению с упомянутыми выше отраслями права они отставали по своей численности ввиду значительного расхождения уровней развития конституционного права в России, с одной стороны, и в немецкоязычных странах — с другой. Наконец, примерно четверть книг, статей и других публикаций по русскому праву посвящена прочим отраслям права, относящимся к таким специальным сферам как морское право, трудовое право. Сюда же относятся и труды по истории права. В пределах этой последней четверти публикации обобщающих трудов по русскому праву количественно составляют большую часть. При этом к ним относятся частью сочинения вводного характера, а частью — энциклопедические труды.

Если рассматривать публикации по отдельным отраслям права не только в совокупности, но также и по времени их появления в течение исследуемого периода, то выявленные выше тенденции (рис. 1), кажется, находят подтверждение (рис. 3). В качестве примера могут послужить только что упомянутые «обобщающие труды», в ходе публикации которых особенно отчетливо видны две волны, а также отсутствие в период 1850—1870-х гг. публикаций специальных работ (рис. 4). Действительно, обе эти волны были также обусловлены различиями в концепции публикаций. Во время наблюдаемой первой волны немецкоязычный читатель должен был приобрести, прежде всего, базисные знания о русском праве, тогда как во время второй волны публикациями уже были охвачены специализированные области права, а появившиеся тогда же обобщающие труды были нацелены на энциклопедичность. К этому жанру относилось весьма популярное «Русское правоведение» («Russische Rechtskunde»)¹⁴. В рецензии на этот труд была ясно

сформулирована мотивация такого рода изданий: «Неуклонное развитие германо-российских взаимосвязей, многогранные экономические и политические отношения между Германией и Россией, как и самостоятельное национальное прогрессивное развитие русской культуры служат для составителя предлагаемого труда исходным пунктом и основанием намерения побудить германскую юридическую науку теперь более пристально, нежели до сих пор, обратить свой взор на восток и открыть перед немецким народом картину тамошнего положения»¹⁵.

Рис. 3: Распределение по времени издания публикаций по отраслям права

Рис. 4: Обобщающие труды

«Базовые знания»

«Энциклопедические сведения»

Тем не менее, проявление выявленной основной тенденции эволюции публикаций по русскому праву не наблюдается при более детальном их анализе применительно к отдельным отраслям русского права и его специальным областям. Сначала это показано на примере русского торгового и хозяйственного права (рис. 5), по которому до 1870-х годов не было ни одной публикации на немецком языке. Подъем публикаторской деятельности приходится на период 1880—1900 гг. и носит прямо-таки взрывной характер¹⁶. После 1900 г. этот интерес ослабевает и, наконец, сходит на нет уже перед захватом власти Советами. В этом развитии находит отражение история русского законодательства¹⁷. В 1882 г. был опубликован проект Вексельного устава, который в итоге в 1902 г. был утвержден и получил силу закона. В 1896 г. был составлен проект патентного законодательства¹⁸ и в 1898 г. издан соответствующий закон, введший в действие нормы патентного права. В том же году, после первых попыток 1866 и 1872 гг., появляется новый проект акционерного законодательства. Все эти события вызвали интерес немецкой юридической науки и сопровождались оживленным откликом в печати. Поэтому подъем публикаторской деятельности не был случаен. В особенности нововведения в области русского вексельного права¹⁹ послужили основанием для естественно последовавшей за ними запланированной дискуссии между немецкими и русскими юристами, в которой были заинтересованы обе стороны. Примечательно, что русское Министерство юстиции опубликовывало законопроект 1882 г. не только на русском языке, но и изготовило два его официальных перевода — по-немецки и по-французски, с целью предоставить возможность международному научному сообществу высказаться по проекту Вексельного устава. Например, по этому поводу в статье под заглавием «О проекте Вексельного устава Российской империи» были проинформированы читатели издаваемого Грюнхугом журнала²⁰. При этом критические замечания по содержанию проекта были представлены автором статьи как моральный долг: «Это было бы неправомерно, — утверждалось в статье, — когда бы немецкая юридическая наука прямо или опосредованно игнорировала бы сделанное ей предложение выступить с критикой»²¹, поэтому «немецкая литература по вексельному праву <...>, получив направленное ей приглашение высказаться о проекте, должна на это с готовностью откликнуться»²².

Не в последнюю очередь, естественно, в пользу такого подхода послужило и то обстоятельство, что при обсуждении вексельного права речь шла о материях, представлявших интерес для развития международной экономики. «Когда какое-либо право имеет международный характер, как, разумеется, вексельное право, в задачу которого входит денежный обмен от страны к стране и регулирование движения денег между нациями. Поэтому, как представляется, из этого следует, что знания об иностранных правилах вексельного обращения также необходимы юристам, как и коммерсантам, и поэтому предлагаемые где бы то ни было за границей законодательные новации в этом институте права вызывают заинтересованность и отклик у всех соседних народов». При этом, публикуя информацию о новом российском законопроекте, издатели журнала подразумевали, что читатели уже обладали достаточными знаниями о ранее существовавших порядках правового регулирования в этой области в России: «Как известно, — констатировалось в журнале, — что ныне в Российской империи действует Вексельный устав от июня 1832 г.»²³

Рис. 5: Торговое и хозяйственное право

Тем не менее, корреляция между восприятием русского права немецкой юриспруденцией с основными этапами истории российского законодательства не ограничивалась только отраслями права, имевшими международное значение. Тот же самый феномен наблюдается, например,

и в области уголовного права (ср. рис. 6 и рис. 7). В немецкоязычной юридической литературе отмечается явно выраженное возрастание числа специальных публикаций как в связи с российским Уголовным кодексом 1845 г., так и Уголовным кодексом 1903 г., включая сюда и проект последнего, появившийся в 1882 г.²⁴ В этом же направлении оказали воздействие и некоторые другие факторы. В 1840 г. появляются, например, статьи, в которых приводятся сведения по уголовной статистике из отчетов российского Министерства юстиции²⁵. Поводом для роста числа публикаций послужил также IV Международный пенитенциарный конгресс 1890 г. в Санкт-Петербурге²⁶. В связи с этим событием немецкая юридическая наука отнюдь не ограничилась просто описанием русского права или же пересказом законопроектов, а рассматривала петербургский конгресс как повод для самооценки. В опубликованной рецензии не без зависти констатировалось, что, «как кажется, русские преподаватели уголовного права пользуются у правительства империи большим доверием, чем немецкие — у своих властей». В сравнении с Россией сообщенные на конгрессе сведения и история возникновения нашего Германского уголовного кодекса выглядят «для нас немцев не вполне удовлетворительно»²⁷.

Рис. 6: Уголовное право —
уголовное законодательство 1845 г.

Рис. 7: Уголовное право

Рис. 8: Государственное и международное право

В области государственного и международного права (ср. рис. 8), помимо специфического статуса Финляндии в составе Российской империи²⁸, повышенный и долговременный интерес немецких правоведов к России был вызван, с одной стороны, Революцией 1905 г., последовавшими конституционными преобразованиями и Основными законами Российской империи 1906 г.²⁹, с другой — русско-японской войной 1904—1905 гг.³⁰. В области гражданского (частного) права (ср. рис. 9) этот интерес был двоякого свойства. Он был обусловлен не только вниманием к истории развития российского гражданского законодательства (к деятельности Кодификационной комиссии 1882 г. и к проектам Свода

гражданских законов, 1899, 1903 и 1905 гг.)³¹, но также и раз-
вернувшейся в Германии работой по кодификации законо-
дательства в преддверии издания Германского гражданского
уложения³². Интерес к практике кодификации законодатель-
ства в России был, таким образом, созвучен и стал своего
рода откликом на процессы развития германского права. В
то же время дальнейший заметный подъем интереса немец-
ких юристов к российскому гражданскому законодательству
после 1910 г. очевидно объяснялся, с одной стороны, разви-
тием законотворчества в области гражданского права в Рос-
сии, а с другой — с необходимостью разрешения конкретных
гражданско-правовых проблем русских за пределами России
или же, наоборот, немцев на территориях российской юрис-
дикции³³. В целом представляется, что в области русского
гражданского права немецкие юристы обращались преимущ-
ественно к брачному праву и семейному кодексу, а также к
наследственному праву, и чаще всего к вещному праву³⁴.

Рис. 9: Гражданское право

Пути распространения знаний о русском праве в Германии

Авторы. Теперь о том, как знания в области русского права
попадали в Германию? Если познакомиться поближе с автора-
ми публикаций о русском праве, причем мы обращаемся только
к тем, кто напечатали несколько специальных работ, то можно
выделить среди них три группы юристов. В дальнейшем мы об-

ратимся к наиболее характерным представителям этих групп в качестве примера.

а) Немецкие авторы — эксперты по отраслям права, со знанием русского языка

Вероятно, среди авторов в немецкоязычных странах наименьшую группу образуют юристы, которые профессионально посвятили себя сравнительному изучению русского права, либо, следуя своей специализации, обладали также специальными знаниями в тех или иных отраслях русского права. Правовая экспертиза в то время охватывала в большинстве случаев одновременно правовые системы разных стран. Среди специалистов такого рода можно называть, например, Фридриха Иоганна Якобсена (1774—1822), который после учебы в Киле занялся адвокатской практикой в Альгоне и в дальнейшем стал признанным специалистом по морскому праву³⁵. Его труд «Морское право мира и войны относительно торгового судоходства» (1815 г.) к каждому из тематических разделов содержал приложение о морском праве отдельных наций, в том числе соответственно и России³⁶. В этом случае в центре внимания автора была специальная отрасль права, а его сравнительно-исторический метод доминировал при сопоставлении права разных стран.

Специально русским правом с точки зрения его сравнительно-исторического изучения занимался Фридрих Карл Нойбекер (1872—1923), ученик Генриха Дернбурга и Йозефа Колера. В 1916 г. он был внештатным профессором в Берлине, а в 1918 г. занял кафедру сравнительного правоведения в Гейдельберге³⁷. При Нойбекере наиболее последовательно осуществлялся методический принцип непосредственной связи между сравнительно-историческим правоведением и овладением языком и специальной терминологией при изучении национальных правовых систем и конкретно — русским языком. Нойбекер публиковал в ряде немецких журналов сообщения о новеллах в русском праве и при этом неоднократно подчеркивал значение языкового аспекта. К немецкому заглавию своих публикаций он сделал примечание, что это, «несомненно, <...> достойное благодарности предприятие сделать русское право доступным для круга немецких читателей в немецком изложении», а именно не только его «обобщенных основ», но также и таким образом, чтобы «немецкие судьи <...>, когда бы они име-

ли дело с вопросами русского права, могли бы ориентироваться в них, сколько бы их ни было, так и по их содержанию»³⁸. Русское заглавие он сопровождал пояснением, что «данное произведение написано на русском языке, поэтому в начале следует передать его содержание [на немецком языке], без этого оно останется недоступным для немецких юристов»³⁹. Таким образом, Нойбекер вполне определенно сознавал, что владение русским языком имеет исключительное значение для изучения русского права, как с научной точки зрения, так и с точки зрения юридической практики.

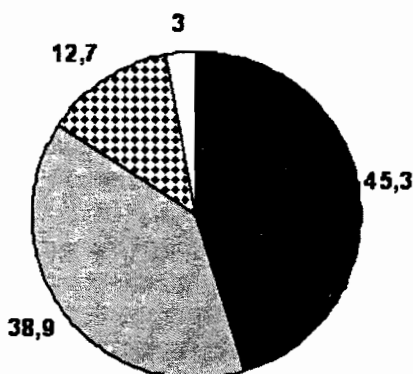
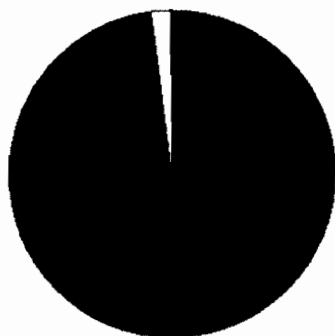
Действительно в XIX в. распространение в немецкоязычных странах знаний о русском праве происходило почти исключительно на немецком языке; иноязычные, в частности русские заголовки, едва ли имеются в наличии в исследованных библиотеках. На первый взгляд, это может казаться естественным. Однако такое заключение вступает в противоречие с ситуацией, которая сложилась в XIX—XX вв. с распространением сведений о китайском праве⁴⁰ (ср. рис. 10). Публикации по этой проблематике на немецком языке составили только примерно 45%, в то время как английские и французские заглавия — более 50%. Относительное большинство сочинений в этой области на немецком языке в исследованных библиотеках немецкоязычных стран было действительно отнюдь не преобладающим. В более короткий период исследования, в 1810—1919 гг., который наиболее близок к избранному нами периоду изучения русского права, публикации по проблемам китайского права на немецком языке составили 75%, что значительно превышает их долю применительно к XIX—XX столетиям в целом, когда доля немецких заглавий существенно отставала. Однако если сравнить приведенные данные в области распространения знаний о китайском праве с аналогичными данными по русскому праву, на долю которого приходилось примерно 98% немецкоязычных публикаций, то можно заключить, что литература на немецком языке значительно в большей степени способствовала распространению знаний о русском праве, нежели о других национальных правовых системах за пределами Западной Европы, например, чем о китайском праве.

Рис. 10: Языки публикаций

Примерно 98 %
на немецком языке

В сравнении с публикациями
о китайском праве в XIX—XX вв.

- Немецкий
- ▒ Английский
- ▣ Французский
- Другие

б) Российские авторы

Вторую группу авторов составляют юристы-немцы по происхождению, работавшие в Российской империи, в частности в ее Остзейских провинциях⁴¹. Прежде всего, к ней принадлежали Александр фон Ройтц (1799—1862)⁴², Эвальд Сигизмунд Тобин (1811—1860)⁴³ и Йоханнес Энгельманн (1832—1912)⁴⁴. Ввиду большого значения немецкого языка для развития юридической науки в России, отнюдь не случайно, что эти ученые последовательно возглавляли кафедру русской теоретической и практической юриспруденции в Дерптском университете⁴⁵ — единственном немецком университете Российской империи (Ройтц — с 1825 по 1840 гг., Тобин — с 1839 по 1860 гг. и Энгельманн — с 1861 по 1900 гг.). Названных двоих профессоров старшего поколения отличает общая биографическая деталь. Оба они ко времени занятия должности профессоров в Дерпте получили ученую степень докторов права в германских универ-

ситетах *in absentia** (Ройтц в 1824 г. — в Тюбингене, Тобин — в 1839 г. в Галле)⁴⁶.

в) Жизненный путь ученых, связанных с Германией и Россией (или же с несколькими странами)

Итак, если пунктуально проследить связь вышеуказанных групп ученых с Германией, то наиболее значительная часть авторов своей биографией свидетельствуют, что их жизненный путь пролегал как через Германию и Россию, так и через другие страны. Некоторые переезжали из страны в страну единожды, другие делали это неоднократно, совершая своего рода челночные движения туда и обратно.

Скорее, прямолинейно проходил жизненный путь историка права Фридриха Георга фон Бунге (родился в 1802 г. в Киеве — умер в 1897 г. в Висбадене). Он был специалистом в области права Прибалтийских провинций: Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, считается основателем остзейской истории права в ее взаимосвязи с германским правом. Начало карьеры Бунге было положено в Дерпте, где он в 1823 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1831 г. занял профессорскую кафедру. В 1842 г. Бунге впал у властей в немилость и ему грозил перевод в Казань, тогда он вышел в отставку и переселился в Ревель, где в 1843 г. вступил на пост бургомистра. В 1856 г. Бунге возвращается на государственную службу, получив должность в Собственной его имп. вел. канцелярии. После интермеццо в Санкт-Петербурге в «эпоху великих реформ» Александра II Бунге в 1865 г. на склоне лет переселился в Германию, где и прожил до самой кончины. Составленный под его руководством и редакцией для Остзейских губерний Российской империи Свод гражданских законов действовал в Латвии до 1937 г., а в Эстонии — до 1945 г.⁴⁷

Тогда как Бунге покинул Россию, которая была его родиной, только в самом конце своей профессиональной карьеры, что было нетипично для выделенной нами третьей группы авторов. Для многих из них в начале их профессиональной деятельности учеба за границей была одной из причин, побудившей выступить на поприще публикаторской деятельности в области русского права. Так было, например, с польским юристом и экономистом Леопольдом Якубовским (1819—1873), который изучал юриспруденцию в Санкт-Петербурге, Гейдельберге и Париже. В 1842 г. он посылал корреспонденции «Из Петербурга»

* В отсутствии, заочно (*lat.*).

в «Критический журнал по правоведению и иностранному законодательству» («Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes»). В них Якубовский сообщал как о «новом русском Своде гражданских законов», так и о «новейшей уголовной статистике в России 1833—1839 г.»⁴⁸. Его публикации — это, прежде всего, выражение межгосударственной мобильности автора.

В научном наследии Ксаверия Гретнера (1852—1933)⁴⁹ уже с первых его шагов на профессиональном поприще юридическая специализация выходит на первый план еще в годы студенчества. Он был родом из Швейцарии, но учился за границей, в Вюрцбурге, Гейдельберге, Лейпциге и в Санкт-Петербурге. За год до получения должности доцента в Берне (1883 г.) он перевел на немецкий язык проект российского Уголовного кодекса 1882 г. Ни его продвижение по карьерной лестнице (в 1886 г. он экстраординарный профессор, а в 1890 г. профессор в Берне), ни его переселение в Германию (в 1900 г. он занял кафедру в университете в Бреслау, а в 1921 г. вышел на пенсию) не препятствовали научным интересам Гретнера в области русского права, а русское уголовное право неизменно оставалось в сфере его внимания. Так среди многих его публикаций по этой тематике, есть напечатанное в 1906 г. по существу монографическое исследование об уголовном кодексе 1903 г.⁵⁰

В то время как для Якубовского и Гретнера учеба в России положила начало их публикациям по русскому праву, то для Пауля Эрнста Эмиля Соколовского (1860—1934)⁵¹ и Карла Вильгельма фон Зеелера (1861—1925) таким началом послужило пребывание с учебными целями в Германии, которое к тому же носило в известной мере привилегированный характер. Соколовский в 1879—1884 гг. учился в Дерптском университете, затем работал в коллегии адвокатов в Москве⁵², отсюда в 1888 г. он был направлен на стажировку в Русский институт Римского права Берлинского университета, где пробыл до 1890 г. Степень доктора права Соколовский получил в Харьковском университете, а в дальнейшем был профессором в Киеве (1894 г.) и в Москве (1896 г.). Однако он стремился возвратиться в Германию и в 1906 г. получил должность экстраординарного профессора в Берлине, а на следующий год занял кафедру в Кенигсбергском университете. Уже в 1908 он возвратился в Россию, где вошел в состав Попечительского совета Юго-Западного учебного округа, центр которого

располагался в Харькове. В 1919 г. Соколовский работал в латвийском Министерстве юстиции. В 1920—1930-е годы он был известен как автор антирусских брошюр, под заглавием «Обмелевшая Европа» («Die Versandung Europas»). Незадолго до смерти, в 1933—1934 гг., Соколовский преподавал германское гражданское право в литовском Каунасе. Вопрос, в какой мере Соколовский осознавал свою принадлежность к германскому или российскому сообществу юристов, остается без определенного ответа. Однако несомненный факт, что во время пребывания в Москве он в 1901 г. руководил переводом на русский язык первого тома труда Генриха Дернбургса «Пандекты» («Pandekten»), а затем в 1911—1912 гг. курировал 8-ое издание этого компендиума германского права на языке оригинала.

Иначе сложилась жизнь Зеелера, хотя и его карьера ученого-юриста попеременно развивалась как в российских, так и в немецких университетах. Уже в 1895 г. он стал экстраординарным профессором римского права в Харькове, затем в 1897 г. — в Киеве. Здесь, в Университете Св. Владимира он получил хабилитацию и возглавил кафедру (1898 г.). Однако уже в 1901 г. Зеелер переехал в Берлин, где сразу начал преподавать римское и германское гражданское право. В 1902 г. он становится экстраординарным профессором. Только через 10 лет пребывания в Германии Зеелер в 1912 г. возвратился в Россию и занял кафедру немецкого балтийского права в Дерптском университете. В следующем году он покинул и Прибалтику, чтобы возглавить кафедру римского права в Санкт-Петербурге⁵³.

Годом ранее, нежели Соколовский, которого в России задержала причастность к судебному процессу по политическому делу, Зеелер в 1887 г. также прибыл на стажировку в Германию в Русский институт Римского права в Берлинском университете. Этот институт был основан в 1887 г. и должен был способствовать подготовке преподавателей римского права для высших учебных заведений России⁵⁴. Накануне его закрытия в 1896 г. библиотека института была передана Казанскому университету. За десятилетнее существование института его окончили 27 юристов. Пример Соколовского и Зеелера свидетельствует, что обмен знаниями в области правоведения между Россией и Германией не был уличей с односторонним движением.

Также Александр (Аксель) Фрейтаг-Лорингтовен (1878—1942)⁵⁵ во время учебы и профессиональной деятельности был

связан с обеими странами. Юридическое образование он получил в Дерпте и Мюнхене, а в 1910 г. стал преподавать международное право сначала в Ярославле, а затем в Дерпте. Наконец, в 1917 г. Фрейтаг получил кафедру в университете в Бреслау (во Вроцлаве). С 1924 г. в германском Рейхстаге он занял кресло депутата во фракции Немецкой народной партии.

Со всех точек зрения нетипично и без существенного институционального обоснования протекал жизненный путь теолога, адепта и историка старокатолицизма*, а также слависта Леопольда Карла Гётца (1868—1931)⁵⁶. На его биографии тоже сказалось влияние России, хотя он и не бывал здесь подолгу. Вероятно, первое свое путешествие в Россию он предпринял в 1897 г., спустя несколько лет после своего посвящения в сан священника, но ранее 1901 г. когда он был назначен профессором теологии в Епископском семинаре в Бонне (1900 г.). Тогда первый приезд Гётца в Россию проходил под знаком стремления старокатолических кругов к установлению союза с православными церквями. Впечатление от этой поездки, кажется, надолго оставило след в памяти Гётца. Начиная с 1903 г. он несколько раз посещал Россию и балканские страны⁵⁷, где приобрел обширные познания в области славянских языков. Он владел русским, староболгарским и болгарским, русинским и сербохорватским языками. Тогда же он выступил как ученый-славист. После 1906 г. он больше не публиковал сочинений по теологии старокатолицизма, а занимался историей русской церкви и русским церковным правом. В дальнейшем круг его научных интересов распространился и на светское право России. За четырехтомный труд «Русское право»⁵⁸ Гётц был удостоен звания почетного доктората юридического факультета Киевского университета⁵⁹. Гётц был членом ряда российских научных обществ. Его деятельность на этом поприще свидетельствует о его тесных связях с русской исторической наукой⁶⁰.

Издания. Только наличия авторов, способных распространять сведения в области русского права, было бы, разумеется, недостаточно для установления между странами эффективного об-

---

* Старокатолицизм — направление, представленное группой национальных церквей, возникшее в 1870-е годы, вследствие неприятия частью католического духовенства решений Первого ватиканского собора и ряда догматов Римско-Католической церкви, в частности, о непогрешимости папы (*прим. перев.*).

мена научными знаниями. Для этого были необходимы заинтересованные в таком обмене издательства и соответствующие журналы, которые доносили бы такие сведения до читателей. Издательства, специализировавшиеся бы на публикациях по русскому праву, отсутствовали, и все же обращает на себя внимание, что в заглавиях и на титульных листах многих монографических трудов по русской юриспруденции в качестве места издания указаны города Российской империи, несмотря на то, что само издание осуществлено на немецком языке. Наряду с Санкт-Петербургом неоднократно встречаются прибалтийские города Дерпт и Рига.

На последние десятилетия XIX столетия, когда в немецкоязычных странах вновь наблюдается очевидный подъем публикаций по русскому праву, он связан, прежде всего, со специализированными журналами и по существу с расцветом юридической журналистики⁶¹. Здесь следует отметить то обстоятельство, что в Российской империи, особенно вокруг уже не раз упомянутого немецкого Дерптского университета, возникали многочисленные специальные журналы по правоведению, издававшиеся на немецком языке⁶². Однако в данном случае речь шла об изданиях, которые в большинстве просуществовали недолго, а их восприятие и использование немецкой юридической наукой было минимальным⁶³. Более пристальное рассмотрение статей, опубликованных в журналах, изданных в немецкоязычных странах, наводит на мысль, что особенно много специальных статей и корреспонденций по русскому праву появились, скорее, в более общих, нежели в специальных, журналах⁶⁴.

При этом помещаемые в журналах рецензии на различные публикации, которые в обозримом количестве были рассмотрены и приняты к сведению экспертами частично в качестве средства воспроизведения информации, составляли от их общего числа только меньшую часть. То, что касается объема информации, то рецензия не может сравниваться, как правило, со статьей или же с монографией, и все же, она также доводит до сознания читателя, по меньшей мере, делает употребимой, заложенную в ней информацию.

Только «Немецкая газета юриста» начиная с 1898 г. (третьего года ее издания) более 30 раз — частично в статьях, частично в рецензиях — опубликовала материалы о русском праве. Их число почти вдвое превосходило количество соответствующих

публикаций в серийном издании «Зал судебного заседания» (18 материалов с 1883 г.) и еще более значительно превышало количество публикаций по русскому праву в специальных журналах по сравнительному правоведению. При этом, очевидно, что Россия как тема для юридической журналистики была открыта относительно поздно. Все корреспонденции и материалы о России в серии «Зал судебного заседания» появились, только начиная с 1883 г. В предшествующих 34 томах Россия не упоминалась. В основанном в 1859 г. «Критическом ежеквартальном журнале по законодательству и юриспруденции» русское право предметно рассматривалось только после возобновления издания журнала в 1878 г. когда в его тематическом 20 томе были помещены соответствующие публикации⁶⁵.

Иначе обстояло дело в эпоху кануна Революции 1848 г. На страницах издаваемого с 1829 г. Миттермайером и Захариа «Критическом журнале по правоведению и иностранному законодательству»⁶⁶ Россия впервые встречается уже очень скоро, спустя всего два года после начала издания, а именно с 1831 г. Это можно объяснить тем, что, употребляя современный термин, в «Editorial Board»* издания состояли обозначенные на титульном листе иностранные члены, которые были «in Verbindung»^{***} с издателями, среди них трое ученых Брёкер, Бунге и Эверс были из России — все из Дерпта.

Однако «Критический журнал по правоведению и иностранному законодательству» осознавал и разъяснял читателю насколько слабым, фрагментарным и случайным был достигавший Германии в первой половине XIX в. ручеек информации из России. И, тем не менее, этот журнал, 15 раз обращавшийся к проблемам русского права, принадлежал к тем немногим периодическим изданиям, в которых особенно часто можно было почерпнуть соответствующие сведения. И все же по количеству публикаций о русском праве он занимает только четвертое место после вышеупомянутых журналов.

Однако, если сравнить число информационных материалов по русскому праву на страницах «Критического журнала по правоведению и иностранному законодательству» с публикацией соответствующих материалов по другим странам, то представление об «интенсивности» российской тематики стано-

* Редакционная коллегия (англ.).

** В контакте, поддерживали связь (нем.).

вится сомнительным, а баланс между ними — отрезвляющим⁶⁷. Сообщения из Франции публиковались в 12 раз чаще (187 материалов), из Англии — почти в десять раз (142 материала). Из Италии было опубликовано — 73 материала, из Северной Америки — 58, из Швейцарии — 53, из Нидерландов — 48. Об этих странах можно было прочитать гораздо чаще, чем о России⁶⁸.

Заключение

Немецкая юриспруденция XIX в. располагала основательными знаниями в области русского права, интенсивность их пополнения и распространения в немецкоязычных странах, для которых юридическая литература на немецком языке была общей, независимо от национальных и политических границ, может быть представлена в виде «волнообразно» нарастающей тенденции. Наблюдавшиеся временами всплески интереса к русскому праву вызывались, как правило, теми или иными актуальными событиями, как в сфере самой юриспруденции (в частности, проектами российского законодательства), так и политическими событиями в России или на международной арене, к которым Российская империя была причастна (как то, революции и войны). Напротив, те области и институты русского права, в которых заметных изменений не происходило, не привлекали внимания немецкой общественности и юридической науки, что, в конечном счете, свидетельствует только о слабо выраженном обмене знаниями между немецким и российским правоведением.

Восприятие русского права в немецкоязычных странах было обусловлено наличием ряда специальных предпосылок. Специализация немецких юристов в области русского права чаще всего была обусловлена владением русским языком, однако, немаловажную роль играл также и личный опыт тех или иных юристов, занятых научной, преподавательской работой или практиковавших в юридической области и в России, и в Германии. В некоторых случаях такому взаимодействию и обмену способствовали такие учреждения как Русский институт Римского права Берлинского университета или немецкий Дерптский университет. Однако, такая институционализация не была непременным условием распространения в немецкоязычных странах знаний о русском праве. Немецкое сообщество журна-

листов и издателей, расцвет которого наблюдался на протяжении XIX в., оказывало все возрастающее влияние на восприятие русского права немецкой юриспруденцией.

Перевод с немецкого Бориса Носова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование охватывает XIX век в «широком» смысле, то есть до 1917—1918 гг. Без такого ограничения временных рамок, включая и допетровское время, имеются близкие по тематике публикации в Западной Европе и Америке. См.: *Pavlova I.P.* The History of Law and Judicial Proceeding of Pre-Petrine Russia in the Publications of Western European and American Historians (a review article) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Ser. 4. 2009. Nr. 2. P. 538 etc.

² См., например: *Rudokvas A., Kartsou A.* The development of Civil Law Doctrine in Imperial Russia Under the Aspect of Legal Transplants (1800—1917) // Rechtswissenschaft in Osteuropa. Studien zum 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. von Zoran Pokrovac. (=Studien zur europäischen Rechtsgeschichte 248). Frankfurt/Main, 2010. S. 291 etc.; *Kolbinger F.* Im Schleppeil Europas? Das russische Seminar für römisches Recht bei der juristischen Fakultät der Universität Berlin in den Jahren 1887—1896 (=Studien zur europäischen Rechtsgeschichte 173). Frankfurt/Main, 2004.

³ По поводу упомянутых этапов для стран Центральной Европы см.: *Hattenbauer H.* Europäische Rechtsgeschichte (4. Auflage) Heidelberg, 2004. S. 541 etc., 615 etc., 687 etc.; *Brauneder W.* Österreichische Verfassungsgeschichte (11. Auflage) Wien, 2009. S. 79 etc., 112 etc., 134 etc.; *Schlosser H.* Grundzüge der Neueren Privatrechtsgeschichte (10. Auflage) Heidelberg, 2005. S. 111 etc. [кодификация законодательства в рамках естественного права], S. 143 etc. [Историческая кола права], S. 170 etc. [Австрийское гражданское уложение], S. 207 etc. [Швейцарский гражданский кодекс]; *Rüping H., Jeruschek G.* Grundriss der Strafrechtsgeschichte (5. Auflage). München, 2007. S. 89 etc. О правовой системе России см.: *Reich N.* Russland // Handbuch der Quellen und Literatur der neueren europäischen Privatrechtsgeschichte / Hrsg. von: H. Coing. München, 1982. Bd. 3. Tl. 2. S. 2281 etc.; *Silnizki M.* Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland. Jurisprudencija an den Universitäten des Russischen Reiches 1700—1835 (=Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte 97). Frankfurt/Main, 1997; *Krjukova S.* Zwischen Archaik und Moderne — Strategie und Taktik des russischen Absolutismus im 19. Jahrhundert // Modernisierung durch Transfer im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. von T. Giaro (=Studien zur europäischen Rechtsgeschichte 205). Frankfurt/Main, 2006. S. 145 etc.; *Rudokvas A., Kartsou A.* Op. cit. S. 291 etc.

⁴ *Rüping H., Jerouschek G.* Op. cit. S. 92.

⁵ *Stubenrauch M.* Bibliotheca juridica Austriaca. Verzeichnis der von den ältesten Zeiten bis zum Schlusse des Jahres 1846 in Österreich (außer Ungarn und Siebenbürgen) erschienenen Druckschriften und der in den österreichischen juridischen Zeitschriften enthaltenen Aufsätze aus allen Theilen der Rechtsgelehrsamkeit. Wien, 1847; Bibliotheca iuridica. Handbuch der gesamten juristischen und staatswissenschaftlichen Literatur. Eine Zusammenstellung aller auf dem Gebiete der Rechts- und Staatswissenschaften 1750—1876 in Deutschland und den benachbarten Staaten erschienenen Schriften / Hrsg von T.C. Enslin, W. Engelmann, G.W. Wuttig, L. Roßberg. [Hauptband 1750—1839, 3 Supplemente: 1839—1848, 1849—1867, 1867—1876]. Leipzig, 1840 (2. Auflage), Supplemente Leipzig, 1849, 1867, 1877; Новейшее переиздание — Aalen, 1968.

⁶ *Kubadinow I.* Die Österreichische Nationalbibliothek. München, 2004, S. 7 etc.; *Jaksch. W., Fischer E., Kroller F.* Österreichischer Bibliotheksbau. Bd. 1 Von der Gotik bis zur Moderne. Graz, 1992. S. 41 etc; <http://onb.ac.at/about/geschichte.html>.

⁷ http://bibliothek.univie.ac.at/wir_ueber_uns.html; *Jaksch. W., Fischer E., Kroller F.* Op. cit. S. 115 etc.

⁸ <http://staatsbibliothek-berlin.de/ueber-uns/profil.html>.

⁹ Max-Planck-Gesellschaft. Berichte und Mitteilungen. 1991. Nr. 5. Frankfurt/Main, 1991.

¹⁰ <http://dlib-zs.mpiet.mpg.de>. Выходившие в Российской империи в XIX в. специальные юридические издания не вошли в эту базу данных, если же какие-либо сочинения были опубликованы в России на немецком языке, то они могли быть включены в нее для количественного анализа (в венских собраниях такие российские публикации не могли быть выявлены определенно). Об этом смотрите также далее.

¹¹ <http://dlib-pr.mpiet.mpg.de>. Из-за того, что в этом собрании материалов главное внимание уделено истории гражданского права, возможно возникновение некоторого искажения в соотношении между отраслями права. Подробнее об этом см. в разделе IV.

¹² О Карле Самуэле Грюнхуте см.: *Grünhut Carl Samuel // Österreichisches Biographisches Lexikon.* Bd. 2. Graz-Köln, 1959. S. 90 etc.; *Demelius H., Grünhut Carl Samuel // Neue Deutsche Biographie.* Bd. 7. Berlin, 1966. S. 199.

¹³ <http://preserve.harvard.edu/cataloging/hollis.html>

¹⁴ *Leuthold C.E.* Russische Rechtskunde. Systematische Darstellung des in Rußland geltenden Privat- Handels- und Strafrechts, sowie des Processes. Leipzig, 1889.

¹⁵ *Pollitzer F.* Rezension von Leuthold, Russische Rechtskunde / Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart 1891. S. 617. (Журнал издавался С. Грюнхутом)

¹⁶ Согласно вышеупомянутым высказываниям, едва ли стоит придавать слишком большое значение несущественным различиям между последним и предпоследним десятилетиями XIX в.

¹⁷ *Reich N.* Op. cit. S. 2290, 2303.

¹⁸ Russisches Reichsgesetz über Privilegien und Patente auf Erfindungen und Entdeckungen. Berlin, 1877; Neuer Patentgesetzentwurf in Russland // Handelsmuseum. Bd. 11. Wien, 1896; *Pilenko A.* Russland und die Pariser Konvention vom 30. 3. 1883 // Jahrbuch der internationalen Vereinigung für gewerblichen Rechtsschutz 1897; *Koslow.* Das russische Patentgesetz. Riga, 1898; Das neue russische Patentgesetz // Jahrbuch der St. Petersburger Zeitung — Kalender für 1898. SPb., 1898. S. 164 etc.; *Mackenroth A.* Nebengesetze zum schweizerischen Obligationenrecht 1898. Zürich, 1898. S. 301 etc.

¹⁹ *Gareis C.* Über den Entwurf einer Wechselordnung für das Russische Reich // Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart 1883. S. 104 etc.; *Heinsheimer M.* Entwurf einer Wechselordnung für das Russische Reich vom 19(31) Mai 1882 // Archiv für Theorie und Praxis des allgemeinen deutschen Handels- und Wechselrechts 1882. Bd. 42. (NF 17). Karlsruhe, 1882; *Völdernsdorff.* Entwurf einer Wechselordnung für das Russische Reich (Amtliche Uebersetzung, St. Petersburg 1882) // Archiv für Theorie und Praxis des allgemeinen deutschen Handels- und Wechselrechts 1882. Bd. 42. (NF 17). München, 1882. S. 309 etc.; *Idem.* Entwurf einer Wechselordnung für das Russische Reich (Amtliche Uebersetzung, St. Petersburg 1882) // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 1882. Bd. 24. (NF 5). S. 415 etc.; *Renaud A.* Kritik des Entwurfs einer Wechselordnung für das Russische Reich // Archiv für Theorie und Praxis des allgemeinen deutschen Handels- und Wechselrechts 1883. Bd. 43. (NF 18) S. 1 etc.; *Wächter O.* Das Wechselrecht des deutschen Reichs mit eingehender Berücksichtigung der neuen Gesetzgebungen von Österreich-Ungarn, Belgien, Dänemark, Schweden und Norwegen, Italien, der Schweiz, England und Russland. Stuttgart, 1883; von *Barazetti C.* Rezension zu *Wächter O.* Das Wechselrecht des deutschen Reichs... // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 1884. Bd. 26. (NF 7). S. 84 etc.; *Canstein R.* Lehrbuch des Wechselrechts. Berlin, 1890. S. 483 etc.; *Idem.* Das Wechselrecht sterreichs und die Abweichungen der Wechselrechte Deutschlands, Ungarns, Bosniens und der Herzegowina, der Schweiz, Rußlands, Italiens, Rumäniens, Serbiens, Frankreichs und Englands. Berlin, 1903; *Schrutka.* Rezension zu *Canstein R.* Das Wechselrecht Österreichs und die Abweichungen... // Zeitschrift für deutschen Zivilprozess 1904. Bd. 33. S. 92 etc.; *Lessing G.* Die neue russische Wechselordnung // Sächsisches Archiv für bürgerliches Recht und Prozeß 1903. Bd. 13. S. 273 etc.

²⁰ *Gareis C.* Op cit. S. 104 etc.

²¹ *Ibidem.*

²² *Ibidem.* S. 105.

²³ Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 1882. Bd. 24. (NF 5). S. 415.

²⁴ *Mittermaier*. Das neue russische Strafgesetzbuch // Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes 1847. Bd. 19. S. 267 etc. *Osenbrüggen E.* Bericht über das neue russische Strafgesetzbuch // Ibidem. 1848. Bd. 20. S. 22 etc. *Gretener X.* Strafgesetzbuch für Rußland. Allgemeiner Theil. Erläuterungen zum Entwurfe der Redactionscommission. SPb.-Berlin, 1882. [Harvard Pre-Soviet law preservation microfilm project 3843]; Strafgesetzbuch für Rußland. Entwurf der Redactionscommission / Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Gretener. SPb., 1882; *Geyer A.* Rezension zu Strafgesetzbuch für Rußland. Entwurf... // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft 1883. Bd. 25. (NF. 6) S. 295 etc.; *Schütze Th.R.* Zur Kritik des Entwurfs eines St.G.B.'s für Rußland (Allgemeiner Theil) // Der Gerichtssaal 1883. Bd. 35. S. 69 etc.; Der Entwurf eines St.G.B.'s für Rußland. Von Professor Dr. A. Geyer zu München. (In v. Liszt und v. Lilienthal's Zeitschrift Bd. III S. 598 fg., Bd. IV S. 185 fg.) // Der Gerichtssaal 1884. Bd. 36. S. 479 etc.; *Gretener X.* Strafgesetzbuch für Russland. Besonderer Theil: Verbrechen gegen die Person. Entwurf der Redaktionscommission. Berlin, 1885.; *Schütze Th.R.* Zur Kritik des Entwurfs eines St.G.B.'s für Rußland (Besonderer Theil) // Der Gerichtssaal. 1886. Bd. 38. S. 106 etc.; *Gretener X.* Strafgesetzbuch für Russland, Lieferung 3. Besonderer Theil: Angriffe auf die Vermögensordnung. Berlin, 1888; *Thuemel C.* Studien aus dem System des russischen St.G.B.'s. // Der Gerichtssaal. 1891. S. 321 etc.; *Gretener X.* Der russische Strafgesetzentwurf // Ibidem. 1895. Bd. 51. S. 464 etc.; *Idem.* Die Religionsverbrechen im Strafgesetzbuch für Russland vom Jahre 1903 // Festgabe für Felix Dahn. Breslau, 1905. Bd. 3. S. 101 etc/ [Harvard Pre-Soviet law preservation microfilm project 660]; *Loewenstimm* Das neue russische Strafgesetzbuch // Deutsche Juristen-Zeitung. 1907. Bd. 12. S. 159 etc.; *Kleinfeller II.* Das Verbrechen des Hochverrats im russischen Strafrecht // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1909. Bd. 12. S. 417 etc.; *Wachsmann K.* Das neue russische Strafgesetzbuch vom 22. März 1903 in der sich aus den Strafrechtsverordnungen im Verwaltungsgebiet Ober-Ost ergebenden Fassung. Berlin, 1918.

²⁵ Ueber die neueste Criminalstatistik in Russland // Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. 1837. Bd. 9. S. 341 etc. (В связи с сообщением, опубликованным в России в 1835 г.); *Buss.* Ueber die neueste Criminalstatistik von Russland, nach den Rechenschaftsberichten des Justizministeriums von 1835—1838 // Ibidem. 1840. Bd. 12. S. 27 etc.; *Jakubowski L.* Die neueste Kriminalstatistik in Russland von 1833—1839: Nach dem Rechenschaftsberichte des Justizministeriums von 1839 // Ibidem. 1842. Bd. 14. S. 1 etc.; Die neueste Criminalstatistik in Russland von dem Jahre 1842: Auszug aus dem Rechenschaftsberichte des Justizministeriums vom Jahre 1842 // Ibidem. 1846. Bd. 18. S. 118 etc.

²⁶ *Gräber M.* Der vierte internationale Gefängnißcongreß in St. Petersburg und das Gefängnißwesen in Rußland. Bericht an die 62.

Generalversammlung der Rheinisch-westphälischen Gefängnißgesellschaft. Düsseldorf, 1890; *Fuld*. Rezension zu *Gräber M.* Der vierte internationale Gefängnißcongreß... // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1891. Bd. 33. (NF 14). S. 472 etc.

²⁷ *Geyer A.* Rezension zu Strafgesetzbuch für Rußland. Entwurf... // *Ibidem*. 1883. Bd. 25. (NF 6) S. 298.

²⁸ *Bornhak C.* Russland und Finnland: Ein Beitrag zu der Lehre von den Staatenverbindungen. Leipzig, 1900; Rezension zu *Bornhak C.* Russland und Finnland... // *Der Gerichtssaal*. 1901. Bd. 58. S. 240 etc.; *Rehm*. Finnland und Russland // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1900. Bd. 5. S. 465; *Danielson J.R.* Finnlands Vereinigung mit dem russischen Reiche. Uebersetzung der zweiten Auflage des schwedischen Originals. Leipzig, 1891; Rezension zu *Danielson J.R.* Finnlands Vereinigung... // *Der Gerichtssaal*. 1901. Bd. 58. S. 478 etc.; *Iermanson*. Finnland und Russland // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1901. Bd. 6. S. 46.

²⁹ *Palme A.* Russische Verfassung. Berlin, 1910; *Seeler C.W.* Rezension zu *Palme A.* Russische Verfassung // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1911. Bd. 16. S. 227. etc.; *Korkunov N.M.* Das russische Staatsrecht. Berlin, 1911; *Gribowski W.* Das Staatsrecht des Russischen Reiches. Tübingen, 1912; *Seidler G.* Rezensionen zu *Gribowski W.* Das Staatsrecht des Russischen Reiches // *Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart*. 1912. Bd. 39. S. 736 etc.; *Erich*. Rezensionen zu *Gribowski W.* Das Staatsrecht des Russischen Reiches // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1913. Bd. 18. S. 651 etc.

³⁰ *Hirsch*. Der Streit um Korea und der Krieg zwischen Japan und Russland // *Ibidem*. 1904. Bd. 9. S. 445 etc.; *Niemeyer*. Die Beschiessung englischer Fischerboote durch russische Kriegsschiffe in völkerrechtlicher Beleuchtung // *Ibidem*. S. 1049 etc.; *Siebr*. Der Angriff der Japaner gegen Russland im Lichte des Völkerrechts // *Ibidem*. S. 281 etc.; *Niemeyer*. Das Völkerrecht und der russisch-japanische Krieg // *Ibidem*. 1905. Bd. 10. S. 37 etc.

³¹ Например, сравните: *Seeler C.W.* Der Entwurf des russischen Zivilgesetzbuchs. Berlin, 1911; *Freytagb-Loringhoven A.* Rezensionen zu *Seeler W.* Der Entwurf des russischen Zivilgesetzbuchs // *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*. 1912. (3. Folge) Bd. 14. S. 369 etc. Рецензию на тот же труд опубликовал Соколовский в *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1912. Bd. 17. S. 1193 etc.; *Freytagb-Loringhoven A.* Reform des russischen Zivilrechts // *Ibidem*. 1913. Bd. 18. S. 63 etc.; *Rosenberg*. Das System des russischen Zivilrechts // *Ibidem*. 1918. Bd. 23. S. 601 etc.

³² *Leuthold C.E.* Russische Rechtskunde. Systematische Darstellung des in Russland geltenden Privat-, Handels- und Strafrechts, sowie des Prozesses. Leipzig, 1889; *Russisches Bürgerliches Gesetzbuch* // *Deutsche Juristen-Zeitung*. 1901. Bd. 6. S. 379; *Klibanski*. Codex des Civilrechts (Russisches Civilgesetzbuch). Berlin, 1902; *Krückmann P.* Unmöglichkeit und

Unmöglichkeitprozeß. Zugleich eine Kritik der Entwürfe Rußlands, Ungarns und der Schweiz. Tübingen, 1907; *Nußbaum A.* Rezension zu *Krückmann P.* Unmöglichkeit... // Zeitschrift für deutschen Zivilprozess. 1908. Bd. 37. S. 327 etc.; *Gebhard R.* Russisches Familien- und Erbrecht. Berlin, 1910.

³³ *Thiesing.* Fürsorge des Vormundschaftsrichters für uneheliche Kinder russischer Staatsangehörigkeit // Deutsche Juristen-Zeitung. 1908. Bd. 13. S. 355 etc.; *Neubecker F.K.* Die Erwerbsfähigkeit der Kinder nach russischem Recht (in Vergleich zum deutschen Recht) // Archiv für bürgerliches Recht. 1908. Bd. 32. S. 375 etc.; *Idem.* Russisch-polnisch-jüdisches Ehegüterrecht // Ibidem. 1911. Bd. 36. S. 300 etc.; *Rundstein S.* Russisch-polnisch-jüdisches Ehegüterrecht: Eine Berichtigung // Ibidem. 1912. Bd. 37. S. 165 etc.; *Neubecker F.K.* Russisch-polnisch-jüdisches Ehegüterrecht: Eine kurze Antwort auf eine «Berichtigung» // Ibidem. S. 511 etc.; *Rundstein S.* Die Eheverträge deutscher Staatsangehöriger in Russisch-Polen // Deutsche Juristen-Zeitung. 1901. Bd. 6. S. 556; *Neumeyer.* Eheverträge deutscher Staatsangehöriger in Russisch-Polen // Ibidem. 1902. Bd. 7. S. 145.

³⁴ См. прежде всего и до сегодняшнего дня наиболее полное исследование: *Gebhard R.* Russisches Familien- und Erbrecht. Berlin, 1910; *Neubecker F.K.* Rezension zu *Gebhard R.* Russisches Familien- und Erbrecht // Deutsche Juristen-Zeitung, 1911. Bd. 16. S. 1163 etc. — Исключения в вещном праве см., например: *Reutz A.* Die Lehre vom Besitze nach russischem Rechte // Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. 1840. Bd. 12. S. 57 etc., 185 etc.; *Casso L.* Der Satz des Sachsenspiegels von den «essenden Pfändern» in Russland // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung, 1898. S. 140 etc.

³⁵ О Фридрихе Иоганне Якобсене см.: *Jacobsen Friedrich Johann* // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1881. Bd. 13. S. 617 etc.

³⁶ *Jacobsen F.J.* Seerecht des Friedens und des Krieges in Bezug auf die Kauffahrteischiffahrt. Altona, 1815. S. 183 etc., 194 etc., 459 etc., 464 etc., 466 etc., 661 etc., 722 etc.. За несколько лет до этого вышел из печати труд Якобсена: *Jacobsen F.J.* Versuch eines Kommentars zu den russischen Beschwerden über die Beeinträchtigung des russischen Handels durch England. Altona, 1808.

³⁷ О Фридрихе Карле Нойбекере см.: <http://www.ipr.uni-heidelberg.de/cms/index.php?action=content&task=view&contentid=46&menuid=17> (Geschichte und Chronik des Instituts für ausländisches und internationales Privat- und Wirtschaftsrecht; *Schroeder K.P.* «Eine Universität für Juristen und von Juristen». Die Heidelberger Juristische Fakultät im 19. und 20. Jahrhundert. Tübingen, 2010. S. 417 etc.; *Heinsheimer.* [Friedrich Karl Neubecker] // Deutsche Juristenzeitung. 1924. S. 128 etc. — Публикации Нойбекера: *Neubecker F.K.* Russisch-polnisch-jüdisches Ehegüterrecht // Archiv für bürgerliches Recht. 1911. Bd. 36. S. 300 etc.; *Idem.* Russisch-polnisch-jüdisches Ehegüterrecht: Eine kurze Antwort auf eine «Berichtigung» // Archiv für bürgerliches Recht. 1912. Bd. 37. S. 511 etc.;

Idem. Rezension zu *Freytagh-Loringhoven A.* Der Eintritt des Erben in die Verbindlichkeiten und Forderungsrechte des Erblassers nach dem Rechte der Ostseeprovinzen 1905 // *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft* 1911. (3 Folge). Bd. 13. S. 280; *Idem.* Rezension zu *Gebbard R.* Russisches Familien- und Erbrecht (Berlin, 1910) // *Deutsche Juristen-Zeitung*, 1911. Bd. 16.S. 1163 etc.; *Neubecker FK.* Russisches Recht. Vormundschaftsrecht, Patentlizenz, Rücktritt, Vertragsstrafe // *Zeitschrift für Vergleichende Rechtswissenschaft*. 1908. Bd. 21; *Idem.* Die Erwerbsfähigkeit der Kinder nach russischem Recht (in Vergleich mit deutschem Recht) // *Archiv für bürgerliches Recht*. 1908. Bd. 32. S. 375 etc.

³⁸ *Neubecker FK.* Rezension zu *Gebbard R.* Russisches Familien- und Erbrecht (Berlin, 1910) // *Deutsche Juristen-Zeitung*, 1911. Bd. 16.S. 1163.

³⁹ *Ibidem.* Rezension zu *Freytagh-Loringhoven A.* Der Eintritt des Erben in die Verbindlichkeiten und Forderungsrechte des Erblassers nach dem Rechte der Ostseeprovinzen (1905) // *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*. 1911. (3. Folge) Bd. 13. S. 280.

⁴⁰ *Kobl G.* The Knowledge about Chinese Law in Central Europe – the Austrian Example. Development and Change // *Proceedings of the International Symposium on Cultural Dimensions in Communication between China and European Union* / Hrsg. von Yang Yu. (2000). В печати.

⁴¹ См. новейшие публикации о правоведении в Прибалтийских провинциях Российской империи: *Luts M.* Modernisierung und deren Hemmnisse in den Ostseeprovinzen Est-, Liv- und Kurland im 19. Jahrhundert // (Hrsg.), *Modernisierung durch Transfer* im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. von T. Giaro (=Studien zur europäischen Rechtsgeschichte. 205). Frankfurt/Main, 2006. S. 159 etc.; *Ibidem.* Die juristischen Zeitschriften der baltischen Ostseeprovinzen Russlands im 19. Jahrhundert: Medien der Verwissenschaftlichung der lokalen deutschen Partikularrechte // *Juristische Zeitschriften in Europa* / Hrsg. von M. Stolleis, T. Simon. Frankfurt/Main, 2006. S. 67 etc.; *Luts-Sootak M.* Die baltische Privatrechtswissenschaft im 19. Jahrhundert zwischen deutscher Rechtswissenschaft und russischer Politik // *Rechtswissenschaft in Osteuropa. Studien zum 19. und frühen 20. Jahrhundert* / Hrsg. von Z. Pokrovac. (=Studien zur europäischen Rechtsgeschichte. 248). Frankfurt/Main, 2010. S. 165 etc.

⁴² Александр фон Ройтц (1799—1862) в 1821 г. опубликовал труд «Опыт историко-догматического изложения русского опекунского права» («Versuch einer historisch-dogmatischen Darstellung des russischen Vormundschaftsrechts»), который с дополнениями вышел в 1825 г. под заглавием «Опыт исторического развития основ русского опекунского права». За него Ройтц был удостоен «in absentia» степени доктора права Тюбингенского университета. В 1825 г. Он экстраординарный профессор русского права в Дерпте. Там он публикует в 1829 г. «Опыт обобщенного изложения русского государственного строя и системы права» («Versuch über die geschichtliche Auffassung der russischen Staats-

und Rechtsverfassung»), сначала на немецком языке, а в дальнейшем — в версии на русском языке. С 1830 г. он ординарный профессор. В этот период Ройтц неоднократно предпринимал путешествия в Богемию и в славянские земли Австрийской монархии с целью сбора источников по истории права славянских народов. Ройтц также занимал должность инспектора Императорского училища правоведения в Санкт-Петербурге.

См. также: *Buchholtz A. Reutz Alexander* // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1889. Bd. 28. S. 334 etc. В электронной интернет-версии: http://www.deutsche-biographie.de/artikelADB_pnd116457090.html; *Silnizki M. Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland. Jurisprudencija an den Universitäten des Russischen Reiches 1700—1835.* (=Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte 97). Frankfurt/Main, 1997. S. 415 etc. — Публикации Александра фон Ройтца: *Reutz A. Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung.* Mitau, 1829; *Idem. Ueber Gewohnheitsrecht und Codification in Russland* // Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. 1833. Bd. 105 etc.; *Idem. Die Lehre vom Besitze nach russischem Rechte* // Ibidem. 1840. Bd. 12. S. 57 etc., 185 etc.

⁴³ Историк права Эвальд Сигизмунд Тобин (1811—1860) в 1834—1837 гг. учился в Дерптском университете, где по окончании учебы, в 1839 г., получил должность приватдоцента. В том же году Тобину «in absentia» была присуждена степень доктора права Университета в Галле, а на следующий год — магистра права Дерптского университета, в 1844 г. — доктора права в Санкт-Петербурге. В том же году он становится экстраординарным профессором в Дерпте, где с 1845 по 1860 гг. занимает кафедру в качестве ординарного профессора.

См. также: *Luts-Sootak M. Der lange Beginn einer geordneten Juristenausbildung an der deutschen Universität zu Dorpat (1802-1893)* // Juristenausbildung in Osteuropa bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von: Z. Pokrovac. (=Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte. 225). Frankfurt/Main, 2007. S. 388. — Публикации Э.С. Тобина: *Tobien ES, Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands.* Dorpat, Leipzig, 1845; *Idem. Die ältesten Gerichts-Ordnungen Russlands.* Dorpat, 1846; *Idem. Die Blut-Rache nach altem Russischen Rechte, verglichen mit der Blut-Rache der Israeliten und Araber, der Griechen und Römer und der Germanen.* Dorpat, 1840.

⁴⁴ Йоханнес Энгельман (1832—1912) высшее образование получил в Санкт-Петербурге в 1851—1855 гг. и в дальнейшем работал в аппарате ряда министерств. В 1859 г. он получил степень магистра права, а в 1860 г. — должность доцента в Дерпте. В 1861—1899 гг. Энгельман экстраординарный профессор и профессор Дерптского университета по кафедре Русского права.

См. также: *Luts-Sootak M. Der lange Beginn einer geordneten Juristenausbildung an der deutschen Universität zu Dorpat (1802—*

1893) // Juristenausbildung in Osteuropa bis zum Ersten Weltkrieg... S. 388 etc. Согласно позднейшим оценкам, в частности приведенным Р. Витрамом (*Deutsche Universitäten und Hochschulen im Osten* / Hrsg. von W. Hubatsch. Köln–Opladen, 1964. S. 75), Й. Энгельман «был наиболее выдающимся преподавателем права в Дерпте» и преемником историка русского права Дьяконова. Или, Энгельман «был первым, кто открыл русское право и его историю для Запада». (*Lepsius S. Die mittelalterliche italienische Stadt als «Utopie». Eine Untersuchung am Beispiel von Hermann U. Kantorowicz, Georg Dahm und Woldemar Engelmann* // *Stadt, Gemeinde, Genossenschaft. Festschrift für Gerhard Dilcher zum 70. Geburtstag* / Hrsg. von A. Cordes, J. Rückert, R. Schulze. Berlin, 2003. S. 389 etc., hier S. 394). — Публикации Й. Энгельмана: *Engelmann J. Die Verjährung nach russischem Privatrecht*. Dorpat, 1867; *Idem. Die Leibeigenschaft in Russland*. Leipzig, 1884; *Idem. Die Zwangsvollstreckung auswärtiger richterlicher Urtheile in Russland*. Leipzig, 1884. Рецензию на последний труд опубликовал Франц Кляйн, позже австрийский министр финансов: *Klein F. Rezension zu Engelmann J. Die Zwangsvollstreckung...* // *Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart*. 1886. S. 484.

⁴⁵ О Дерптском университете см. также: *Donnert E. Die Universität Dorpat-Jurév 1802—1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches*. Frankfurt/Main, 2007; *Luts-Sootak M. Der lange Beginn einer geordneten Juristenausbildung an der deutschen Universität zu Dorpat (1802—1893)...* S. 357 etc. (mit Angaben über das Personal S. 386 etc.).

⁴⁶ Подобным же образом, например, было положено начало профессиональной карьере Карла Христиана Леопольда фон Руммеля (1812—1887), позже занимавшего кафедру Остзейского провинциального права в Дерпте. В 1844 г., спустя год после получения должности доцента «с откладом» в Дерптском университете, он был удостоен «in absentia» степени доктора права в Гейдельбергском университете.

См. также: *Luts-Sootak M. Die baltische Privatrechtswissenschaft im 19. Jahrhundert...* S. 199.

⁴⁷ О Фридрихе Георге фон Бунге см.: *Stieda L. Bunge, Friedrich Georg* // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig, 1903. Bd. 47. S. 364 etc.; *Silnizki M. Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland...* S. 416 etc.; *Luts-Sootak M. Die baltische Privatrechtswissenschaft im 19. Jahrhundert...* S. 198 etc.; http://de.wikipedia.org/wiki/Friedrich_Georg_von_Bunge. — Публикации Ф.Г. Бунге: *Bunge F.G. Chronologisches Repertorium der Russischen Gesetze und Verordnungen für Liv-, Esth- und Curland*. Dorpat, 1823; *Idem. Chrestomathie von Quellen des russischen Rechts*. Dorpat, 1826; *Idem. Darstellung des heutigen russischen Handelsrechts, mit Rücksicht auf die deutschen Ostseeprovinzen*. Riga, 1829; *Idem. Geschichtliche Entwicklung der Standesverhältnisse in Liv-, Esth- und Curland bis zum Jahre 1561*. Dorpat, 1838; *Idem. Das curländische*

Privatrecht. Dorpat, 1851; *Idem*. Geschichte des Gerichtswesens und Gerichtsverfahrens in Liv-, Est- und Curland. Reval, 1874.

⁴⁸ О Леопольде Якубовском см. также: http://pl.wikipedia.org/wiki/Leopold_Jakubowski. — Публикации Л. Якубовского: *Jakubowski L.* Das neue russische Civilgesetzbuch // Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. 1842. Bd. 15. S. 95 etc., 211 etc.; *Idem*. Die neueste Kriminalstatistik in Russland von 1833–1839: Nach dem Rechenschaftsberichte des Justizministeriums von 1839 // *Ibidem*. Bd. 14. S. 1 etc.

⁴⁹ Kürschners deutscher Gelehrtenkalender 1925, 1926, 1928/1929, 1931, <http://www.koeblergerhard.de/Rechtsfaecher/schweiz429.htm>; *Reinhardt M.* Berner Romanistik im 19. Jahrhundert // Pio Caroni, Forschungsband Philipp Lotmar (1850–1922). Colloquium zum 150. Geburtstag. Frankfurt/Main, 2003. Bd. (FN 115).

⁵⁰ Публикации Ксаверия Гретнера (Гретенера): *Gretener X.* Reform der Gefängnißverwaltung in Rußland // Der Gerichtssaal. 1898. Bd. 55. S. 235; *Idem*. Der russische Strafgesetzentwurf // *Ibidem*. 1895. Bd. 51, S. 464 etc.; *Idem*. Das Strafgesetzbuch für Rußland vom Jahre 1903 // *Ibidem*. 1906. Bd. 67. S. 1–119 (!); *Idem*. Justizreform in Rußland // *Ibidem*. 1897. Bd. 54. S. 45 etc.; *Idem*. Die Religionsverbrechen im Strafgesetzbuch für Russland vom Jahre 1903 // Festgabe für Felix Dahn III. Breslau, 1905. S. 101 etc.; *Idem*. Strafgesetzbuch für Rußland. Allgemeiner Theil: Erläuterungen zum Entwurfe der Redactionscommission. SPb., Berlin, 1882; *Idem*. Strafgesetzbuch für Russland. Besonderer Theil: Verbrechen gegen die Person, Entwurf der Redaktionskommission. Berlin, 1885; *Idem*. Strafgesetzbuch für Russland, Lieferung 3. Besonderer Theil: Angriffe auf die Vermögensordnung. Berlin, 1888; *Idem*. Die Zurechnungsfähigkeit als Gesetzgebungsfrage, mit besonderer Rücksicht auf den schweizerischen und russischen Strafgesetzentwurf. Berlin, 1897.

⁵¹ Об Эрнсте Эмиле Павле Соколовском см.: *Kolbinger F.* Im Schleppeil Europas? Das russische Seminar für römisches Recht bei der juristischen Fakultät der Universität Berlin in den Jahren 1887–1896. (= Studien zur europäischen Rechtsgeschichte. 173). Frankfurt/Main, 2004. S. 71 etc., 145 etc., 157 etc. — Публикации Э.П. Соколовского: *Sokolowski P.* Die Mandatsbürgschaft nach römischem und gemeinem Recht, unter Berücksichtigung des Entwurfes eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Halle, 1891; *Ibidem*. Rezension zu *Seeler C.W.* Der Entwurf des russischen Zivilgesetzbuchs // Deutsche Juristen-Zeitung. 1912. Bd. 17. S. 1193 etc.

⁵² О работе Э.П. Соколовского в московской адвокатской канторе см.: *Hasselblatt A, Otto G.* Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889. S. 757; См. также: http://daten.digital-sammlungen.de/bsb00000433/image_765

⁵³ О Карле Вильгельме фон Зеелере см. также: *Kolbinger F.* Im Schleppeil Europas? Das russische Seminar... S. 71 etc., 145 etc., 155. — He-

которые публикации К.В. Зеелера: *Seeler C.W.* Der Entwurf eines russischen Obligationenrechts // Deutsche Juristen-Zeitung. 1899. Bd. 4. S. 451; *Idem.* Rezension zu *Palme*. Russische Verfassung // Ibidem. 1911, Bd. 16. S. 227 etc.; *Idem.* Der Entwurf des russischen Zivilgesetzbuchs. Berlin, 1911.

⁵⁴ *Kolbinger F.* Im Schleppeil Europas? Das russische Seminar... S. 72 etc.; *Kartsov A.S.* Das Russische Seminar für römisches Recht an der juristischen Fakultät der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin // Juristenausbildung in Osteuropa bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Z. Pokrovac. (=Studien zur Europäischen Rechtsgeschichte. 225). Frankfurt/Main, 2007. S. 317 etc.

⁵⁵ Аксель фон Фрейтаг-Лорингховен, о нем см.: *Sethe O.* Neue Deutsche Biographie. Berlin, 1961. Bd. 5. S. 429 etc.; http://de.wikipedia.org/wiki/Axel_von_Freytag-Loringhoven. — Некоторые публикации А. Фрейтаг-Лорингховена: *Freytag-Loringhoven A.* Ein deutscher Rechtsgedanke in Rußland // Deutsche Juristen-Zeitung. 1914. Bd. 19. S. 59 etc.; *Idem.* Rezension zu *Klibanski*. Russisches Zivilrecht // Ibidem. 1912. Bd. 17. S. 1477 etc.; *Idem.* Reform des russischen Zivilrechts // Ibidem. 1913. Bd. 18. S. 63 etc.; *Idem.* Brief aus Rußland // Ibidem. 1914. Bd. 19. S. 289 etc.; *Idem.* Rezension zu *Seeler C.W.* Entwurf des russischen Zivilgesetzbuchs // Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1912. Bd. 50. (3 Folge) 1912, S. 369.

⁵⁶ О Карле (Леопольде Карле) Гётце см.: *Heller W.* Goetz Leopold Karl // Biographisch-bibliographisches Kirchenlexikon. Herzberg, 2000. Bd. 17. S. 475 etc. (http://www.bautz.de/bbkl/g/goetz_l_k.shtml).

⁵⁷ За год до этого Карл Гётц стал экстраординарным профессором Философского факультета Боннского университета для преподавания «философских дисциплин, исходя из потребностей обучающихся лиц старокатолического направления» (für «Philosophische Disziplin mit besonderer Rücksicht auf das Bedürfnis der altkatholischen Studierenden»).

⁵⁸ *Goetz L.K.* Das russische Recht // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. 1910. Bd. 24. S. 241—517 (древнейшая редакция); Ibidem. 1911. Bd. 26. S. 161—426 (вторая редакция); Ibidem. 1912. Bd. 28. S. 1—454 (третья редакция); Ibidem. 1914. Bd. 31. S. 1—222 (третья редакция как памятник литературы и памятник истории права). — Столь же всеохватывающий и содержательный труд был представлен берлинским адвокатом Германом Клибанским: *Klibanski H.O.* Handbuch des gesamten russischen Zivilrechts. Berlin, 1911—1918. Bd. 1—3. См. также: *Idem.* Codex des Civilrechts (Russisches Civilgesetzbuch). Berlin, 1902; *Idem.* Gesetz betreffend die von den Friedensrichtern zu verhängenden Strafen. Berlin, 1915; *Idem.* Das russische Militär-Strafrecht. Berlin, 1913. — После революции 1917 г. в России Г. Клибанский работал над подробным исследованием «Законодательство большевиков». См.: *Klibanski H.O.* Gesetzgebung der Bolschewiki. Berlin, 1920. Новейшее издание этого труда вышло в Берлине под редакцией Юргена Зарушки в 2008 г.

⁵⁹ Другие публикации Л.К. Гётца: *Goetz L.K.* Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands nebst Geschichte des

russischen Kirchenrechts. Stuttgart, 1905; *Idem.* Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.

⁶⁰ Карл Гётц был инициатором и соиздателем в 1910 г. «Журнала по восточноевропейской истории» («Zeitschrift für osteuropäische Geschichte»); действительным членом Императорского общества истории и древностей российских с 1913 г.; членом Общества любителей древней письменности (Санкт-Петербург); членом Исторической секции, основанной в 1918 г. в Киеве Украинской академией наук, а также почетным членом Археологического института Николая II (Москва).

⁶¹ О юридических журналах см.: *Juristische Zeitschriften. Die neuen Medien des 18.—20. Jahrhunderts* / Hrsg. von M. Stolleis. (=Ius Commune Sonderhefte 128). Frankfurt/Main, 1999; *Juristische Zeitschriften in Europa* / Hrsg. von M. Stolleis, T. Simon. (=Studien zur europäischen Rechtsgeschichte 214). Frankfurt/Main, 2006.

⁶² *Jahrbuch für Rechtsgelehrte in Russland* / Hrsg. von Bröcker. 1822—1824. 2 Bände; *Theoretisch-practische Erörterungen aus den in Liv-, Esth- und Kurland geltenden Rechten* / Hrsg. von Madai und Bunge. 1939—1853. 5 Bände; *Zeitschrift für Rechtswissenschaft*. Dorpat: Juristenfakultät zu Dorpat, 1868—1892. 11 Bände; *Dorpater juristische Studien* / Hrsg. von Engelmann, Erdmann, Rohland. 1893—1896. 4 Bände. Об этом см.: *Luts M.* Die juristischen Zeitschriften der baltischen Ostseeprovinzen Russlands im 19. Jahrhundert: Medien der Verwissenschaftlichung der lokalen deutschen Partikularrechte // *Juristische Zeitschriften in Europa* / Hrsg. von Stolleis M., Simon T. (=Studien zur europäischen Rechtsgeschichte 214). Frankfurt/Main, 2006. S.67 etc.

⁶³ С одной стороны, это было следствием того, что эти издания посвящались партикулярным для немецкой юриспруденции проблемам права остзейских земель, с другой стороны, экземпляры этих журналов только частично имеются в наличии в исследованных библиотеках.

⁶⁴ Так публиковал свои рецензии Нойбекер на труды Фрейтага-Лорингховена, а тот в свою очередь (как и Соколовский) — на работы Зелера. Библиографические ссылки приведены выше.

⁶⁵ *Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft* / unter Mitwirkung von... hrsg. von J. Pözl. München, 1/1859—19/1877; NF 1=20/1878— NF 17=36/1894; 3. Folge 1=37/1895—18=54/1919).

⁶⁶ *Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes* / Hrsg. von Mittermaier und Zachariä. Heidelberg, 1829—1856. Nr. 1—28.

⁶⁷ Mohnhaupt H. *Rechtsvergleichung in Mittermaiers «Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes» (1829—1856)* // *Juristische Zeitschriften. Die neuen Medien des 18.—20. Jahrhunderts* / Hrsg. von M. Stolleis. (=Ius Commune. Sonderhefte 128). Frankfurt/Main, 1999. S. 277 etc.

⁶⁸ *Ibidem.* S. 295.

И.И. ШАРИФЖАНОВ

Казань

Исторические связи Казани с Польшей и Германией (XIX — начало XX вв.)

Исторические связи Казани с Польшей и Германией уходят вглубь веков, первые свидетельства о них относятся к XV-XVI вв., к эпохе Золотой Орды и Казанского ханства, когда Казань была столицей независимого и суверенного государства. Известно, что хан Золотой Орды и основатель Казанского ханства Улут-Мухаммад (ок. 1405—1445) неоднократно выступал союзником монархов из династии Ягеллонов. И позднее польские короли неизменно обращались за военной помощью к татарам. После распада Золотой Орды на территории Польши появились первые татарские поселения. Наиболее знатные татарские роды получили права и привилегии польских дворян и поступили на службу к польскому королю. В 1556 г. Варшавский сейм разрешил татарам строить мечети в польском королевстве, и вскоре мусульманские храмы появились в различных частях страны. Покорение Казанского ханства русским царем Иваном IV и уничтожение его независимости, естественно, привело к ослаблению непосредственной связи Казани и Польши. Отныне эти связи стали частью российской истории или точнее — российско-польских отношений и полностью определялись правительством из Москвы.

Первые поляки в Казани появились в середине XVII в. Неудачное для Речи Посполитой противостояние с московским царем Алексеем Михайловичем закончилось пленением большого числа польской шляхты, часть которой была отправлена в Казань на жительство вместе с женами и детьми. К сожалению, документальные источники об их пребывании в Казани не сохранились. Российская императрица Екатерина II, посетившая Казань в 1767 г., нашла город и Казанский край самым лучшим местом для ссылки польских инсургентов. Неслучайно поэтому Казань

стала именно тем местом, куда были высланы участники Барской конфедерации (1768—1772). В Казань их отправляли отдельными партиями, в результате в городе скопилось несколько тысяч поляков. По воспоминаниям самих ссыльных, в Казани условия для их жизни оказались несравненно лучше, чем в других местах России. Этому они во многом были обязаны казанскому губернатору А.Н. Квашнину-Самарину, проявлявшему искренние чувства уважения и сострадания к ссыльным полякам¹. Среди наиболее известных конфедератов, сосланных в Казань, был граф Морис Бенёвский, впоследствии ставший легендарной личностью. Интересно, что во время восстания Е. Пугачева и осады его отрядами Казани польские ссыльные защищали город в рядах правительственных войск, за что многие из них получили освобождение и даже были награждены российскими орденами.

В XIX в. Казань оставалась одним из главных региональных центров польской ссылки в России. Это было обусловлено рядом причин: прежде всего ее географическим положением в глубине России вдали от Петербурга и Москвы; во-вторых, Казань была крупным губернским городом с развитой инфраструктурой, налаженным хозяйством, мощным полицейским аппаратом и административным управлением, и, наконец, в-третьих, Казань была университетским городом. Открытый в 1804 г. Казанский университет стал научным, педагогическим и культурным центром всей восточной России. Здесь получали высшее образование жители не только Поволжья и Урала, но и Сибири и Дальнего Востока. Для царского правительства он имел особое значение, поскольку служил удобным местом, куда можно было отправлять из западных регионов России всех молодых интеллектуалов, заподозренных в нелояльности к царскому режиму. Не случайно, что после подавления восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг. в Польше численность поляков в Казани значительно возросла. Если в начале XIX в. польское население в Казани и в Казанском крае насчитывало всего лишь несколько сот человек, то к концу века оно увеличилось до 15 тысяч. Социальный состав поляков, проживавших в Казани, не был однородным: его значительную часть составляли студенты университета, присланные из Варшавы, Вильно и других западных городов России; профессора и преподаватели университета и других учебных заведений в Казани; польские военные и предприниматели, а также бывшие чиновники

Королевства (Царства) Польского, уволенные со службы за политическую неблагонадежность. В 1835 г. в Казани был открыт первый католический приход, а спустя двадцать три года построен костел, который играл важную роль в духовной жизни казанских поляков. При нем, в частности, было создано Общество помощи бедным: число жертвователей ежегодно, как правило, составляло около 100 человек, собранные деньги шли на помощь старикам и инвалидам, многодетным семьям и другим малообеспеченным лицам. Эта благотворительность была как бы продолжением традиции материальной взаимовыручки польских ссыльных в России.

Казанский университет был своеобразным центром духовного притяжения польской интеллектуальной элиты: в нем учились немало польских студентов, а на всех факультетах успешно работали польские профессора и преподаватели. Они стояли во главе кафедр и учебных лабораторий, создавали музеи и библиотеки, открывали свои научные школы и направления. Так, на историко-филологическом факультете Ян Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) стал основателем казанской школы сравнительного языкознания, Виктор Григорович (1815—1876) — основателем казанской школы славянских наречий, Юзеф Ковалевский (1801—1878) — основателем единственной в Европе школы монголоведения. На медицинском факультете Эмиль Адамюк (1839—1906) положил начало казанской офтальмологии, Ян Догель (1830—1916) создал в Казани фармакологическую лабораторию, Ливерий Даркшевич (1858—1925) открыл первую в России наркологическую лечебницу, а Николай Ковалевский (1840—1891) стал основателем казанской физиологической школы и первого в России физиологического института. И этот список можно продолжить². Но не только университет гордится именами своих польских профессоров, основателем и первым ректором Казанского ветеринарного института, открытого в 1873 г., был выдающийся польский ученый Петр Зейфман (1823—1903)³.

Особо следует сказать об активном участии поляков в культурной и общественной жизни Казани. При Казанском университете в XIX в. существовало несколько общественных организаций: это Казанское экономическое общество, общество врачей, общество невропатологов и психиатров, общество истории, археологии и этнографии, юридическое общество.

Они не были чисто научными организациями и осуществляли широкую программу просветительской и гуманитарной деятельности. Они объединяли несколько сот активных членов, которые выступали с публичными лекциями перед широкой аудиторией, на литературных вечерах и благотворительных собраниях. Только за 1858—1861 гг. в Казанском университете было прочитано не менее 440 публичных лекций⁴. Во всех этих обществах польские профессора и преподаватели играли ключевую роль. Вот лишь один пример. Казанское экономическое общество относилось к числу первых общественных организаций в Казани, оно было основано в 1839 г. и просуществовало до 1917 г. Заслуга в его создании принадлежала ректору университета Н.И. Лобачевскому (1792—1856), который до конца своей жизни осуществлял общее руководство обществом. После смерти Н.И. Лобачевского фактическим руководителем общества стал профессор технологии в Казанском университете Модест Киттары (1824—1880). Он был сыном польского ссыльного на Урале, после успешного окончания Казанского университета защитил докторскую диссертацию и стал университетским профессором. Его отличала необыкновенная общественная активность: именно благодаря его стараниям Казанское экономическое общество превратилось в авторитетный общественный институт с широкими связями с местной промышленностью и торговлей. После посещения Всемирной промышленной выставки в Лондоне в 1851 г. М. Киттары в следующем году организовал и провел первую в Казани сельскохозяйственную выставку. В Казани он был зачинателем целого ряда новых промышленных производств, руководителем широкой программы технического перевооружения местной промышленности. Благодаря своей настойчивости и своим связям он привлекал местных фабрикантов и заводчиков к активной гуманитарной деятельности и благотворительности. Вместе с тем профессор сам выступал с многочисленными публичными лекциями и статьями в журналах и газетах, поднимая в них злободневные вопросы развития края. Отмечая необыкновенную активность М. Киттары, профессор Казанского университета М.К. Корбут писал в своей истории университета: «Имя Киттары чаще, чем имя кого бы то ни было из других профессоров Казанского университета, постоянно встречалось в издававшихся тогда в России журналах и газетах»⁵.

Размах общественной активности поляков в Казани в XIX в. был исключительным явлением по сравнению с другими российскими городами. Именно они, как правило, выступали инициаторами создания различных общественных организаций, становились их членами—учредителями, возглавляли их или входили в их правления, направляли их практическую деятельность. Причем некоторые из них — самые активные — не ограничивали свое участие лишь одним обществом, а входили в правления сразу нескольких общественных организаций. Так, профессор Казанского университета Николай Засецкий (1855—1917) был председателем правления общества помощи нуждающимся ученикам Казанской фельдшерской школы и заместителем председателя правления благотворительного фонда при больнице Казанского губернского земства; профессор медицинского факультета Казанского университета Николай Высоцкий (1843—1922) был председателем комитета общества помощи бедным студентам университета и одновременно членом правления общества Красного Креста, попечительской школы детского трудолюбия и даже председателем совета добровольного пожарного общества и членом правления Казанского общества спасения на водах. Он был незаурядный человек: трудно даже перечислить те области социальной жизни Казани, которыми бы он не занимался. Помимо уже названных, ему принадлежала заслуга в создании при университете в 1900 г. бактериологического института, бесменным директором которого он был в течение 20 лет. Активный пропагандист борьбы с эпидемическими заболеваниями, он выступил организатором и председателем первого съезда в Казани по борьбе с дифтерией. В период русско-японской войны 1904—1905 гг. его избрали председателем комитета Красного Креста при университете. Но медицина не была единственной сферой его деятельности, он активно занимался краеведением, был членом—учредителем общества истории, археологии и этнографии, печатался в «Известиях» этого общества и принимал участие в создании при нем музея. Лично сам собрал богатую коллекцию редких вещей, которая экспонировалась на научно-промышленных выставках. Он также входил в состав комиссии по организации Казанского городского музея и был одним из директоров попечительского комитета о тюрьмах.

Поляки также активно участвовали во всех видах благотворительной деятельности в Казани. Филантропия как обществен-

ное движение в Казани в XIX в. развивалась медленно и лишь к концу века она достигла впечатляющих масштабов. Так, в 1870 г. в городе насчитывалось всего лишь семь благотворительных обществ, в 1880 г. — 9, в 1890 г. — 20, а в 1900 г. — свыше 30. Немалая заслуга в этом принадлежала полякам. Они не только были членами различных фондов помощи нуждающимся, но и сами вносили, и порой очень крупные, суммы денег в период войн и стихийных бедствий.

Таким образом, несмотря на все трудности, связанные с пребыванием вдали от родины, Казань в XIX в. для многих поляков стала тем местом, где они смогли реализовать свои творческие возможности и достичь замечательных успехов.

В XX в. революционные потрясения, вызванные Первой мировой войной кардинально изменили исторические судьбы и России, и Польши. Польша приобрела независимость, а Россия пережила две революции, гражданскую войну, голод в Поволжье и экономическую разруху. Все эти факторы сыграли решающую роль в судьбе поляков в Казани. В 1920-е гг. целыми эшелонами они стали покидать город, уезжая на родину, некоторые из них еще в годы гражданской войны присоединились к белой армии и отправились на восток страны, другие самостоятельно выехали на юг России. Таким образом, численность поляков, проживавших в Казани, резко сократилась, а для тех, кто остались в городе, связи с Польшей на долгие годы были утрачены.

Лишь после Второй мировой войны постепенно восстанавливается сотрудничество России и Польши, и Казань вновь начала принимать польских посланцев. В 1950—1960-е годы в высших учебных заведениях города училось достаточно много поляков, некоторые из них после возвращения на родину стали видными учеными, творческими и общественными деятелями. Особо активно и плодотворно связи Казани и Польши развивались в 1980—1990-е гг., когда было образовано местное отделение Общества российско-польской дружбы, установлено сотрудничество с Ломжинским воеводством, официально прошли Дни дружбы Польши и Татарстана и обе стороны обменялись визитами на самом высоком уровне. Ряд соглашений был подписан в торгово-экономической, научно-технической и культурной областях. В эти же годы заметно оживились контакты в гуманитарной сфере. В казанской школе-лицее № 5 (директор Г.Ф. Волкова) открылись классы польского языка, здесь же было создано общество

«Biały Orzeł» («Белый Орел») для пропаганды польской культуры в городе и республике. Председатель Общества Г.Ф. Волкова в 1999 г. за заслуги перед Польшей была награждена польским орденом «Золотой Крест». Ученые Казанского университета также активно участвовали в совместной научной и педагогической деятельности со своими польскими коллегами. В 1984—1988 гг. профессор университета Э.А. Балалыкина возглавляла Институт русского языка им. А.С. Пушкина в Варшаве и была награждена медалью Министерства образования Польши за вклад в дело польского просвещения. Историки университета в 1992 и 1997 гг. провели две научные конференции с Польской академией наук и различными университетами Польши, посвященные польской ссылке в России в XIX—XX вв. Обе конференции получили самую высокую оценку в Польше, особо отмечались «сердечность и истинно «старопольское» гостеприимство», с которыми польские участники были встречены в Казани⁶. Материалы обеих конференций были опубликованы в Варшаве и в Казани⁷.

В настоящее время связи Казани и Польши продолжают расширяться, получая новый импульс вследствие развития единого европейского пространства. В Казани немало жителей, имеющих польские корни. Глубокие исторические традиции связаны и с татарами, живущими в Польше. Примечательным событием в декабре 2010 г. стало открытие в Гданьске памятника, символизирующему эту связь Татарстана и Польши. Выступая на открытии с приветствием, президент Польши Бронислав Коморовский, в частности, сказал: «Памятник, который мы сегодня открываем, — это подтверждение нашей памяти и дань почтения татарам за последние 600 лет <...>. Сюда может прийти каждый взглянуть на татарина и подумать, что это прекрасная история, которая с нами, поляками, приключилась». Ответной реакцией было выдвинутое 6 июня 2011 г. автором настоящей статьи предложение открыть памятник поляку в университете Казани. Оно прозвучало в докладе на российско-польской научной конференции в Казанском университете «Polonia в Казани и в Волго-Урале в XIX—XX вв.» и было поддержано как польскими, так и российскими участниками конференции, в том числе и чрезвычайным и полномочным послом Польши в России Войцехом Зайончковским.

Как и в случае с Польшей, связи Казани с Германией носят исторический характер и уходят в далекое прошлое. Еще в 1520 г.

немецкий дипломат Сигизмунд фон Герберштейн, известный своим сочинением о Московии⁸, посетил Казанское ханство. «Записки» Герберштейна о Казани — это первое свидетельство европейца, посетившего столицу Казанского ханства. Его впечатления о татарах были весьма благоприятные. Он писал, что они «образованнее других» и «занимаются разнообразной торговлей». *Сто лет спустя, состоялось путешествие немецкого посольства в Персию по Волге.* Секретарь посольства ученый Адам Олеарий описал Казань в книге, опубликованной в 1647 г. Она была одним из самых точных и обстоятельных свидетельств европейцев того времени. В ней была помещена гравюра Казани, которая до сих пор остается самой загадочной и до конца не расшифрованной. На рисунке изображена ханская столица с мечетями, дворцом, усыпальницами, банями. Гравюра не имеет ничего общего с подлинным обликом Казани того времени и была призвана создать фантастический образ восточной столицы и пробудить интерес на Западе к экзотике Востока.

В 1763 г. Екатерина II издала манифест, предоставивший права иностранцам осваивать Поволжье, в результате в 1764—1768 гг. на Волгу переселились 15 тыс. семей и было создано 107 немецких колоний. В Казани немцы развивали ремесла, торговлю, фабричное производство. Наиболее знаменитыми личностями Казани екатерининской эпохи были два немца — губернатор города фон Брандт и директор Казанской гимназии Юлий фон Каниц. Во время посещения Казани Екатериной II гимназия давала для нее специальное театральное представление, которым императрица осталась очень довольна. Оба немца — и фон Брандт, и фон Каниц — выступили организаторами обороны Казани во время ее осады войсками Пугачева. Каниц сумел восстановить гимназию, которая была дотла сожжена восставшими. Каниц был разносторонним человеком, он занимался исследованием древней Казани, археологией, нумизматикой, литературой, вел обширную переписку со многими видными деятелями России своего времени.

XIX век — наиболее плодотворный период в исторических связях Казани и Германии. Немцы оказали огромное влияние на развитие промышленности, торговли, медицины, науки и культуры города. Открытие в Казани университета потребовало приглашения профессионалов из-за границы. Прежде всего, привлекались профессора и преподаватели из Германии, ко-

торые работали на всех факультетах университета. Среди них были профессор П.Ф. Цейлин, возглавивший кафедру всеобщей истории (1813—1819), профессор-языковед Генрих Эрих, профессор географии и этнографии Иоганн Томас, который помимо работы в университете в 1810—1819 гг. возглавлял Казанское объединение лютеран. На юридическом факультете преподавали профессора Генрих Бюнеман (прибыл из Ганновера), Иоганн Нейман (из Марбурга), Иоганн Финке, выпускник Геттингенского университета. Он был первым деканом юридического факультета. На историко-филологическом факультете кафедру восточных языков в 1807—1817 гг. занимал профессор из Тюбингена Мартин Френ, профессор из Ростока Фридрих Эрдман трижды избирался деканом факультета, он же был деканом юридического и философского факультетов.

Особо следует сказать о вкладе работавших в Казанском университете немецких ученых в развитие естественных наук. На физико-математическом факультете работала целая плеяда блестящих немецких ученых. Иоганн Мартин Бартельс — учитель Н.И. Лобачевского, Франц Ксаверий Броннер, профессор теоретической физики, Эдуард Эйхвальд, профессор минералогии, выдающийся натуралист Эдуард Эверсман, профессор химии Карл Клаус и многие другие⁹.

В Казанском университете обучались студенты разных национальностей. Среди них были не только русские, но польские и немецкие студенты. В начале XX в. последние составляли 2,5 % от общего числа студентов университета. Немецких студентов отличали не только увлеченность наукой, целеустремленность и ответственное отношение к учебе, но и активное участие в общественной деятельности. Многие из них с сочувствием относились к освободительному движению, выступали в защиту «прав личности» и академических свобод. Например, в знаменитой студенческой сходке 1887 г. участвовали и немецкие студенты.

Говоря о знаменитых немецких профессорах Казанского университета XIX в., следует особо упомянуть Карла Фукса, ректора университета в 1823—1827 гг. Это был удивительно разносторонний ученый и активный общественный деятель, автор многих трудов в самых различных областях знания, который оставил о себе глубокую память в истории как Казанского университета, так и города. Он был основателем Казанской медицинской школы, прекрасно владел несколькими языками, в том

числе русским и татарским, был блестящим этнографом, увлекался историей Казанского края.

К. Фукс был женат на русской дворянке. Семья проживала в просторном и красивом собственном доме в центре Казани, который сейчас пришел в упадок, и за его восстановление борется Казанское общество дружбы с Германией. В этом доме останавливался А.С. Пушкин и другие известные деятели русской культуры. Именем Карла Фукса была названа одна из улиц в Казани, в 1906 г. ему был сооружен памятник в сквере, также названным его именем.

Говоря о роли немецких профессоров в истории Казанского университета в XIX в., нельзя не упомянуть о выдающемся открытии немецкого химика, профессора Карла Клауса нового элемента периодической системы Д.И. Менделеева — рутения. Объясняя происхождение его названия, Клаус писал в 1844 г.: «Я новый элемент в честь отечества моего называю рутением» (в переводе с латыни — российским).

Как бы ни был велик вклад в научное знание, внесенный немецкими профессорами университета, было бы несправедливо не сказать о немцах, стоявших вне науки, но оставивших заметный след в истории Казани. Это, прежде всего, семья Бреннингов — музыкантов, художников и владельцев знаменитой аптеки на центральной торговой улице города. Инженеры-технологи Бенинги создатели сети фабричных предприятий в Казани. В этом же ряду достойное место принадлежало архитектору Карлу Мюфке, художнику Э. Гельмсу, музыкантам П. Нейману, Р. Гуммерту, А. Леману и многим другим промышленникам и деятелям искусства, культуры и просвещения¹⁰.

Одной из трагических страниц истории XX века стала судьба немецкого населения Поволжья, в частности, Казани. Репрессии, ссылки, переселения, по прямому указанию «вождя всех народов» Сталина обрекли на гибель, страдания и горе сотни тысяч человек, разрушили полуторовековой уклад их жизни, оборвали исторические связи Казани и Германии. Лишь с 1960-х гг. постепенно восстанавливается сотрудничество Казани с Германией. В Казанский университет и в другие вузы города стали вновь прибывать немецкие студенты, возобновились научные обмены и стажировки. В 1994 г. Казанский университет подписал соглашение о сотрудничестве с Гиссенским университетом, которое успешно развивается в настоящее время. В сотрудничестве с

университетами и другими научными учреждениями Германии в Казани проводятся представительные научные форумы и конференции по различным отраслям знания, выходят в свет совместные труды. Одним из примеров подобного сотрудничества может послужить и настоящая публикация.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Гришин ЯЯ.* Казань и Казанский край глазами польских ссыльных (XVII—XIX вв.) Казань, 1997.

² Более подробно см.: *Шарифжанов ИИ.* Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете. Казань, 2002; *Он же.* Восхищение и благодарность. Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете // Казань, 2004, № 10. С. 60—65.

³ О Петре Зейфмане см.: *Пильмутдинова ОМ.* Казанский ветеринарный институт в 70—90-е годы XIX века. Казань, 1998.

⁴ Страницы истории города Казани. Казань, 1986. С. 36.

⁵ *Корбут МК.* Казанский государственный университет за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1. С. 92.

⁶ См.: *Trynkowski J.* Recenzia... // *Wroclawskie Studia Wschodnie.* Wroclaw, 2004. № 8. S. 317.

⁷ См. российское издание: Польские профессора и студенты в университетах России (XIX — начало XX в.). Варшава, 1995; Польская ссылка в России XIX—XX веков: региональные центры. Казань, 1978.

⁸ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. Второе издание: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

⁹ См. подробнее: Россияне и немцы на Волге: два века в одной лодке // Казань. 1996. № 9—12.

¹⁰ Там же.

О.М. ГИЛЬМУТДИНОВА

Казань

Роль немецких ученых в развитии ветеринарной науки и образования в России: К.М. Гольцман и К.Г. Боль в Казанском ветеринарном институте в 1876—1959 гг.

Традиционно на протяжении веков культурные связи между Россией и Германией играли особо важную роль в истории обеих стран. Одним из существенных направлений таких связей стало привлечение в Россию, как и в Польшу, и в другие страны Восточной Европы, высококвалифицированных специалистов, подготовленных в германских университетах. Этот процесс имел большое значение и для Германии, и для ее восточных соседей. Немецкие специалисты, с одной стороны, способствовали модернизации, техническому, промышленному и научному прогрессу в России. С другой стороны, востребованность немецких специалистов на востоке способствовала интенсификации научных исследований в Германии, ускоренному развитию немецких университетов, возрастанию спроса на немецкую технику и передовые технологии. Сложившийся таким образом кадровый обмен между Россией и Германией оказал позитивное влияние на развитие Центральной и Восточной Европы в целом. Одной из сторон такого обмена стало формирование в России немецких по происхождению научных школ, работавших в России поколений немецких ученых и научных династий, причем процесс этот коснулся не только столиц, но и получил распространение в регионах России.

Яркий пример в этой области дает история Казанского ветеринарного института (ныне Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана) — старейшего высшего ветеринарного учебного заведения в России, которому

в 2013 г. исполняется 140 лет. Казанский ветеринарный институт (КВИ) учрежденный в 1873 г., должен был, по замыслу основателей, стать центром подготовки высококвалифицированных специалистов для борьбы с губительными заболеваниями животных и охраны здоровья и жизни людей на Востоке России, где располагались основные животноводческие регионы. Создание института было непосредственно связано с эпохой «Великих реформ» 1860—1870-х годов и должно было способствовать переустройству хозяйственных укладов и всех сторон жизни российской деревни. В дальнейшем история института была неразрывно связана с величественной и трагической судьбой российского крестьянства XX столетия. Существенную роль в истории института сыграли связи немецкой и российской науки, нашедшие, в частности, воплощение в научной и педагогической деятельности профессоров Карла Матвеевича Гольцмана (1854—1922) и Карла Генриховича Боля (1871—1959). Более чем восьмидесятилетний период их работы в России совпал с величественными и трагическими событиями в истории страны (реформами, революциями, мировыми войнами), с эпохой, которая оставила глубокий след и в научной биографии, и в личной судьбе немецких ученых.

К началу XX в. Казанский ветеринарный институт становится крупным научно-практическим центром, в стенах которого готовили «ученых ветеринаров» (так именовалась профессия выпускников), получивших основательную теоретическую и клиническую подготовку, владевших современными методами диагностики и лечения. Здесь сформировались крупные научные школы в ветеринарной медицине, такие, как терапевтическая и патологоанатомическая, оказавшие большое влияние на развитие ветеринарной науки. К числу выдающихся ученых по праву можно отнести профессоров К.М. Гольцмана и К.Г. Боля. Им принадлежит заслуга в создании упомянутых научных школ и новых научных направлений, реформировании высшего ветеринарного образования. К.М. Гольцман родился в Дерпте и после окончания тамошнего ветеринарного института в 1876 г. был направлен в Казанский ветеринарный институт ассистентом клиники незаразных болезней. В 1878 г. он защитил магистерскую диссертацию «О действии некоторых лекарственных веществ на лимфоток крови». Диссертация была опубликована в Дерпте на немецком языке¹. Ветеринарное образование

К.М. Гольцман дополнил медицинским, с отличием окончив в 1884 г. медицинский факультет Казанского университета. Об успешной учебе свидетельствовала золотая медаль за конкурсную научную работу. Столь успешная деятельность молодого исследователя стала возможной благодаря успехам ветеринарной медицины в России, где уже проводилась большая и продуктивная работа по приведению в систему знаний по внутренним болезням домашних животных, приведшая к созданию русской терапевтической школы и воспитавшая поколения научно мыслящих врачей.

Основательно исследовав вопросы внутренней патологии, К.М. Гольцман продолжил и углубил учение о болезни как о процессе, возникающем под влиянием внешних обстоятельств, причем, само возникновение и течение патологического процесса ставились им в зависимость от нервной системы. Ученый был противником понимания болезни как процесса, охватывающего только определенные ткани органа или клетки организма². Солидная научная база, неоднократные поездки К.М. Гольцмана в центры ветеринарной науки и образования — Дрезден, Берлин, Вены способствовали критическому осмыслению накопленного материала, выработке творческого и вдумчивого подхода к изучению живого организма. В 1893 г. в «Ученых записках Казанского ветеринарного института» был опубликован его фундаментальный труд «Краткий курс частной патологии и терапии домашних животных», выдержавший 6 изданий. В нем нашли отражение результаты глубоких научных изысканий ученого. Исследование стало заметным явлением в научной жизни³. К.М. Гольцманом был предложен принципиально новый подход в диагностике и лечении заболеваний животных и разработана оригинальная методика назначения лекарственных препаратов, учитывающая состояние организма в целом, а не отдельную болезнь. Лекарство рассматривалось не как средство, которое может вылечить болезнь, но лишь как помогающее болезни идти своим естественным путем.

Книга Гольцмана стала первым отечественным учебником по ветеринарной терапии, по оценкам современников, лучшим пособием для практикующих ветеринарных врачей и студентов⁴. В ней были приведены в систему знания по внутренним болезням домашних животных. Высокую оценку четвертому изданию книги дал известный ученый и организатор ветери-

нарного дела в России — С.С. Евсеенко. По его словам, Гольцман «дает нам обстоятельное, строго научное изложение практикуемых им вопросов. Книга содержит в себе массу свежих научных сведений и клинических наблюдений, необходимых всякому практику и студенту. Это одна из тех полезных книг, о которых говорят: в ней так много зерен, что не видно соломы»⁵. Ученик К.М. Гольцмана, известный ученый, создатель крупной гематологической школы, профессор Н.П. Рухлядев, дополнивший шестое, посмертное издание труда своего учителя, полагал, что данное исследование дает отчетливое представление о развитии различных патологических процессов и направляет врача на правильный путь рационального лечения. По оценкам современных ученых, книга Гольцмана представляет научную и практическую ценность и в настоящее время⁶.

К.М. Гольцман вошел в историю ветеринарного образования как талантливый педагог, привнесший в учебный процесс новые формы и методы, способствующие его качественному улучшению⁷. В 1885—1922 гг. К.М. Гольцман работал в КВИ профессором, заведующим кафедрой частной патологии и терапии. Он впервые ввел в практику преподавания клинические лекции, высоко оцененные студенческой аудиторией. Выпускники института вспоминали, что в преподавании курса он «смог подняться до глубокого понимания философии медицины»⁸.

В 1905—1907 и в 1910—1915 гг., в годы Первой русской революции и в период осуществления аграрных реформ П.А. Столыпина, когда аграрный вопрос и судьбы российского крестьянства стояли во многом в центре общественной жизни, К.М. Гольцман возглавлял Казанский ветеринарный институт. Эти годы по праву можно считать годами успешной деятельности вуза⁹. Проводившиеся приоритетные научные исследования были продиктованы запросами общества, а результаты направлялись на развитие животноводства, сельскохозяйственного производства в целом. Соединение теории и практики стало большим достижением КВИ. Институт становится самым крупным по числу выпускаемых ветеринарных специалистов в России. О качестве их подготовки свидетельствуют следующие данные: в 1913 году из 77 31 выпускник был удостоен диплома «с отличием». Не случайно, именно казанскому ветеринарному институту было предложено обсудить проект готовящейся ре-

формы высшего ветеринарного образования в России. Высказанные предложения были учтены в реформе 1916 г.¹⁰

В русле развития института как научно-практического центра по инициативе К.М. Гольцмана в 1897 г. при КВИ было создано Общество ветеринарных врачей¹¹. Согласно уставу общества, его целью было содействие научно-ветеринарному образованию, распространение ветеринарно-санитарных знаний и улучшение быта врачей. Деятельное участие в его работе приняли ученые КВИ, ветеринарные врачи, живейший интерес проявили и студенты. Последние составляли значительную часть публики на заседаниях Общества. Созданное в Казани Общество было третьим обществом ветеринарных врачей в России. Роль их в развитии ветеринарного дела с каждым годом возрастала. У ветеринарных врачей в ходе напряженной практической деятельности накапливался ценный материал по патологической анатомии, хирургии, бактериологии и т. д. Многим из них приходилось делать операции, которые ранее не выполнялись и не были описаны. В Обществе же происходил обмен опытом, это приносило несомненную пользу как науке, так и практической ветеринарии. Были установлены тесные контакты с Обществом медицинских врачей при Казанском университете. На их совместных заседаниях обсуждались животрепещущие проблемы теории и практики медицины.

Важной составляющей деятельности К.М. Гольцмана в качестве директора института стало осуществление программы социальной защиты будущих ветеринарных специалистов. Она была заложена еще в первые годы формирования института. Общество вспомоществования нуждающимся студентам, возглавляемое директором института, освобождало от платы за обучение, выдавало единовременные пособия, обеспечивало лекарствами из аптеки института для лечения и т. д. Руководству приходилось изыскивать любые возможности для осуществления этой программы и она неуклонно проводилась в жизнь.

Во многом высочайший научный авторитет К.М. Гольцмана дополнялся его незаурядными личными качествами: добротой, вниманием к людям, чуткостью, отзывчивостью, простотой в общении. Как врач он был прекрасным диагностом и значительную часть своей обширной медицинской практики он безвозмездно посвящал казанским студентам. Его доброта и бескорыстие были известны в городе и за пределами академического

сообщества, он никогда не отказывал в помощи малоимущим. Умер К.М. Гольцман, исполняя свой врачебный и человеческий долг, заразившись тифом от больного, которого лечил¹².

К.М. Гольцман был наставником и старшим коллегой Карла Генриховича Боля — основоположника крупнейшей научной школы патологоанатомов. Под его руководством выполнено 250 научных работ, в том числе — 18 докторских, 9 магистерских и 38 кандидатских диссертаций¹³. Ценным вкладом в науку стали труды К.Г. Боля, посвященные изучению теоретических вопросов общей патологической анатомии, в частности, изучению воспалительных процессов. Им разработана новая, оригинальная классификация последних и дано четкое описание встречающихся сопутствующих им клеточных форм. К.Г. Боль разработал классификацию кровоизлияний, вошедшую во все учебники по патологической анатомии¹⁴. Начало активных научных исследований ученого приходится на 1890-е годы, когда после окончания Казанского ветеринарного института в 1895 г. он начал работать в лаборатории известного казанского патологоанатома Л.М. Любимова. Бодем была написана монография, которую он успешно защитил в качестве магистерской диссертации в 1899 году¹⁵. Она посвящена патологоанатомическим изменениям спинного мозга при чуме собак. Ученый выявил изменения кровеносных и лимфатических сосудов и глиальной ткани, служащей опорой для нервной ткани. Особенно ценными являются описания изменений сосудов микроциркулярного русла, самых мелких сосудов, которые первыми принимают на себя удар при воспалении. Таким образом, было сформировано стройное учение о воспалении, которое было развито самим К.Г. Бодем и его учениками¹⁶. Отзыв на научный труд дал К.М. Гольцман. Взыскательный ученый, он положительно оценил его, рекомендовав к защите и публикации. Результаты диссертационного исследования Боля, по оценкам специалистов, имеют большое значение и в настоящий период¹⁷.

Профессор Н.П. Рухлядев — многие годы близкий друг и коллега К.Г. Боля — долгое время проработавший с ним, так характеризовал личность ученого: «Карл Генрихович является человеком серьезного труда. Личные способности и упорный труд на крепком научном фундаменте выковали его большим ученым»¹⁸. Вся жизнь К.Г. Боля — яркое тому подтверждение.

Неоднократные стажировки в Германии, Швейцарии, Италии способствовали широчайшей научной эрудиции ученого, служили мощным импульсом к дальнейшей разработке созданного им научного направления. Научные изыскания и врачебная практика Боля были сконцентрированы на таких опасных и слабоизученных заболеваниях, как сеп, бешенство, чума и др. Самостоятельность и творческий подход в сочетании со скрупулезностью исследования стали характерными чертами его деятельности. Это отмечал и основоположник известной казанской школы физиологов, профессор К.Р. Викторов. Он писал, что «с самого начала К.Г. Боль выделялся резко выраженной оригинальностью своих исследований. Он шел своим собственным путем, вырабатывая свое научное мировоззрение. Он сам создал свою школу, в которой вырабатываются свои методические и технические навыки и свой анализ патологических процессов»¹⁹.

К.Г. Боль не замыкался в рамках сугубо научной деятельности. Велики его заслуги и в развитии высшего ветеринарного образования. В 1919-1938 гг. он возглавлял Казанский ветеринарный институт, получивший в это время известность крупнейшего ветеринарного учебного заведения. Институт был кузницей кадров для создающихся новых ветеринарных вузов. По распоряжению ректора туда направлялись учебная и методическая литература, оборудование. К.Г. Боль неоднократно ездил в Омский, Московский и другие ветеринарные институты для чтения лекций и обмена опытом²⁰.

Лекции К.Г. Боля были настолько содержательны и отточены, что были положены в основу собственного учебника «Патологическая анатомия домашних млекопитающих и птиц», выдержавшего 5 изданий. Еще один учебник «Основы патологической анатомии сельскохозяйственных животных», написанный им совместно с Б.К. Бодем, вышел тремя изданиями и был переведен на ряд языков²¹.

В развитии учебного процесса в ветеринарном институте важная роль отводится кабинетам и музеям. На их базе проводятся научные исследования, органично входящие в обучение ветеринаров. Созданный К.Г. Бодем патологоанатомический музей насчитывает более 4 тыс. экспонатов и до сих пор функционирует в Казанской государственной академии ветеринарной медицины.

К.Г. Боль внес большой вклад в развитие медицинского образования в Казани. В 1921—1924 гг. он читал лекции по патологической анатомии на медицинском факультете университета. По его инициативе был создан Казанский институт усовершенствования врачей, в котором Боль был не только организатором, но и его фактическим руководителем²². Энциклопедические знания в сочетании с поразительной врачебной интуицией снискали ему славу в практической медицине. По воспоминаниям его учеников, к нему часто обращались врачи за советом как опытнейшему гистологу. Его мнение было решающим в вопросе о необходимости проведения сложной хирургической операции. По единодушному мнению его коллег, он был предельно скромным человеком, лишенным самолюбования. Будучи широко известным в стране и за рубежом, он никогда не говорил о своих заслугах, оставаясь внимательным и доброжелательным собеседником в научных дискуссиях, уважительно выслушивающим иное мнение, не подавляя оппонентов собственным авторитетом. Молодые ученые тянулись к нему, обращались за советом, не боялись возражать и спорить с маститым ученым. Его самообладание и выдержка вызывали уважение у окружающих.

Длительное время для исследователей деятельности выдающегося ученого существовали «белые пятна» в его биографии. Это был период с ноября 1938 г. по июнь 1940 г., когда со страниц научных журналов и ветеринарной прессы исчезло его имя. Он был снят с должностей ректора института и научно-исследовательского ветеринарного института. В результате длительных поисков в связи с открытием многих архивов в 1990-е гг. удалось восстановить эти страницы. В 1938 г., когда К.Г. Болю было 67 лет, он был арестован по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии. Его следственное дело составило 16 увесистых томов. Были арестованы и некоторые его сотрудники. В отличие от многих его коллег, К.Г. Боль выжил в сталинских застенках. В 1940 г. начались пересмотры некоторых политических дел, в том числе и дела К.Г. Боля. Он был освобожден «за отсутствием состава преступления»²³. Ученый работал в Казанском ветеринарном институте до конца своей жизни заведующим кафедрой патологической анатомии, которой он руководил в течение 60 лет. Он сохранил ясность мысли и творческую энергию.

Деятельность выдающихся ученых К.М. Гольцмана и К.Г. Боля оказала большое влияние на развитие ветеринарной науки и образования. Созданные ими научные направления оказались плодотворными и сохраняют свою значимость и в настоящее время.

Соединение науки и практики, внедрение новых методик преподавания стали характерными чертами их преподавательской работы. Оставаясь подлинно академическими учеными, они внесли весомый вклад в организацию высшего ветеринарного и медицинского образования, став крупными реформаторами школы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 534. Оп. 5. Д. 122. Л. 4.

² *Гольцман К.М.* // Ветеринарная энциклопедия. М., 1969. С. 573.

³ *Уразаев Н.А., Замарин Л.Г., Конопелько П.Я.* Школа терапевтов и диагностов // Ветеринария. 1973. № 5. С. 15—17.

⁴ Ветеринарные деятели в науке и в жизни. Гольцман К.М. // Вестник общественной ветеринарии. 1902. № 10. С. 486—487.

⁵ *Евсеев С.С.* По поводу книги Гольцмана // Вестник общественной ветеринарии. 1912. № 19. С. 918—919.

⁶ *Уразаев Н.А., Замарин Л.Г., Конопелько П.Я.* Указ. соч. С. 17.

⁷ Карл Матвеевич Гольцман. Некролог // Ученые записки Казанского ветеринарного института. Казань, 1926. Т. 73. С. 278.

⁸ *Жирнов А.С.* Казанский ветеринарный институт // Вестник общественной ветеринарии. 1905. № 3. С. 591—596.

⁹ *Гильмутдинова О.М.* Роль руководителей Казанского ветеринарного института в развитии вуза и подготовке кадров // Труды первого съезда ветеринарных врачей Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 87—90.

¹⁰ *Крапивнер Л.М.* Карл Матвеевич Гольцман и его время // Ветеринария. 1964. № 6. С. 115—118.

¹¹ Гольцман К.М. // Татарская энциклопедия. Казань, 2005. Т. 2. С. 139.

¹² Карл Матвеевич Гольцман. Некролог... С. 278.

¹³ *Трофимов И.Т.* Школа ветеринарных патологоанатомов // Ветеринария. 1973. № 5. С. 14.

¹⁴ История Казанского Ветеринарного института. Очерки. Казань, 1973. С. 315.

¹⁵ *Боль К.Г.* К вопросу о патологоанатомических изменениях спинного мозга при чуме собак. Казань, 1899.

¹⁶ *Викторов К.Р.* Нашим дорогим юбилярам: о юбилеях профессоров И.П. Попова, В.И. Логинова, С.П. Мамадышского, Н.П. Рухлядева, Л.С. Са-

пожникова, К.Г. Боля // Ученые записки Казанского Ветеринарного института. 1926. Т. 37. Вып. 1. С. 73.

¹⁷ Боля Карл Генрихович // Татарская энциклопедия.... Т. 1. С. 431.

¹⁸ Материалы к истории ветеринарного образования в СССР. Казанская школа ветеринарных патологоанатомов // Ученые записки Казанского государственного ветеринарного института. М., 1956. Т. 68 (юбилейный).

¹⁹ Викторов КР. Указ. соч. С. 73.

²⁰ Валеев Ф.Т. Казанский ветеринарный институт и его значение в подготовке ветеринарных кадров для Сибири. Казань, 1964. Т. 104. С. 240.

²¹ Боля КГ. Основы патологической анатомии домашних млекопитающих и птиц. Изд. 5-е, исправленное и дополненное. М., 1938; Боля КГ., Боля БК. Основы патологической анатомии домашних животных и птиц. М., 1948.

²² Боля Карл Генрихович // Казанская государственная академия ветеринарной медицины (1873—2006 гг.). Биографический словарь ученых / Под ред. Г.Ф. Кабирова. Казань, 2006. С. 23.

²³ Гильмутдинова О.М. Неизвестные страницы биографии // Ветеринарный врач. 2001. № 1. С. 76.

А.А. САЛЬНИКОВА

Казань

Немецкая weihnachtsbaumschmuck на русской новогодней елке: к проблеме культурного взаимодействия*

Существует множество способов, ракурсов и аспектов репрезентации вещи в культуре. Ее можно рассматривать как результат индивидуального или группового, коллективного (социального, профессионального, возрастного, гендерного, национального и т. п.) производственного и потребительского опыта и как орудие властных практик. В системе материальных и ментальных ценностей эпохи она может быть представлена и описана как изделие и как товар, как предмет и как носитель информации, как порождение культуры и как ее явление. Особую сложность заключает в себе процесс понимания, транскрибирования и интерпретации «вещного» текста и перекодирования языка его оригинала.

В нашем случае елочная игрушка представлена и как объект, и как средство изучения российской праздничной повседневности. Представляется возможным также применение к елочной игрушке предлагаемого сегодня некоторыми исследователями метода «культурной биографии вещей» (по аналогии с антропологически ориентированной биографистикой)¹, но не в узком смысле, как только биографии товара, а в гораздо более широком смысле, как истории бытования и существования вещи в культуре, как источника по истории жизни общества. Недаром одной из основных задач истории и социологии материальной культуры признается изучение процессов развития общества через изучение повседневной жизни его членов, а вещь выступает в данном случае и как источник по истории познания пов-

---

* Статья подготовлена на основе материалов из книги автора «История елочной игрушки в России», которая готовится к публикации издательством «Новое литературное обозрение» (Москва).

седневности, и как источник по изучению социально-исторических и историко-культурных процессов². Все это позволяет вписать изучение елочной игрушки в контекст четко обозначившегося в последнее время «материального» познавательного поворота в области гуманитарного знания и показать, как «консьюмеризм, семиотика и рост культурных исследований» могут обеспечить новые подходы³ в изучении прошлого. Ведь вещи особо ценны тем, что с ними совсем по-иному «прочитывается» повседневность: они хранят в себе осколки чужих вкусов, мечтаний, настроений, желаний и просто самой жизни.

Русская елочная игрушка, безусловно, представляла собой совокупный продукт отечественной и западноевропейской, прежде всего, немецкой культуры. Если говорить об истории елочных украшений в России, об их производстве и потреблении, об изменениях уже на русской почве в елочной моде и елочных «пристрастиях», корнями своими они, безусловно, уходили в немецкую традицию. Ведь именно Германия считается первой европейской страной, где в Рождество стали устанавливать наряженную елку.

В некоторых исследовательских работах⁴ и, в особенности, в популярной литературе, в частности, в различных изданиях для путешественников и путеводителях не раз утверждалось, что особые деревья, приуроченные к Рождеству, впервые были установлены ганзейскими купцами на городских площадях Таллина (Ревеля) и Риги еще в 40-е гг. XV в. Юноши и девушки пели и танцевали у этих деревьев, по окончании же праздника деревья сжигали. Однако в новейших исследованиях эстонских и латвийских историков убедительно доказано, что эта традиция прямого отношения к Рождеству не имела⁵. Таким образом, приоритет Германии в украшении рождественской елки уже не оспаривается.

Как утверждает большинство специалистов, украшенная рождественская елка в семейной немецкой традиции была заимствована из средневековых германских мистерий об Адаме и Еве, разыгрывавшихся на церковных папертях (так называемой «игры в рай»). В этих представлениях выставленное Райское дерево, увешенное яблоками, символизировало сад Эдема⁶. Во время мистерий украшенное дерево всегда ставилось на той стороне импровизированной сцены, которая символизировала искупление.

Когда в период Контрреформации в середине XVI в. мистерии были повсеместно запрещены, елки переместились в дома горожан, где их стали украшать фруктами, сладостями, а позднее — свечами. Первоначально в качестве украшений использовались не целые деревья, а сосновые и еловые ветви. Этот обычай упомянут уже в 1494 г. в знаменитом стихотворном сочинении известного немецкого ученого и гуманиста Себастьяна Бранта «Корабль дураков», своего рода светской Библии того времени. Позднее на Рейне стали устанавливать небольшие рождественские деревца, которые обычно либо размещали на столе, либо подвешивали к потолку. В 1535 г. такие деревца продавались на страсбургском рынке⁷.

В литературе и большинстве справочных изданий преобладает утверждение, что первая рождественская елка (точнее, сосна) была установлена в 1521 г. в Эльзасе. Церковная запись упоминает об установке рождественского дерева в Страсбургском соборе в 1539 г. Были ли эти деревья украшены, источники не сообщают. Однако уже в XV — первой половине XVI в. вырубка их в Германии была такой активной, что законодательно было запрещено рубить в лесу более одного дерева на человека⁸.

Первые упоминания об украшенных «райских» деревьях, установленных вне церкви, относятся уже ко второй половине XVI в., когда они появляются на общественных праздниках цехов и братств и уже дистанцируются от «игры в рай». В обнаруженной И. Вебер-Келлерманн бременской гильдейской хронике 1570 г. сообщается об установке для детей в здании гильдии небольшой елки, украшенной яблоками, орехами, финиками, соленым печеньем и бумажными цветами⁹. На немецких рождественских базарах второй половины XVI в., например, на нюрнбергском («Nürnberger Christkindlesmarkt»), продавались имбирные пряники и другие рождественские украшения¹⁰.

Уже тогда обычай украшать елку получил распространение в городах «немецкой» Европы, в частности, он обнаруживается в 1597 г. в Базеле, где установленные в скорняжных цехах рождественские деревья украшали яблоками и сыром. Сведения о расходах на украшение рождественских деревьев содержатся также в счетах торговцев эльзасского города Тюркхайма за 1597—1669 гг., где упомянуты затраты на приобретение яблок, облаток, цветной бумаги и нити. Похожим образом украшенные деревья устанавливали члены городско-

го совета, цеховые мастера, священники и другие почтенные горожане в Шлеттштадте, Фрайбурге и Берне¹¹. К 1605 г. относится письменное свидетельство об установке в домах страсбургских горожан рождественских елок, украшенных бумажными розами, яблоками, вафлями, золотой фольгой, сахаром и другими предметами¹².

Связывая практику украшения рождественских елей с языческими традициями и стремясь к их искоренению, церковь оставила свои свидетельства о бытовании этого обычая в Германии. В трактате знаменитого страсбургского теолога и проповедника Иоганна Конрада Даннхауэра, относившемся к 1645 г., резко осуждалась «увешенная куклами и сладстями» устанавливаемая в домах рождественская ель. Автор трактата называл ее «Lappalie» («мелочностью») и «Kinderspiel» («детской забавой»), а также недопустимой заменой «слову Божьему, с коим и следует праздник сей встречать»¹³.

Более широкое распространение в Германии украшенное рождественское дерево получило во второй половине XVIII в., но происходило это распространение неравномерно — на протестантском севере гораздо быстрее и успешнее, чем на католическом юге, где по-прежнему принято было насмехаться над этой традицией протестантов, а сам протестантизм именовать «религией рождественской елки». Рождественская елка как конфессиональный символ у лютеран и кальвинистов противопоставлялась католическому рождественскому вертепу¹⁴. В городах традиция украшения елки распространялась значительно быстрее и шире, чем в деревне. Например, в Баварии к середине XIX в. в сельской местности рождественская елка была практически неизвестна. Это положение не изменилось вплоть до начала XX в. Традиция украшения рождественской ели в Германии имела и некоторые местные особенности. Так, в Саксонии на протяжении всего XIX в. вместо живой елки обычно использовались так называемые «пирамиды» — деревянные конструкции пирамидальной формы, украшенные цветной бумагой и свечами, моду на которые ввели резчики из саксонских Рудных гор. В некоторых землях Южной Германии было принято украшать не всю елку, а только елочную верхушку¹⁵.

Лишь объединение Германии и развитие промышленного производства елочных игрушек привело со временем к известной унификации национальной традиции елочного убран-

ства. Свою роль в распространении елочной традиции сыграла франко-прусская война 1870 г., когда рождественские елки стали устанавливаться на позициях (обычно офицерами) как знак связи с родиной. Во второй половине XIX в. наличие убранной рождественской елки превращается в общегерманскую традицию, а сам праздник обретает форму устоявшегося ритуала¹⁶.

Интересно заметить, что помимо елок для «живых» в Германии существовали и елки для «мертвых». На Рождество они устанавливались на кладбищах. Могилы убирали омелой и падубом и ставили маленькие елочки с мерцающими огоньками, может быть, для того, чтобы поделиться с усопшими радостью наступившего праздника. Сообщения об этой традиции встречаются в немецкой и британской периодической печати рубежа XIX—XX вв. Описание украшенной «классической» немецкой елки, восходящее еще к первым десятилетиям XIX в., можно найти в известнейшей рождественской сказке Э.Т. Гофмана «Щелкунчик и мышинный король» (1816): «Большая елка посреди комнаты была увешена золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сладости. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло»¹⁷.

Из Германии обычай устанавливать и украшать рождественскую елку — «милая немецкая затея!» (Чарльз Диккенс) — распространился по всей Европе и в Новом Свете. Не обошел он и Россию. Однако, восприняв «немецкую» елочную модель с соответствующей ей системой практик, российский потребитель елочной игрушки использовал ее, исходя из результатов собственного опыта. В результате в России был выработан свой вариант предметного насыщения праздничного елочного пространства, окончательно оформившийся к рубежу XIX—XX вв.

Считается, что сама елка как символ новогоднего праздника появилась в России согласно царскому указу от 20 декабря 1699 г., который Петр I издал по возвращению из-за границы. Этот указ предписывал к Новому Году украшать хвоей (елью, сосной, можжевельником и их ветвями) улицы, дороги и дома, наступление которого отныне было перенесенному с 1 сентября на 1 января. Но к немецкой рождественской елке подобное нов-

шество имело малое отношение. Петровский указ касался декорирования городского праздничного пространства. Специальное украшение елки в нем не предусматривалось. После смерти Петра I это начинание было фактически забыто и, что весьма курьезно, свято соблюдалось лишь кабатчиками, продолжавшими украшать елками крыши и входы в питейные заведения¹⁸.

Освоение достижений культуры Западной Европы в области быта и нравов проходило в России на протяжении всего XVIII века, причем естественно, что первоначально воспринималась их общественная, публичная сторона, перенимались и усваивались формы светской жизни. Внутрисемейный уклад претерпевал преобразования значительно медленнее под воздействием расширяющихся личных, семейных, домашних связей. Качественные изменения в этом интимном мире достаточно определенно проявили себя в конце XVIII — первой трети XIX в. Возможно, известное воздействие на общественные представления о мире семьи и мире детей в России оказала восходящая к концепции Н.М. Карамзина и сформулированная С.С. Уваровым теория «официальной народности», составлявшая идеологический концепт николаевского царствования. В основе этой доктрины лежал образ России как единой семьи, в которой императору принадлежала роль заботливого отца, а его подданным — роль послушных детей. В таком контексте домашние, семейные праздники представлялись реальным способом сплочения и семьи, и нации, способом конструирования и обретения национальной идентичности.

Именно в первой трети XIX в. великосветские новогодние торжества, главным атрибутом которых становится украшенная рождественская ель, устраиваются при монарших дворах Европы, причем их инициаторами выступали принцессы из германских княжеских династий. Считается, что в Великобритании украшенную свечами ель в состав рождественских празднеств впервые ввела в 1800 г. супруга Георга III королева Шарлотта Мекленбургская, в Вене первое украшенное рождественское дерево установила в 1816 г. принцесса Генриэтта Нассау-Вайльбургская, в Париже, в Тюильри, в 1840 г. — герцогиня Орлеанская, урожденная принцесса Елена Мекленбургская¹⁹. Традиции домашнего семейного праздника, таким образом, получили публичное, светское звучание.

Если в начале XIX в. украшенные рождественские елки устанавливались лишь в домах петербургских немцев, перенесших на новую родину обычаи и традиции своей страны, то уже в 1830-е гг. они стали непременным атрибутом рождественских праздников при царском дворе. Считается, что инициированы они были супругой Николая I императрицей Александрой Федоровной, урожденной прусской принцессой Шарлоттой. В 1840-е гг. украшенные рождественские елки уже устанавливались во многих петербургских русских аристократических, а затем и просто состоятельных семьях. Однако массовым явлением в русской провинции и в усадьбе рождественские елки становятся, начиная со второй половины XIX в. С этого времени украшенную елку можно было часто встретить в семьях профессоров, врачей, купцов, предпринимателей, творческой интеллигенции, а не только в домах высшей аристократии.

Образно говоря, вращение немецкой елки в русскую почву было весьма успешно и стремительно во многом благодаря постоянной и устойчивой трансляции в российскую среду немецких культурных символов. Перенесение их в российский детский мир как приоритетное место приложения праздничных елочных практик осуществлялось через школу, учителей, учебники, детские игрушки и т. д. Наличие елки в доме свидетельствовало о приобщении семьи к европейской культуре, что весьма льстило хозяевам и поднимало их социальный статус в глазах ближайшего окружения. Посещая «благословенную Европу» и весьма часто — Германию, русские путешественники могли наблюдать, сравнивать и воспринимать, а воспринимая — заимствовать. Результатом такого культурного заимствования и явилось приложение рождественской елки и многих ее атрибутов к российской культурной среде, за которым последовало ее постепенное укоренение и «обрусение», выразившееся в обретении ею ряда своеобразных «национальных» черт.

Такое успешное вхождение «немецкой» елки в русскую жизнь потребовало массового производства елочных украшений. Но с приобретением елочных игрушек в России (как, впрочем, и в других странах, за исключением самой Германии) было немало затруднений. На первых русских елках 1840—1850-х гг. висели либо «съедобные» (конфеты, фигурные пряники, орехи, завернутые в золотую и серебряную фольгу), либо самодельные украшения²⁰. Несмотря на значительный спрос, производство

елочных игрушек (даже кустарное и полукустарное) было развито в России очень слабо. Во многом оно носило подражательный характер. Первые стеклянные украшения, появившиеся на русских елках в середине XIX в., также представляли собой исключительно немецкие изделия. Привезенные из Германии образцы копировались русскими ремесленниками-стеклодувами. На практически единственной в России петербургской фабрике елочных украшений игрушки изготавливались в основном из ввезенных немецких заготовок, например, использовались «немецкие» кукольные лица, выполненные в технике хромотографии²¹. Русские производители не могли конкурировать с немецкой промышленностью. К 1880-м гг. с развитием фабричного производства немецкая елочная игрушка стала одной из самых дешевых и, соответственно, распространенных в мире, и в значительной степени заполнила собой российский рынок²².

Елочные украшения в Германии в это время производили из всех мыслимых и немыслимых материалов во всех отраслях народного хозяйства. Особенно интенсивно развивалось производство елочных украшений в Саксонии и Тюрингии²³. Достигнутый здесь высокий технологический уровень производства позволил успешно решить проблему доступности, массовости, а главное — разнообразия елочных игрушек, что способствовало и удовлетворению потребительского спроса.

Русские оптовые торговцы один-два раза в год обязательно выезжали в Германию за елочными игрушками. Как отмечал русский педагог и исследователь игрушки Л.Г. Оршанский, «все дешевое, доступное, умело распространяемое, крепко оседающее» на рынке игрушек и елочных украшений шло в то время в Россию из Германии. По подсчетам Оршанского, германский экспорт игрушек в России в 1910 г. даже несколько превышал экспорт в такие страны, как США или Англия²⁴. Тающий «сусальный ангел» Александра Блока — это тоже немецкая елочная игрушка, о чем прямо сказано в одноименном стихотворении, написанном 25 ноября 1909 г. («Но ангел тает. Он — немецкий, ему не больно и тепло»)²⁵.

Отсутствие русской художественно-промышленной школы елочной игрушки обусловило до некоторой степени, что русская елка долгое время оставалась «космополитичной» и была практически лишена той «национальной» символики, которая отличала традицию рождественской елки в Германии. Расцвет «патриотической» немецкой елочной игрушки пришелся на

время Первой мировой войны, когда празднование Рождества в Германии приобрело особое идеологическое звучание. Как указывал немецкий историк Ю. Мюллер, формируя единство и сплоченность германской нации, производители выпускали елочную игрушку в виде черно-бело-красных имперских флажков (флагов) и гирлянд, прусских черных орлов, железных крестов, ставших в ту пору основной военной наградой, шаров, стеклянных розеток и нитяных звезд с изображением кайзера Вильгельма. В черно-бело-красный цвет раскрашивались и другие рождественские украшения. Популярными стали елочные игрушки в виде ручных гранат, мин и винтовок, подводных лодок и дирижаблей-цепеллинов. Существовала даже специальная рождественская выпечка в форме железного креста²⁶.

В годы Первой мировой войны скромно украшенная «военная» елка устанавливалась на фронте и в «русских» окопах и блиндажах. Однако она по-прежнему была лишена какой бы то ни было «патриотической» символики. Как писал в школьном сочинении ученик одной из петроградских школ П. Курочкин, со слов своего двоюродного брата, воевавшего под Варшавой, на исходе 1914 г. «у них была на Рождество елка в окнах и горело пять штук свечей»²⁷.

Патриотической подъем в России в годы Первой мировой войны не привел к появлению российской «патриотической» елочной игрушки, но зато на волне усиления антигерманских настроений стимулировал кампанию по борьбе с «немецким засильем», что вылилось, в частности, в попытки ограничить ввоз и распространение немецкой елочной игрушки в России. Но собственное производство не могло насытить рынок, поэтому немецкие елочные украшения по-прежнему господствовали на прилавках российских магазинов, хотя цены на них существенно повысились. И по-прежнему они раскупались с удовольствием и быстро. Первая мировая война не смогла резко изменить положительное отношение к рождественскому дереву. Тем более, что в общественном сознании связь традиции рождественской елки с Германией либо не осознавалась вовсе, либо не считалась существенной. Во всяком случае, елка ассоциировалась, прежде всего, с семейной идиллией мирного времени. Среди рождественских рисунков русских детей, выполненных в годы Первой мировой войны после зимних каникул, наиболее популярным сюжетом был сюжет «встречи Рождества на позиции»

(у мальчиков) и «Рождество в лазарете» и «Раненные убирают елку» (у девочек)²⁸. Именно к Рождеству приурочивали многие дети в своих мечтах момент долгожданного «замирения» с германцем: «Пришла бумага, что война кончилась. Дело случилось как раз пред Рождеством и на радушках мы сделали большую елку. И на ней мы очень здорово плясали и песни играли»²⁹.

Ко времени революционных потрясений 1917 г. и елка, и елочная игрушка стали для большинства русских людей (особенно принадлежащих к высшим и средним слоям городского населения) явлением обычным и привычным. Однако производство елочной игрушки носило в России в основном подражательный характер и не вылилось в конечном итоге в создание оригинальной эстетики российского елочного украшения.

Явившись из Германии и будучи «иностранкой» в России, елочная игрушка проделала долгий и трудный путь, пока не стала здесь по-настоящему своей. И произошло это уже позднее, в советское время, когда официально разрешенные накануне Второй мировой войны новогодние праздники и воссозданная в промышленных масштабах уже в послевоенное время в соответствии с новым политическим и эстетическим каноном елочная игрушка стала одним из важнейших инструментов воспитания советских граждан и непременным атрибутом советской праздничной культуры. Однако изменившееся почти до неузнаваемости смысловое содержание, а зачастую и форма елочных украшений отнюдь не свидетельствовали о полном разрыве с их немецкими истоками и традициями и о противопоставлении их немецким аналогам (стоит упомянуть и об импортных игрушках из Германской демократической республики).

Особенно отчетливо новое содержание новогодних праздников в СССР проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда встреча Нового года на полях сражений совпала с крупнейшими победами Красной Армии (контрнаступлением под Москвой в декабре 1941 г.; — под Сталинградом в 1942 г.; Битвой за Днепр и освобождением Киева в 1943 г.) и была в сознании народа связана с грядущим неминуемым разгромом врага. Скромные, как правило, самодельные, нередко присланные в посылках на фронт елочные игрушки той военной поры были не только символами далекой семьи и желанной мирной жизни, но и важным пропагандистским средством воспитания советского патриотизма и воли к победе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kopytoff Y.* The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // Appadurai A. (ed.). The Social Life of Things. Cambridge, 1996.

² См.: *Кнабе Г.С.* Вещь как феномен культуры // Музеи мира. М., 1991. С. 111—141.

³ *Pykett L.* The Material Turn in Victorian Studies. Aberystwyth, 2009 // <http://www3.interscience.wiley.com/journal/118718.685>; Bennet T., Joyce P. (ed.) Material Powers: Cultural Studies, History, and the Material Turn. Sidney, 2010.

⁴ См., например: *O'Konnor K.* Culture and Customs of the Baltic States. Westport, 2006. P. 93.

⁵ *Mand A.* Urban Carnival, Festive Culture in the Hanseatic Cities of the Eastern Baltic, 1350—1550. 2005. P. 37.

⁶ *Harding P.* The Christmas Book: A Treasury of Facts. L., 2007. P. 44, 149.

⁷ См.: *Damaschke S.* Glaubenskriegum den Tannenbaum // <http://www.dwworld.de>.

⁸ См.: *Stille E.* Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts: Kunst, Kitch und Kuriositäten. München, 1993. S. 7.

⁹ *Weber-Kellerman I.* Das Weihnachtsfest: Eine Kultur und Sozialgeschichte der Weihnachtszeit. Luzern, Frankfurt/M., 1978.

¹⁰ Нюрнбергское Рождество // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4509179,00.html>.

¹¹ См. подробно: *Stille E.* Op. cit. S. 7.

¹² *Tille A.* Die Geschichte der deutschen Weihnacht. Leipsic, 1893. S. 258. Цит. по: *Miles C.A.* Christmas Customs and Traditions: Their History and Significance. N.Y., 1976 (first published in 1912). P. 265.

¹³ Цит. по: *Stille E.* Op. cit. S. 8.

¹⁴ Об этом см.: *Damaschke S.* Op. cit.

¹⁵ *Rietschel G.* Weihnachten in Kirche, Kunst und Volksleben. Bielefeld, Leipsic, 1902. P. 151. Цит. по: *Miles C.A.* Op. cit. P. 266; *Stille E.* Op. cit. S. 266; *Парожская С.* Рождественские пирамиды // Антикватория. 2004. № 1. С. 102—103; Рождество в Дрездене // http://www.decorbells.ru/travel_dres_w.htm и др.

¹⁶ *Hewitt J.* The Christmas Tree. N.Y., 2007. P. 12.

¹⁷ *Гофман Э.Т.А.* Шелкунчик и мышинный король // Гофман Э.Т.А. Крейсериана: Новеллы. М., 1990. С. 108.

¹⁸ См. подробнее: *Душечкина Е.Н.* Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002. С. 61—63.

¹⁹ См.: Рождество во Франции // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 279; *Лихачева С.* Рождество у англичан // Там же. С. 229.

²⁰ См., например, иллюстрацию к повести А. Вороновой «Святки в 1847 году» («Детские портреты»). СПб., 1855), приведенную на вклейке в книге М.С. Костюхиной «Игрушка в детской литературе». СПб, 2008.

²¹ Русская елочная игрушка из коллекции Ким Балашак. М., 2002. С. 46.

²² *Оршанский ЛГ.* Игрушки: Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. М.;Пг., 1923. С. 32.

²³ *Stille E.* Op. cit. S. 12.

²⁴ *Оршанский ЛГ.* Указ. соч. С. 52, 59.

²⁵ Блок А. Сусальный ангел // *Блок А.* Собр. соч. в 8 тт. М.;Л., 1960. Т. III. С. 133.

²⁶ *Хаверонин А.* Свастика на елочку // <http://www.svobodanews.ru/content/article/1907610.html>; *Stille E.* Op. cit. P. 44.

²⁷ Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. М., 1995. Т. VI. С. 454.

²⁸ См.: О.И., Н.Т. Война в рисунках детей // *Дети и война.* Киев, 1915. С. 97—98, 107—108; *Щепинский А.* По поводу московской выставки детского рисунка // *Искусство и жизнь.* 1916. № 5. С. 13 и цветные вклейки.

²⁹ Сочинение Антона Янтикова «Война кончилась (Как будет после окончания войны)» см.: *Левитин С.* Крестьянские дети и война // *Русская школа.* Сентябрь — октябрь 1915 г. № 9—10. С. 80.

Т.Ф. ХАЙДАРОВ

Казань

История и политика в дискуссии польских и немецких ученых 1919—1939 гг. о средневековой истории Гданьска (Данцига)

К концу Первой мировой войны в немецкой историографии средневекового Данцига главенствующей идеей исторических исследований оставалась идея «немецкости» происхождения города. Особенно это ярко прослеживается в работах созданных в годы «Великой войны»¹, в которых проводилась высказанная еще в 1914 г. Г. фон Беловым мысль², о культуртрегерской роли немецкой нации. Поэтому все достижения «городских свобод» (законодательство, система образования и торговли) рассматривались исключительно, как неотъемлемые части государственной системы Священной Римской империи германской нации.

Наиболее важной работой для немецкой историографии средневекового Данцига, созданной в начале XX в., является многотомный труд данцигского архивариуса П. Симона «Истории Данцига»³. Главным достоинством этого труда было использование огромного комплекса источников⁴. Впечатляет не только источниковая база, но и тематическая широта произведения П. Симона, не оставившего без внимания ни одну из сторон городской жизни средневекового Данцига — политическую, правовую, церковную и всю совокупность духовной и культурной жизни города, вобравшую в себя образование, науку, литературу, искусство. По словам самого П. Симона, стремясь к созданию целостного образа городской жизни в пределах отдельных периодов городской истории, он старался избегать свойственного для исторических исследований XIX в. разделения политической и культурной жизни. При этом он не выделял

в качестве отдельного тематического пласта торговую и ремесленную историю города, рассматривая их как часть и практическое продолжение политической истории и исследуя их в контексте отношений Данцига с Ганзой, Тевтонским орденом и Польшей.

Описание политической и культурной жизни города, неизбежно вело к постановке проблем взаимоотношений немецкого и ненемецкого (польского, старопрусского, кашубского) населения города, межконфессиональных отношений, развития социальной структуры и становления единого городского сословия, поэтому произведение П. Симсона можно назвать также первой работой по социально-политической истории Данцига.

Впервые в немецкой историографии комплексному описанию подвергается не только орденский, но и померанский (X—XIII вв.) и польский (посторденский) (1466—1611 гг.) периоды в истории Данцига. Признавая недостатки избранного им хронологического описания городской истории по отдельным периодам, главный из которых заключался в неизбежном в этом случае прерывистом изложении отдельных тематических линий, П. Симсон тем не менее отдает ему предпочтение, полагая, что это соответствует природе исследуемого объекта⁵.

Труд П. Симсона стал последним крупным исследованием в немецкой исторической науке, следовавшем в подаче материала традициям средневекового нарратива. В то же время, «История Данцига» это уже научная работа начавшегося XX в., в которой используются современные исследовательские методы, а описываемый материал подвергается глубокому теоретическому осмыслению. Именно с работы П. Симсона в исторической науке Германии стало формироваться направление, посвященное истории ганзейских городов и региональной истории Германии, в частности — городу Данцигу. П. Симсон не мог остаться в стороне от роста националистических тенденций, характерных для всей немецкой исторической науки начала XX в. и отразившихся в научном творчестве как консервативных, так и либеральных историков. Поэтому в «Истории Данцига», первый том которой вышел в 1913 г., за год до начала Первой мировой войны, подчеркивается немецкое начало города, влияние средневековой немецкой культуры, немецкого языка и немецких законодательных традиций на городскую среду Дан-

цига с целью доказательства его культурно-исторической принадлежности к остальной Германии.

В 1919—1939 гг. данцигская проблематика оказывается в центре внимания, прежде всего, националистически настроенных немецких историков, юристов, экономистов⁶. Их усилия были направлены на решение четырех основных задач, вытекавших из актуального германо-польского противостояния по «данцигскому вопросу». Во-первых, исходя из безусловного, по мнению немецких исследователей, немецкого характера Данцига, показать несостоятельность закрепленного в Версальском договоре и подтвержденного рядом других международных документов особого международно-правового статуса Данцига как зависимого от Польши города, находящегося под опекой Лиги наций; во-вторых, исторически обосновать статус Данцига как субъекта международного права, в частности и в его отношениях с Польской республикой; в-третьих, обеспечить пропагандистскую поддержку Сенату Данцига в его противостоянии с польскими властями; в-четвертых, возложить ответственность за тяжелую экономическую ситуацию в городе в период протектората Лиги Наций на версальскую систему и на Польшу⁷.

В межвоенной польской историографии в ответ на резкий рост германской националистической пропаганды были предприняты усилия по освещению прошлого и современности города с точки зрения жизненно важных политических и экономических интересов Польши. Уже в 1919 г. выходит работа Ш. Ашкенази «Гданьск и Польша», в которой доказывалось, что становлением в качестве торгового и промышленного центра, а также своим процветанием Данциг был обязан прежде всего польскому окружению (*dem polnischen Hinterland*)⁸, что процветание Гданьска было достигнуто, благодаря его роли посредника в торговле между Польшей, с одной стороны, и прибалтийскими государствами и Западной Европой — с другой.

В 1922 г. в Торуня для активизации исследований балтийского региона и «для отпора» немецкому «шовинистическому» толкованию истории Гданьска был основан Балтийский институт, который в 1927—1938 гг. издал 12 выпусков ежегодника «*Rocznik Gdański*»⁹. После Второй мировой войны издание ежегодника было продолжено.

В межвоенный период в центре внимания польских исследований истории Гданьска находились проблемы, вызывавшие

острую дискуссию с германской националистической историографией, по вопросам о характере экономического развития и экономических связей Гданьска, о правовом статусе города и его принадлежности к Польше или к Германии в государственно-правовом отношении, о типологии и тенденциях его культурного развития.

В работах Л. Эрлиха, Й. Маковского и Э. Боровского¹⁰ обосновывался тезис о суверенитете польской короны в отношении Гданьска, что права и привилегии городской корпорации были основаны на польском законодательстве и что по своему статусу Гданьск принадлежал к другим королевским городам, хотя и обладал по сравнению с ними расширенными привилегиями. Положению польской общины города в условиях препятствий, чинимых городским сенатом, и определению ее места в политической и культурной жизни Гданьска посвящены работы Т. Киеньского и Б. Гавела¹¹. Развитие экономических отношений между Гданьском и Польшей, балтийская политика польских королей и Польско-Литовского государства рассматривались в польской историографии с точки зрения позитивного влияния включения Данцига в общепольское экономическое пространство¹². При этом польские ученые подвергали критике тех немецких авторов, которые стремились продемонстрировать якобы процветание Данцига до Первой мировой войны, в противопоставление упадку «Вольного города» в межвоенный период¹³.

Польские исследователи обращались и к средневековой истории Гданьска. В 1928 г. выходят два крупных сборника статей. Первый, под редакцией В. Антоневича, С. Арнольда и А. Брюкнера¹⁴, посвященный преимущественно культуре средневековой Польши; во втором, под редакцией Ст. Кутшебы¹⁵, собраны работы, посвященные исключительно Гданьску, в частности, статья Р. Лугмана об истории города до 1793 г., в которой значительное внимание уделяется отношениям города с польскими властями в средние века¹⁶, и работа самого Станислава Кутшебы по экономической истории Гданьска до 1793 г., с анализом товарооборота, судоходства, организации ярмарок, развития ремесленного производства. Большое место в работе Кутшебы занимало исследование связей Гданьска XV в. с польскими землями, с Литвой и с Русью¹⁷. Одной из острых дискуссионных проблем между польской и немецкой историографией, как и

прежде, оставались вопросы немецкой колонизации низовьев Вислы. В целом ряде работ немецкие историки развивали традиционные концепции прусской историографии XIX в. об исконном расселении здесь германских племен, о принадлежности Поморья к германскому миру¹⁸. Польским ответом на многочисленные немецкие публикации на эту тему (в первую очередь, Эрих Кейзера¹⁹ — крупнейшего немецкий исследователя средневекового Данцига) стала в межвоенный период работа В. Собеского²⁰.

Немецкие историки не обошли вниманием труды своих польских коллег²¹. О необходимости активного критического изучения польской историографии Гданьска писал в 1929 г. Э. Кейзер. По его словам, это необходимо для аргументированной критики позиции польских исследователей, представляющих историю Данцига, как часть польской истории. При этом Э. Кейзер не отрицал научной ценности работ польских историков, однако подчеркивал, что она состоит только во введении в научный оборот нового конкретного материала и исторических источников, малодоступных немецким исследователям из-за незнания немецкими историками польского языка²².

В ходе германско-польской научной дискуссии 1920-х гг. об истории Гданьска среди «классических тем»²³, обсуждались проблемы вхождения Данцига в государство Болеслава Смелого ко времени миссии Адальберта Пражского, этнической (национальной) принадлежности населения Поморья (Померелии), изгнания славян в ходе немецкой колонизации прибалтийских земель, первоначального «маркграфского» положения Поморского княжеского дома в рамках государства Пястов, влияния военных планов Казимира Великого на восстание 1361 г. в Гданьске и значения отношений польской короны и Гданьска для средневековой и новой истории в целом. При этом, решение названных проблем с обеих сторон определялось преимущественно национально-политическими мотивами.

Вместе с тем немецкие историки указывали на ряд высказанных в польской историографии оценок, которые, с германской точки зрения, расценивались как позитивные и свидетельствовали о сближении в воззрениях польских и немецких историков, в частности, в трактовке статуса правящей династии Поморского княжества, в оценке роли Поморья в языческом со-

противлении христианизации в польском государстве XI в., по вопросу об этнической структуре населения Поморья²⁴.

Тональность критики немецких историков в адрес польской историографии изменилась во второй половине 1930-х гг. С приходом к власти в Германии нацистов и с усилением реваншистской политики и пропаганды германские авторы начали писать о польских исследованиях по истории Гданьска как «о не заслуживающих особого внимания в силу изменившихся политических отношений». В этом духе высказался и Э. Кейзер, характеризуя выступления польских исследователей на Первом конгрессе балтийских историков в Риге в 1937 г.²⁵

Правда, в 1939 г. Э. Кейзер согласился с позицией польских историков о славянских корнях населения Поморья²⁶, чего раньше не было сделано в немецкой историографии. В конечном счете, Кейзер сформулировал концепцию, согласно которой в начальной истории как Данцига, так и других немецких городов, возникших на славянских землях, имело место наложение градообразовательных процессов, развивавшихся как в результате внутренних процессов социального и хозяйственного развития на славянских землях, так и процессов, привнесенных немецкой колонизацией. По сути дела Э. Кейзер сформулировал оригинальную концепцию происхождения восточноевропейских городов, положенную в основу локаторной теории возникновения городов, развитую польскими исследователями во второй половине XX в.²⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Stein W.* Vom deutschen Kontor in Kowno // *Hansische Geschichtsblätter* / Hrsg. seit 1871. 1916. Bd. 22. S. 225—266 (далее — HGBll); *Schroeder H.G.* Der Handel auf Düna am Mittelalter // HGBll 1918. S. 23—156; *Cosack H.* Zur auswärtigen Politik des Ordenmeisters Wolhus von Herde // HGBll 1915. Hf. 1. S. 99—118; *Frensdorff F.* Das Stadtrecht von Wisby // HGBll 1916. Bd. 22. S. 1—85.

² *Below G. von.* Der Deutschen Staat des Mittelalters. Leipzig, 1914.

³ *Simson P.* Geschichte der Stadt Danzig, Danzig, 1913—1921. Bd. 1—3.

⁴ *Pommerellisches Urkundenbuch* / Hrsg. M. Perbach. Danzig, 1881; *Perlbach M.* Materialien zur Geschichte Pommerellens hauptsächlich während der Ordenszeit // *Altpreußische Monatsschrift*. 1903. Bd. 40. S. 257—303; *Hirsch Th.* Danzigs Handels — und Gewerbsgeschichte unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Leipzig, 1858; [*Idem*]. Die

Oberpfarrkirche von Sankt Marien in Danzig in ihren Denkmälern und in ihren Beziehungen zum kirchlichen Leben Danzigs: in 2 Bde / Th. Hirsch. — Danzig, 1843—1847; Weinreich's Danziger Chronik. Ein Beitrag zur Geschichte Danzigs, der Lande Preussen und Polen, des Hansabundes und der Nordischen Reiche / Hrsg. F.A. Voßberg. Berlin, 1855; [Hirsch Th.] *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preußischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft* / Hrsg. T. Hirsch. Leipzig—Frankfurt, 1870—1874. Bd. 4, 5.

⁵ *Simson P.* Geschichte der Stadt Danzig (Vorwort). Bd. 1. S. VIII—IX.

⁶ Библиографию см.: Danzig—Polen—Korridor und Grenzgebiete. Eine Bibliographie mit Beschreibung Berücks von Politik und Wirtschaft. Danzig, 1932—1939. Bd. 1—8; Bibliographie zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen und Grenzlandfrage 1919—1939 // Bibliographie Weltbücherei, Institut für Weltpolitik. 1942. № 34—36.

⁷ См.: *Kalisch J.* Die Freie Stadt Danzig (Gdańsk) 1919/20—1939 im Spiegel wissenschaftlicher Literatur und politischer Publizistik // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1977. Hf. 1. S. 58—62.

⁸ См.: *Askenazy S.* Gdańsk a Polska. Warszawa, 1923.

⁹ *Kalisch J.* Op. cit. S. 15.

¹⁰ *Ebrlich L.* Gdańsk. Zagadnienia prawno—publiczne. Lwów, 1926; *Makowski J.* Prawno—państwowe położenie Wolnego Miasta Gdańska. Warszawa, 1923; *Idem.* Zagadnienie państwowości Wolnego Miasta Gdańska. Warszawa, 1934; *Borowski E.* Ewolucja stosunków polsko-gdańskich na tle orzecznictwa organów Ligi Narodów. Wilno, 1938.

¹¹ См.: *Gawel B.* O polkość Gdańska. Lwów, 1932; *Kijeński T.* Ilu jest Polaków na terenie Wolnego Miasta Gdańska // Rocznik Gdański. 1928. Bd. 2.

¹² См.: *Bobdan E.* Morska polityka gospodercza Polski. Warszawa, 1928; *Siebeneichen A.* Gdańsk a Polska na tle gospodarczych postanowień traktatu konwencji i umów. Warszawa, 1923; *Idem.* Rola Gdańska w życiu gospodarczym Polski // X lat polskiej pracy na morzy. Gdynia, 1939; *Idem.* Spór o Gdynie. Toruń, 1930; *Rzepecko A.* Sprawy gdańskie. Warszawa, 1928; *Strasburger H.* Sprawa Gdańska. Warszawa, 1937; *Sławski S.* Gdańsk, Polska a Niemcy. Poznań, 1926; *Kwiatkowski E.* Powrót Polski nad Bałtyk. Toruń, 1930; *Idem.* Dysproporcje. Kraków, 1932.

¹³ *Kalisch J.* Op. cit. S. 65.

¹⁴ Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej / Pod red. Wł. Antoniewicz, St. Arnold; A. Brückner. Warszawa; 1929. Bd. 1.

¹⁵ Gdańsk, przeszłość i terażniejszość / Pod red. St. Kutrzeby. Lwów; Warszawa; Kraków: Ossolinium, 1928.

¹⁶ *Lutman R.* Historia Gdańska do roku 1793 // Gdańsk, przeszłość i terażniejszość... S. 35—128.

¹⁷ *Kutrzeba St.* Handel i przemysł do roku 1793 // Gdańsk, przeszłość i terażniejszość... S. 129—171.

¹⁸ См. напр.: *Kossina G.* Weichselland — ein uralter Heimatboden der Germanen. Berlin, 1919; *Das Weichsel–Nogat–Delta. Beiträge zur Geschichte seiner landschaftlichen Entwicklung, vorgeschichtlichen Besiedlung und bäuerlichen Haus- und Hofanlage* / Hrsg. H. Bertram u.a. Danzig, 1924; *Recke W.* Der Weichseldurchbruch im Jahre 1371 // *Mitteilungen des westpreußischen Geschichtsvereins.* 1924. S. 1—10; *Der Kampf um die Weichsel. Untersuchungen zur Geschichte des politischen Korridors* / Hrsg. E. Keyser. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1926.

¹⁹ *Keyser E.* Der Kampf um die Weichsel // *Archiv der Polnischen Geschichte.* 1926. S. 369—377; *Idem.* Die geschichtliche Einheit des preußen Weichsellandes // *Zeitschrift für Geschichte Preußens.* 1927. S. 226—233; *Idem.* Preußenland. Geopolitische Betrachtungen über der Geschichte des Deutschtums an Weichsel und Pregel. Danzig, 1929.

²⁰ *Sobieski W.* Walka o Pomorze. Poznań etc., 1928.

²¹ *Hanisch E.* Danzig in poln. Beleuchtung // *Historische Jahrbücher.* Görresges. 1929. S. 102—117. — Рецензия на книгу: *Gdańsk, przeszłość i teraźniejszość* / Pod red. St. Kutrzeby. Lwów etc., 1928.

²² *Keyser E.* Ost- und Westpreußen // *Jahresberichte für deutsche Geschichte.* 1931. (Jg. 1929) S. 434.

²³ См.: *Бокман X.* Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004. С. 81.

²⁴ Ср.: *Schmid HF.* Jahresberichte für deutsche Geschichte. 1931. (Jg. 1928). S. 551—554. — рецензия на книгу: *Sobieski W.* Walka o Pomorze. Poznań etc., 1928.

²⁵ *Keyser E.* Jahresberichte für deutsche Geschichte. 1940. (Jg. 1938). S. 398—402. — рецензия на статью: *Malowist M.* Riga und Danzig vom Ausbruch des Dreizehnjährigen Krieges bis zum Ende des XVI. Jahrhunderts // *Conventus primus historicorum Balticorum. Acta et relata.* 1937. S. 312—320.

²⁶ *Keyser E.* Neue Forschungen über die Entstehung der Stadt Danzig // *Zeitschrift für Wirtschaftsgeschichte Danzig.* 1939.(75). S. 09.

²⁷ *Bierat C.* Statystyka obrotu towarowego Gdańska w latach 1651—1815. Warszawa, 1962; *Biskup M.* Zagadnienie ważności i interpretacji traktatu toruńskiego 1466 r. // *Kwartalnik Historyczny.* 1962. № 2. S. 295—333; *Idem.* Zjednoczenie Pomorza Wschodniego z Polską w połowie XV wieku. Warszawa, 1959.

Р.Н. ЧАНЫШЕВ

Казань

Германия в судьбе американского дипломата Джорджа Фроста Кеннана

В судьбе известного американского дипломата, историка и публициста, автора легендарной доктрины «сдерживания коммунизма» Джорджа Фроста Кеннана (1904—2005) — свидетеля и участника многих выдающихся событий в истории XX века — особое место сыграли три великих державы: США, Россия и Германия, которыми он безмерно восхищался. С немецким и русским народами, немецкой и русской культурой Кеннан ощущал некую родственную эмоциональную связь в течение всей своей жизни. Интерес к России у Кеннана возник, в основном, благодаря знаменитому однофамильцу Джорджу Кеннану старшему, известному публицисту, специалисту по России, изучавшему, в частности, сибирскую каторгу конца XIX в. Кеннан зачитывался трудами своего прославленного тезки, одновременно изучая русскую классическую литературу. Этим во многом можно объяснить пробудившийся интерес юного Кеннана к российской истории и культуре. Однако, сделав в последствии головокружительную карьеру на поприще советско-американских отношений, он на протяжении всей жизни воспринимал Россию как неведомую и загадочную страну мифов и легенд.

Германия, с другой стороны, как и вся Западная Европа, привлекали, воспитанного в строгих пуританских нравах Кеннана, своей классической консервативной культурой. Он чувствовал свою духовную принадлежность к Старому свету. С детства Кеннан интеллектуально ассоциировал себя с аристократической верхушкой европейского общества. Его предки были шотландцами, да и по стилю жизни, и по внешнему облику Кеннан походил на выходцев из Северной Европы. Многие в жизни связывало его с Германией. Немалую роль в этом сыграл его

отец — Кошут Кент Кеннан. Тот был успешным и образованным человеком, знал немецкий и французский языки, отдавал предпочтение немецкой музыке от Баха до Вагнера и Рихарда Штрауса¹. Кошут Кеннан оказал огромное влияние на своего сына. Он заботился о благополучии семьи и здоровье своих детей: физическом и умственном. Он привил Кеннану любовь к освященным традицией подлинным ценностям. Благодаря отцу Кеннан еще в юности побывал в Европе. Под влиянием отца у юного Джорджа сформировалось осознание своей принадлежности к европейской истории и культуре. Как отмечал один из биографов Д. Кеннана — Джон Лукас, посвятивший свою книгу молодым годам и времени становления будущего дипломата, тот «был северянином, также европейцем, больше чем просто шотландцем или англичанином»².

Особую роль в судьбе Кеннана сыграло посещение вместе с семьей Германии. Благодаря отцу немецкий стал первым иностранным языком, которым он овладел, а Германия — первой зарубежной страной, которую он узнал³. Еще до Первой мировой войны, в 1912 г., когда Кеннану исполнилось восемь лет его семья шесть месяцев жила в Касселе, где Кошут Кеннан работал над книгой о налогах. Этот город был выбран не случайно, так как, по мнению отца, именно в этой германской земле наиболее правильно говорили по-немецки⁴. К моменту отъезда Джордж уже вполне прилично говорил на немецком языке. Во время пребывания в Германии он впервые стал строить планы на будущее. В письме отцу, который вернулся в Америку за несколько недель до приезда семьи, Джордж задал ему вопрос: «Могу я пойти в военно-морской флот, когда я вырасту?»⁵.

Спустя много лет, на заре своей дипломатической карьеры, которую Кеннан достаточно объективно описал в своих мемуарах⁶, он по долгу службы вновь оказался в Германии — Гамбурге. В 1928 г. Гамбург был самым большим портом Европы. Кеннан, который с детства боготворил море и северное небо, чувствовал себя здесь как дома⁷. Будучи в Гамбурге, он старался, как можно более пополнить свои знания, много читал, особенно немецкие газеты, работал в библиотеках, слушал лекции на разные темы. Он чувствовал, что ему не хватало образования и знаний, но пока не понимал, как можно было бы их применить. В итоге, он пришел к выводу, что должен продолжить свое обучение.

В то время Кеннана направили в Берлин, где он должен был пройти подготовку как специалист по России и Советскому Союзу, с которым США намеривались в ближайшее время установить дипломатические отношения. «Я стал докторантом Восточного семинара Берлинского университета. Созданный Бисмарком для подготовки дипломатов, работающих на Востоке, — писал Кеннан, — этот своеобразный факультет к тому времени превратился в центр по изучению восточных культур. Русское отделение выдавало окончившим его дипломы переводчиков. Однако экзамены следовало сдавать не только по языку, но и по истории государства и права, и по экономической географии России»⁸. Карьера Кеннана приняла, таким образом, новое направление. Тогда же произошли перемены и в его личной жизни. Летом 1931 г. в Берлине Кеннан познакомился со своей будущей женой — уроженкой Норвегии Аннелизой Соренсен, которая сыграла в его жизни незаурядную роль.

В 1934—1937 гг. Кеннан работал в американском посольстве в Москве, затем из-за разногласий со вторым послом Джозефом Дэвисом он был переведен на работу в Прагу, где в 1938—1939 гг. оказался непосредственным свидетелем Мюнхенского сговора и захвата гитлеровцами Чехословакии. 12 сентября 1939 г. Кеннана направили в Берлин в качестве второго секретаря посольства США. Отсюда он продолжал посылать аналитические доклады о положении в Европе, которые запрашивал Госдепартамент, однако вскоре в Вашингтоне пропал интерес к захваченным фашистами европейским государствам. Параллельно американское посольство в Берлине взяло на себя представительство Великобритании и Франции, а Кеннан руководил всеми административными делами. Период 1939—1940 гг. оказался наиболее тяжелым для работников американского посольства в связи с различными ограничениями с немецкой стороны и минимальным финансированием. «В целом же, — писал Кеннан, — я чувствовал себя в Берлине вполне нормально, несмотря на все подобные неудобства. Немецкий язык я знал, и быт города был мне знаком. За исключением редких визитов в МИД я не имел никакого касательства к нацистскому режиму, как, впрочем, и люди, которых я знал»⁹.

Весной 1940 г. Германия напала на Данию и Норвегию. За два дня до того, как немцы начали бомбардировку Кристианстенда, родного города жены Кеннана, ему удалось вывести семью

на время в Германию. До осени они оставались в Берлине, затем перебралась в Италию и далее в США. Кеннан же продолжал работать в американском посольстве, где был назначен первым секретарем¹⁰. Он был непосредственным свидетелем развернувшейся в Европе трагедии, «уничтожения всего вокруг», описанных им в дневниках и воспоминаниях¹¹. До вступления в войну Соединенных Штатов оставался год.

За несколько дней до японской атаки на Перл Харбор (7 декабря 1941 г.) Кеннан был назначен советником американского посольства в Берлине, и ему было поручено самостоятельно вести всесторонний мониторинг германской агрессии. Однако Кеннану не довелось выполнить это задание, хотя в этой области он и считал себя специалистом высокого класса, так как 10 декабря Германия объявила войну США, и Кеннан вместе с другими 130 американскими дипломатами был интернирован. В течение пяти месяцев он прожил в плену в городе Бад Наухем, близ Франкфурта. Страна, с которой Кеннан мысленно сросся и которая олицетворяла для него все лучшее в культурном наследии Европы, превратилась в место унижительного заточения. Духовная и интеллектуальная самоизоляция дипломата-мыслителя только усилилась вследствие его разочарования в германской истории, утратившей, в его представлении, внутреннюю законосообразность. Германия же будучи во власти авантюристов — Гитлера и его подручных — потеряла право претендовать на консолидирующую роль в Европе¹².

В течение пяти месяцев изоляции Кеннан стал своего рода моральным лидером и наставником своих коллег¹³. Вскоре в Лиссабоне всех их обменяли на интернированных в США немецких дипломатов, и Кеннан в июне 1942 г. вернулся домой, получив два месяца заслуженного отпуска. Однако ни ему, ни его коллегам проведенное под арестом время оплачено не было. Цинизм этого решения, мотивированного якобы тем, что в этот период они фактически не вели никакой работы и не исполняли своих обязанностей, возмутил Кеннана, считавшего, что в этом нашло выражение несерьезное и скептическое отношение руководства страны к роли дипломатии в международных делах.

Со второй половины 1940-х гг. Кеннан делает стремительную карьеру, возглавляет отдел планирования при Госдепартаменте и работает над Планом Маршалла. В начале 1950-х он получает

долгожданное назначение послом в СССР, заняв, таким образом, одно из центральных мест во внешнеполитическом ведомстве США. Однако вскоре Кеннану пришлось расстаться с этой должностью. В 1952 г. в Западном Берлине он выступил с осуждением царивших в Москве порядков, а 3 октября был объявлен *persona non grata*¹⁴.

После этого на некоторое время Кеннан отошел от практической работы в Госдепартаменте и в 1956 г. становится профессором Принстонского университета. Университетская кафедра позволяет ему публично высказать свои взгляды на международное положение и внешнюю политику США. В конце 1950-х гг. Кеннан направился в Европу, где выступал с публичными лекциями и участвовал в конференциях в Англии, Дании и Германии. Будучи в сентябре 1959 г. в Гамбурге, сыгравшем немалую роль в его жизни, Кеннан констатировал печальный факт: «Европы его юности больше не существовало». Еще до возведения Берлинской стены Кеннан посетил Берлин и его восточную часть, отметив разительный контраст между руинами разбомбленного города на востоке и «суматошным процветающим Западным Берлином»¹⁵.

В своих научных трудах и публицистических выступлениях Кеннан сосредоточился на проблемах советско-американских отношений, американской внешней политики и истории России, тем не менее, германская проблема и вопрос объединения Германии также занимал особое место в его творчестве. В 1957 г. Кеннан прочел на радио Би-Би-Си несколько лекций, которые, по словам его биографа Уолтера Хиксона, означали «вызов фундаментальным положениям, лежавшим в корне послевоенной международной системы». Прозвучавшие в ночь, когда НАТО приняло решение установить атомные ракеты в Западной Европе, эти лекции вызвали ряд комментариев на Западе «с призывом пересмотреть политику «сдерживания» коммунизма, которую сам Кеннан провозгласил десятилетием ранее. И на этот раз США и ведущие страны НАТО, писал далее Хиксон, «отвергли призыв Кеннана к объединению Германии, к освобождению великой силы и к созданию свободной безъядерной зоны в Европе»¹⁶. США исходили в то время из реальности угрозы «советского вторжения» и полагали, что стратегия холодной войны обеспечит стабильность миропорядка. В дальнейших своих выступлениях Кеннан говорил уже об объединении Германии и

о выводе с ее территории иностранных войск, что, по его словам, в значительной степени сняло бы напряжение. Если бы это было своевременно сделано, полагал Кеннан, то Германия никогда не стала бы членом НАТО, превратившись в независимое буферное государство, которое обеспечило бы мир и стабильность в Центральной Европе.

В опубликованных в 1961 г. лекциях Кеннана в книге, озаглавленной «Россия и Запад при Ленине и Сталине»¹⁷, он решительно предостерегал американские правящие круги от предоставления ФРГ ядерного оружия, ибо «такой шаг может иметь роковые последствия <...> и наверняка вызвал бы серьезное обострение существующей военной напряженности в Европе. <...> После этого мы раз и навсегда лишились бы надежды на то, что русские уйдут из Центральной и Восточной Европы, ибо элементарная военная осторожность будет диктовать им не делать этого»¹⁸.

В 1961—1963 гг. Кеннан возвращается на дипломатическую службу, став послом США в Югославии. В этот период в силу служебного положения он не мог публично высказывать свое мнение по вопросам внешней политики. Однако после ухода с этого поста он вновь стал выступать с критикой политики республиканской администрации в международных делах. 18 февраля 1965 г. в Нью-Йорке Кеннан выступил на международном симпозиуме по проблемам мира и международного взаимопонимания, резко критиковал политику США в германском вопросе и, в целом, по европейским проблемам. Он указал на то, что эта политика усилила опасную неуверенность, связанную с положением Берлина, что эта политика по существу ничего не дала. Кеннан видел причины провала во «внутренних противоречиях» внешнеполитической стратегии США. Он писал: «Военные цели, в частности включение объединенной Германии как важного компонента в западную систему обороны, базирующуюся в первую очередь на ядерном оружии, явно находятся в противоречии с главной политической целью: заставить Советский Союз уйти из Центральной Европы <...>, ибо ни одно русское правительство, будь то коммунистическое или какое-нибудь другое, не может позволить себе уйти, уступая такому требованию»¹⁹. Кеннан предлагал «выработать общую западную политику, не связанную столь сильно с внутривнутриполитическими соображениями, которые давят на западногерманские прави-

тельства. Он считал, что не нужно оставлять в будущем Западной Германии «полную возможность для перевооружения», особенно ядерного, что «следовало бы дать большую гарантию Польше и другим странам в вопросе о восточных границах Германии в качестве одной из составных элементов возможного урегулирования разногласий между Востоком и Западом». Наконец, Кеннан рекомендовал «примириться с хотя бы временным существованием самостоятельного восточногерманского политического организма»²⁰.

Со второй половины 1960-х годов, после завершения своей дипломатической карьеры, Кеннан все чаще выступает с критикой внешнеполитического курса США в европейских делах и в отношении СССР. Война США во Вьетнаме, глобальная конфронтация двух мировых систем изменили положение Европейского континента в международной политике. Германский вопрос из решающего фактора в соотношении сил Востока и Запада превратился в проблему европейской безопасности. В этих условиях Кеннан призывал отказаться от наращивания ядерных вооружений в Европе, сохранить политику разрядки, учитывая естественные интересы СССР. Он предлагал, сохраняя систему ядерного сдерживания, перенести центр тяжести американской политики в Европе на укрепление отношений США с европейскими союзниками²¹. Он подчеркивал, что ФРГ — главная опора США в Европе, поскольку, по его словам, немцы менее других народов подвержены антиамериканским настроениям. Кеннан призывал США поддерживать моральный дух англичан, как наиболее близких союзников и проявлять щедрость в отношении малых стран Западной Европы.

Во многом проевропейская ориентация политических взглядов Джорджа Фроста Кеннана объяснялась его близостью к европейским культурным ценностям, которые наиболее определенно отождествлялись им с Германией. В истории России он вслед за Л. фон Ранке видел выдающийся пример стремления к «европеизации», которое, по его убеждению, не было остановлено даже политикой «железного занавеса». Стремление к политическому, идейному и культурному единству с Европой он считал чрезвычайно важным и для США даже в эпоху глобализации, поскольку Европа всегда оставалась для Кеннана центром и связующим звеном Западной цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Lukacs J.* George Kennan: a Study of Character. New Haven-London, 2007. P. 10.

² *Ibid.* P. 9.

³ *Harper J.L.* American Visions of Europe. Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. New York, 1997. P. 142.

⁴ *Ibid.*

⁵ Цит. по: *Isaacson W., Thomas E.* The Wise Men. Six Friends and the World They Made: Acheson, Bohlen, Harriman, Kennan, Lovett, Mc Cloy. New York, 1986. P. 73.

⁶ *Kennan G.F.* Memoires 1925—1950 ; 1950—1963. Boston-Toronto, 1967—1972.

⁷ *Lukacs J.* Op. cit. P. 25.

⁸ *Ibid.*

⁹ *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 75—76.

¹⁰ Об исполнении Кеннаном должности первого секретаря Посольства США в Германии см.: Письмо временного поверенного в делах США в СССР Х.С. Камминга исполняющему обязанности министра иностранных дел СССР А.А. Громыко об агремане на назначение послом в СССР Д.Ф. Кенплага. В кн.: Советско-американские отношения. 1949—1952. М., 2006. С. 488.

¹¹ *Кеннан Дж.* Указ. соч. С. 83.

¹² *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке: очерки истории международных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009. С. 449—450.

¹³ *Lukacs J.* Op. cit. P. 51.

¹⁴ *Мальков В.Л.* Указ. соч. С. 460.

¹⁵ *Congdon L.* George Kennan: a Writing Life. Wilmington, 2008. P. 82.

¹⁶ *Hixson W.L.* George F. Kennan Cold War Iconoclast. New York, 1989. P. 171.

¹⁷ *Kennan G.F.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston; Toronto, 1961.

¹⁸ *Ibid.* P. 60—61.

¹⁹ Цит. по: *Аннатов С.И.* Американская буржуазная историография германской проблемы. М., 1966. С. 155—156.

²⁰ Там же.

²¹ См.: *Kennan G.F.* The Nuclear Delusion. Soviet-American Relations in the Atomok Age. New York, 1982.

С.В. ПОГОРЕЛЬСКАЯ

Бонн — Москва

Роль политических организаций депортированных немцев во взаимоотношениях Польши и Федеративной Республики Германии

Рубеж 1990-х годов в политической публицистике стран Запада был провозглашен «концом истории». Популярный термин, введенный в оборот Френсисом Фукуямой в 90-е годы, предполагал не просто «победу демократии» в Европе, но и окончательный конец конфликтов, определявшихся эпохой конфронтации блоков. Ныне об этом коротком периоде политической эйфории уже никто не вспоминает. Так называемый «конец истории» вернул в политику европейских держав те спорные проблемы недавнего исторического прошлого, которые во времена конфронтации блоков, ради политической стабильности в Европе, были либо «оставлены историкам», либо вообще вытеснены из официальной исторической памяти.

Развитие Европейского Союза (ЕС) отягощено потенциальными конфликтами, причины которых обусловлены не только экономической и политической конкуренцией стран-членов, но и коренятся в истории взаимоотношений европейских держав. Взаимные «исторические» претензии вытесняются из реальной политики ради «общего европейского будущего». Однако с уходом в прошлое эпохи противостояния блоков случается, что внутриевропейские конфликты, обусловленные исторически сложившимися асимметриями взаимного восприятия, вновь приобретают актуальное политическое звучание.

Так, например, взаимоотношения в «стратегическом треугольнике» — между Россией, Германией и Польшей — необычайно отягощены историческим прошлым. Примеров конструктивного трехстороннего политического сотрудничества

в этом треугольнике новейшая история практически не дает. В то же время эти отношения имеют ключевое значение для стабильности в Центральной Европе. Осмысление исторического прошлого в условиях новых политических реалий может повлиять на формирование внешнеполитических концепций государств, причем как в конструктивном, так и в негативном плане, когда трагические страницы прошлого используются с тем, чтобы обосновать тактику политической конфронтации в ущерб реальным экономическим и политическим государственным интересам.

Во времена противостояния Востока и Запада власти и официальная пропаганда Польской народной республики (ПНР), например, не считали целесообразным в отношениях с СССР поднимать тему Катыни или же польских восточных границ, а восточные немцы, выстроившие, в отличие от ФРГ, свою особую «антифашистскую» историографию Второй мировой войны и послевоенной истории Германской демократической республики (ГДР), разумеется, не поднимали в отношениях с восточными соседями по социалистическому лагерю тему депортаций немецкого населения из Восточной Европы, прежде всего с территорий, утраченных Германией в результате войны.

Названная проблема для Польши и Германии приобрела новую актуальность в первую очередь потому, что обе этих страны — члены ЕС. Уже в силу этого им желателен консенсус в проводимой ими политике по отношению к России. Внешнеполитическая стратегия Варшавы и Берлина на российском направлении определяется, во-первых, «общевропейской идентичностью» обеих стран, во-вторых, их различными позициями, которые они занимают в ЕС по целому ряду принципиальных вопросов, в-третьих, различным историческим опытом отношений с Россией и, в-четвертых, проблемами взаимоотношений Германии и Польши между собой.

В предлагаемой статье недавний «исторический спор» между Польшей и воссоединившейся Германией рассматривается в его современном общевропейском измерении. Особое внимание при этом уделяется активно действующим в ФРГ организациям, именующим себя «союзами изгнанных» и объединяющими тех немцев и их потомков, которые были высланы с территорий, присоединенных к Польше, Чехословакии и СССР после Второй мировой войны и из ряда других стран Восточ-

ной Европы. Этим объединениям в данном конкретном случае удалось, пусть и не надолго, повлиять на характер взаимоотношений между Польшей и Германией — двумя союзниками по ЕС и НАТО.

Политической манифестацией этого спора были разногласия между Польшей и Германией об увековечении памяти жертв этнических чисток в Европе, в том числе, по желанию Берлина, немецких жертв послевоенных депортаций из стран Восточной Европы, в частности из Польши. Однако эти разногласия, вышедшие на уровень официальных взаимоотношений на высшем политическом уровне — лишь вершина айсберга. Этот спор демонстрирует основополагающие асимметрии восприятия исторического прошлого, фундаментальные различия в изучении и оценках одних и тех же исторических фактов у двух государств Евросоюза — структуры, претендующей не только на экономическое, но и на политическое единство.

Организации депортированных немцев в ФРГ: история

В результате Ялтинских и Потсдамских соглашений 1945 г. территории Германии восточнее Одера и Нейсе были переданы Польше, области Восточной Пруссии были присоединены частью к ПНР, частью — к СССР, в последнем случае была образована Калининградская область. Переселение немецкого населения из Восточной и Юго-Восточной Европы на территорию Германии должно было совершаться «гуманными путями» — однако на деле оно обернулось трагедией, в особенности в Чехословакии, где декреты Бенеша легализовали экспроприацию и изгнание судетских немцев. В целом в первые два послевоенных года около 12 млн немцев были выселены из мест их проживания, в том числе из тех, где немецкие этнические меньшинства жили веками. Около полумиллиона (473 000) при этом выселении погибли — подчеркнем, речь идет о гражданском населении.

ГДР признала границу по Одере и Нейсе (по Одре и Пысе) в Герлитцком договоре в 1950 г. и никаких претензий к польской стороне не выдвигала. В ФРГ же, где было расселено около 8 млн. депортированных, уже с 1949 г. начали формироваться организации, представлявшие выселенные немецкие меньшинства. Тогда же, в (1949 г.) было образовано Централь-

ное объединение изгнанных немцев, целью которого было представлять экономические и социально-политические интересы всех переселенцев, независимо от того, являлись ли они в прошлом гражданами Германии и жили на ее территории до войны или же принадлежали к той или иной немецкой этнической группе «компактного поселения» немцев в Европе. Еще одной формой организации переселенцев были т. н. «землячества», деятельность которых сначала концентрировалась на культурно-политических проблемах. Организационная инициатива исходила от судетских немцев. Землячества — на начальном этапе своего существования — являлись организациями депортированных немецких меньшинств, потерявших «родину», т. е. территории своего компактного проживания. «Землячество — организация этнической группы за пределами ее родины и представляет ее интересы. Эта организация потребуется этнической группе, когда мировая политика вновь займется интересующими ее проблемами»¹, — провозглашали создатели землячеств.

В соответствии с уставными нормами в организациях подобного типа люди объединялись исключительно по национальному и земляческому признаку независимо от политических взглядов и религиозных убеждений, хотя на деле землячества, разумеется, формулировали и политические цели. В августе 1949 г. были основаны Объединенные восточногерманские землячества, позже переименованные в Объединение землячеств. Под «восточной Германией» подразумевались, разумеется, земли восточнее Одера-Нейсе. Обе вышеупомянутых организации приняли в 1950 г. «Хартию изгнанных немцев», которая до сегодняшнего дня считается определяющим программным документом немецких вынужденных переселенцев. Основными ее пунктами были: провозглашенный «отказ от мести» и поддержка «всех начинаний, направленных на создание Европейского единства»². В 1958 г. организации переселенцев объединились в Союз изгнанных-объединенные землячества и союзы. Название «изгнанные» было призвано подчеркнуть политический характер проблемы депортированных немецких меньшинств.

С воссоединением Германии структуры Союза изгнанных распространились на территорию бывшей ГДР: пять «центральногерманских» союзов, образовавшихся в новых федеральных

землях в 1990—1991 гг. стали членами Союза изгнанных. Эти организации обладают определенными программными установками по отношению к ряду стран Восточной Европы, в частности к Польше. Термин «центральные» в их названии, а не «восточногерманские» указывает на то, что, с точки зрения этих организаций, деятельность союзов осуществляется в Центральной Германии, имея в виду, что во времена кайзеровской Германии и в дальнейшем, до 1945 г., эти области географически относились к центральным районам страны, в то время, как восточногерманские территории были отторгнуты в итоге Второй мировой войны.

Попытки организаций депортированных немцев влиять на внешнюю политику ФРГ в 1949—1990 гг.

В 1950-е годы организации «изгнанных» претендовали на соучастие в официальной внешней политике ФРГ. Они сотрудничали с МИД ФРГ в вопросах отношений с восточноевропейскими странами и даже пытались предпринимать собственные внешнеполитические шаги. Особенно активны были «Судетские немцы», разрабатывавшие планы «судетско-германской внешней политики»³ и по собственной инициативе пытавшиеся наладить контакты с т. н. чешскими «правительствами в изгнании». «Судетские немцы», со времени основания организации в 1949 г., утверждали, что «рассматривают свою проблему как часть общегерманской проблемы в определении будущего порядка в Европе»⁴. А когда государства Западной Европы в 1950-е годы, со времени образования Европейского объединения угля и стали, начали предпринимать первые шаги к интеграции, «Судетские немцы» объявили проблему депортированных немецких меньшинств «европейской проблемой»⁵. В архивах германского МИД хранятся многочисленные проекты и предложения, направленные землячеством судетских немцев в адрес официальной дипломатии.

Аналогичная претензия на самостоятельное участие во внешней политике ФРГ демонстрировалась организациями «изгнанных» и по отношению к Польше: «С международно-правовой точки зрения, — заявлял, выступая летом 1953 г. перед молодыми членами землячества силезских немцев Г. Хупка — один из консервативных политиков ФРГ, принадлежавший тогда к Сво-

бодно-демократической партии, — поляки не имеют права ни на немецкие территории на западе своей страны, ни на бывшую «восточную Польшу» (земли бывшей Восточной Пруссии. — *СЛ*) на востоке»⁶. Подобного рода утверждения не раз провозглашали и другие политики из стана «изгнанных» и их сторонники в правящих кругах Западной Германии.

Внешнеполитические установки союзов «изгнанных» в вопросе о границе по Одеру и Нейсе в те годы исходили из того, что послевоенный статус Германии, определенный Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями, носит, с юридической точки зрения, якобы временный характер и действует только до подписания мирного договора. С политической точки зрения, они рассчитывали, что победа Запада в холодной войне приведет к разрешению т. н. «германского вопроса», в частности и проблемы возвращения на исконные территории депортированных немецких меньшинств. Эти установки находились в русле внешней политики ФРГ 1950- первой половины 1960 гг., исходившей из непризнания ГДР и германских границ на востоке.

С конца 1960-х гг., с началом Новой восточной политики Вилли Брандта и подписанием договоров 1970 и 1971 гг. ФРГ с Польшей и Чехословакией, а также с развитием в Европе хельсинского процесса союзы «изгнанных» были отстранены от участия во внешней политике ФРГ. Однако своих позиций по отношению к странам, депортировавшим немцев, они не изменили. При этом организации «изгнанных» немцев сохранили значительное влияние на общественную жизнь Западной Германии, оставались в легальном политическом спектре, не скатываясь на уровень открыто реваншистских праворадикальных группировок. В политическом отношении они являются одним из существенных элементов консервативного лагеря. Их бессменное политическое лобби — с момента возникновения и вплоть до сегодняшнего дня — солидные консервативные партии ХДС/ХСС.

После воссоединения Германии в 1990 г. союзы «изгнанных» не только сохранили, но и усилили свои общественные позиции, в частности, в восточных землях, относившихся прежде к территории ГДР. Неизменным политическим требованием этих организаций к восточноевропейским странам было т. н. «право на родину», т. е. право немецких этнических меньшинств жить на своей «исторической родине», на территории какой

бы нынешней суверенной страны она ни находилась. Причем подразумевалось, что «право на родину» означает не только возвращение переселенных немцев и их потомков в области компактного поселения немецких меньшинств до Второй мировой войны, но в перспективе получение компенсаций за нарушение этого права, т. е. «за экспроприацию и изгнание».

Второй после 1950-х гг. всплеск внешнеполитической активности Союза изгнанных случился после воссоединения Германии, в рамках расширения ЕС на Восток. К тому времени Союз насчитывал около 2 млн. членов и объединял 20 землячеств, 16 союзов федеральных земель и 5 объединений. Он требовал отмены законодательств в Чехии и Польше, ущемляющих права «изгнанных» немцев. В качестве причины называлась забота о ценностных основах ЕС, а также опасность привнесения в него нерешенных противоречий и «спящих» конфликтов. В частности, по отношению к Польше Союз изгнанных насчитывал более 130 правовых акта, ущемлявших права немцев, и требовал их пересмотра и отмены.

С точки зрения польских и чешских правоведов легализованное Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями «переселение» немецкого населения стало, во-первых, следствием установленного антигитлеровской коалицией «национального принципа» определения европейских границ; во-вторых, оно вытекало из коллективной ответственности немецкого народа за развязывание фашистской агрессии и за военные преступления нацистов на оккупированных территориях; в-третьих, переселенное немецкое население, как и другие перемещенные группы населения, в частности поляки — с территории СССР, не были экспропрированы, а получили компенсации на новых территориях поселения за оставленные земельные владения и имущество, что и было сделано в Германии во всех четырех оккупационных зонах, а национализированное имущество переселенных немцев рассматривалось как часть германских репараций.

Таким образом, как с точки зрения международного права, так и национального права, установленного в силу международно признанного урегулирования после Второй мировой войны, ревизия статуса «переселенцев» означала бы пересмотр ее итогов и установленных фундаментальных правовых норм. Разумеется, с точки зрения Польши, Чехии и других стран, в том чис-

ле и возникших после распада СССР, пересмотр итогов Второй мировой войны, даже под предлогом европеизации проблемы, таит угрозу европейской безопасности и едва ли имеет серьезные правовые основания, однако это не исключает согласованных в двустороннем или многостороннем порядке гуманитарных решений по отдельным вопросам.

Начало «исторического спора»

В определенной мере стимулом к попыткам пересмотра режима политического урегулирования в Европе после Второй мировой войны, принципов нерушимости европейских границ и государственного суверенитета стали события 1990-х гг., связанные с распадом Югославии, в частности действия мирового сообщества и стран НАТО, направленные на пресечение международных конфликтов и т. п. «этнических чисток». Организации «переселенных» немцев в Германии попытались использовать этот прецедент, чтобы обосновать свое «право на родину». Так Союз изгнанных выступил с инициативой создания в Берлине Центра памяти жертвам этнических чисток в Европе, в котором должна была найти место и тема депортации немцев. Эти планы в Восточной Европе были встречены с осуждением. В Польше намерение создать такой Центр истолковали как попытку Союза изгнанных путем создания подобного Центра европеизировать проблему изгнанных немцев, а затем решить ее на обходных путях, через европейские правовые нормативы. Тем более, что в Германии на ультра-правом политическом фланге в сотрудничестве с землячеством Восточной Пруссии к тому времени возникла организация под названием «Прусская опека»⁷, которая объединила иски изгнанных немцев, претендовавших на возвращение конфискованной собственности, и подала на Польшу иск в Страсбургский суд. Кроме того, Союз изгнанных попытался «присвоить» тему этнических депортаций в Европе, создав в 2000 г. в Висбадене одноименный Центр под председательством руководителя Союза изгнанных христианской демократки Эрики Штайнбах, целью которого было провозглашено создание Центра в Берлине.

В ответ Польша со своей стороны сначала предложила создать Центр памяти жертвам этнических преследований в Варшаве. Затем с участием Польши, Венгрии и Словакии была

организована т.н. «Европейская сеть воспоминаний и солидарности». Немецкое правительство в годы правления «красно-зеленой» коалиции СДПГ/Зеленые воздерживалось от каких-либо шагов в этой сфере, однако с приходом к власти Большой коалиции консерваторов и социал-демократов в 2005 г. решило создать и Центр в Берлине, как было подчеркнуто, — не в противовес, а в дополнение к общеевропейской организации. В 2008 г. на базе Немецкого исторического музея был создан международный фонд с названием «Бегство, изгнание, примирение», в который, помимо Германии, вошли также представители Польши и Чехии. В Совете фонда были 13 членов, трое из них принадлежали к Союзу изгнанных. Цель фонда — подготовка постоянной экспозиции в Берлине, в которой будут отражены все этнические депортации XX века, в том числе, депортации немцев из Восточной Европы. Предварительной задачей фонда была всесторонняя историческая разработка темы этнических преследований в Европе — во имя окончательного примирения. Правда, в самом фонде среди его участников не было ни мира, ни согласия — ряд функционеров организаций переселенных немцев, состоявших в Совете фонда, позволили себе спорные высказывания, которые польскими и чешскими участниками были интерпретированы, как реваншизм. Одни немецкие представители в совете видели своей главной задачей европеизацию проблемы депортаций немецкого населения, другие — окончательное примирение с Польшей.

Вокруг работы фонда также возникли ожесточенные споры. Официальная Польша не приемлет Эрику Штайнбах, и не хочет ее участия в Совете фонда. Историческая наука здесь сталкивается с актуальной политикой. Например, на первый взгляд нет ничего проблематичного в воспоминании о проведенной в Польше частичной мобилизации в 1939 г. в преддверии начала Второй мировой войны, но если об этом вспоминают функционеры Союза изгнанных и их поддерживает Штайнбах, поляки заявляют о попытках немцев пересмотреть историю и отказаться от своей вины в развязывании нацистской агрессии. В Германии же со стороны левых сил раздаются требования убрать Штайнбах из политики или даже исключить из ХДС. С левого фланга немецкой политики канцлера Ангелу Меркель неоднократно упрекали в нежелании дистанцироваться от Штайнбах. Деятельность Союза изгнанных, и персонально Э. Штайн-

бах, становится предметом внутриполитической полемики также и в Польше, когда лидеры правой партии «Право и справедливость» используют тему «германского реваншизма» для борьбы с правящей коалицией во главе с другой правой партией «Гражданская платформа» и с премьером Дональдом Туском.

Опасность «исторических споров» в том, что они сразу же выносятся СМИ в общество и инструментализируются отдельными политическими силами в своих странах в интересах предвыборной борьбы.

Официальные политические решения и оценки исторического прошлого — это далеко не вся историческая наука. И уж тем более — не все общество. И тем не менее, СМИ концентрируются преимущественно на спорных новостях, возникающих на почве общественно–политических конфликтов, в том числе и по поводу исторического прошлого. Такие «новости» обеспечивают широкий, пусть и негативный резонанс, умалчивая о позитивных моментах на уровне «народной дипломатии». Например, польские епископы уже давно, в 1960-х годах, по собственной инициативе и от имени польского духовенства извинились перед немецкими жертвами послевоенных депортаций — к сожалению, в Германии тогда недостаточно оценили этот великодушный жест, который, в самой Польше многими был встречен весьма критически. В последние годы немецкие «изгнанные» в своих публикациях подчеркивают, что на коммунальном уровне (на уровне отдельных городов и сельских общин) они поддерживают хорошие отношения с польскими партнерами, сотрудничают с музеями, ведут культурный обмен⁸. Только вот на официальные позиции обоих государств это сотрудничество влияния не оказывает.

Германия — Польша: особенности исторического восприятия

До сих пор неурегулированный до конца «исторический спор» показывает, насколько различны историографии Второй мировой войны в Польше и ФРГ. В Западной Германии тон и направленность исторических исследований с 1960-х гг. определяло понятие «исторической ответственности» за развязывание Второй мировой войны и следовательно «исторической вины». Начало этому направлению немецкой историографии положи-

ли еще американцы, создавшие в первые послевоенные годы в Мюнхене Институт современной истории с задачей критической разработки проблем истории Германии во время Третьего Рейха и национал-социализма. В период холодной войны на какое-то время эта тема отступила на второй план. Однако в период «разрядки» в Европе, «новой восточной политики» ФРГ при правительстве Брандта/Шееля она вновь оказалась в центре общественного внимания и политических дискуссий. Примером может послужить судебный процесс конца 1960-х гг., связанный с нацистскими преступлениями в Концлагере Освенцим, и освещение этого суда в прессе. С этого времени принцип «исторической ответственности» снова был актуализирован и с тех пор уже не покидал немецкую историческую науку.

Историки воссоединившейся Германии не отказались от этого принципа. В то же время новая германская идентичность ожидает от исторической науки обращения к темам, которые раньше считались по политическим соображениям нежелательными и были своего рода «белыми пятнами» в германской историографии. Например, немцы в последние годы по новому рассматривали тему «стратегических бомбардировок» германских городов англо-американской авиацией в годы войны, в частности трагедию Дрездена, или историю оккупационного режима в Германии в 1945—1949 гг. Критическая память по отношению к истории своей страны, по мнению немцев, вовсе не утратила своей существенной роли в качестве фактора германской внешней политики. Однако они исходят из того, что исторический подход теряет свою «избирательность», становится шире. Немцы подчеркивают, что они не ревизуют, а лишь «нормализуют» свой исторический подход, приспособливают его к новому положению Германии в мире.

Критическое отношение к собственной истории — это, с немецкой точки зрения, не слабость, а сила германского общественного сознания⁹. В то же время оно служит укреплению внешнеполитических позиций единой Германии как демократического, миролюбивого государства, одного из ключевых гарантов европейской безопасности и мира во всем мире.

Вместе с тем немецкие историки и политики предостерегают от опасности апологетической героизации национальной истории, когда исследователи концентрируются исключительно на положительных, героических страницах истории своих го-

сударств, вольно или невольно закрывая глаза на ее сомнительные эпизоды. Осмысление и переосмысление исторического прошлого, полагают немецкие историки, закономерный процесс, однако он должен носить плюралистический характер. Кто действительно, а не на словах, стремится «преодолеть» свое историческое прошлое, не должен замалчивать неприятные для национального чувства темы. Выдвигая с этой точки зрения претензии к польской историографии, немецкие историки указывали, в частности, на такие проблемы как захват Польшей Тешенской Силезии (Заольшья) в 1938 г., произошедший вследствие Мюнхенского сговора, или на проявления антисемитизма в Польше во второй половине 1940-х гг. и в 1960-е гг. В германской исторической литературе по истории XX в. и в публицистике с сожалением отмечалось, что с польской стороны не наблюдается готовности пересмотреть стереотипы умолчания о негативных сторонах отечественной истории, следование же им может повлечь за собой и вредные последствия. Эти соображения немецких историков польскими публицистами националистического толка были истолкованы как попытки приписать полякам роль «народа-палача», исторически ответственного за деяния, сопоставимые с преступлениями нацистов.

С польской же точки зрения, возрождение немецкой исторической памяти, прежде всего в вопросах послевоенных депортаций, чревато историческим ревизионизмом и возрождением германских великодержавных традиций. В этом контексте поляки рассматривают и возрождение силезского меньшинства, вот уже несколько лет требующего для себя предоставления прав автономии в пределах Польши. В ходе дискуссий о Конституции Европейского Союза и о Лиссабонском договоре ЕС президент Польши Лех Качиньский и премьер-министр Д. Туск выступили против введения дополнительных наднациональных конституционных норм. Главным аргументом в обоснование польских возражений было убеждение, что и конституция и хартия разделяют ЕС на «старших и младших» союзников, что позиции «новых членов ЕС» учтены недостаточно. Однако проявленный Польшей и Чехией «евроскептицизм» был продиктован в определенной мере и «историческим спором» о правах переселенных немецких меньшинств. В правящих кругах Польши и в общественном мнении звучали предостережения, не получат ли «изгнанные» немецкие собственники или их потомки в

обход существующих национальных польских правовых норм возможность требовать возвращения утраченного имущества или выплаты компенсаций.

С немецкой точки зрения, эти опасения польских соседей были беспочвенны. Однако польская сторона не исключает из политических расчетов опасности «германского реваншизма» и продолжает напоминать ФРГ о политической ответственности Германии. Об этом, в частности, говорил один из наиболее последовательных сторонников в Польше польско-германского добрососедства и сотрудничества — премьер Д. Туск: «От многих влиятельных немцев я слышу снова и снова, что их стране пора вернуться к тому естественному состоянию, которое соответствовало бы ее экономическому, демографическому и культурному потенциалу», — заявил он в интервью выразившей позицию влиятельных финансово-промышленных кругов ФРГ газете «Франкфуртер Альгемайне», озаглавленном «История вновь становится балластом». И обращаясь к «влиятельным немцам» он продолжал: «Можно подумать, они забыли, что именно самоограничение немцев и их самокритичная позиция создали тот фундамент, на котором зиждется доверие Европы (а с 1989 г. и Польши) к их стране»¹⁰.

Нынешняя Польша, как и ранее на протяжении трех столетий, охотно видит себя в роли исторической жертвы, не забывая, в то же время о своей былой европейской славе и стремясь представить себя форпостом Европы на Востоке. В качестве европейской силы она пытается расширить свое влияние на Украине, в Белоруссии, Молдавии. Традиционная ориентация Польши на Запад (ранее — на Францию, ныне — на США и Великобританию), минуя Германию, не случайна: как в старой *Balance of Power Policy*^{*}, так и ныне, судьба Польши, с точки зрения многих западных, да, пожалуй, и ее собственных политиков и политологов (пусть и не высказанной официально) — уравнивать влияние германского «колосса» и стоять на пути России в Европу.

В Германии историческое измерение национальной идентичности до сих пор играло, скорее, сдерживающую роль в формировании нового национального сознания. Германия не может опереться на «славные традиции» исторического прошлого — однако попытки осторожной исторической эманси-

^{*} Политика равновесия сил (англ.).

пации от ограничений, наложенных на европейский и глобальный международный статус ФРГ после Второй мировой войны, в частности, в вопросах депортированных немецких меньшинств или же иных немецких жертв Второй мировой войны наблюдаются все чаще. «Старая ФРГ» (до 1990 г.) свое историческое прошлое «преодолела», воссоединившаяся Германия начала его осторожно пересматривать. На внутривнутриполитическом уровне это находит выражение в борьбе различных «потоков» германской «культуры исторической памяти».

Возможно, работа немецкой исторической мысли последних лет поможет не только немецкому самосознанию, но и всей Европе, послужив наиболее полному научному изучению и переосмыслению исторического прошлого в рамках Евросоюза — однако лишь в том случае, если эта новая германская историческая память не будет огульно отвергаться ее европейскими соседями как попытка «исторического ревизионизма» и если исторический дискурс будет вестись на общеевропейском уровне, во всех странах Евросоюза, но в то же время — что важно — не отягощая реалии нынешних двусторонних отношений.

Политическая консолидация ЕС немыслима без новых, широких исторических дискуссий. Они выявят темы, в которых необходимо достичь взаимопонимания. ЕС, да и Европа в целом не смогут шагнуть в новую качественную фазу исторического развития, не преодолев разногласий в оценках исторического прошлого между его членами и всеми европейскими государствами. Единый взгляд на острые проблемы недавней европейской истории — предпосылка формирования общеевропейской политической культуры. Шанс Евросоюза — в отказе от политики «исторического опыта» во имя политики «общих ценностей».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 1949 Bedeutung des landsmannschaftlichen Gedanke. — Sudetendeutsches Archiv. NL. *Lodgman* von Auen. Cv/1. Nr. 1. V. 16.

² <http://www.bund-der-vertriebenen.de/derbdv/charta-dt.php3>.

³ *Lodgmann v. A.* Zur sudetendeutschen Aussenpolitik // Mitteilungsblatt der SL. DR. 15. 8. 1953 — Sudetendeutsches Archiv. NL. *Lodgman* von Auen. Cv/1. Nr. 1. V. 16.

⁴ *Lodgmann v. A.* 1949—1950 — Jahr der Organisation und Jahr der Aktivität. — Sudetendeutsches Archiv. NL. *Lodgman* von Auen. Cv/1. Nr. 1. V. 16.

⁵ *Lodgmann v. A.* Zur sudetendeutschen Aussenpolitik // Mitteilungsblatt der SL. DR. 15. 8. 1953 — Sudetendeutsches Archiv. NL. Lodgman von Auen. Cv/1. Nr. 1. V. 16.

⁶ *Нурка Н.* Ansprache an die schlesische Jugend am 25.6.1955 // Auswärtiges Amt, Politisches Archiv, Bd. 286. Bestand B.

⁷ <http://www.preussische-treuhand.org/de/Ausgang.html>.

⁸ <http://www.bund-der-vertriebenen.de/presse/index.php3?id=1184>.

⁹ Эту мысль высказал, например, директор Германского исторического института в Москве Бернд Бонвеч в интервью Литературной газете: *Бонвеч Б.* Марш интерпретаторов // Литературная газета. 11.11.2009.

¹⁰ *Tusk D.* Die Geschichte ist wieder Ballast // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Frankfurt/Main, 2007. 10. Dezember. S. 3.

О.В. СИНИЦЫН

Казань

К вопросу о соотношении тенденций
во взаимоотношениях
в области культуры СССР и Польши
в послевоенное десятилетие
(1944—1960 гг.)

Отношения между Польшей и Россией всегда складывались под мощным воздействием международного положения на Европейском континенте и политики великих держав. Во второй половине XX века — под воздействием противостояния Востока и Запада. В годы Второй мировой войны разгром нацизма Советской армией создал условия для освобождения Польши и спас польский народ от уничтожения, но это не дало полякам возможности свободного выбора своего политического устройства. При поддержке Советского Союза и в определенной мере под давлением кремлевского руководства польские коммунисты и их союзники установили в стране политическую систему советского типа.

Соответствующие планы разрабатывались в Москве еще в годы войны. 10 января 1944 г. советский посол в Лондоне И.М. Майский (Ян Ляховецкий) в докладной записке на имя В.М. Молотова писал: «Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения) никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания. Ввиду вышеизложенного, осторожнее формировать послевоенную Польшу в

возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ»¹.

В дальнейшем этот замысел видоизменился. Народная Польша стала одним из крупнейших европейских государств и ближайшим союзником СССР. В этих условиях в сознании, как советских людей, так и граждан ПНР необходимо было сформировать убеждение, что в совместной борьбе с немецким фашизмом, а позднее в ходе строительства социализма родилась новая Польша и формируются новые, исторически связанные с традицией общей освободительной борьбы взаимоотношения двух народов-союзников, взаимоотношения основанные на равноправии, взаимном уважении и общих принципах патриотизма и социалистического интернационализма, что должно было быть отражено и в культуре.

В первые послевоенные годы задачи пропаганды политики СССР, коммунистической идеологии, образцов советской культуры, образа «советского человека» были возложены на советское посольство, на Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), на Совинформбюро, на издательства, публиковавшие литературу на иностранных языках, на объединение «Международная книга», «Совэкспортфильм», на радиовещание на польском языке. Аналогичные задачи были поставлены перед Иностранной комиссией Союза советских писателей, перед Обществом польско-советской дружбы и другими общественными и творческими организациями и союзами. Структура этих учреждений, их организационные формы и функции со временем претерпели изменения. Однако указанные задачи оставались неизменными.

С первых дней существования послевоенной Польши советское посольство давало указания польским политическим деятелям, в том числе в области пропаганды и культуры. Это касалось, например, издательства ППС «Ведза», о котором в декабре 1946 г. советник посольства В.З. Яковлев заявил Ю. Циранкевичу: «Что касается Вашего партийного издательства «Ведза», то, как сами видите, его работа в направлении распространения советской литературы равняется пока нулю. В то же время, заметил я, советская книжка, в частности, литература на художественные темы, могла бы способствовать задаче, которую ставит перед собой ППС, а именно, задаче перевоспитания польского населения в духе дружбы к Советскому Союзу»².

В политическом отчете посольства СССР в Польше за 1947 год говорилось: «Идейный уровень культурной жизни Польши резко отстал от достигнутых страной политических и экономических успехов. Польская интеллигенция в своей значительной части еще отрицательно относится к тому прогрессивному повороту, который произошел в Польше после окончания Второй мировой войны. Воспитанная на традициях борьбы за национальное освобождение от гнета русского царизма и служившая антисоветским целям польских реакционных правительств 1918—1939 гг. эта интеллигенция еще никак не перестроилась в отношении понимания нового положения Польши и новых польско-советских отношений. Положение с новой художественной литературой в Польше таково: в продолжение трех лет, протекших после создания демократической Польши, крупнейшие польские писатели и поэты все еще занимают “выжидательную” позицию. Сейчас такую позицию продолжает занимать Я. Парандовский (член английского Пен-клуба) и отчасти даже Софья Налковская. Крупнейший польский поэт Ю. Тувим дружественно высказывается по адресу новой Польши и Советского Союза, но его еще “точит червь сомнения”. Он настойчиво расспрашивал приезжавшую в октябре 1947 г. в Варшаву Ванду Василевскую, соответствует ли советская действительность его идеалам. Нового он пока ничего не написал»³.

Далее в отчете говорилось о М. Домбровской, К. Прушинском, Е. Анджеевском и содержалась актуальная оценка их творчества («католический писатель только что издал книгу «Пепел и алмаз», целиком посвященную ППР»), Я. Ивашкевиче, Л. Кручковском, Е. Путраменте («творчество Путраменты положительно оценивается советской критикой»), о «реакционном репертуаре» польского театра, который «свидетельствует лишь о том, что успехи ППР на идеологическом фронте еще невелики» и делался вывод о кризисном состоянии польской культуры. Естественно, что в те годы в СССР, как собственно и в дальнейшем, издание польских книг осуществлялось под бдительным партийным контролем.

Для идеологического контроля за литературой и искусством использовалась унифицирующая литературное развитие формула социалистического реализма, которая по примеру

СССР, насаждалась и в Польше. Упор делался на воспитательную роль литературы социалистического реализма. Литературная критика оперировала понятиями «социологическая конструкция человеческой судьбы» и «социологическая типичность», которые вели к прямолинейному и упрощенному толкованию обусловленности человеческой судьбы общественными процессами, к утрате интереса к внутренней духовной жизни человека, изображение которой отождествлялось с «буржуазным психологизмом». Для поэзии, например, единственным образцом партийная литературная критика провозгласила творчество В. Маяковского советского периода: «Создание качественной современной партийной поэзии равнозначно обращению к Маяковскому и, наоборот, отход от Маяковского равнозначен написанию стихотворений некоммунистических, чуждых рабочему классу»⁴. Именно такого рода польская поэзия в первую очередь пропагандировалась в советской печати.

Без особого преувеличения можно сказать, что главным героем поэзии первого послевоенного десятилетия стал Сталин, прославленный в десятках панегирических стихотворений, как «вечно живой герой», «вождь человечества», «демиург истории», «лучший друг Польши», «преобразователь природы», «борец за мир» и т. п. (Ю. Тувим, В. Броневский, С.Р. Добровольский, К.И. Галчиньский, А. Важик, Е. Путрамент, А. Браун, Т. Кубяк, Л. Левин, В. Вирпша и др.). Надо заметить, что обращение к образу Сталина отнюдь не всегда было просто данью политико-идеологической конъюнктуре. Тема советского вождя в сознании народов была тесно связано с величием победы над фашизмом, чего не могли не ощущать и литераторы.

Поэтические прославления были адресованы также Болеславу Беруту (в антологии «Стихи о Болеславе Беруте», 1952, приняли участие как молодые поэты В. Ворошильский, Х. Гаворский, Е. Фицовский, А. Каменьская, Т. Кубяк, А. Мендзыжецкий, так и мастера Я. Ивашкевич, А. Слонимский, А. Важик и др.); Феликсу Дзержинскому (поэма А. Мандальяна «Товарищам по госбезопасности», Л. Левина «Поэма о Дзержинском», сборник стихов «Вечный огонь» под редакцией В. Ворошильского с участием М. Яструна, Т. Кубяка, С. Полляка, А. Мендзыжецкого и др.); Каролю Вальтеру Сверчевскому (антология

«Строфы о генерале Сверчевском», 1952, среди авторов В. Броневский, М. Яструн, С.Р. Добровольский, А. Важик, В. Ворошильский, Т. Кубяк и др.).

После 1948 г. в связи с курсом СССР на форсирование в странах народной демократии социалистических преобразований советское руководство подталкивает власти Народной Польши к решительному наступлению на идеологическом и культурном фронте. В соответствии с этими установками, 21 марта 1949 г. заведующий IV Европейским Отделом МИД СССР С.П. Кирсанов направляет руководству министерства «Предложения об усилении советского влияния на культурную жизнь Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы». Кирсанов считал, что значительная часть польской интеллигенции «еще не встала на путь прямой поддержки нового народно-демократического строя, еще идет на поводу у наиболее реакционной верхушки буржуазии, связанной тысячами нитей с реакционными империалистическими кругами западных стран»⁵. В этом же русле высказался советский посол в Польше в 1945—1951 гг. В.З. Лебедев. В справке о теоретической конференции, посвященной работам Сталина по языкознанию, которая состоялась в Варшаве 4 декабря 1950 г., он обвинял «польских буржуазных ученых, специалистов по языкознанию, прибывших из Кракова» — К. Нича, В. Дорошевского, З. Штибера, С. Урбаньчика, Т. Лер-Сплавиньского в том, что они «воспользовались предоставленной им трибуной для того, чтобы развернуть свое собственное знамя в защиту буржуазной идеалистической лингвистики, представителями которой они являются»⁶.

Политические события 1956 года внесли существенные изменения в общественную и культурную жизнь и в Польше, и в Советском Союзе. Уже в середине 1950-х годов в Польше развернулась важная дискуссия о реализме и социалистическом реализме. Наиболее значительными были выступления С. Жулкевского с критикой ограничительных представлений о социалистическом реализме (присущих ранее самому ученому). Концепция Жулкевского с одобрением была воспринята многими литературоведами в СССР. С точки зрения Жулкевского, социалистический реализм — это исторически видоизменяющийся метод, обогатившийся к середине XX века за счет от-

крытий новаторов литературы и объединяющий таких разных авторов, с точки зрения применяемых ими художественных форм. В качестве примера Жулкевский называл М. Горького, Б. Брехта, М. Шолохова. В. Маяковского, Л. Арагона, А. Мальро, Л. Кручковского. Однако, вопреки предложенному пониманию социалистического реализма, в сознании большинства писателей к тому времени социалистический реализм как официальный художественный метод ассоциировался со схематическими образцами и нормативными художественными рецептами.

В СССР процессы обновления, протекавшие с середины 1950-х гг. в польской культуре, вызывали живейший интерес. Привлекало в ней утверждение человеческого достоинства, выявление противоречий между стремлениями личности и удовлетворением ее потребностей, критика извращений в общественной жизни страны, расцвет художественного эксперимента, издание широкого круга произведений польских и зарубежных авторов, ранее недоступных читателю.

Однако политическим руководством СССР новые явления в культурной жизни Народной Польши были непонятны и встречены с опасением. Об этом свидетельствовала в известной мере инспирированная со стороны КПСС «борьба с ревизионизмом», развернутая ПОРП в защиту устоявшихся догм в области литературы. Осуществлению поставленной задачи должно было служить, в частности, специальное литературное приложение к центральному органу ПОРП «Трибуна Люду» — «Трибуна Литерацка». Стоило одному из рецензентов на страницах советского журнала «Вопросы литературы» критически отозваться о некоторых материалах этого приложения, как на него последовал «донос». В своем письме в ЦК КПСС А. Дирингерова сообщала: «Во втором номере журнала «Вопросы литературы» (1958) критик Хорев полемизирует с «Трибуной Литерацкой». Автор письма в ЦК задавалась вопросом: «Стоило ли подрывать авторитет польской партийной прессы, борющейся в очень трудных условиях с ревизионистскими перегибами? — и сама же на него отвечала — На мой взгляд, не стоило. Так поступают критики и редакторы, которые из-за деревьев не видят леса, не охватывают совокупности вопроса, не разбираются в политической и литературной жизни сегодняшней Польши»⁷.

В ревизионизме была обвинена в советской печати редколлегия польского журнала «Опиние» («Мнения»), призванного представить польскому читателю подлинные ценности русской литературы вместо широко пропагандируемых в Польше схематических произведений социалистического реализма. Первый номер журнала вышел в августе 1957 г. В нем были опубликованы не издававшиеся в то время в Советском Союзе стихотворения В. Хлебникова, М. Цветаевой, И. Мандельштама, Б. Пастернака, фрагмент романа «Доктор Живаго». В свет вышло всего два номера журнала. После резких нападков на него в советской печати журнал был закрыт.

В апреле 1960 г. посольство СССР в Польше подготовило письмо «О некоторых вопросах состояния идеологической работы в Польше». В нем говорилось, что после попыток «реставрировать капитализм в открытой борьбе» антисоциалистические силы в ПНР сосредоточили в 1956 г. свои усилия «на идеологическом фронте». Теперь их расчет делался на «подрыв позиций социализма, который сказывается и в литературной жизни». Согласно докладу посольства, съезд польских писателей во Вроцлаве в декабре 1958 г. «был превращен ревизионистствующими элементами в руководстве Союза польских писателей во враждебную в отношении партии манифестацию»⁸. Особое внимание обращалось на то, что «нормой поведения многих функционеров» стало пренебрежение советской культурой.

Рассматривая политику руководства СССР, направленную на утверждение в общественном сознании Народной Польши социалистической идеологии и ее атрибутов, например социалистического реализма как метода художественного отражения действительности, безусловно, повлиявшую на взаимное видение поляков и русских, надо иметь в виду и усилия творческой интеллигенции обеих стран, в том числе ученых — русистов (в Польше) и полонистов (в нашей стране), по распространению в СССР и в ПНР классического культурного наследия и передовых достижений современной культуры народов обеих стран. Именно в этом состояло основное содержание культурного и научного сотрудничества Советского Союза и Польши, невзирая на политическую конъюнктуру и официальную идеологическую догматику.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Майский ИМ*. Люди. События. Факты. М., 1973. С. 116.

² Военные тайны XX века М., 2001. С. 85.

³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 2. 1949—1953 гг. // Отв. редактор Т.В. Волокитина. М., 2002. С. 281.

⁴ Одродzene. 1950. № 6. С. 8.

⁵ Аналитические исследования в исторической науке: Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. Архив. № 7. Январь-февраль 2000. С. 34.

⁶ См.: В.З. Лебедев. В кн.: *Залесский КА*. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 64.

⁷ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 36. Д. 64. Л. 4—11.

⁸ Там же. Д. 128. Л. 45—49.

С.А. УЛЬЯНОВ

Казань

Проблемы взаимодействия субъектов социального развития в новейшей философии Франции и Германии в конце XX в.

Развитие социально-гуманитарных наук во второй половине XX века, зависело от изменения представлений о взаимоотношениях человека и общества. Рассмотрение проблемы «человек и общество» с позиций оценки демократичности или недемократичности власти, актуальной до 1980-х годов, в дальнейшем сменилось на вопрос о взаимной ответственности граждан и государства. В связи с этим изменился подход к исследованию социальных проблем. На первом плане оказались не социально-экономические отношения, как это было характерно для представителей марксистского направления или первого и второго поколения школы «Анналов», а отношения между людьми по поводу ценностных норм, языковой и национальной идентичности, политики и права, которые являются результатом социального действия и его основанием одновременно. Все это обусловило переключение внимания исследователей на изучение проблем соотношения политики и этики в условиях глобализации. Этот процесс оказал влияние на теоретические основания социально-исторического анализа. В новых условиях на первое место вышли вопросы коммуникативной этики, интеракций и опыта социального субъекта.

Проблемы самоорганизации человеческих сообществ и взаимодействия субъектов социального действия стали ключевыми в теоретическом поиске, как во Франции, так и в Германии. Поль Рикер во Франции, Георг Гадамер и Юрген Хабермас в Германии, видные философы конца XX в., обратились к анализу коммуникативных процессов. С их поисками перекликаются

идеи экономики конвенций Лорана Тевено и Люка Больтански во Франции, и герменевтическое осмысление исторической науки историком-теоретиком Рейнхартом Козеллеком в Германии, оказавшими большое влияние на социально-исторические исследования во всем мире. Эти концептуальные подходы дополняют друг друга, а их применение представляет собой феноменолого-герменевтический синтез, соединяющий область практической философии с языковой системой осмысления мира, и социальными взаимоотношениями, в конечном счете.

Задачей данной работы является сопоставление, выявление общих черт и особенностей французской и германской национальных школ и подходов отдельных ученых к универсальным проблемам социальных наук. Феноменолого-герменевтический синтез, под которым мы понимаем синтез феноменологии, философской герменевтики и универсальной языковой прагматики, является путем к общему полю анализа социальных процессов и применению в реальной практике получаемых знаний.

Прежде всего, социальные взаимоотношения проходят через посредничество языка, на основе существующих и создающихся норм. Процесс нормативного суждения требует предварительного признания того, что участники коммуникации понимают и признают основные нормы, существующие в социальном пространстве, в котором происходит действие. Такое признание уже выводит нас из режима обычного микроанализа, поскольку включает контекстуальный макроуровень уже в само действие, но в тоже время, ведет к ситуативной прагматике, и сведению универсалии к конкретному ее проявлению. Следовательно, в каждой ситуации субъекты взаимно надеются на определенные правила поведения по отношению к себе и к другому. Морально-этические обязательства, которые принимают на себя субъекты данного социального пространства, являются силой, связующей общество, и его «кодом». Системы таких обязательств, выявляющихся в характерных для данного общества дискурсивных практиках, позволяют различать отдельные социальные общности. Взаимность обязательств, таким образом, создает пространство коммуникативного действия. Так же в этом контексте можно говорить и шире об интеракции, которая включает весь спектр взаимоотношений между социальными субъектами. Интеракции, проходящие в социальном про-

странстве, лишенном общепринятых обязательств, привели бы к непропорциональным действиям и были бы неэффективными, что привело бы в процессе самоорганизации к определенной нормативной системе.

Интерсубъективная коммуникация, влекущая за собой сбалансированность социальных отношений, исходит из принципа моральной универсализации, которая позволяет согласовать в процессе дискуссии предполагаемое действия на основе общих ценностей, норм. Сформированная таким образом универсальная мораль присуща любому обществу, а моральные нормы реализуются в историческом развитии. Для их анализа необходимо основываться на учете как универсальных, так и исторически-контекстуальных ценностей и представлений¹. Такой подход направлен на снятие противоречий индивидуального и универсального в социальном исследовании.

В свете поставленных проблем наибольшее значение имеют концепции Поля Рикера и Юргена Хабермаса. Если первый исходит из принципов феноменологии и герменевтики, то второй в большей степени — из аналитической философии языка и языковой прагматики². Согласно Рикеру, актуализация ценностно-этических представлений происходит через дискурсивные, имеющие силу в социальном пространстве нормы, лишённые субъективной предвзятости. В конфликтной ситуации универсальные нормы корректируются посредством практического знания, что приводит к актуализации норм на практике³.

Дискурсивная этика Рикера предполагает существование универсальной точки зрения, которая связана с этическим существованием обществ. Такая универсальность появляется посредством коммуникации и аргументации, которые преодолевают субъективные интересы и трансформируют волю субъектов в общее информационное поле, в котором происходит балансировка социальных процессов и выбор необходимых действий в масштабе данного общества. Однако четкое следование подобной парадигме возможно в условиях приближенных к идеальной языковой ситуации, как утверждает Хабермас, в которой свободно выражается воля субъектов⁴. Далее последний выстраивает схему реализации социального взаимоотношения, через языковое пространство (через анализ значения и значимости в речи и мышлении; через интегрально-координирующую соци-

альную функцию языка в социальной интеракции). Таким образом, по его мнению, достигается рационализация жизни через языковую интеракцию.

Воля, неразрывно связанная с общими интересами, появляется в процессе коммуникации, в которой участники дискурса имеют равные шансы и возможности влиять на все уровни коммуникации через взаимную претензию на определенную значимость и критику такой значимости. В процессе коммуникации участники социального действия заявляют о своих правах и нуждах, тогда как их необходимость определяется результатами проверки участвующими субъектами, что подразумевает определенный уровень владения компетенцией и обладание возможностью аргументации своей позиции в социальном пространстве⁵.

Хабермас рассматривает рационализацию мира и взаимоотношений индивидов через диалог — как основу коммуникативного действия. Рикер же проводит мысль, что этический дискурс является основанием для обнаружения вывода в конфликтной ситуации, когда отсутствует обычный механизм решения и не определены явные преимущества действия определенным путем⁶. Рационализация и борьба притязаний оказываются менее эффективными, чем «малая» ситуативная этика, которая позволяет определить ценность, основываясь, однако, на некоторой универсальной этике.

Этический дискурс, исходя из философии Хабермаса, заключает в себе неразрешимое противоречие, между универсальностью норм и контекстуальностью оценок, поскольку философ отличает коммуникативную акцию, как процесс, от конвенций и традиций, уже данных как результат предшествующих взаимоотношений. Коммуникативная акция является самим механизмом творчества, в то время как конвенции и традиции его результатами. По сути дела они отсылают к общей системе ценностей, а сама коммуникативная акция — к общей системе языка, соединяя в действии общее и создавая новое взаимоотношение, увеличивая тем самым бытие и создавая возможность для нового взаимоотношения и развития.

Рикер, тем не менее, стремится к адаптации двух уровней социального процесса, к интеграции требования универсализма этической аргументации с историческим концептом убеждения, в результате чего появляется необходимость в

культурном и историческом контексте универсальности, ее сфокусированность на данном и одновременное обращение к общему смыслу. Аргументация в дискурсе в конкретной ситуации исторического развития, в таком случае, не противоречит универсальности, поскольку ведет к потенциально универсальному этическому суждению о конкретно историческом явлении или ограниченном во времени и пространстве процессе, к суждению, которое не имеет «теоретического оформления», а лишь реализуется в моральной ситуации. То есть в ситуации, затрагивающей выбор между своими интересами и интересами другого⁷.

Диалектика аргументации реализуется на уровне актуализации, где она является одной из языковых стратегий, соотносясь с этическим выбором и моральными суждениями субъекта. В дискуссии участники проясняют свои убеждения, чтобы достигнуть понимания и баланса интересов в социальном процессе. Переход убеждений через критический процесс аргументации в обоснованные убеждения, знаменует их включение в социальный дискурс и их притязание на истинность и значимость, что перекликается с универсальной языковой прагматикой Хабермаса. Однако по сути, всякое социальное суждение будет проходить через общественное этическое оправдание, выражая и обосновывая свое видение мира, соотнося его с иными аналогичными суждениями⁸.

Для Рикера задача заключается в том, чтобы найти рефлексивный баланс между этикой и нашими обоснованными убеждениями, которые можно признать универсальными, только проведя через аргументацию, дойдя до действительного несомненного понимания позиции субъекта в процессе диалогичной интерпретации. Продукт этого понимания — обоснованное убеждение, которое может оказаться выше обычных конвенций, поскольку проходит через рациональное обоснование аргументативной практики и может стать потенциальной универсалией, выйдя на сверхгрупповой уровень⁹. Рикер, таким образом, стремится очистить социальный анализ от языковых игр, в процессе «стратегии очищения», приходя к истинному пониманию через герменевтику. Аргументация в этом случае становится механизмом, который позволяет приблизиться к потенциальной универсальности. Потенциальные универсалии, по его логике, становятся связью между универсальностью

и историчностью. Однако Хабермас так же требует приближения к безусловному пониманию, мобилизуя для этого герменевтику, поскольку, вычлняя истинное значение фразы в данном контексте, собеседник понимает какого рода действие совершается через эту фразу¹⁰.

Так же и по мнению Хабермаса, было бы невозможно вступить в коммуникацию с другими субъектами, будучи не связанным конвенциями и убеждениями. В конечном счете, дискуссия сказывается и на формировании конвенций, если приводит к оптимальному обоснованному знанию в определенных условиях. Дискуссия, таким образом, генерирует и очищает правила социальной кооперации¹¹.

Философы, однако, расходятся в понимании связи между оправданием и реализацией. Хабермас стремится различить дискурсы оправдания, или притязания на значимость, и реализации. Если «принцип универсализации» управляет оправданием, то «принцип уместности» управляет реализацией¹². Широта горизонта возможных действий в определенных условиях коррелирует, таким образом, с компетенцией субъекта социального действия. Использование моральных норм зависит от интерпретации моральной ситуации, которая ведома принципами приемлемости и вероятным принятием оправдания данной претензии на значимость. Новые же формы способны возникнуть только в процессе интеракции, и каждый раз реализуется соотношение имеющихся норм и создания нового решения.

Рикер уделяет особое внимание трагическому измерению действия и потому, особенно интересуется трудными ситуациями социального пространства, когда в конфликтной ситуации создаются убеждения, отражающие такую трагичность¹³. Хабермас же напротив, обнаруживает стройный нормативный порядок, во всякой потенциальной ситуации, больше ориентируясь на «правила» дискурса в языковом пространстве.

Идеальная разговорная ситуация является предполагаемым условием регулятивного идеала коммуникативного дискурса, в котором находит выражение этический дискурс. Универсализация норм в этом случае развивается как идеализированное представление об объективной точке зрения, которая позволяет сформировать подход через пространство языка, посредством дискуссии, к анализу реальной социальной ситуации. Однако такая позиция подвержена критике, поскольку сложность

реальности и невозможность использования только лингвистического пространства коммуникаций, оказываются слабой стороной философии Хабермаса¹⁴.

Для Рикера же этический дискурс — это герменевтическая рефлексия о самом себе как другом, реализуемая в определенной ситуации. Она находит применение как часть теории практического разума, которая направлена на выявление противоречий в реализуемой аргументации, однако, ее сложно вывести на широту универсального этического дискурса.

Различия позиций обоих философов, тем не менее, объединены на наш взгляд, в концепции практического социального исследования Лорана Тевено и Люка Больгански. Она захватывает пространство коллективной репрезентации и позволяет анализировать согласование отношений между социальными субъектами в определенном контексте¹⁵. Представления о дискурсе оправдания и реализации, лежащие в основе нового социально-исторического анализа, создают возможность рациональной координации деятельности через снижение неопределенности¹⁶. Такой подход формирует историю представлений, в которой большое внимание уделено эмоциональному восприятию общественных отношений¹⁷.

Конфликт между социальными субъектами становится важным аспектом социального анализа. Проблема конфликта отражает и философский дискурс Ю. Хабермаса, формирующий некоторую систему норм оправдания, и дискурс П. Рикера, в котором конфликтная ситуация становится местом этического выбора (скорее речь именно о творческой ситуативной этике, а не об этическом дискурсе в полном смысле). Такой подход позволяет запечатлеть мир представлений и стратегии поведения в сложной ситуации, разрешение которой не произошло сразу, а, следовательно, включает механизм поля опыта, а также критики и оправдания. Л. Тевено и Л. Больгански рассматривают конфликт между участниками социального действия через понятие норм, которые переходят из области морали в область юриспруденции и политического процесса¹⁸. Нормы формируются на основе индивидуальных действий, решений, в материальном и нематериальном пространстве, перерастая постепенно в устойчивую общественную практику, определяя место взаимоотношений. Справедливое и несправедливое определяет области легитимности и не легитимности, становящиеся основными

полюсами социального процесса. Динамичным процесс компетенции социальных субъектов в области социальных договоров, предоставляет возможность противостоять, либо принимать принуждение. В процессе общественных дискуссий, субъект социального действия, постоянно стремится доказать легитимность своих действий и аргументов, через иерархию ценностей, к которым он обращается чтобы оправдать в социальном пространстве одно действие и раскритиковать другое. Востребованные ресурсы определяются так же компетенцией действующих лиц, накопленным опытом, способом вхождения в различные уровни организационных форм¹⁹.

Теоретическая база экономики конвенций, которую разрабатывают Люк Больгански и Лоран Тевено, находится под большим влиянием философских систем П. Рикера и Ю. Хабермаса, но направлена на непосредственное проведение социального анализа. Последнее определяется не только направленностью исследования на дискурсивный анализ социальных действий, но и учетом материальных факторов, связанных с дискурсом, чего недостает исследовательскому пространству как Рикера так и Хабермаса (изучается также ценность вещей, их значимость, допустимость и недопустимость использования, уровень задействованности в интеракциях).

Составляя единое целое, политическое и правовое пространство социального действия при этом пересекается со сферой этики. В этом случае, акт оправдания происходит не только посредством нормы закона и правилами аргументации, которые не могут объять все области жизни, но и через моральные нормы. Последнее в большей степени свойственно философии Рикера, тогда как взгляды Хабермаса в большей степени направлены на дискуссионное пространство социально-политического дискурса. Однако дискурсивное пространство не выражает полностью ни социальный процесс в чистом виде, ни историческое развитие. Материальное измерение интеракций и поступки, изменяющие реальность в процессе исторического развития, так же требуют внимания к себе и анализа. Это то, что сближает социологов Больгански и Тевено с теоретиком исторического процесса Райнхардтом Козеллеком.

Это позволяет рассматривать концепции Тевено и Больгански в одном ряду с воззрениями Райнхардта Козеллека, поскольку они пересекаются по всему спектру их применения и

дополняют друг друга. Козеллек, занимаясь семантикой исторического времени, пришел к необходимости ввести в историческую теорию аналитические понятия, организующие механизм исторических изменений: «пространство опыта» и «горизонт ожидания»²⁰, которые соотносятся с «режимами оправдания» Тевено и Больгански. Сформировав свою позицию на основе философской герменевтики, прежде всего, на философии Гадамера, Козеллек оказал серьезное влияние на социально-исторический анализ²¹. Однако, рассматривая его концепцию в ряду предыдущей феноменолого-герменевтической линии философии, необходимо отметить, что его концепция не создает принципиально новых знаний, хотя значительно проясняет накопленные идеи. Сформированная им аналитическая модель применима не только в пределах исторической науки, но и для социальных наук в целом. Если говорить точнее, идея «жизненного мира» (Lebenswelt), традиционная для немецкой и затем всей герменевтической философии, и идея контекстуального горизонта высказывания, характерная для феноменологии, являются прообразами «пространства опыта» и «горизонта ожидания». Но трансформация происходит тогда, когда эти идеи оказываются вырванными из философского дискурса и перенесены непосредственно в социально-историческое пространство.

Метаисторические категории немецкий историк не считал отделенными одну от другой, скорее, их разделение существует для удобства понимания самого механизма социально-исторического развития. Реализация этих метаструктур происходит всегда в конкретной практике, в событии, незаметно для субъектов, и не только на языковом уровне²², что может соотноситься с идеями экономики конвенций, в которых интеракции захватывают все возможности взаимоотношений, а не только наиболее значимые вербальные.

Феноменолого-герменевтический синтез французского и немецкого изводов в подходе к осмыслению социального пространства, сходятся по многим параметрам и дополняют друг друга. Исторический процесс в такой перспективе превращается в процесс постоянного выбора перед лицом общества конкурирующих проектов, включая как морально-этические, формальные социально-политические, так и обыденные формы обоснования. Происходящая смена

форм организации человечества, изменение которых согласуется с изменением практики социального баланса в процессе социальных интеракций, в соответствии с накопленным опытом. В такой гибкой структуре субъект социального действия имеет достаточно информации для активного действия, исходя из своей компетенции или опыта, сформированного в социальном пространстве, и потому репрезентативного всем членам данного пространства. В результате феноменолого-герменевтического синтеза в теории социальных наук, с точки зрения его немецких и французских адептов, определяются формы познания социально-исторического пространства, позволяющие снизить неопределенность социального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ricoeur P.* Oneself as another. Chicago, 1995.

² *Habermas J.* Was heisst Universalpragmatik? // *Habermas J.* Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt/M., 1984. S. 353—440.

³ *Ricoeur P.* Op. cit. P. 274.

⁴ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 140—141.

⁵ Там же.

⁶ *Ricoeur P.* Op. cit. P. 274; *Рикер П.* Память, история, забвение. (пер. с франц.). М., 2004; *Он же.* Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995.

⁷ *Ricoeur P.* Op. cit. P. 287.

⁸ *Ibidem.* P. 288.

⁹ *Ibidem.* P. 288—289.

¹⁰ *Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. Frankfurt/M., 1988. S. 65.

¹¹ *Хабермас Ю.* Моральное сознание... С. 237—257.

¹² *Habermas J.* Was heisst Universalpragmatik? S. 126—128; *Хабермас Ю.* Моральное сознание... С. 101—104.

¹³ См. подробно: *Рикер П.* Память, история, забвение ...

¹⁴ *Langsdorf L.* The Real Conditions for the Possibility of Communicative Action / Ed. by L.E. Hahn. Chicago, 2000. P. 21—50.

¹⁵ *Thévenot L.* L'action qui convient // *Les formes de l'action* / Éd. P. Pharo, L. Quééré. Paris, 1990. P. 39—69.

¹⁶ *Idem.* Conventions of co-ordination and the framing of uncertainty // *Intersubjectivity in Economics* / Dir. by E. Fullbrook. London, 2002. P. 181—197.

¹⁷ *Dosse F.* L'Empire du sens: L'humanisation des sciences humaines. Paris, 1995, repr. 1997. P. 301.

¹⁸ *Thévenot L.* Justification et compromis // Dictionnaire d'éthique et de philosophie morale / sous la dir. M. Canto-Sperber. Paris, 1996. P. 789—794.

¹⁹ *Boltanski L.* L'Amour et la Justice comme compétences. Trois essais de sociologie de l'action. Paris, 1990.

²⁰ *Koselleck R.* Le future passé: contribution et la sémantique des temps historiques. Paris, 2000. P. 307—315.

²¹ Франсуа Досс, анализируя первые шаги новой политической истории, считает Рейнхарта Козеллека одной из главных фигур в формировании ее методологических оснований: *Dosse F.* Op. cit. P. 370.

²² *Koselleck R.* Op. cit. P. 264.

С.Э. ЩУКЛАЯ

Казань

Польско-российское культурное пространство в конце XX — начале XXI вв.

В начале XXI века, очевидно, наблюдается возросшая интенсивность польско-российского культурного обмена, к которому с повышенным вниманием относятся правительства обоих государств, оказывая сотрудничеству в области культуры широкую поддержку. Именно культура является той сферой, которая в наибольшей степени свободна от политических конфликтов и способствует строительству добрососедских отношений. В силу исторических причин, общих славянских корней русская и польская культуры очень близки друг к другу.

В настоящее время сотрудничество двух стран заметно эволюционировало. Сегодня практически во всех его направлениях довольно ярко прослеживается желание обеих сторон придерживаться следующих критериев: историческая достоверность, открытость, объективность и ответственность. Эта тенденция касается таких областей культуры как кино, театр, музыка, изобразительное искусство и литература. Интересна также региональная специфика российско-польских культурных связей. Дни культуры, выставки, показы фильмов, гастроли театров и т. п. проводятся не только в Москве, Санкт-Петербурге и Варшаве, но и в таких культурных центрах России и Польши как Казань, Красноярск, Иркутск, Тюмень, Архангельск, Исков или же Гданьск, Лодзь и др.

Традиция обращения театров к наследию высокого искусства иных государств продолжается и в XXI веке. В рассматриваемый период пьесы польских драматургов все чаще ставятся в российских театрах, а пьесы российских авторов — в театрах Польши. Произведения русской драматургии уже на протяжении нескольких сезонов можно увидеть на польских подмостках, а интерес в Польше к современному русско-

му искусству и культуре, как представляется, неуклонно растет, о чем могут свидетельствовать постоянные выступления российских балетных трупп на сцене Национальной оперы. Имеют место и совместные проекты — в ноябре 2005 г. Национальная опера и Большой театр поставили балет А. Хачатуряна «Спартак».

Наряду с постановками русской классики — «Ревизор», «Мертвые души» и «Женитьба» Н.В. Гоголя, «Свадьба» А.П. Чехова, «Бесы» Ф.М. Достоевского — российские режиссеры привозят в Польшу и спектакли новой русской драматургии — это работы Василия Сигарева, Максима Курочкина, Евгения Гришковца и Ивана Вырыпаева.

В последние годы мы можем наблюдать целый ряд примеров творческого российско-польского взаимодействия в сфере театрального искусства, связанных с поиском новых форм художественной выразительности. Так в 2003 г. в Гданьске состоялся театральный фестиваль под названием «Русские сезоны. Встреча с российской драматургией» («Saison Russe. Spotkanie z dramaturgią rosyjską»). Главным пунктом его программы стала презентация московского театра документальной пьесы «Teatr.doc»¹. Он был создан в 2002 г. как негосударственный, некоммерческий, независимый, коллективный проект. Художественным руководителем «Teatr.doc» стал Михаил Угаров. По его словам, именно максимальное приближение к действительности — реализм — определяет новое искусство. «Teatr.doc» — своего рода протест против традиционной театральной эстетики, его постановки звучат как призыв вернуть искусство к повседневности. Театр, исповедующий такие эстетические принципы, был с интересом воспринят молодой частью польской театральной аудитории.

Другой подобный пример связан с московским Центром драматургии и режиссуры, в помещении которого 7 июня 2010 г. в рамках проекта «Остановка на Беговой» состоялась творческая встреча с Доротой Масловской². Название проекта было дано по названию зала «Сцены на Беговой», а сама встреча была озаглавлена «Остановка с Доротой Масловской». Названный проект осуществляется совместно Центром драматургии и режиссуры и Польским культурным центром в Москве с целью познакомить российскую публику с современной польской драматургией и театральным искусством.

Дорота Масловская, представитель молодого поколения польских писателей, автор бестселлера «Польско-русская война под бело-красным флагом» и пьесы «Двое бедных румын, говорящих по-польски», которая в России впервые была представлена в 2010 г. на фестивале «Новая пьеса» и имела огромный успех. Другая пьеса Д. Масловской — «У нас все хорошо» в постановке театра «TR Варшава» (режиссер Г. Яжина) на гастролях в Москве снискала еще больший успех. По мнению театрального критика Ольги Егوشيной: «Спектакль знаменитого режиссера Гжегоша Яжины по пьесе молодого польского автора Дороты Масловской стал крупнейшим художественным событием и театрального фестиваля, и нашей театральной весны»³.

Не менее интенсивно развиваются в последние годы и польско-российские литературные связи. Они характеризуются не только широким распространением в России и в Польше польских и русских книг, опубликованных как на языке оригинала, так и в переводах, но и непосредственными контактами писателей, издателей и читателей. Многочисленными и регулярными становятся встречи российских читателей с польскими авторами. В сентябре 2005 г. в России работала XVIII Московская международная книжная выставка-ярмарка⁴. Страной — почетным гостем ярмарки — стала Польша. Польские участники подготовили обширную программу литературных выступлений и встреч. Российские читатели познакомились с популярными писателями, авторами национальных бестселлеров Тадеушем Ружевичем, Доротой Масловской, Войчеком Кучоком и Ежи Соновским.

В Польше всегда была популярна русская классическая литература, а из современных российских писателей известностью пользуются постмодернисты: В. Пелевин, З. Прилепин, В. Сорокин; представители т. н. «массовой литературы», при всем многообразии их творческих методов и жанровом разнообразии их произведений: Л. Улицкая, А. Маринина, Б. Акунин; «фантаст» Д. Глуховский и некоторые другие. Именно их творчество вносит свою лепту в формирование образа современной России за ее пределами, в частности в Польше. Их произведения активно переводятся на польский язык. Едва ли можно оспорить утверждение, что сочинения названных авторов в известной мере типичны и отражают состояние современной русской литературы. Однако, не взирая на тиражи, можно все же сказать, что

они представляют только специфические части литературного процесса. Согласно мнению некоторых литературоведов⁵, характерная черта части названных авторов — фиксирование внимания читателя на разнообразных явлениях повседневной реальности, подробное прописывание мельчайших ее проявлений. Но остаются спорными вопросы, в какой степени такая «повседневная реальность» правдива применительно к русской жизни за пределами двух российских столиц и главное, корректен ли созданный этими писателями образ современной России, особенно имея в виду, что этот образ складывается у зарубежного читателя, в том числе в Польше, где читатели не всегда имеют возможность проверить свои впечатления на опыте непосредственного контакта с современной российской действительностью.

Как уже упоминалось, в рамках российско-польского культурного сотрудничества в последние годы активно организуются различного рода выставки. Одна из них, озаглавленная «Отвергая и восхищаясь. Из истории культурных отношений между Польшей и Россией», проходила в 2004 г. в Москве и Санкт-Петербурге. Она была организована польской Национальной библиотекой, Генеральным консульством Республики Польша в Санкт-Петербурге, Международным центром культурного сотрудничества, Институтом Адама Мицкевича. На выставке были представлены книги, фотографии, альбомы, рукописи и периодические издания, рассказывающие о сложной истории отношений Польши и России, о польском видении и восприятии культуры России. По словам авторов концепции названной выставки — Эвы Бартечко и Анны Шенснович — ее фоном служит сложная история взаимоотношений двух стран, но главное место в экспозиции занимает культура, в частности, литература, живопись, научные исследования, театр, музыка, а со времени XX века — кино. Целью выставки, по замыслу ее организаторов, является попытка показать все богатство и разнообразие культурных отношений между Польшей и Россией, потому что именно культура была и, по-прежнему, остается тем связующим элементом, который сближает страны и содействует лучшему пониманию друг друга⁶.

Однако география выставок не ограничивается только столицами. Не менее интересными являются мероприятия, проводившиеся на периферии: например, в декабре 2004 г. в истори-

ко-художественном музее Калининграда. Там была развернута выставка «Польская национальная культура в Калининграде». На ней были представлены живопись, керамика, иконы, вышивка, куклы в национальных костюмах — работы, выполненные членами общества «Полония». В 2005 г. в Москве, Саратове и Самаре экспонировалась выставка работ скульптура С. Гомо-Поплавского. Тогда же в Москве, Иркутске и Красноярске проходила выставка, посвященная жизни и творчеству Витольда Гомбровича. Осенью-зимой 2005—2006 гг. в Иркутске, Москве и Санкт-Петербурге прошла фотовыставка «Путь к свободе через “Солидарность” в Европу», посвященная истории Польши новейшего времени: рабочему и общественному движению 1980-х годов, общественно-политическим переменам в Польше в 1990-е годы и ее присоединению к Европейскому Союзу⁷.

Интерес вызывает российско-польское кинематографическое пространство. Говоря о российско-польском кинематографическом сотрудничестве нельзя не упомянуть о таком мероприятии, как «Встречи с российским кино», которые состоялись в Польше в апреле 2002 г. Они были организованы Международным объединением кинематографистов славянских и православных народов при сотрудничестве с Российским центром науки и культуры в Варшаве, Национальной фильмотеккой и другими культурными организациями⁸. В апреле 2004 г. в Варшаве прошла неделя российского кино, а в январе 2006 г. состоялась ретроспектива фильмов А. Кончаловского.

С 4 по 14 ноября 2010 г. в Польше состоялся ежегодный фестиваль российского кино «Спутник». Кроме Варшавы, показы фильмов прошли еще в более чем двадцати городах страны. По мнению редакции газеты «Известия»⁹, фестиваль уже заслужил репутацию самого крупного в мире форума российского кино. Просмотры и культурная программа (лекции, выставки, концерты) были организованы во Дворце культуры и науки, который находится в самом сердце польской столицы.

Кроме фильмов последних лет в программу фестиваля включены и ретроспективы (работы Сергея Параджанова), документальное и анимационное кино. В рамках конкурсной программы было представлено 15 картин, в т. ч. «Похороните меня за плинтусом» (режиссер Сергей Снежкин), «Овсянки» (режиссер Алексей Федорченко), «Как я провел этим летом» (режиссер Алексей Попогребский), «Короткое замыкание» (режиссер Бо-

рис Хлебников) и др. По мнению авторитетного жюри, в которое вошли ведущие польские кинокритики Анита Пётровска и Тадеуш Соболевски, а также председатель жюри известный польский режиссер Анджей Жулавски, лучшей на фестивале стала картина «Полторы комнаты» Андрея Хржановского. Второй и третий приз соответственно получили фильмы «Похороните меня за плинтусом» С. Снежкина и «Я» И. Волошина. К сожалению, по сравнению с названным фестивалем, польский кинопрокат не отличается достаточным разнообразием российских фильмов и в основном демонстрирует фильмы Н. Михалкова и некоторые российские блокбастеры. Например, в 2005 г. на польский экран вышел фильм Т. Бекмамбетова «Ночной дозор», а в 2006 г. «9 рота» режиссера Ф. Бондарчука.

В России из новинок, созданных польскими режиссерами за последние годы, наибольшим интересом пользуется картина Анджея Вайды «Катынь». Широкая демонстрация картины в нашей стране прошла в 2010 г., хотя лента была снята за три года до этого. Ранее россияне могли посмотреть «Катынь» только на единичных показах и фестивалях, хотя еще в 2008 году картина должна была выйти в российский прокат. Показ фильма, посвященного одной из самых трагических страниц советско-польских отношений, состоялся в «прайм-тайм» на телеканале «Культура» российского государственного телевидения. По окончании демонстрации фильма перед телезрителями за круглым столом выступили историки, политологи, киноведы, что также способствовало развернувшейся общественной дискуссии.

В целом, следует отметить, что в широком российском кинопрокате практически не представлено польское развлекательное кино, но растет количество документальных фильмов. Важную роль здесь играет Форум «Россия и Польша. Новый взгляд», который является частью проекта «Сезон России в Польше. Сезон Польши в России. Варшава — Москва. Москва — Варшава 2004—2005». Создателями Форума являются Кшиштоф Копчиньский и Матэуш Вернер при сотрудничестве с Институтом Адама Мицкевича, Европейская Документальная Сеть, Эврика Медиа (European Documentary Network, Eureka Media). Участники Форума со стороны России — студенты ВГИКа, московских Высших курсов документальной режиссуры и Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. По словам

К. Копчиньского¹⁰, одной из задач данного проекта является проведение творческих мастерских, по итогам которых польские студенты снимут фильм в России, а россияне — в Польше. В рамках участия в Форуме, кроме работы на творческих мастерских, обязательна работа по проведению документальной киносъемки и по сбору материалов, по написанию сценария, а также консультации с преподавателями — и поляками, и россиянами. Результатами работы Форума «Россия и Польша. Новый взгляд» стали такие фильмы как «Семена» (режиссер Войцех Касперский), «Электричка» (режиссер Мачей Цуске), «Загуж. Конечная остановка» (режиссеры Юлия Исхакова и Александр Чернов).

Важную роль в организации и популяризации российско-польского культурного диалога играют Польский культурный центр в Москве¹¹ и Российский центр науки и культуры в Варшаве. Польский культурный центр в Москве был основан в 1988 г. Он обладает статусом дипломатической миссии при Министерстве иностранных дел Польши, на которое возложена задача пропаганды современной польской культуры, которая, согласно официальной позиции польской стороны, «осмысливает свои традиции в контексте объединенной Европы»¹². Основное направление работы Центра это продвижение и поддержка культурных проектов в России с участием видных представителей польской общественности и деятелей польской культуры, например, Анджея Вайды, Кшиштофа Занусси, Романа Поланского, Адама Михника, Кшиштофа Пендерцекого.

Сходными функциями обладает Российский центр науки и культуры в Варшаве¹³, действующий с ноября 1962 г. Сегодня в его рамках работают: клуб «Славянские традиции и культура» (с циклами лекций «Русская литература» и «Введение в православие»); Всепольский клуб учителей русского языка «Экспедиция»; Клуб путешественников (мероприятия которого включают встречи с российскими и польскими путешественниками, демонстрация фильмов о России, фотовыставки из цикла «Россия глазами поляков»); художественная и вокальная студии. В июле 1984 г. был открыт работающий по настоящее время филиал Центра в Гданьске¹⁴.

Расширение российско-польского культурного пространства в минувшее десятилетие свидетельствует не только о росте числа и масштабов проводимых мероприятий, но и о

активном участия в них различных общественных слоев. Возрастает интерес к российской культуре в Польше, а к польской — в России. Однако сегодня российская культура пока еще не стала в достаточной степени доступна самой широкой публике в Польше. В России польская культура воспринимается пока также преимущественно элитарной частью российского общества. Возможно, одной из причин сложившегося положения стало то, что для российско-польских отношений в этой области не свойственны проекты, ориентированные на массовую аудиторию. Это веяние явно прослеживается в кинематографе и кинопрокате, в театральном и концертном репертуаре, в тиражах публикуемых книг. Современная популярная польская музыка практически не известна российскому слушателю, аналогичная ситуация и в отношении российских исполнителей в Польше. Исключением является Ансамбль песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова, который ежегодно собирает полные залы не только в Варшаве, но и во многих других городах Польши. Достиженные положительные результаты свидетельствуют, что культурное сотрудничество народов России и Польши является нашим общим достоянием и нуждается в поддержке и дальнейшем развитии, в атмосфере добрососедских отношений между Россией и Польшей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Официальный сайт Московского театра документальной пьесы «Teatr.doc.» // <http://teatrdoc.ru>.

² Театр «Центр драматургии и режиссуры» Алексея Казанцева и Михаила Рошина. Спектакли // <http://www.cdr.theatre.ru/performance/Onb>.

³ Новые известия. 06.04.2010. С. 9.

⁴ Российская газета. 07.09.2005. С. 7.

⁵ *Колядич Т.М.* От Аксёнова до Глуховского. Русский эксперимент. Экстремальный путеводитель по современной литературе. М., 2010. 349 с.

⁶ Официальный сайт Российской национальной библиотеки. «Отвергая и восхищаясь. Из истории культурных отношений между Польшей и Россией» // http://www.nlr.ru/news/vid_news.php?id=65.

⁷ *Бухарин Н.И.* Российско-польские культурные связи в начале XXI века // *Славяноведение*. 2009. № 1. С. 88—99.

⁸ Польша.ру. Сегодня в Польше начались «Встречи с российским кино» // <http://www.polska.ru/news/02-04/02-04-20.html>.

⁹ Известия. 02.11.2010. С. 4.

¹⁰ *Вейна А.* Польско-русское кино эмоций. Беседа с Кшиштофом Копчиньским // Новая Польша. 2006. № 10. — <http://www.novpol.ru/index.php?id=713>.

¹¹ Официальный сайт Польского культурного центра в Москве // <http://kulturapolshi.ru>.

¹² Там же.

¹³ Официальный сайт Российского центра науки и культуры в Варшаве // <http://ronik.org.pl>.

¹⁴ Официальный сайт Российского центра науки и культуры в Гданьске // <http://russcentrum.pl>.

Сведения об авторах

Беляев Михаил Петрович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории Древнего мира и Средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, специализируется в области истории международных отношений раннего Нового времени, автор ряда работ, среди которых: «Французская и имперская дипломатия в поисках мира: Из истории Вестфальского мирного конгресса» (М., 2000); «Бранденбург в последний период Тридцатилетней войны» (Исторические записки: Международный сборник научных трудов. Пенза, 2010. Вып. 14); «Граф Максимилиан Траутмансдорф — имперский дипломат эпохи барокко» (Современные тенденции в исследовании и преподавании новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24 ноября 2010 г. Рязань, 2010).

Буес Альмут — доктор философии, доктор хабилитированный, научный сотрудник Германского исторического института в Варшаве. Специализируется в области социальной и политической истории Польско-Литовского государства, Германии и Прибалтики XVI—XVII вв. Автор ряда монографий, публикаций исторических источников и обобщающих трудов, среди которых: «Тяжелое наследие. Переговоры после кончины герцога Якоба Курляндского в 1682/83 гг.» (Висбаден, 1995); «Тестаменты герцога Альбрехта Прусского 60-х годов XVI века» (вступительная статья и комментарии в соавторстве) (Висбаден, 1999); «Герцогство Курляндское и Север польско-литовской шляхетской республики в XVI и XVII веках» (Исен, 2001). В последние годы ею подготовлено фундаментальное издание Записок Мартина Груневега и связанная с этим изданием серия исследовательских работ и каталог выставки.

Гильмутдинова Ольга Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и связей с общественностью Казанского национального исследовательского технического

университета им. А.Н. Туполева. Специализируется в области истории высшей школы России. Автор ряда работ, среди которых: «Становление и развитие Казанского ветеринарного института (последняя четверть XIX в.)» (Казань, 2002); «Польские ученые в развитии ветеринарного образования в Казани» (*Clio Moderna*. Зарубежная история и историография. Казань, 2011. Вып. 8); «Петер Зейфман и развитие научной ветеринарии в Казани» (*Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX—XX вв.* Казань, 2011).

Духхардт Хайнц — профессор, директор Института европейской истории университета Майнца. Специализируется в области социальной и политической истории Германии, государств Западной Европы и международных отношений Нового времени, а также в области истории общественной мысли и историографии. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Равновесие сил и Пентархия. Международные отношений 1700—1785» (Паденборн, 1997); «Европа накануне Современности 1650—1800» (Штутгарт, 2003); «Штейн — биография» (Мюнстер, 2007).

Ивонин Юрий Евгеньевич — заслуженный деятель науки РФ, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Смоленского государственного университета. Специализируется в области политической истории Англии, Германии, истории международных отношений в раннее Новое время. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «У истоков европейской дипломатии Нового времени» (Минск, 1984); «Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох» (Минск, 1989); «Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время 1495—1806» (в 2-х томах. Москва, 2004—2007).

Ивонина Людмила Ивановна — профессор Смоленского государственного университета. Специализируется в области политической истории Англии, Франции, истории международных отношений XVII—XVIII вв. Автор монографий: «Дипломатия и революция. Две английские революции и европейская политика XVII в.» (Смоленск, 1998); «Властители судеб Европы» (в соавторстве. Смоленск, 2007); «Мазарини» (Москва, 2007).

Коль Геральд — профессор кафедры истории государства и права, и конституционализма Венского университета. Специализируется в области истории права в Западной Европе в Новое время, в своих исследованиях рассматривает вопросы поземельных отношений и проблемы собственности, историю парламентаризма и представительных учреждений. Среди опубликованных им трудов: «Охота и революция. Закон об охоте в 1848 и 1849 гг.» (Берлин-Вена-Нью-Йорк, 1993); «Формирование юридической службы в Нижней Австрии в Новое время» (2000); «Поэтажная собственность. История, теория и практика материального раздела здания» (Берлин, 2007).

Кочегаров Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой, Украины и России в XVII в. Автор монографии «Речь Посполитая и Россия в 1680—1686 годах. Заключение договора о вечном мире» (Москва, 2008).

Кригзайзен Войцех — профессор, директор Института истории Польской академии наук. Специализируется в области социальной и политической истории Речи Посполитой, истории межконфессиональных отношений в Европе и в Польско-Литовском государстве XVII—XVIII вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Сеймики шляхетской Речи Посполитой XVII и XVIII века» (Варшава, 1991); «Протестанты поляки и литовцы в эпоху саксонской династии (1696—1763)» (Варшава, 1996); «Проблемы конфессий во взаимоотношениях государства и церкви от эпохи Реформации до эпохи Просвещения (Священная Римская империя — Северные Нидерланды — польско-литовская Речь Посполитая)» (Варшава, 2010).

Марней Людмила Петровна — кандидат исторических наук, ученый-секретарь Комиссии историков России и Польши, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области экономической истории и истории экономической политики России и Польши в XIX в. Автор монографии «Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в.» (Москва, 2009); «Польша и Россия в первой тре-

ти XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815—1830» (В соавторстве. Москва, 2010).

Носов Борис Владимирович — доктор исторических наук, заведующий отделом Института славяноведения РАН, заместитель председателя российской части Комиссии историков России и Польши. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой, России и истории международных отношений в Европе в XVIII в. Автор монографии: «Установление российского господства в Речи Посполитой 1756—1768 гг.» (Москва, 2004); «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815—1830» (В соавторстве. Москва, 2010).

Погорельская Светлана Вадимовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора Западной Европы Института научной информации по общественным наукам РАН, научный сотрудник Боннского университета, специализируется в области изучения мировой политики и международных отношений современности, автор ряда монографий, среди которых: «Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной республики Германии» (Москва, 2007); «Ангела Меркель: политический портрет» (Москва, 2008).

Рокина Галина Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола; член международной комиссии историков России и Словакии при Российской академии наук. Специализируется в области истории славянских народов, истории Словакии, истории Австрийской империи. Автор ряда работ, среди которых: «Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в.» (Казань, 2005); «Современные трактовки интеграционных процессов словацкого национального движения XIX века в историографии Словацкой Республики» (Славянский мир: в поисках идентичности. Москва, 2011); «Ruský panslavizmus a slovenský nacionalizmus d dejinách ruskej a rakúsko-uhorskej monarchie v poslednej tretine 19.storočia» (Národnostná otázka v strednej Európe v rokoch 1848—1938. Prešov, 2005).

Сальникова Алла Аркадьевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историографии и источниковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. Специализируется в области источниковедения и методов исторического исследования, культурной истории России XX—XXI вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани» (В соавторстве. Казань, 2005); «Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования» (Казань, 2007); «Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы (XIX—XX вв.)» (В соавторстве. Казань, 2008); «История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку» (Казань, 2011).

Синицын Владимир Олегович — аспирант кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета. Специализируется в области истории Польши XX в. Автор ряда работ, среди которых: «Научная деятельность Виктории и Рене Сливовских» (Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 3); «Казанский университет и российско-польские связи в координатах гуманитарного образования в начале XXI века» (Историческое образование в вузах Казани. Казань, 2006); «Общие тенденции и условия формирования польской интеллигенции после Второй мировой войны» (Clío Moderna. Альманах зарубежной истории и историографии. Казань, 2011. Вып. 8).

Ульянов Сергей Александрович — аспирант кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета. Специализируется в области методологии исторической науки и в области проблем гносеологии в философии XX века. Автор ряда работ, среди которых: «Французская историческая мысль в конце XX века: поиск путей создания общей картины исторического прошлого» (Ученые записки Казанского университета. Казань, 2010); «Французские историки за работой (1995—2010). Париж, 2010» (Новая и новейшая история. 2011. № 6); «Вопрос интеллектуальной истории во Франции в конце XX — начале XXI века» (Ученые записки Ком-

сомольского-на-Амуре государственного технического университета. Комсомольск-на-Амуре, 2012).

Фалькович Светлана Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории Польши и российско-польских отношений, общественных и культурных связей XVIII—XX веков, истории польской общественной мысли и связей польского освободительного и европейского революционного движений. Автор обобщающих трудов и монографий, среди которых: «Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX века» (Москва, 1966); «Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912)» (Москва, 1975). Последняя монография была издана и в Польше. Она соавтор и ответственный редактор коллективной монографии «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815—1830» (Москва, 2010).

Хайдаров Тимур Фаритович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и связей с общественностью Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева. Специализируется в области истории средневекового города, истории Ганзейского союза, проблем развития немецкой историографии. Автор ряда работ, среди которых: «Реформа административной и судебной систем Данцига и Пруссии в посторденский период (1466—1569)» (Актуальные проблемы исторической науки. Пенза, 2009. Вып. 6); «Административная система средневекового Данцига в орденский период (1308/09 — 1466 гг.)» (Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Ярославль, 2010); «Основные этапы развития немецкой историографии Ганзейского союза в XIX—XX вв.» (Средневековый город. Саратов, 2011. Вып. 21).

Чанышев Рустем Наримович — аспирант кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета. Специализируется в области истории США и российско-американских отношений XX в. Автор ряда работ,

среди которых: «Размышления Джорджа Фроста Кеннана о социальных проблемах США второй половины XX века» (Ученые записки Казанского университета. Казань, 2010); «Джордж Фрост Кеннан — представитель школы «политического реализма» в историографии внешней политики США» (Британская ойкумена российской новистики: к 70-летию профессора И.И. Шарифжанова. Казань, 2010).

Шарифжанов Измаил Ибрагимович — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, заслуженный профессор Казанского университета, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета. Специализируется в области новой и новейшей истории США и Европы, историографии стран Европы и Америки. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Польские профессора и преподаватели в императорском Казанском университете» (Казань, 2002); «Английская историография в XX веке» (Казань, 2004); «Изолированная страна. История России на страницах школьных учебников США и Западной Европы» (Казань, 2009); «Polacy — wykładowcy uniwersytetu Kazańskiego oraz innych uczelni w Kazaniu» (Materiały V symposium Biografistyki Polonijnej. Lublin, 2000); «Kazań największy regionalny ośrodek życia społecznego, naukowego i kulturalnego Polaków w XIX wieku» (Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław, 2007).

Шукляя Светлана Эдуардовна — аспирантка кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета. Специализируется в области истории российско-польских отношений, культурных связей России и Польши. Автор ряда работ, среди которых: «Российско-польские научные связи и деятельность Постоянного представительства ПАН в Москве в начале XXI в.» (Clio Moderna. Зарубежная история и историография. Казань, 2011. Вып. 8); «Польское направление в научной деятельности гуманитариев Казанского университета на рубеже XX—XXI вв.» (Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX—XX вв. Казань, 2011).

Юсунов Рифкат Рашидович — доктор исторических наук, профессор, ректор Казанского государственного университета культуры и искусств. Специализируется в области истории Польши, социальной истории Польши XX века. Автор ряда работ, среди которых: «Власть и интеллигенция» (Казань, 1996) и «Польская интеллигенция в период народной демократии» (Казань, 1998).

Научное издание

**РОССИЯ, ПОЛЬША, ГЕРМАНИЯ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ:
исторический опыт взаимодействия
и императивы сотрудничества**

Подписано в печать 07.08.2012.

Формат 60x90¹/16.

Печать офсетная. 21,5 п. л. Тираж 200 экз.

Отпечатано с оригинал-макета

в ООО «Типография ПРЕМИУМ»

150000, Ярославль, ул. Лисицына, д. 30, корп. 2

ISBN 978-5-7576-0258-5

9 785757 602585

